

РИЧАРД КНЭЙК

ХОЗЯИН КОПЬЯ

ТРИЛОГИЯ ГЕРОЕВ

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ГЕРОЕВ

RICHARD A. KNAAK

THE LEGEND OF HUMA
HEROES TRILOGY
volume 1

TSR, Inc.

РИЧАРД КНЭЙК

ХОЗЯИН КОПЬЯ
ТРИЛОГИЯ ГЕРОЕВ
том 1

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
1996

**ББК 84.7 США
К 53**

**Литературная обработка
В. Андреева**

Князь Р.

К 53 Сага о Копье: Трилогия Героев. Т. 1: Хозяин
Копья: Роман / Пер. с англ. — СПб.: Терра—Азбу-
ка, 1996. — 496 с.
ISBN 5-7684-0075-3

Первый том «Трилогии Героев» повествует о далеком про-
шлом загадочного мира Криин, о великом герое Хуме и леген-
дарном Копье — магическом оружии, созданном для борьбы с
Силами Тьмы.

**COPYRIGHT © 1988, 1996 TSR, Inc. All rights reserved.
DRAGONLANCE © TM and TSR logo are trademarks of TSR Inc.**

ISBN 5-7684-0075-3

ПРОЛОГ

Я Астинус, Главный историк Кринна, тщательно, по различным летописям проверяю каждый упоминаемый мною факт и посему поправки в свои работы вношу чрезвычайно редко. Если говорить о моих недавних трудах — такое случилось лишь однажды. Комментируя эпизод, связанный с магом Рейстлином (вы, должно быть, помните: Рейстлин самонадеянно вознамерился стать божеством более могущественным, чем Паладайн и Такхизис, и, конечно же, потерпел неудачу), я обнаружил, что в мои работы закрались досадные ошибки.

Дело в том, что, работая над историей Кринна, я опирался в основном на летописи из библиотеки Паулюса Вариуса — моего коллеги, жившего около трех столетий тому назад и печально знаменитого своей неаккуратностью. Полагаю, что он — видимо, случайно — испортил несколько страниц древних летописей и испорченные страницы заменил копиями, каковые он считал полностью адекватными оригиналу.

Но таковыми они не были.

Ошибки относятся в основном к периоду между Веком Света и Веком Силы, как приня-

то ныне называть эти две эпохи в истории Кринна.

Например, Эргот был намного более древней империей, чем это указано в летописях Вариуса. Винас Соламин командовал армией Эргота до 2692 г. С. В., а не на четырнадцать столетий позднее, как утверждается в тех же летописях.

Вторая война драконов — ее Вариус некорректно называет Второй и Третьей войнами — продолжалась почти полвека и закончилась в 2645 г. С. В. Работая над историей как раз этой войны, я впервые и столкнулся с допущенными ошибками. Желая прояснить некоторые эпизоды, я открыл летопись, посвященную завершающему этапу интересовавшей меня войны, и еще раз перечитал рассказ о Хуме, рыцаре Соламинии, который вступил в схватку с Такхизис, богиней зла, Королевой Драконов, и победил ее.

Я решил, что очень скоро, окончив историю Второй войны драконов, примусь за описание подвигов Хумы. Но работа над историей упомянутой войны отняла у меня, как это обычно и бывает, гораздо больше времени, чем я предполагал.

В моей библиотеке собрано несколько сотен тысяч рукописей и книг; каждый факт я проверял и перепроверял по различным источникам. Труд по истории Кринна завершен, и я положу руку на сердце могу сказать: в нем одна истинная правда.

А теперь, читатель, завершив главное дело своей жизни, я выношу на твой суд правдивейшую из правдивейших историю — историю легендарного Хумы.

Астинус из Палантаса. 360 г. Н. В.

Глава 1

Колонна рыцарей шла через селение в северо-западном направлении по пути на Кайр. На это селение, именуемое Серидан, то и дело обрушивались чума, голод, война; все это приносило большие разрушения и уносило множество жизней. В давние времена село было процветающим. Теперь там, где некогда красовались кирпичные здания — они были разрушены в результате набегов диких гоблинов и мародерствующих черных драконов, — стояли лачуги и временные убежища. По чистой случайности селение не разрушили полностью. Оно просто хирело, подобно людям, которые пытались здесь существовать. Появление колонны рыцарей не вызвало восторга в селении. Когда всадники и пехотинцы прошли строем по грязной тропе, которую здесь называли дорогой, жителей скорее охватило негодование, нежели восхищение. Негодование было вызвано тем, что, по мнению местных жителей, рыцарям Соламнии жилось лучше, чем любому из них.

Во главе колонны ехал верхом сверкающий цепями и латами государь Освал из Бакстри.

Сложный узор из роз, изображенный на его нагруднике, свидетельствовал о его принадлежности к ордену Соламнийцев, избравшему этот цветок в качестве своего символа. Пурпурный плащ, развевающийся за Освалом, делал его похожим на зимородка с полурасправленными крыльями и короной над головой. В своих когтях птица крепко сжимала меч с розой на эфесе. Большинство рыцарей были одеты, как государь Освал, правда их доспехи изнашивались намного больше и плащи не развевались, как у командиров. Плащ государя Освала являлся знаком его звания — Верховный воин, магистр ордена Розы, второй по рангу после Великого Магистра, управлявшего всем рыцарством.

Верховный воин быстро взглянул на ехавшего рядом с ним всадника. Оба они словно были сделаны по одному шаблону: ястребиные лица, длинные висячие усы, какие любили отращивать рыцари. Возраст несколько смягчил черты лица Освала, а лицо едущего рядом (он был моложе лет на двадцать) выражало непреклонную уверенность, что он — та единственная сила, которая изменит мир. Они были родственниками. Беннет был племянником Освала и сыном самого Трейка, Великого Магистра. Надменность, застывшая на лице Беннета, словно бы говорила о том, что он уже видел себя преемником отца. Освал надеялся, что Беннет со временем станет скромнее. А юный рыцарь верил, что рыцари подчиняются воле Паладайна и их ожидает неизбежный триумф, так как их дело — правое. Но Освал хорошо знал, что надежды не всегда сбываются.

Лица молодых рыцарей в колонне напоминали неподвижные маски. Молодым еще предстоит узнать жестокие стороны действительности. Освал понимал: юные рыцари и многие из тех, что постарше, мнят себя героями, призванными спасти погибающий мир.

Обратившись к одному из всадников, государь Освал крикнул:

— Ренард, ко мне!

Хума увидел, как высокий, очень худой рыцарь приблизился к Верховному воину и они о чем-то заговорили. Разговор мог касаться самого Хумы, так как Ренард мельком взглянул на него. Хума забеспокоился. И Беннет, и Ренард, и Хума считали, что одному из них не место в рядах рыцарей.

Вдруг Хума подпрыгнул в седле: конь споткнулся в колдобине посреди дороги. Забрало шлема резко захлопнулось. Рыцарь поднял забрало, снова подставляя свое красивое лицо холодному ветру. Хотя его усы не были такими же роскошными, как у Беннета и Верховного воина, все-таки из-за преждевременно появившейся седины Хума выглядел внушительно. А лицо было на удивление нежным — настолько нежным, что многие при случае называли его юнцом, правда лишь заглазно. Хума неотрывно смотрел на грязных и оборванных сериданских женщин и детей. Даже его собственные доспехи, изношенные, без украшений, какие были у государя Освала, казались сделанными из золота по сравнению с лохмотьями жителей Серидана. Хума спрашивал себя: как часто едят эти люди, что едят и сколько. Ему хотелось снять с седла

сумку и бросить ее людям Серидана. Пусть возьмут ее себе. Наверное, мясо из его сумки окажется для них самым лучшим из того, что им приходилось есть.

— Не унывайте! — крикнул жителям Серидана всадник за его спиной.

Хума вздрогнул: еще немного, и он отдал бы свои припасы. Это запрещалось рыцарскими правилами, но искушение было слишком сильным.

Тяжело вздохнув, он вспомнил еще об одном деле, терзающем душу: на его просьбу об объединении рыцарства по каким-то причинам не дают ответа.

Размышления Хумы прервал возвратившийся Ренард. У него, как и у Хумы, был щит со знаком ордена Короны. Побывавший во многих сражениях, Ренард по праву был командиром. Из прорези его забрала всегда пристально смотрели голубые и холодные как лед глаза. У Ренарда было мало друзей даже в ордене Короны. Как всегда, Ренард пристально взглянул на Хуму, а затем посмотрел на рыцарей своего отряда:

— Гэйнор. Хума. Трайлан... — Он назвал восемь человек. — Выйти из колонны для выполнения задания.

Голос звучал невозмутимо. Ренард любил порядок и обладал незаурядным талантом стратега. Лучшего командира трудно найти. Тем не менее его вид сейчас почему-то подействовал на Хуму удручающе.

— Государь Освал приказывает прочесать глухие леса на юге. Будем искать гоблинов, возможно, людоедов. Вернуться в колонну до захода солнца.

Ренард взглянул на затянутое облаками небо. Дождь должен был вот-вот пойти, но пока его не было.

— До наступления темноты. Мы не должны оставаться в лесу на ночь. К западной границе не подходить. Всем все ясно?

Получив от рыцарей утвердительный ответ, он повернул своего высокого худого коня, похожего на хозяина, и подал сигнал всем следовать за ним.

Вскоре они уже выехали из Серидана. Здесь по более твердой земле лошади следовали друг за другом легко.

Пожары, уничтожившие леса в округе, не пощадил и ближайшие поля. Нечего ждать хороших урожаев в предстоящие годы.

Иногда все казалось Хуме совершенно бессмысленным. Где Паладайн? Почему он допустил эти несчастья? Хума смотрел на обгоревшие деревья, встречавшиеся на пути. Кринн также мог оказаться в когтях Такхизис, мог... Хума плотно сжал губы. Как он осмеливается называть себя рыцарем, если он полон сомнений?!

Достигнув лесной поляны, окруженной изогнутыми, искалеченными деревьями, рыцари опустили забрала. Издали их можно было принять за демонов. Рога и крылья, украшавшие их шлемы, сейчас были видны отчетливо. Что касается Ренарда, то у него, в соответствии с более высоким рангом, на шлеме красовался гребень.

Обгоревшие леса были одним из многочисленных бедствий, которые принесла бесконечная война, поразившая весь континент Ансалон. Ху-

ма не мог и представить, как выглядела эта земля до нашествия армии Королевы Драконов. Мертвые деревья придавали лесу зловещий вид. Все напряженно озирались. Глаза устремлялись то в одну, то в другую сторону, и за каждым почерневшим стволом мерещился враг.

Хума схватился за рукоятку своего меча. Кажется, мелькнула тень. Волк? В этих бесплодных краях? Но все вокруг снова замерло. Это все нервы... Леса мертвы. Здесь нет ничего, кроме горя. Высоко подняв руку, Ренард приказал всем остановиться. Казалось, что не он сам хочет говорить, а это голос его звучит против воли хозяина.

— Перестроимся. Вы, четверо, направо, — сказал он, показав жестом Хуме и трем другим рыцарям. — Остальные налево.

Он вынул свой меч.

Рыцари, исполняя приказ командира, построились по-новому. Между Хумой и Ренардом теперь оказался один всадник. После сигнала командира отряд медленно двинулся дальше.

Достигли лесистого холма; их было несколько в этом районе. Если гоблины или людоеды прячутся где-нибудь поблизости, то самое подходящее место для них — здесь. Ренард указал на рыцаря слева от Хумы и велел тому идти в разведку. Разведчик слез с коня и направился к вершине холма. Остальные остановились и стали ждать. Все напряженно следили, как рыцарь-разведчик со спокойствием, на какое был только способен, долго всматривался с вершины, затем вернулся назад. Хума, придерживавший его лошадь, протянул ему повод.

— Ну что? — спросил Ренард спокойно.

— Гоблины. Обедают, гадкие твари. Думаю, это отряд мародеров. Их не меньше двадцати. Самое большее — дюжины две-три.

Ренард удовлетворенно кивнул:

— Разве мы не сможем с ними справиться?

Хума возблагодарил Паладайна за то, что забрало скрывает его обеспокоенное лицо. Ренард указал на разведчика, Хуму и двух человек справа от Хумы:

— Обогнете холм по правой стороне, а мы по левой. Когда услышите крик совы, поворачивайте на крик. Хума, вы будете руководить своей группой.

Некоторые из рыцарей встревоженно заерзали в седлах, но ни один не возразил. Хума взгляделся в лица трех своих товарищей и не заметил ни малейшей тревоги в их глазах. Он чуть было не попросил передать руководство группой кому-нибудь из них, но Ренард уже разворачивал свою группу.

Хума без лишних слов повернул свою лошадь. Какие бы чувства ни испытывал каждый из его группы, все они — рыцари Соламнии. Им дан приказ, и они должны его выполнять. Рыцари безропотно последовали за Хумой.

Ехали недолго, но медленно и осторожно. Гоблины отличались беспечностью во всем, но среди них мог оказаться и командир, а значит, он мог выставить сторожевые посты. В стратегических планах военного министра Королевы Драконов гоблинам отводилась незначительная роль, они больше занимались мародерством. Хума знал об этом. Он также знал, что большин-

ство гоблинов никак не назовешь первоклассными бойцами. Тем не менее Хума не терял бдительности.

Он не обнаружил часовых и решил слезть с лошади и осмотреть лагерь гоблинов с какого-нибудь возвышения.

Мало сказать, что эти твари были безобразны. У их кожи был какой-то бледно-зеленый, болезненный оттенок, редкие зубы торчали по всей длине рта, а глаза напоминали лягушачьи. Гоблины в этой группе были сильными, коренастыми, очень уродливыми. У многих были секиры, кто-то мастерил лук. Их доспехи, по-видимому, делались из всего, что можно было подобрать на полях сражений.

Вдруг Хума увидел: в лагерь пришел гoblin и направился к командиру, который был вдвое выше и отвратительнее, чем любой из его подчиненных. Пришедший торопливо прошептал что-то на ухо командиру, тот выпрямился и отдал какие-то приказания.

Рыцарь понял: произошло что-то важное. Или пришедший был часовым, или он уходил из лагеря на разведку. Что бы то ни было, гоблины, очевидно, обнаружили группу Ренарда, приближающуюся к лагерю с противоположной стороны, и теперь готовились к бою. За считанные секунды из отдыхающих гоблинов сформировался атакующий отряд, который неожиданно для группы Ренарда мог нанести им сокрушительный удар. Времени, чтобы послать кого-либо предупредить Ренарда, не было.

— Решение принято! — прошептал Хума, вскочив на коня.

С мечом в руке, он возвратился к своим рыцарям.

— Мы сейчас же начинаем атаку!

— Сейчас? — переспросил один из них.

Трое переглянулись друг с другом и посмотрели на Хуму. У того не было времени на уговоры. С мечом и щитом наготове, он пришпорил коня и ринулся в атаку. Размахивая мечом, выкрикнул:

— Паладайн!

Хума сам не ожидал от себя такой безрассудной смелости, но еще более неожиданным его дерзкое нападение оказалось для гоблинов. Гадкие твари все как один повернулись навстречу скачущему рыцарю. Всадник ворвался в центр лагеря. Он уже настиг первого гоблина — тот поднял свой ржавый палаш для защиты. И палаш, и его владелец были рассечены одним ударом меча. Кровь густым потоком хлынула на траву. Единственным желанием Хумы было уничтожить как можно больше гоблинов, чтобы у Ренарда и его людей появился шанс на спасение. Вот и еще один гoblin был сражен, остальные подняли копыта и нацелили луки на рыцаря. Хума верил, что противнику не удастся взять его в плен. Он услышал крики позади себя — это его тройка вступила в схватку. Его пыл возрос, шансы выжить увеличились. Еще несколько гоблинов были убиты.

Выполняя приказ своего командира, гоблины пытались спешно перегруппироваться. Ренард и его группа с криками ворвались в лагерь с тыла. Гоблины, пытавшиеся спастись бегством, падали под копыта лошадей. Ренард хладнокровно расправился с двумя гоблинами, попытавшимися

оказать сопротивление, и теперь торопил свою лошадь дальше, в глубь лагеря. Движения Ренарда были резки, бой разгорячил его. Кровь стекала с его меча.

Одного из рыцарей гоблины стащили с лошади, и, прежде чем Хума подоспел на помощь, тяжелая секира врезалась в тело несчастного. В следующее мгновение Хума налетел на гоблина, стоящего над своей жертвой. Уродливая тварь успела только поднять голову, передние копыта лошади тотчас раскололи ее — точно пустой орех.

Осознав смертельную для них опасность, гоблины сражались с остервенением. Лишь трое всадников преграждали им путь из окружения. Хума уже еле сдерживал отчаянный напор гоблинов. Над его головой пролетела стрела... вторая...

Вдруг воздух задрожал от воя.

Кто-то прыгнул на коня Хумы. Рыцарь увидел зверя, формой тела напоминающего волка, но только формой — бледное тело зверя было голым, как будто с него содрали шкуру. Желтые клыки, с которых стекала слюна, были длиной с палец Хумы, и были они остры, как иглы. Конь Хумы заржал и помчался с поля боя, не подчиняясь наезднику, сидящему на нем. Зверь взвыл снова — где-то позади. Хуме оставалось только, сжав поводья, цепко держаться в седле. По мере того как обезумевший конь все дальше уносил всадника в обугленный лес, звуки боя затихали.

Что могло так напугать испытанного боевого коня? Несомненно, какой-то неведомый зверь.

Когда конь выбрался из леса и земля неожиданно — как показалось рыцарю — разверзлась перед ним, сознание Хумы померкло.

Глава 2

Было темно, когда Хума пришел в сознание. Лунитари была на ущербе, она слабо блестела, придавая всему вокруг темно-красный оттенок. «Как кровь», — подумал Хума и тут же спросил себя: если Лунитари на ущербе, то какая из остальных лун сейчас растет? Солинару не было видно. Если же сейчас на небе нарождается Нуитари, то об этом он не узнает. Никто не видел темную луну — никто, кроме магов Черной мантии, поклонявшихся темной силе. Темная луна невидима для простых людей и, может быть, даже для магов Белой и Красной мантии.

Сознание Хумы все более прояснялось, и он стал осмысливать, что с ним случилось. Под ним лежала лошадь, ее шея была сломана при падении. Прочный панцирь доспехов и тело лошади спасли рыцаря от гибели.

Он попытался встать, но вновь потерял сознание. Доспехи, видимо, не помогли избежать сотрясения мозга. Какое-то время он ждал, пока голова снова не станет ясной, потом осмотрелся вокруг. По-видимому, здесь раньше, когда дожди шли более часто, была река. Глуби-

на оврага раза в четыре превышала рост Хумы. Этого было достаточно, чтобы конь, даже такой сильный, как его, разбился.

Противоположный берег бывшей реки был весьма далеко. Судя по чахлой растительности, река высохла давным-давно, возможно в начале войны, когда Королева Драконов одержала быструю и решительную победу над борцами за дело Паладайна.

Хума сделал новую попытку встать. Он заметил, что боль, если он не поднимал резко голову или не опускал ее слишком быстро, стала вполне переносимой. Избегая резких движений, он поднялся на ноги.

— О боги! — вырвался у него возглас, когда он подумал, что попал на вражескую территорию.

Должно быть, все решили, что он мертв, а возможно, сочли трусом, убежавшим с поля боя...

Сгущался туман, он словно прикасался к телу рыцаря холодными и легкими, как перышки, пальцами. Хума мог переждать ночь и отправится в путь на рассвете, но тогда он запросто мог бы попасть в руки гоблинов. Или он мог пойти сейчас ночью, надеясь, что все, кого он повстречает в густом тумане, будут такими же слепыми, как и он сам. Как бы там ни было, надо выбираться из оврага...

Боль в голове понемногу утихала, Хума стал разыскивать меч. Тот лежал на земле рядом, неповрежденный.

Теперь — найти походную сумку. Часть ее оказалась под лошадьё, и, хотя Хума был сильным, сейчас он не смог приподнять или перека-

тить лошадь. Ему пришлось довольствоваться только частью из малых запасов пищи, спиртовой и кремнем, извлеченными из сумки, придавленной лошадию.

Хуме не хотелось пускаться в путь ночью, но идти днем, на виду у противника? Об этом нечего и думать. Он собрал вещи и с мечом в руке стал подниматься на берег высохшей реки. Рыцарь надеялся, что туман наверху не такой плотный и, кроме того, оказавшись наверху, он сможет вовремя заметить врагов.

Туман не рассеивался. Хума видел над головой наиболее яркие звезды, но, когда смотрел вдаль, в слабом свете красной луны, пробивающемся сквозь пелену тумана, не мог различить ничего дальше десяти футов. Он держал меч наготове в левой руке. Щита у него не было, — должно быть, потерялся, когда лошадь падала. Хума все время вспоминал о демоническом существе, мельком увиденном им. Если оно где-то поблизости... Рыцарь еще сильнее сжал эфес своего меча.

Хума шел уже около часа, когда услышал резкие хохочущие голоса. Гоблины! Он спрятался за ствол гнилого дерева. От них его отделяло не более десяти ярдов. Только туман спас его. Хума увидел: три, а может быть, четыре гоблина издевались над кем-то. Возможно, над своим пленником. Сначала Хума подумал — надо убираться восвояси, но тотчас им завладела другая мысль: надо спасти пленника. Осторожно он подполз ближе и прислушался.

Ржавый, скрежещущий голос болезненно зазвучал в мозгу рыцаря:

— Я думаю, что сам военный министр наградит нас за такого пленника.

Послышался более низкий голос:

— Может быть, пленника он отдаст нам на расправу. Мне хотелось бы содрать с него скальп. Ведь он убил Главаря.

— Тебе Главарь никогда не нравился.

— Он должен был мне много денег! Теперь я никогда не получу их!

Вклинился третий голос:

— Как вы думаете, людоеды убьют его?

Хума напряг слух и уловил звук ножа, заточиваемого о камень.

— Нож и вправду тупой... У них — трусоватые душонки.

Послышался звон цепей, и Хума перебрался на другое место. Ему показалось, что звон цепей доносился справа.

— Он проснулся.

— Давайте-ка позабавимся!

Цепи зазвенели снова, и гулко звучащий голос четко произнес:

— Дайте мне оружие: я хочу сразиться с вами со всеми!

— Ха! — захихикали гоблины. — У тебя, Бычья Морда, уже была такая возможность. Мы не дураки, ты сам знаешь.

— Хорошо, позволим тебе сразиться, — вдруг кто-то дал разрешение, словно бы нехотя. — Только тебя будут охранять.

Гоблины, все четверо, замолчали. Слышалось, как снова звенят цепи.

— Мне кажется, что с нами он справится за минуту.

— Спорим на два медных — он победит.

— Дурак! И ты еще можешь спорить?!

— А Главарь поспорил бы.

Рыцарь, внимательно прислушивавшийся к разговору гоблинов, все же услышал мягкие шаги позади себя. Когда он обернулся — подумал: его, без сомнения, заметили. Однако идущий, как вскоре понял Хума, плохо видел в тумане. Это был часовой. Но через несколько шагов гoblin приблизится настолько, что даже густой туман не спасет рыцаря.

Хума стал бесшумно передвигаться в сторону и вскоре оказался позади часового. Он старался идти нога в ногу с гоблином, но его шаг был раза в полтора длиннее, и он быстро догонял ненавистного врага. Еще несколько шагов...

Вдруг яростный рев послышался из лагеря. Гоблин обернулся и — в недоумении уставился на рыцаря. Хума стремительно прыгнул на гоблина. Меч обрушился на врага, и тот упал на землю, издав сдавленный крик...

— Эй, Мясник!

Хума, ругнувшись, отполз от тела. Гоблины перестали издеваться над пленником — это он, по-видимому, издал яростный рев — и осторожно двинулись к тому месту, откуда, по их мнению, крикнул часовой.

— Мясник!

— Он, наверное, снова споткнулся о камень.

— Может быть, и так, но он что — разбил себе голову и не может ответить? Пигстикер!

— Мне думается, нам надо остаться здесь. На всякий случай.

— Здесь останется Весельчак. А ты пойдешь с нами, если не хочешь оказаться на месте пленника.

— Конечно, конечно!

Гоблины произвели шума более чем достаточно для того, чтобы движения Хумы не были слышны, к тому же и туман скрывал его. Однако один из гоблинов взял с собой факел. Вскоре они наткнулись на убитого товарища, но время, чтобы освободить пленника, у Хумы есть...

Он подполз к лагерю вплотную. Ему показалось, он увидел какое-то большое существо, сидящее на земле, с подобием рогатого шлема на голове, но туман, искажая пропорции, делал это существо похожим на эльфа или гнома. В туманной мгле светился лагерный костер, возле него смутной тенью двигалась неказистая фигура. Хума догадался: это Весельчак, которого оставили сторожить пленника.

Несмотря на то что костер был неярким, Хума не очень-то надеялся подкрасться к гоблину незаметно. Укрыться было негде, а Весельчак, как маятник, ходил туда-сюда, глядя то в одну, то в другую сторону. Хума разглядел, что в руках у него — двуострая секира.

Хума сел, опираясь рукой на какие-то камни, и в его мозгу, пострадавшем от сотрясения, мелькнули обрывки мыслей, как действовать дальше. Набрав пригоршню камней, он встал на колени и, моля Паладайна о помощи, бросил камни как можно дальше от пленника.

К большому облегчению Хумы, часовой отреагировал так, как рыцарь и ожидал. Пока гоблин бегал выяснять, что случилось, Хума на-

брал еще одну пригоршню камней, встал и бесшумно пошел к пленнику. По пути он бросил новую пригоршню камней, бросил со всей силой, на какую был сейчас способен, — чтобы на этот раз они полетели как можно дальше.

С бьющимся сердцем он подошел к пленнику. Тот был огромным детиной, к тому же от него дурно пахло. Вместо шлема, как показались Хуме, на нем была шляпа.

— Не шуми! — прошептал Хума.

Он почувствовал, что тело пленника напряглось. Хума увидел: руки пленника скованы цепью, а ноги связаны веревкой. Он нащупал на поясе кинжал и вынул его. В это время ушедшие из лагеря гоблины громко закричали. Они нашли тело убитого.

— Режь пути и беги! Я сделаю все возможное, чтобы задержать их.

Хума сам не мог понять, что побудило его так поступить — смелость или безрассудство. Он только знал, как рыцарь, что это был его долг — рисковать своей жизнью ради других.

Он встал во весь рост как раз в тот момент, когда Весельчак, услышав крик, вернулся к пленнику. Вначале гоблин принял Хуму за одного из своих товарищей, но тут же понял свою ошибку и замахнулся на рыцаря секирой. Хума легко увернулся и с силой ударил его в плечо. Весельчак закричал, призывая на помощь.

Гоблин не отличался ловкостью, однако был сильным. Хума легко увертывался от каждого взмаха секиры, но эта драка с Весельчаком могла дорого ему стоить. Уже было слышно, как остальные гоблины несутся назад в лагерь.

Один из гоблинов, явно их командир, удивленно завопил:

— Бык на свободе!

Кто-то оказался на свободе, но Хума не знал наверняка, относился ли этот вопль именно к их пленнику. От очередного удара Хумы гoblin выронил секиру и рухнул на землю.

Безоружный, со скованными цепью руками, пленник не смог бы победить трех человек. Но когда Хума повернулся, чтобы поспешить тому на помощь, его глазам предстала огромная фигура — рядом с ней гоблины казались маленькими детьми. Один из них, беспомощный, уже извивался, как червяк, над головой бывшего пленника. Двое других убегали в панике. Хума вдруг остановился, не зная, стоит ли подходить ближе.

Освобожденный пленник бросил несчастного гоблина в одного из его убежавших товарищей, тот, увертываясь от живого снаряда, запищал и помчался еще быстрее. Два гоблина столкнулись лбами так, что послышался хруст сломанных костей. Они упали и уже не поднялись.

Единственный уцелевший гoblin тоже не успел скрыться. Высокая, мускулистая фигура вытянула вперед обе руки, скованные цепью, и накинула цепь на шею охваченного ужасом гоблина. Одним рывком, свидетельствующем об огромной силе, пленник цепью размозил гоблина голову. Безжизненное тело упало на землю, как мешок.

Хума остановился примерно в двадцати футах от освобожденного им пленника. Кем бы он ни был, ростом он, по крайней мере на фут,

превосходил Хуму — человека не маленького — и был почти вдвое шире его. Руки были по толщине такими же, как ноги Хумы, а ноги казались такими сильными, что могли пронести их обладателя двадцать миль без усталости.

Хума с любопытством смотрел на бывшего пленника, а тот, казалось, в свою очередь разглядывал рыцаря.

Голос пленника был низкий и гулкий:

— Примите мою благодарность, рыцарь Соламнии. Я обязан вам жизнью, это долг, который я никогда не смогу достойно оплатить, но я буду вам верным товарищем до конца своих дней.

Хума все еще не остыл после драки, но уже не волновался ни за себя, ни за пленника.

— Меня не за что благодарить. Любой на моем месте сделал бы то же самое.

Великан зло усмехнулся:

— И *они* сделали бы?

Он повернулся к рыцарю лицом, и даже в тусклом свете было видно, что существо, которое Хума освободил, — не человек и не эльф. На голове у него росли рога, а верхняя часть тела и почти вся спина были покрыты густой шерстью. Гоблины неправильно называли его быком. Да, это был бык, но с телом человека.

Минотавр!

А минотавр, выказывая свою доброжелательность, медленно приблизился к Хуме. Хотя Хума знал, что это враг — и один из самых для рыцарей свирепых, — он был заморожен этим существом. Мало кто здесь видел когда-либо минотавра. Родина минотавров была далеко от-

сюда — на восточном побережье Ансалона. Но хотя и замороженный, Хума на всякий случай крепко сжал свой меч.

Даже для столь крупного существа, как минотавр, голова его казалась чрезмерно большой. Темный густой мех покрывал макушку и часть спины, остальная часть тела бы покрыта тонким пушком. Глаза были очень похожи на глаза настоящего быка, но в них светился человеческий ум. Морда была короткой и широкой, а зубы выглядели более пригодными для того, чтобы рвать мясо, нежели жевать траву. Хума вспомнил некоторые рассказы об этих существах и невольно попятился назад.

Минотавр поднял свои длинные и ширококостные руки, как бы показывая цепь, связывающую их. Пальцы были намного более толстыми, чем у человека, но заканчивались острыми ногтями, а все-таки не когтями. В сравнении с лапищами минотавра руки самого Хумы выглядели руками годовалого младенца.

— В отличие от гоблинов, которым нужно раз в шесть превосходить противника по численности — иначе они и не рискнут напасть, — вы, как мне кажется, очень храбры, и вы умеете сражаться лучше, чем я. Уверен, что вы прекрасно владеете оружием.

— Пожалуй. — Хума старался не говорить лишнего. — Но что вы делаете здесь? Почему вы оказались пленником гоблинов? Я много раз слышал, что минотавры — союзники людоедов.

В темно-красном свете луны глаза бывшего узника, казалось, налились кровью.

— Вернее назвать нас их солдатами-невольниками, рыцарь Соламнии. Мы для наших сообщников не более чем рабы. Они удерживают наши земли и держат наших родственников как заложников, хотя называют это защитой наших семей. Поэтому мы служим им. Но наступит день, когда минотавры сами будут править своей страной! Мы ждем этого дня.

— Но все-таки почему вы оказались пленником? — Хума изо всех сил старался говорить без дрожи в голосе и придать своему лицу мужественное выражение.

Ведь минотавру ничего не стоит сломать рыцарю шею. Хума уже видел его в бою.

Человекобык опустил закованные в кандалы руки и рассмеялся:

— Я убил капитана людоедов. Ударом кулака. Хороший был удар. Череп капитана треснул, как пустой орех.

Даже не убить своего командира, просто ударить — одна только мысль об этом ужаснула Хуму. Он поднял забрало своего шлема и подошел к минотавру ближе.

— Вы убили своего командира?!

— А вы сочувствуете людоедам? Теперь уже ни одна жизнь не будет загублена этим капитаном. А он, надо отдать ему должное, преуспевал в этом. Многие погибли от его секиры, особенно беспомощные и слабые. Я увидел его над телом старой женщины и телами двух детей, может быть ее внуков. И сделал то, что считал правильным. Бесчестно убивать старых, немощных или совсем юных — так, по крайней мере, все в моем роду думают. Никто из наших не

простил бы меня. Я думал, что таких же правил придерживаются рыцари Соламнии. Но возможно, я заблуждался.

Минотавр снова поднял вверх скованные цепью руки, а Хума быстро, на всякий случай, убежал назад.

— Или убейте, или освободите меня от этих цепей. Скорее. В пищу, которую гоблины давали мне, был подмешан яд. Они отравили меня. На свободе я, наверное, найду траву, которая меня вылечит.

Действительно, минотавр слабел с каждой минутой. Хума колебался. Он никак не мог решить, что ему делать. Мог ли он полностью доверять этому странному существу? Минотавры, возможно, были благородной расой, но они служили богам зла. Так его всегда учили.

Меч в вытянутой руке Хумы дрожал. Человеческий терпеливо ждал, готовый умереть или получить свободу. Спокойствие и преданность, с которыми бывший пленник смотрел в лицо своего спасителя, заставили наконец Хуму решиться. Он медленно вложил меч в ножны.

— У кого из них ключи от цепей?

Минотавр опустился на колени. Его грудь вздымалась, как у быка перед атакой.

— Если ключи вообще существуют, то они у того, которого я швырнул, как червяка. Я никогда не видел ключей. В них ведь не было надобности. Если они меня заковали, то зачем им было меня освобождать?

Уставший минотавр отдыхал, а Хума подошел к гоблину и осмотрел многочисленные карманы на его поясе. В них было много всякой

всячины, в основном военные трофеи — они невольно вызвали отвращение, поскольку были сняты гоблином скорее всего с убитых. Были еще какие-то непонятные безделушки. Наконец в одном из карманов он нашел ключи. Глаза минотавра были закрыты, и Хума вдруг забеспокоился: не нанес ли ему во время боя один из гоблинов смертельную рану. Но, услышав звон ключей возле своего лица, великан открыл глаза.

— Благодарю вас, — сказал он, как только Хума освободил обе его руки. — Клянусь моими предками до десятого колена: не будет мне покоя, пока я не отплачу вам за все, сделанное для меня. Клянусь вам в этом.

— Просто я выполнил свой долг.

Минотавр ухитрился совсем по-людски выразить на своем лице удивление.

— Просто выполнил свой долг?! И все-таки я постараюсь выполнить свою клятву. Я не дам повода сказать, что Кэз недостойн своих предков.

Хума некоторое время молчал, затем спросил:

— Вы можете идти? Или совсем слабы?

— Пожалуй, мне надо бы немного отдохнуть. — Кэз быстро осмотрелся вокруг: — У меня нет ни малейшего желания быть на виду. Я предпочел бы найти какое-нибудь укрытие.

— Почему?

Хума вообразить не мог, кого может опасаться столь мощный атлет, разве только дракона или другого существа подобных размеров.

Кэз медленно встал:

— Капитан был любимчиком военного министра. Боюсь, он послал сюда целую свору негодяев.

— Я вас не совсем понимаю.

Внимание минотавра неожиданно переключилось на брошенное оружие. Он увидел секиру, которую выронил первый противник Хумы, поднял и провел по лезвию пальцем:

— Хороша. Может пригодиться.

Хума был другого мнения:

— Будем надеяться, что она нам не потребуется. Да и вряд ли она спасет кого-нибудь из нас.

В руках гоблина секира казалась огромной. Кэз держал ее в одной руке с легкостью, показывающей, что он привык обращаться с оружием много больших размеров.

— Куда вы держали путь?

— На север.

— В Кайр?

Хума медлил с ответом. Он знал, что многие рыцари, даже Беннет, никогда бы не освободили такое существо, как минотавр, от цепей. Они вели бы его под конвоем, закованного. И уж наверняка они не сказали бы минотавру, куда они его ведут. Если этот пленник окажется вдруг шпионом, то он погубит не только одного Хуму. Однако Кэз казался честным, бесхитростным.

Наконец Хума кивнул:

— Да, в Кайр. Надеюсь найти там своих товарищей.

Минотавр сунул секиру в чехол, который, как понял Хума, был предназначен именно для

оружия. Одежда Кэза состояла из двух кусков, нижний напоминал юбку или, может быть, большие трусы.

— Думаю, сейчас неразумно идти в Кайр, но я не буду отговаривать вас.

— Почему неразумно?

На лице Кэза появилось подобие человеческой улыбки — улыбки предчувствия.

— Через Кайр проходит линия фронта. Мои сообщники, людоеды, сейчас, когда мы говорим с вами, должно быть, уже в Кайре.

Он усмехнулся, издав звук, похожий на фыркание быка.

— О, там сейчас идет замечательный бой! Мне бы так хотелось быть там!

Хуму удивила та радость, которую выразил его новый товарищ. Некоторые из рассказов о минотаврах были, очевидно, правдивыми.

Смутившись, Хума скосырнул засохшую кровь со своего меча. Он мельком взглянул на минотавра: тот, казалось, заметил внезапную перемену в лице рыцаря.

— Вы можете идти со мной или возвращаться к своим, Кэз, — сказал Хума. — Как пожелаете. Ведь вы, конечно, знаете, что не найдете у рыцарей понимания. Они будут смотреть на вас косо, будут считать вас дезертиром.

Кэз не колебался ни секунды:

— Я догадываюсь о ваших чувствах, рыцарь Соламнии. Я очень хорошо понимаю, что мы — разные. Однако я хочу исполнить клятву, данную вам, и предпочитаю открыто смотреть в лицо вашим товарищам, чем вернуться к людоедам, где меня ждут пытки и казнь. Я не жду

со стороны рыцарей снисходительного к себе отношения, но я буду с вами всегда и всюду.

В ночной тишине послышался слабый далекий вой. Хума решил поначалу, что это волк, но тут же усомнился. Для волков было слишком холодно и промозгло.

— Нам лучше уйти отсюда, — сказал Кэз. — Здесь неподходящее место для ночлега. Дух смерти обязательно приведет сюда кого-нибудь. Рыцарь, я предпочел бы отправиться в путь сейчас же.

Хума все еще смотрел назад, туда, откуда послышался вой. Он кивнул, обрадованный предложением Кэза:

— Да, пойдем сейчас же.

В знак дружбы он дотронулся до руки минотавра:

— Кэз, будем друзьями. Меня зовут Хума.

Минотавр пожал протянутую руку так, что у рыцаря едва не затрещали кости.

— Хума. Мужественное имя. Имя воина.

Рыцарь быстро сложил вещи.

Кэз ошибался. *Мужественный воин!* Хума чувствовал: под доспехами его тело дрожит мелкой дрожью. Он попытался представить на своем месте Беннета, рыцаря решительного, рожденного быть командиром. Это еще больше расстроило его, так как он знал, что Беннету были чужды какие-либо сомнения.

Они покинули лагерь гоблинов, мельком взглянув на догорающий костер и трупы, и молча пошли на север. Позади снова послышался вой — слава богам, не ближе, чем в первый раз.

Глава 3

ба странника понимали, что не в состоянии совершить длительный переход без передышки. Хума еще не оправился от сотрясения мозга, а Кэз был слаб, ведь в плену его кормили отравленной пищей.

— Все получилось так глупо! Они схватили меня спящего сном младенца и связали по рукам и ногам. Сопротивляться было бесполезно — два копья, приставленные к телу, тут же пригвоздили бы меня к земле. Тут даже гоблины не промахнулись бы!

Сказав это, Кэз рассмеялся, хотя Хума не увидел в его словах ничего смешного.

Они решили остановиться у небольшого холма, тот в случае чего послужил бы им защитой. К сожалению, место это было слишком похоже на первый лагерь гоблинов. Но все же здесь было надежнее, чем на открытой равнине.

Хума лишь молил богов, чтобы не уснуть до того часа, когда нужно будет разбудить Кэза на дежурство.

Выбрав место для ночлега, они поначалу некоторое время разговаривали — так они пы-

тались бороться со сном. Хума рассказывал о рыцарстве, его организации, рыцарских законах. Минотавра особенно заинтересовали рассказы об идеалах чести и благородства.

Кэз в свою очередь рассказал много любопытного о своем народе. Минотавры были некогда искусными моряками, были свободолюбивы, но теперь ими повелевали людоеды. У них еще сохранились турниры благородства, но теперь и при проведении турниров людоеды стали диктовать свои правила. Людоеды возненавидели Кэза еще до убийства капитана. Порабощение своего народа Кэз считал худшей из всех возможных бед.

Выслушав рассказы Кэза, рыцарь обеспокоился. Он уже видел, каким свирепым может быть минотавр. Хума никогда не смог бы сломать шею противнику с такой ненавистью и радостью, как это сделал Кэз. Но каждому слову Кэза можно было вполне верить...

Мысли в мозгу Хумы мешались, он чувствовал себя очень усталым и, разбудив минотавра на дежурство, тотчас уснул.

Ночь прошла спокойно, так же как и утро. Они поели то, что было у Хумы. Из грязных сумок гоблинов они не взяли ничего, к тому же их еда могла быть отравленной.

День выдался ненастный. Порывами налетал холодный ветер, и Хума был рад, что надел под доспехи теплую толстую поддевку. Однако Кэза холодная погода, видимо, не беспокоила. Его сородичи были путешественниками, моряками, воинами; в их стране нередко бывало очень холодно. Минотавры ходили по пояс голыми,

обувь не носили. Если бы Хума решился пойти босиком, ноги его тотчас были бы изодраны в кровь. Земля здесь была твердой, жесткой.

Около полудня Хума заметил вдали всадников. Они проехали стороной и вскоре скрылись из вида. Хума надеялся: это рыцари Соламнии; он полагал, что колонна или часть ее где-то поблизости.

Кэз, напротив, был настроен скептически. Здесь можно встретить кого угодно, а отнюдь не одних только рыцарей.

— Да, это, без сомнения, люди. Но они, возможно, сторонники Такхизис. Вы никогда не видели Черную гвардию, отборные войска военного министра? Среди них, кажется, есть и ренегаты.

Минотавр употребил непонятное рыцарю слово.

— А кто такие ренегаты? — спросил Хума.

— Колдуны-недоучки, сошедшие с ума маги. Все они были в ордене магов, но вышли из него. Не все они злы. Говорят, что один из них противостоит даже самой Владычице Тьмы, так что она одно время не надеялась на победу в войне и стала остерегаться своей собственной Черной мантии.

Магия...

Хума знал о ней больше, чем многие из его товарищей. Магией еще в юности увлекся его лучший, единственный друг — Магиус. Однажды, как раз в то время Хума решил стать рыцарем — мать считала, что это его призвание, — Магиус сказал Хуме, что через несколько дней он станет великим и могущественным волшебником.

Воспоминание о Магиусе потянуло за собой вереницу мыслей о годах молодости, когда он узнал много горестей и несправедливостей, тем не менее он с нежностью в сердце вспомнил это время.

Он не видел Магиуса уже несколько лет — с тех пор как его друг закончил учебу и уединился для проведения опытов; это уединение должно было решить: будет он магом или нет. А Хума тогда же подал просьбу о вступлении в орден рыцарей Соламнии.

Да, воспоминания разбредили душу Хумы...

Они пошли дальше. Кэз все время озирался, чувствовалось — он плохо знаком с этой местностью. Наконец он повернулся к Хуме и спросил:

— Все земли людей похожи на эту?

— А вы никогда не видели землю людей?

— Я видел только самую плохую землю. Какие еще земли могли выделить нам людоеды, кроме самых плохих? Нас они тиранят сильнее, чем гоблины. Они не доверяют ни нам, ни гоблинам, но знают, что гоблинов они могут заставить слушаться, а мы — народ непокорный.

Хума понимающе кивнул. Помолчав, он сказал:

— Есть еще земли, не тронутые войной, но их становится все меньше и меньше. Там, где был мой дом, теперь пустая земля вроде этой.

Сказанное пробудило в душе Хумы новые горькие воспоминания. Он заставил себя думать только о предстоящем пути. Что же, прошлое — оно и есть прошлое, оно осталось позади.

Минотавр наклонил голову вперед:

— Вижу повозки.

Рыцарь быстро поднял голову. Им навстречу ехали люди, более трех дюжин. «Оставшиеся в живых жители какой-нибудь деревни», — подумал Хума. Беженцы сидели в двух разбитых повозках, их везли совершенно измученные лошади. Управлявшие лошадьми мужчины выглядели не лучше животных. В повозках были женщины и дети. Беженцы, когда они подъехали ближе, во все глаза стали пялиться на минотавра. Что можно было сейчас прочесть в глазах людей — это Кэза совершенно не беспокоило.

— Нам надо быть осторожными, Кэз.

— Разве они чем-нибудь нам угрожают? Не беспокойтесь. В таком случае я с ними мигом расправляюсь.

Кэз начал доставать секиру, но Хума тотчас схватил его за руку.

— Нет! — прошептал он. — Не убивай их.

Рыцарь, действующий в бою решительно, сейчас был полон сомнений. Минотавр сомнений не знал. Кэз просто видел сейчас угрозу. Людей было более чем достаточно, чтобы одолеть его, — значит, он должен напасть первым. Победить или умереть. Иного не дано. Хума задумался. Он не хотел поспорить с Кэзом, но он также не мог позволить минотавру напасть на беженцев.

Хотя Кэз опустил руку, выглядел он воинственно. Беженцы видели только монстра, и тот угрожал им. Они вспомнили свои разрушенные дома, убитых друзей и родственников. Чувство злобы нарастало и нарастало.

И сейчас минотавр, олицетворявший все зло, все их страдания, стоял на их пути.

Шумная толпа мужчин и женщин, шаркая ногами, рванулась вперед. Толпа бедных, испуганных людей, охваченная паническим страхом. Они знали лишь одно — успеть, прежде чем погибнуть, вступить в бой. Умереть, сражаясь.

Хума ужаснулся, увидев бегущих к ним людей, похожих на живых мертвецов. Вместо настоящего оружия они сжимали в руках вилы, ножи, веревки, всякую домашнюю утварь. Кэз стоял словно вросший в землю. Он бросил на Хуму быстрый взгляд:

— Если они сделают еще несколько шагов, я буду драться независимо от того, что вы мне скажете. Я не буду стоять и ждать, пока меня растерзают.

Минотавр рассвирепел, глаза его налились кровью. Еще миг, и он начнет бой. Хума рванулся вперед, навстречу толпе, с поднятым мечом:

— Стойте! Он не причинит вам зла!

Он сделал это от отчаяния; результат оказался таким, какого Хума опасался. Толпа остановилась, но только для того, чтобы подумать, что делать с вставшем на их пути рыцарем.

— Уйди с дороги! — крикнул ему седой старик.

Один его глаз был закрыт повязкой, а красное пятно на ней говорило о недавнем ранении. Кожа на его лице растрескалась, жидкие волосы прилипли к голове.

— Мы убьем его! Он должен заплатить за все!

— Он ничего плохого вам не сделал!

Женщина чуть постарше Хумы, очевидно некогда очень красивая, плюнула ему в лицо:

— Он — один из них! Пусть не он убивал моих детей! Но если он не делал этого здесь, то сделал это где-то в другом месте!

Бесполезно было пытаться что-то объяснить. Люди не стали бы слушать Хуму, но, даже если бы и выслушали, это ничего бы не изменило в их намерениях. Кэз для них был сейчас олицетворением всех их несчастий.

В отчаянии Хума размахивал мечом. По толпе пронесся ропот, люди отступили назад. Но вскоре они решили: этот рыцарь Соламнии изменил своему народу — и снова ринулись вперед. Теперь они хотели убить Хуму. Он услышал, как минотавр позади него вынимает секиру.

— Не бойтесь, Хума. Мы перебьем их в два счета.

В этих словах была угроза. И была истина.

Но даже вид разъяренного минотавра, сжимающего огромную боевую секиру, не остановил людей. Тонкие, костлявые руки в рваных лохмотьях взметнулись вверх. Некоторые из людей были совсем безоружными. Хума отступил назад.

Мог ли он на самом деле убить этих людей? И защитить того, кого несколько дней тому назад он сам считал врагом? Ни один рыцарь не сделал бы этого. И Хума это знал. Однако не мог же он оставить Кэза на растерзание толпы.

— Кэз, беги!

— Тогда они убьют вас, Хума. За то, что вы защитили меня. Я остаюсь, и мы принимаем бой.

Что было делать Хуме? Или он уходит в сторону и предает минотавра, или остается с мино-

тавром и предает тех, кого его меч обязан защищать.

Меч в руке Хумы дрожал.

Вдруг пронесся сильный порыв ветра. Толпа замерла, все взглянули вверх. Хума слышал: Кэз позади него размахивает секирой и выкрикивает проклятия.

— Дракон!

Пыль запорошила рыцарю глаза. Он слышал хлопанье крыльев, — по-видимому, дракон соби-рался опуститься на землю. Хума подумал: дра-коны, черные или, может быть, красные, приле-тели уничтожить людей. Меч его был непригод-ным для боя с драконами.

Еще до того, как пыль осела, Кэз напал на дракона — красного или черного, для него это было не важно. В любом случае он не надеялся победить. Он только надеялся, что успеет хотя бы ранить чудовище, прежде чем тот убьет его. Минотавр бросился на дракона с воинственным криком, размахивая секирой.

Пыль осела, теперь Хума увидел Кэза и дра-кона. Рыцарь поднял руку и закричал, хотя по-нимал, что уже слишком поздно:

— Кэз, не смей!

Выглядел минотавр поистине впечатляюще. Недаром говорили, что секира в руках минотавра способна рассечь пополам даже булыжник. Нане-си Кэз удар, вполне возможно, что дракон был бы повержен. Но Кэз внезапно остановился на полувзмахе, и так как бежал он очень быстро, то по инерции упал — головой к ногам дракона.

Дракон несколько мгновений смотрел на упавшего минотавра, а потом стал внимательно

рассматривать рыцаря. Хума ответил крылатому великану тоже пристальным взглядом.

Для него, для рыцаря, драконы Света были не в диковинку. Они служили в качестве охранников и посыльных, но, правда, видеть их вблизи ему не приходилось.

Этот дракон был высоким и стройным. Все тело его переливалось серебристым блеском, глаза светились, как два солнца. Хума понял: это самка, хотя объяснить почему — он бы не смог. Пасть была длиннее, чем рука Хумы, а зубы такие острые, что дракон мог за один раз откусить рыцарю голову. Морда длинная, сужающаяся к пасти. Голос дракона, грудной и мелодичный, заставил забыть о его недавнем шумном прилете.

— Рыцарь Соламнии, что вы делаете здесь? Все ваши друзья далеко отсюда. А вы, что вы нашли общего с этим ничтожеством?! И не беспокойтесь, минотавр никуда не денется, пока мощь моей воли удерживает его.

Хума опустил меч.

Люди, хотя опасность им не угрожала, не поднимались с земли.

— С вами все в порядке, рыцарь Соламнии?

Вопрос, как ни странно, прозвучал вполне естественно. Серебристая драконесса проявила о Хуме неподдельную заботу.

— Пожалуйста, — взволнованно произнес Хума, — не причиняйте минотавру зла! Он совсем не такой, как вы думаете.

Светящиеся глаза драконессы, казалось, изучали Хуму. Она была очень любопытна.

— Почему вы беспокоитесь за жизнь этого существа? Вы хотите добиться от него каких-ни-

будь сведений? Я могу без особых усилий заставить его говорить.

Драконесса ждала ответа с терпением тех, для кого время измеряется не минутами, а веками.

— Он — мой товарищ. Он сам освободился от власти Владычицы Тьмы.

Если бы кто-нибудь сказал Хуме, что морда дракона способна выразить поистине человеческое изумление, он бы рассмеялся в ответ. Но он собственными глазами видел сейчас, что драконесса изумлена, как человек. Как женщина.

Хума молчал, пока драконесса переваривала услышанное.

— Но минотавр напал на меня. Он намеревался меня убить. Как я могу верить вам, рыцарь?

Хума был краток:

— Вы должны поверить мне на слово. Я не могу сейчас привести никаких доказательств.

В ответ драконесса только рассмеялась. Даже драконья улыбка наводит ужас. Государь Освал однажды сказал, что улыбка дракона похожа на улыбку лисы, которая намеревается съесть петуха.

— Прошу прощения, рыцарь Соламнии. Я не имела в виду, что не верю вам на слово. Но вы должны согласиться, что не каждый день встретишь минотавра, сражающегося плечо к плечу с рыцарем.

— Но никакого сражения не было.

— А почему так воинственны эти люди?

Хума даже не обернулся к толпе. Он еще беспокоился, что будет с минотавром.

— Их страх и злоба мне понятны. Они много страдали. Я не держу зла на них.

Она поблагодарила его за ответ волнистым изгибом своей узкой шеи и сказала, обращаясь к беженцам:

— Вы сбились с пути. Поворачивайте на юго-запад. Там вас встретят священники богини Мишакаль, они позаботятся о раненых и накормят вас. Скажите о людях Мишакаль всем, кого встретите по дороге.

Беженцы молчали, молчал и Хума.

Драконесса сначала смотрела, как беженцы собираются в путь, потом перевела взгляд вниз — на лежащего рядом Кэза:

— Если я освобожу этого типа, ответственность за него ляжет на ваши плечи, рыцарь. Мне не понравилось, что он напал на меня.

Хума был в нерешительности.

— Конечно я не могу сказать, как он поступит, когда вы освободите его. Он очень вспыльчив.

— Это свойственно всем минотаврам. Если бы они не убивали друг друга на турнирах силы и доблести, то Ансалон уже давно был бы завоеван ими.

Она вздохнула. Это заставило Хуму закрыть глаза, так как лицо ему обдала струя горячего воздуха.

— Хорошо, я освобождаю его.

После этих слов минотавр мгновенно ожил. Он не стал вновь нападать на драконессу, а, держа наготове секиру, отошел подальше от дракона и рыцаря. На драконессу он смотрел враждебно. Она ответила взглядом, выражающим что-то похожее на презрение.

— Вы все слышали?

Ответа не последовало, но вид Кэза убедил Хуму, что тот слышал все очень хорошо.

Наконец минотавр сказал:

— Да, я слышал. Но не знаю, могу ли я вам верить.

— Я могла бы в одно мгновенье с легкостью убить вас, минотавр.

Как бы в доказательство своих слов серебристая драконесса подняла свою лапу. О да! Такой лапищей можно было бы убить кого угодно!

Кэз подошел к Хуме:

— Вы спасли мне жизнь в прошлый раз, рыцарь Хума. Кажется, вы сделали это и во второй раз. — И минотавр пожал ему руку. — Мне никогда не удастся в полной мере возместить вам свой долг.

Хума нахмурился. Опять долг!

— Мне ничего от вас не надо, кроме того, чтобы вы стали менее воинственным. Да опустите же, наконец, секиру!

Минотавр выпрямился, кинул взгляд на стоящую рядом с Хумой драконессу и неохотно спрятал секиру в чехол.

— Я не хочу и не могу вернуться назад к людоедам. Что же будет со мной?

Драконесса фыркнула, выпустив из ноздрей клубы пара:

— Ваша судьба меня не интересует. Решать должен рыцарь Хума.

— Я?

— Вы только что высказали замечательную мысль. О, если бы все народы на земле стали менее воинственными!

В словах драконессы не чувствовалось ни малейшей иронии. Хуме было необыкновенно приятно услышать лестный комплимент от такой особы, как серебристая драконесса. Он вдруг вспомнил, о чем он недавно думал, и повернулся к минотавру:

— Мы должны присоединиться к рыцарской колонне. Если вы действительно хотите доказать всем, что вы не враг, то вам следует рассказать рыцарям, что вы знаете о планах людоедов, и тогда они будут верить вам. — Хума сделал паузу и продолжил: — Не правда ли, вы знаете кое-что полезное для рыцарей?

Кэз долго не отвечал, наконец сказал:

— Я знаю больше, чем мне следовало бы знать. Если вы сможете убедить их не трогать меня, я сделаю так, как вы говорите. Может быть, та помощь, которую я окажу вам, приблизит день, когда мой народ снова станет свободным.

— А сейчас вы должны отдать мне секиру.

Минотавр огласил окрестности неистовым ревом:

— Но я не могу идти невооруженным! Это значило бы унижить меня! Мы, минотавры, так никогда не поступаем!

Хума вспылил:

— Вы не среди своих! Вы на нашей земле! Если вы будете вооружены, не останется ни малейшей надежды, что вас пощадят. Самое меньшее — вы снова окажетесь пленником. Но почти наверняка вас убьют.

Драконесса светящимися глазами взглянула на минотавра:

— Рыцарь совершенно прав. И вам надо бы послушаться его.

Кэз фыркнул, огрызаясь, перечислил имена шести или семи своих прославленных предков, но в конце концов согласился отдать Хуме оружие.

Серебристая драконесса расправила свои огромные крылья. Она была великолепна. Мощь и красота слились в ней воедино. Хуме приходилось видеть в Вингаардской Башне драконов на гобеленах и картинах. Они не шли ни в какое сравнение с этой величественной красавицей.

— Я летела к родственникам в северном Эрготе, когда заметила вас. Происходящее здесь, на земле, меня сильно заинтересовало, вот я и спустилась, — сказала она. — Мне не придется сильно изменять маршрут, если вы захотите, чтобы я доставила вас к рыцарям.

Мысль о полете на спине одного из легендарных драконов переполнила Хуму радостью. Он знал: некоторым рыцарям приходилось воевать верхом на драконах и разговаривать с ними, но сам Хума никогда прежде не удостоивался такой чести.

— Как мы сможем удержаться на вас?

— Если я полечу медленно — вы легко удержитесь с помощью рук и ног. Прежде на мне никто не летал, вы — первые. Садитесь на меня, и скоро вы будете среди своих.

Она опустила голову так, чтобы она была на уровне головы Хумы.

Он, Хума, полетит!

Магиус однажды сказал: желание совершить полет в облаках — это одна из главных причин,

побудивших его вступить в орден магов. Хума сел верхом на длинную волнистую шею и не мог удержаться, чтобы не улыбнуться драконессе, смотревшей на него. Он чувствовал, что она прекрасно поняла его состояние. Слегка покраснев, Хума подал руку Кэзу. Минотавр устоял на протянутую руку и на спину дракона. И отрицательно затряс головой.

— Мой народ — земные существа и покорители морей. Мы не птицы.

— Это совершенно безопасно, — слышался голос драконессы, по-видимому обиженной словами минотавра, — даже ребенку не было бы страшно.

— Ребенок может быть глупым. Я — нет.

— Не бойся, Кэз.

Слова эти, как и предполагал Хума, больно укололи минотавра. Если простой человек может летать, значит может летать и минотавр. Разъяренно фыркнув, он забрался на дракона. Сел позади рыцаря, у самых плеч драконессы, и молчал, напрягшись. Только крепко сжимал шею дракона руками и ногами.

— Готовы?

Хума посмотрел назад, на Кэза, — тот глядел, ничего вокруг себя не видя.

— Я думаю, все обойдется наилучшим образом, — сказал Хума.

Его сердце колотилось, и сейчас он ощущал себя скорее малым ребенком, чем рыцарем Соламнии.

— Мы будем лететь высоко?

Серебристая драконесса засмеялась глубоким, гортанным смехом.

— Не так высоко, как вам хотелось бы, но, я думаю, вы не будете разочарованы.

Она кинула насмешливый взгляд на минотавра и замахала крыльями. Хума, восхищенный, смотрел, как земля проваливается вниз. За несколько секунд серебристая драконесса взмыла в небо. Рыцарь, чтобы защитить лицо от ветра, опустил забрало. Минотавр продолжал цепко держаться за шею драконессы, боясь за свою драгоценную жизнь. Когда драконесса перестала подниматься ввысь и полетела горизонтально над землей, Хума поднял забрало и наклонился ближе, насколько было возможно, к голове дракона.

— Это — восхитительно! — вырвалось у него.

— Если вы воспринимаете мир так же, как и я, — крикнула она в ответ, — вам следовало бы самому стать драконом.

Она не стала пояснять своих слов, и Хума не стал ни о чем спрашивать. Сейчас война, рыцарство, все дела и все недавние невзгоды исчезли для него.

Хума устроился поудобнее. Он наслаждался полетом.

Глава 4

Намечалась быстрая и сокрушительная военная операция. Владычица Тьмы, Королева Драконов Такхизис объединила детей, рабов, воинов, колдунов и магов в одну гигантскую армию и двинула эту армию вперед. Ее главными врагами были сейчас рыцари Соламнии. Такими же врагами в прежние времена были для нее эльфы. Теперь же эльфы утратили свое бывшее могущество. Они жили отъединившись от всего остального мира. Их можно было оставить без внимания, не принимать в расчет; надо было уничтожить рыцарей Соламнии.

В рыцарских орденах соблюдалась строгая дисциплина, они были прекрасно организованы — этого явно не хватало сторонникам Владычицы Тьмы. Рыцари посвятили свои жизни служению ее врагу — Паладайну.

Идея создания рыцарства приписывалась самому Паладайну. В давние времена Винас Соламн, военачальник Эргота, восставший против своего тирана-императора, ввел в армии присягу и стал требовать неукоснительного соблюдения устава. На острове Санкрис, расположенном вблизи западного побережья Анса-

лона, в небольшой рощице ему назначил встречу бог Паладайн. Вместе со своими сыновьями-близнецами — богами Кириолисом и Хабакуком — Паладайн благословил Винаса Соламна на создание могущественной силы добра.

Хабакук основал орден Короны, где высшим достоинством провозглашалась верность. Все рыцари, вступившие в этот орден, должны были учиться действовать сообща, помогать своим товарищам, быть верными присяге.

Кириолис, бог справедливой войны, создал орден Меча. В него могли вступить лишь рыцари, уже отличившиеся в ордене Короны. Благородство, честь — это считалось главными достоинствами в ордене Кириолиса. Никто не имел права братья за оружие в гневе или из зависти.

Наконец, орден Розы основал сам Паладайн. Это был уже элитный орден, объединявший рыцарей, беззаветно преданных делу Паладайна. Благоразумие и справедливость определяли все их поступки.

Великий Магистр, руководивший всем рыцарством, избирался из рядов самих рыцарей.

После смерти Винаса Соламна орден Розы стал королевским орденом. Рыцарями становились лишь те, кто принадлежал к дворянскому сословию, но в орден Розы могли вступить только рыцари «чистейшей» крови. Это условие никогда не нарушалось, хотя оно и противоречило намерениям Паладайна.

...Сейчас война зашла в тупик. Люди, драконы, людоеды, гоблины — все погибали в этой войне; трупы разлагались, вспыхнули эпидемии.

— Я не думала... — голос серебристой драконессы прервался.

Хума раньше и не представлял себе, какие разрушения принесла с собой война. Теперь он видел это собственными глазами. Целые рощи великолепных реликтовых деревьев уничтожены либо драконами, либо колдунами. Земля истоптана бесчисленным множеством ног. Поля усеяны трупами рыцарей и людоедов. Хуме показалось: людоедов — больше. Возможно, он выдавал желаемое за действительное.

Лицо Хумы побледнело. Чтобы не видеть разбросанные повсюду трупы, он закрыл глаза. Это помогло ему успокоиться.

— Бессмысленная война, — кричал ему в ухо Кэз.

Минотавр забыл о своем страхе и внимательно рассматривал поле битвы.

— Кринас все грабит и грабит, а рыцари только понемногу отвоевывают свое. Никому от этого никакой пользы.

Услышав слова минотавра, Хума задумался. Кэз не мог понять Хуму, для рыцаря битва являлась как бы страницей учебника военного искусства. Даже идя в бой, он размышлял о стратегии и тактике. Даже тогда, когда он взмахивал мечом.

Серебристая драконесса повернула к ним свою голову:

— Наверное, ни к чему опускаться на землю. Кайр, кажется, не нужен теперь ни нам, ни нашим противникам. Эти поля не накормят уже никого.

Хума оживился:

— Тогда у нас есть надежда победить. Людо-
едам, должно быть, приходится туго с продо-
вольствием. А у рыцарей дела с питанием об-
стоят лучше.

— Но они уступают людоедам в силе, — вста-
вил словечко минотавр.

Они смотрели вниз на опустошенные поля, и
никто из них не сумел заметить вовремя боль-
шие темные фигуры, что летели к ним.

Первым увидел их Кэз. Хума повернул голо-
ву и внимательно посмотрел на них.

— Драконы! — закричал рыцарь серебристой
драконессе. — Их не менее шести.

Драконы приблизились, и Хума смог отчет-
ливо различить их цвет. «Черный дракон ко-
мандует красными?» Вглядевшись пристальней,
Хума понял: да, так оно и было.

Громадный черный дракон, как и все осталь-
ные драконы, летел со всадником на спине.

— Я не смогу биться сразу со всеми, — сказа-
ла серебристая драконесса. — Прыгайте, когда
земля будет достаточно близко. Я попытаюсь
обмануть их.

Теперь серебристая драконесса летела почти
касаясь верхушек деревьев — она высматривала
удобное для приземления место, но времени бы-
ло в обрез: громадные чудовища могли их вот-
вот настигнуть.

— Будете прыгать по моей команде! Готовы?

— Я не привык убегать с поля боя даже в
облаках! Это меня бесит. Можем ли мы, Хума,
как-то помочь драконессе?

Хума не мог смотреть в лицо минотавру
прямо.

— Нет. Будем прыгать.

— Как прикажете.

Они пролетели над разрушенным крестьянским домом — стены его обвалились. За домом было пустое поле.

— Я опускаюсь! Готовьтесь!

Она летела над полем медленно и низко.

— Прыгайте!

Кэз прыгнул первым. Он не устоял на ногах и грудью ударился о землю. Грудь его словно пронзило стрелой.

Когда драконесса снизилась во второй раз, ее когти царапнули землю. Хума приготовился было прыгать, но в последнюю секунду заколебался.

— Ну что же вы? — крикнула серебристая драконесса Хуме; шестеро драконов были уже совсем близко.

— Вы не сможете драться с ними одна!

— Не делайте глупостей!

— Я не стану прыгать. Слишком поздно... — крикнул он в ответ.

На каждом из драконов восседала высокая фигура, облаченная в доспехи из черного эбенового дерева. Их лица были закрыты шлемами. Были ли они людьми, людоедами или кем-то еще, этого Хума не знал.

Всадник громадного черного дракона, великан, по сравнению с которым Хума выглядел карликом, жестами подал команду другим. Красные драконы, по его команде, отстали, они были пока наблюдателями.

Черный дракон пронзительно закричал — всадник яростно гнал его в бой. И вот черный

дракон и серебристая драконесса стали с ревом приближаться друг к другу. В ход были пущены лапы. В предплечье серебристой драконессы вонзился коготь черного чудовища. Она в свою очередь успела зацепить когтями грудь черного дракона. Всадник черного дракона замахнулся двуострой секирой. Хума сумел уклониться. Когда оба дракона сцепились воедино, Хума смог нанести ответный удар.

Другие всадники пока не решались вступить в сражение. А их драконы сердито ревели, рвались в бой.

Серебристая драконесса вцепилась когтями в крыло черного, и тот завопил от боли. Его всадника швырнуло в сторону, и он открылся для удара. Рыцарь тотчас воспользовался оплошностью врага — удар Хумы пришелся ему чуть ниже плеча. Хума со всей силой рассек тонкий доспех всадника. Тот вскрикнул и рухнул на спину. Он не успел отдать своим соратникам приказ об атаке. Дергаясь, черный дракон понесся прочь от серебристой драконессы.

Хума приготовился к новой атаке, но странно: она не последовала. Красные драконы образовали защитное кольцо вокруг черного дракона и его тяжелораненого наездника, затем все шестеро они повернули туда, откуда только что прилетели.

Рыцарь и серебристая драконесса недоумевали. Хума перевел дух. Серебристая драконесса тоже вздохнула спокойно. Ее раны еще кровоточили, Хума хотел спросить, насколько серьезно она пострадала. Но тут она сама повернула

голову, чтобы взглянуть на него. В ее взгляде чувствовалось искреннее беспокойство за рыцаря.

— Вы ранены?

— Нет. Вам требуется помощь? Ведь вы ранены...

«Но как лечат драконов?» — подумал Хума.

— Я не знаю, смогу ли вам помочь, но попытаюсь.

Она покачала своей светящейся головой:

— Я могу излечиться сама. Мне нужен лишь отдых. Что меня беспокоит больше всего, так это странное поведение драконов. Это ведь было не просто бегство с поля боя! Мне кажется, что здесь скрыт какой-то тайный умысел.

Хума согласился:

— Нам надо подобрать Кэза и поспешить к государю Освалу. Надо рассказать ему обо всем.

Серебристая драконесса повернула голову и увидела нечто, сделавшее ее улыбку язвительной. Она сказала:

— Кажется, к нам снова пожаловали посетители. Думаю, они не обрадуются, увидев минотавра в своих краях.

И тут Хума тоже увидел людей. Несомненно, это рыцари Соламнии. Кажется, их было более двадцати. Судя по цвету одежды — это отряд дозорных.

Серебристая драконесса права: рыцари могут взять в плен Кэза, даже если бой будет для них кровопролитным. Кэз, лежавший в полуразрушенной крестьянской повозке и не подозревавший о всадниках, приближавшихся к нему,

встал, чтобы приветственно помахать рукой рыцарю и серебристой драконессе.

Даже если всадники еще не увидели минотавра, дракона они вот-вот увидят...

Вдруг один рыцарь заметил существо с головой быка и криками предупредил остальных. Мгновенно отряд ринулся в атаку. Минотавр издал оглушительный рев и несколько мгновений стоял набычившись. Затем поднял высоко вверх боевую секиру, которую Хума во время полета отдал ему, и снова замер, приготовившись к бою. Мечи рыцарей были подняты, копья нацелены.

Хума сумел придумать, как надо действовать, и кратко рассказал о своем плане серебристой драконессе.

Наступающие рыцари подняли удивленные лица вверх, и их ряды смешались — рыцари забыли обо всем, они видели только прекрасную серебристую драконессу. Она опустилась позади Кэза и схватила его за плечи. Минотавр издал испуганный крик и выронил секиру; огромные когти крепко сжали ему плечи и оторвали его ноги от земли.

Рыцари натянули поводья, отчаянно пытаясь удержать на месте коней, и радостно закричали. Они считали: мародерствующему минотавру пришел конец. Кэз разразился потоком брани, от которой покраснел бы даже матерый разбойник, но в лапах серебристой драконессы минотавр был совершенно беспомощен. Когда они отлетели в сторону, она бережно поставила минотавра на землю и опустилась поблизости. Хума соскочил с ее спины и подбежал к Кэзу. Рыцарь пони-

мал: о, если бы не клятва минотавра служить ему, тот тотчас бы набросился на него. В глубоко посаженных глазах минотавра сверкал огонь ярости, и он не переставая сердито фыркал.

— Не сопротивляйтесь рыцарям! — приказал Хума.

— Они же убьют меня! Позвольте мне биться насмерть, а не стоять беспомощно, подобно слабому безмозглому гному.

Очень спокойно, сдерживая раздражение, Хума повторил:

— Я сказал: никакого сопротивления!

Минотавр резко фыркнул и, казалось, покорился. Преданно уставился на Хуму:

— Как хотите. Я буду слушаться вас, ведь вы дважды спасли мне жизнь.

— Сколько же можно об этом!

Хума вздохнул и повернулся; он увидел: к ним нерешительно подъезжают рыцари. Командир отряда, который, кажется, был единственным, на кого вид огромного дракона никак не подействовал, приказал всем остановиться и затем выехал вперед один.

— Кажется, Беннет напрасно посчитал вас, Хума, погибшим.

И тут Хума узнал своего командира.

— Ренард!

Тот поднял забрало шлема.

Лицо Ренарда было мертвенно-бледным, и, когда он говорил, казалось, ни один мускул на его лице не дрожит. Он мог бы быть очень красивым, если бы его красота не исчезла еще в юности, когда он чуть не умер от чумы. Лицо у него было худое, изборожденное морщинами, и

некоторые из его недругов зло шутили, что Ренард и на самом деле умер от чумы, но просто никогда не смог понять этого. Такие остроты все же всегда говорились только заглазно. Мало кто из рыцарей мог состязаться с Ренардом в отваге.

Хума был рад видеть своего командира. Тот встал на сторону Хумы с самого начала, когда он пришел в Вингаард подать просьбу о вступлении в рыцарство. Ренард высказался за то, чтобы Хуму приняли в орден, хотя многие были против: ведь только со слов юноши следовало, что его отец был рыцарем, а никаких бумаг Хума представить им не мог.

Рыцари перестали благоговейно смотреть на драконессу, теперь все смотрели на Кэза. По рыцарским рядам пронесся громкий шепот: мол, что делает здесь такое странное существо, как минотавр.

Ренард кивнул одному из всадников:

— Свяжите минотавра. Я уверен, что и государю Освалу будет интересно узнать, что он делает здесь?

Кэз, подняв кулаки, отступил назад:

— Только попробуй! Первый, кто дотронется до меня, уже никогда не сможет сделать этого снова!

Один из рыцарей вытащил меч:

— Наглый бык! Тебе уже не долго осталось жить!

— Командир! — Хума подошел к Ренарду. — Он нам не враг. Он бежал от людоедов. А потом его захватили в плен гоблины, и я его освободил. Он рассказал мне, что убил людоеда, чтобы спасти людей.

Рыцари усмехнулись, услышав эти слова. Хума почувствовал: к лицу прилила кровь.

Кэз рассерженно фыркнул. Обидеть Хуму — это значит обидеть и его!

— Разве такое поведение достойно рыцарей Соламнии?! Так они относятся к своему товарищу?! Должно быть, я ошибался, когда верил, что рыцари столь же благородны, как и мои сородичи.

Рыцарь, вынувший меч, направил своего коня на Кэза:

— Я отрежу тебе голову, минотавр!

— Нет, вы не сделаете этого, рыцарь Конрад! — спокойно сказал Ренард.

А Конрад, рассвирепев, стал спорить с Ренардом, но, как и всегда, тот оставался невозмутим и непоколебим. Только сверкнули холодные, как лед, голубые глаза.

— Ни один из вас не может сказать, что Хума когда-либо солгал, — продолжал Ренард. — Ни один. И вы к тому же никогда не должны забывать, что вы — рыцари.

Воины молчали, но было видно: им не доставили удовольствия слова командира, он отчитал их как малых детей. Хума знал: Ренарда это мало беспокоит.

Ренард думал, как поступить дальше. Наконец он сказал Хуме:

— За минотавра будете отвечать вы, Хума. Я знаю о минотаврах больше, чем остальные. Если ваш минотавр пообещает идти вместе с нами мирно, то я не стану связывать его.

Хума посмотрел на Кэза, а тот внимательно вглядывался в лица рыцарей и особенно в лицо командира.

После долгого раздумья минотавр громко сказал:

— Я обещаю вам, что буду идти мирно и слушаться каждого слова Хумы.

В последних словах прозвучал укор рыцарям, проявившим недоверие к своему товарищу.

Рыцари переглянулись. Им не очень-то понравилось, что могучий минотавр не будет связан. Серебристая драконесса наблюдала за происходящим с легкой улыбкой. Лицо Ренарда оставалось невозмутимым, но Хума почувствовал: слова Кэза его позабавили.

Командир дружески ткнул Хуму в спину пальцем:

— У нас есть несколько лишних лошадей, мы нашли их поблизости, в километре отсюда. Один конь высокий, он, думаю, достаточно силен, чтобы нести минотавра. Выбирайте лошадей и подъезжайте оба ко мне. Нам нужно многое обсудить, и у вас, рыцарь Хума, есть, как мне кажется, весьма важное для меня сообщение.

Рыцари расступились, пропуская Хуму и Кэза. Свободных лошадей было пять — четыре боевых коня и одна ломовая лошадь, вероятно брошенная хозяином. Эта лошадь и два других коня были явно не пригодны для верховой езды, и их взяли с собой скорее всего из-за мяса. Самый высокий конь и, пожалуй, единственный из всех, способный выдержать такого массивного седока, как минотавр, оказался норовистым, но все же не настолько, чтобы Кэз с ним не справился: Хума выбрал серебристо-серого коня. Он сразу же приглянулся рыцарю.

Сев на коней, они тотчас подъехали к Ренарду.

Хума осмотрелся вокруг:

— Еще недавно эта земля была цветущей. Что здесь происходило?

Голос Ренарда звучал бесстрастно, но от его слов леденела кровь в жилах.

— То, что на войне, Хума, обычно и случается. Колдуны ведут между собой бои и взрывают все подряд, оставляя груды вывороченной земли и воронки. Драконы сжигают либо сжирают все, что еще осталось зеленого и плодоносного. И когда вступают в бой войска, не остается почти ничего, ради чего стоило бы сражаться.

Колдуны вызывали у Ренарда особую неприязнь. Никто не знал почему. Хума никогда не заговаривал при нем о Магиусе, он не хотел потерять дружбу Ренарда.

— Мы проиграли?

— Сейчас война зашла в тупик. Бои передвинулись к северу, а нас послали удостовериться, что отступление войск Владычицы Тьмы не ловушка для нас. Мы как раз возвращались к своим, когда увидели вас.

Серебристая драконесса, молчавшая все это время, наконец вмешалась в разговор:

— А вы не видели всадников на драконах?

— Вы сказали «на драконах»? — Ренард поднял голову вверх, остальные рыцари насторожились.

— Всадников было шесть. Все в черном и на красных драконах, а командир был на громадном черном драконе. Они, кажется, что-то высматривали на земле. Я не хотела с ними драться, но ваш товарищ, рыцарь Хума, отказался

спрыгнуть с меня. Он настоял, чтобы мы приняли бой.

Так как лица рыцарей были закрыты забралами, Хума не мог видеть выражения их лиц, но, кажется, некоторые одобряюще кивнули головой, а кто-то, пожалуй, усомнился, надо ли было вступать в бой.

Ренард озабоченно переспросил:

— Громадный черный, вы сказали?

— Громадный. Хотя и очень молодой. Его всадник решил драться с нами один на один. Мы приняли бой, и тогда случилось нечто странное. Хума серьезно ранил всадника, и черный дракон был вынужден уйти с поля боя. Остальные драконы сражаться с нами не стали. А ведь они бы запросто растерзали нас на куски, если бы все сразу напали на нас. Я не могу понять, почему они не сделали этого.

Лицо Ренарда, как всегда, было непроницаемым. Совершенно невозможно было понять, как он воспринял услышанное. Когда он заговорил снова, казалось, что рассказ драконессы о бое уже забыт.

— Я могу только поблагодарить вас за услугу, которую вы оказали нашему товарищу. Вы присоединитесь к нам? Я не знаю, как лечат драконов, но если вам смогут помочь священники Мишакаль, они будут в вашем распоряжении.

Серебристая драконесса сложила огромные крылья, которые пугали рыцарских коней, и отказалась присоединиться к воинам Соламнии.

— Нет, чтобы залечить раны, мне просто нужно отдохнуть. Я хочу навестить родственников. А потом, возможно, мы с вами еще и встретимся.

Последнее было сказано скорее Хуме, чем Ренарду.

— Мне было очень приятно познакомиться с вами, рыцарь Хума, — продолжала она. — Доброго вам пути. Да хранит вас Паладайн.

Без лишних слов серебристая драконесса взмыла высоко в небо. Поднялось облако пыли, и некоторое время Хума и все остальные ничего не могли видеть. Когда пыль осела, прекрасная драконесса была уже далеко. Все благоговейно смотрели, как она летит, пока драконесса совсем не исчезла из поля зрения.

Ренард повернул коня, увлекая за собой весь отряд, включая Хуму и Кэза. Никакой команды отдано не было, да ее никто и не ждал. Все просто снова двинулись в путь.

Через некоторое время Ренард жестом пригласил Хуму и Кэза поехать рядом с ним. Глядя вперед, он сказал:

— А эти всадники на драконах... Хума, вы видели их раньше или слышали о них что-нибудь?

— Нет, я их увидел впервые.

— Может быть, минотавр...

— Меня зовут Кэз, — поспешил вмешаться минотавр.

Казалось, он обиделся, что о нем говорят так, как будто его здесь нет.

— Хорошо. Кэз. Вероятно, вы что-нибудь знаете о них?

— Они — из Черной гвардии. Они служат колдуну-ренегату Галану Дракосу и военному министру Владычицы Тьмы — Кринасу.

— Что вы знаете о самом министре?

Кэз пожал плечами:

— Он — великан. Но людоед он, человек или кто-то еще, об этом знают только немногие. Только его ближайшие соратники. Он — опытный стратег. Не щадит никого, даже самого себя. Он любит ездить на... — Минотавр замолчал, глаза его расширились.

По неподвижному, как у мертвеца, лицу Ренарда скользнула едва заметная усмешка.

Ренард повернулся к Хуме:

— Думаю, он собирался сказать, что любимый конь Кринаса — огромный черный дракон по кличке Уголь. Они оба, и наездник и дракон, получают огромное удовольствие, сражаясь с противником один на один.

«Значит, я сражался с Кринасом!»

Хума был потрясен. Он вступил в бой с самим Кринасом и остался жив! Тотчас он подумал: военный министр тоже остался жив. Правда, он тяжело ранен, но Хума был уверен, что не убил Кринаса и теперь тот непременно станет разыскивать его, чтобы отомстить. Чтобы убить его, Хуму.

— Я думаю, военный министр выбирает для боя достойного противника, — добавил словно бы нехотя Ренард.

Внезапно он прищепил коня, рыцари тоже дали шпоры своим лошадям.

Хума оказался впереди всех, он внимательно всматривался в небо.

Глава 5

Если при взгляде сверху опустошенная земля производила безрадостное впечатление, то смотреть на нее сейчас вблизи было еще безотраднее. Хума видел: война не щадила никого и ничего. Кайр, некогда многолюдный город вблизи границы с Эрготом, был стерт с лица земли. Вокруг была только обугленная земля, мертвецы лежали словно сломанные игрушки. От домов остались одни стены или груды камней. Когда отряд Ренарда проходил через восточную часть бывшего города, зловоние от разлагавшихся трупов стало невыносимым. Хума только молился, чтобы не потерять сознание. Остальные рыцари чувствовали себя не лучше. Ренард, как обычно, выглядел невозмутимым.

К концу дня лошади и доспехи рыцарей были сплошь покрыты грязью. Поскольку до расположения главных сил невозможно было добраться за несколько часов и путь предстоял опасный, Ренард решил сделать привал, как только увидит подходящее место.

Позади, когда Хума оборачивался, были видны облака дыма, поднимавшиеся над Кай-

ром. Огонь давно угас, но дым все еще клубился, как бы напоминая о поражении рыцарей.

Ночь прошла без происшествий. Верный данному слову, Кэз готов был охранять своего спасителя всю ночь, но Хума и Ренард настояли, чтобы уставший минотавр тоже лег спать.

С рассветом они продолжили путь. Хума и Кэз снова ехали рядом с командиром. Хума пытался заговорить с Ренардом, но тот был, как всегда, молчалив. Он разговаривал только тогда, когда сам считал это необходимым.

К полудню они выехали к южному флангу армии. Большого сражения сейчас не велось — по всему фронту были просто мелкие стычки. Хуме и его товарищам повезло. Появись они здесь в другое время, отряд попал бы в самую гущу сражения.

Соламнийские Рыцари встретили отряд своих товарищей радостными криками. Они приняли их за пополнение. Боевой дух у воюющих не был очень уж высоким, и, когда они узнали Ренарда и Хуму, их радость сразу пропала.

Лагерь рыцарей находился на юго-востоке от разрушенного города. Ренард остановил коня возле большого шатра, сооруженного рыцарями ордена Меча. Не слезая с коня, Ренард вызвал капитана охраны. При виде Ренарда тот отдал честь.

— Кто здесь командир? — спросил Ренард.

— Государь Килиан. Однако сейчас его здесь нет. Он отправился в войска — поднимать боевой дух рыцарей.

Капитан говорил так, словно сам он мало верит в успех подобного мероприятия.

Ренард невозмутимо кивнул:

— Может быть, тогда вы поможете нам? Где мы можем найти ставку государя Освала? Когда наш отряд ушел на разведку, она находилась здесь поблизости.

Поежившись под холодным пристальным взглядом Ренарда, капитан сказал, что ставка Освала сейчас на северо-востоке — на расстоянии одного дня пути отсюда.

Язвительный Кэз пробурчал что-то о погоне за своим собственным хвостом, но суровый взгляд Хумы заставил его прикусить язык.

Через несколько секунд отряд был снова в пути. Северо-восточный район выглядел намного лучше, чем Кайр и его окрестности. Менее чем через час пути уже встретились первые живые деревья. Постепенно деревьев становилось все больше. Они были невысокими, со сломанными верхушками, но живыми.

Настроение у рыцарей стало менее мрачным.

И именно здесь, среди холмов и деревьев, притаились две огромные армии. На севере лежала горная цепь, являвшаяся границей между Соламнией и Эрготом. Несколько наиболее высоких вершин уходили за облака. Этот горный край был родиной свирепых людоедов. Каждый, кто осмеливался пройти через горы, они убивали и съедали.

Хума был задумчив. Что скажет государь Освал, когда Хума предстанет пред ним? Верховный воин и Великий Магистр почти никогда не могли договориться друг с другом; и в свое

время государь Трейк с неудовольствием воспринял решение рыцарей принять Хуму в орден. Это со временем могло причинить неприятности государю Освалу. И если бы Хума совершил что-либо недостойное рыцаря, Освалу было бы не огрести неприятностей. Рыцарский орден был политической организацией. Но иное сейчас больше всего беспокоило Хуму. Что станет с армией, если кто-либо другой, а не государь Освал будет командовать ею? Верховный воин был самым опытным среди рыцарей генералом.

Неожиданно Ренард закричал и показал рукой на запад. Рыцари смотрели во все глаза. Покрытое облаками небо стало черным как сажа. Это произошло почти в одно мгновение. Было видно — черное облако надвигается на рыцарский отряд, словно стая саранчи на хлебное поле. Силы Владычицы Тьмы вновь ринулись в атаку на позиции рыцарей.

Ренард придержал коня и взглянул на своих воинов. Остановив взгляд на Хуме и Кэзе, он спросил:

— Хума, а минотавр, если мы попросим его, будет сражаться за нас?

Кэз громко фыркнул:

— Спросите меня сами, дубина!

Ренард словно бы и не заметил его издевки, как не замечал он и ветра, дующего ему в лицо.

— Так что, вы будете сражаться за нас?

Хума видел: Ренард глазами прямо впился в глаза Кэза.

Минотавр оскалился:

— Да, я буду сражаться, с удовольствием, так как это даст мне возможность размяться. И так как я убил их капитана, я не жду пощады от людоедов. Они убьют меня, если сумеют схватить. А если я буду сражаться вместе с вами, у меня еще будет возможность доказать, что я — достойный сын своего народа.

— Тогда становись в наши ряды. — И с этими словами Ренард пришпорил коня.

Кто-то из рыцарей издал воинственный клич. Хума крепко сжал зубы — он надеялся, что таким образом придаст лицу выражение решительности и сможет подавить смятение, обуревавшее душу.

Черное облако надвигалось на них неудержимо.

Они сражались в кромешной тьме. Отовсюду слышались стоны раненых и умирающих, громкие крики воинов.

В воздухе проносились темные громадные силуэты. Поначалу они изредка предпринимали атаки на рыцарей. Драконы пока сдерживали свою силу. В происходящем на земле им было трудно разобраться, и они могли случайно уничтожить своих союзников.

Иногда поле боя озаряли яркие вспышки. Белые и красные колдуны сражались с черными. Мудрость и осторожность не позволяли Красной и Белой мантии одержать быструю победу. А Черной мантии мешало победить легкомыслие.

Постепенно картина боя прояснилась. Мгла, столь быстро накрывшая землю, стала понемно-

гу рассеиваться. Черная мантия могла удерживать завесу тьмы лишь недолгое время.

Небо вдруг сплошь наполнилось драконами. Жуткое зрелище. Они появились неторопливо и, казалось, бесшумно. Драконы, когда тьма рассеялась, словно бы вылетели из облачных укрытий. Сражавшихся на стороне рыцарей драконов было совсем немного. Красные, черные, зеленые, голубые... — это были цвета смерти. Несмотря на численное превосходство противника, драконы света не уклонялись от боя. Но силы были слишком неравны.

Дети, посланные в бой Владычицей Тьмы, вторглись в ряды рыцарей. Они были повсюду. А из-за холмов надвигались войска людоедов и их союзников. Рыцари были уже окружены со всех сторон и с трудом сдерживали натиск противника. С поднятыми вверх мечами и выставленными вперед копьями отряд Ренарда занял исходную позицию. Драконы, пролетавшие над ними, не напугали рыцарей — те были готовы с честью выполнить приказ командира. Хума сжимал в руках меч — он знал: скоро начнется жестокий бой.

Людоеды приближались, их целью было прорвать оборону рыцарей. Их передовые части уже бросились в наступление, рыцари приняли бой.

По холмистой местности лошади двигались медленно. Хума увидел, что один рыцарь сошел с коня — тот потерял подкову; многие лошади спотыкались.

Отряд Ренарда уже нанес удар по передовым частям наступающих людоедов. Сверкали мечи, стоял оглушающий шум.

Хума сражался отчаянно и смог уложить нескольких людоедов.

Вот прямо перед собой он увидел лицо людоеда, волосатое, дикое, с длинными и острыми, как у минотавра, зубами. Оно было широким, плоским, с большими глазами, с красными веками. Дыхание людоеда было зловонным. Хума с силой ткнул нападавшего ногой.

Хохот, в котором отчетливо звучала свирепость, донесся до слуха Хумы. Размахивавший секирой, громадный Кэз был похож сейчас на ураган в море хаоса и смерти. Каждый его удар достигал цели. Глаза Кэза налились кровью. Но Хума тут же потерял его из виду — на рыцаря напали сразу несколько людоедов. Он защищался умело, но все-таки одному из людоедов удалось ранить его в ногу. От боли Хума на какое-то мгновение потерял сознание.

Он, конечно, был бы зарублен окружающими его людоедами, но тут на помощь подоспел Ренард. Он обрушился на врагов, как беспощадная, все сокрушающая на своем пути машина. Людоеды пытались спастись от меча Ренарда, но тщетно. Меч Ренарда рассекал их пополам; они были уже мертвы, а их ужасные предсмертные крики еще звучали в воздухе.

Рыцарь Ренард сейчас напоминал минотавра — он был страшен.

Воины сражались отважно, но казалось — еще мгновение, и они отступят; и тогда со стороны Соламнии в бой вступили новые части. На некоторое время перевес оказался на стороне рыцарей.

Вот еще один людоед бросился на Хуму и был убит им тотчас.

Мгла теперь рассеялась совершенно. Сопротивление колдунов Владычицы Тьмы ослабло. Рыцари рванулись вперед с новыми силами. Груды земли взлетели вверх, как при извержении вулкана, и Хума внутренне содрогнулся, увидев, как огромное множество вражеских воинов были подброшены высоко в воздух.

— Хума! — это крикнул Ренард, предупреждая об опасности.

Тот обернулся на крик и лицом к лицу столкнулся с нападавшим. Хума успел выставить меч вперед и воткнул его в глотку своего противника. Кровь фонтаном хлынула из его горла.

Рыцарь поворачивался во все стороны, пытаясь отыскать своих товарищей. Но в это мгновение что-то тяжелое ударило его сзади по шлему.

И Хума упал с коня.

Никогда Хума не думал, что смерть может быть такой красивой и приятной.

Он вытер пот со лба, затем слегка приподнял голову — ему хотелось пить. Вода, поданная заботливой рукой, прояснила сознание, и он понял, что жив.

Над ним склонилась не смерть, а молодая красивая женщина с белыми — нет, серебристыми волосами. Волосы были столь красивы, что рыцарь захотел коснуться их. Но боль, вызванная столь простым движением, снова ввергла его в бессознательное состояние.

— Не пора ли вам проснуться? — знакомый голос прорвал туманную пелену в его голове.

Хума широко раскрыл глаза и сразу же зажмурился: яркий свет резал глаза.

— Ну, ну, не бойтесь, уж тусклый-то свет не может убить вас, раз это не удалось сделать людоедам и драконам.

Рыцарь осторожно, чуть-чуть приоткрыл глаза. Потом приоткрыл пошире. Рядом с собой он увидел огромную морду минотавра.

— Кээ? — Собственный голос напугал Хуму, он походил на карканье.

— И как это вы догадались?!

Хума осмотрелся вокруг. Он был в палатке, приспособленной под лазарет. Большинство коек были пустыми, но на некоторых лежали израненные рыцари: кто-то без руки, кто-то без ноги, кто-то весь в бинтах. Он вздрогнул всем телом. Это снова причинило ему резкую боль.

— Что со мной случилось?

На морде минотавра появилась почти человеческая улыбка, слышалось его тихое хихиканье.

— Лучше спросите, чего не случилось! Во-первых, вы получили секирой по голове — вас спас только шлем. Затем вы упали с коня, и вас чуть было не затоптали насмерть. Все это время вы были без сознания. Удивительно, как у вас кости остались целы, друг мой Хума. Правда, ваше тело все сплошь в синяках.

— Да, все тело жуть как болит.

— Еще бы! Скажите, вы всегда такой везучий?

Хума улыбнулся, но улыбка, как и любое его движение, вызвала боль во всем теле.

— Он проснулся?!

Услышав нежный голос, Хума повернул голову и мгновенно забыл о боли.

Перед ним стояло видение из его грез! Молодая женщина с серебристыми волосами. На ней был халат, какой обычно носят целители Мишакаль, только без традиционного медальона. Халат тесно облегал ее стройную фигуру, и Хума в смущении отвел глаза в сторону.

— Проснулся, живой и не так уж и плох, как можно было ожидать. — Минотавр встал. — Ну, Хума, я передаю вас в руки вашего целителя. А я, знаете, пока вы были без сознания, только и делал, что рассказывал вашим командирам все, что мне известно о планах людоедов.

— Вам позволяют свободно ходить по лагерю?! — удивился Хума.

Кэз фыркнул с презрением:

— Увы, только в сопровождении двух вооруженных охранников. Но мне сообразовали разрешить навестить вас...

— Вы представляли рыцарей иными, чем они оказались на деле?

Человекобык покачал головой:

— Вы и некоторые другие рыцари — иные, чем я думал, но рыцарство, увы!..

Кэз вышел, не сказав больше ни слова. Хума смотрел вслед, озадаченный. Неужели рыцарство заслуживает такого презрения? Не может быть!

— А у вас необычные друзья.

Хума снова взглянул на молодую женщину:

— Что вы сказали?

Она ответила очаровательной улыбкой. Губы ее были пухлыми и алыми, нос изящный и маленький, глаза миндалевидные. В них светилась

нежность. А серебристые волосы отливали холодным блеском. Во всем ее облике было что-то неземное.

— Вы совсем пришли в себя? — обрадованно спросила она.

Хума зачарованно, забыв обо всем, смотрел на нее. Спohватившись, он покраснел и перевел взгляд на потолок.

— Извините. И не сердитесь на меня, миледи, — сказал он, краснея еще больше и слегка запинаясь.

Молодая женщина улыбнулась:

— Почему же я должна на вас сердиться?

Она взяла влажное полотенце из чаши, стоявшей рядом, и вытерла ему лицо.

— И я вовсе не миледи. Меня зовут Гвинес, и мне будет очень приятно, если вы будете называть меня по имени.

Он тоже улыбнулся:

— А меня зовут Хума.

— Да, я знаю, — кивнула она. — И минотавр, и рыцарь, доставивший вас сюда, сказали мне ваше имя. Прежде я никогда не видела минотавров.

— Минотавр — друг, — только и сказал Хума; он решил попозже, когда наберется сил, рассказать ей о минотавре подробно.

А затем спросил:

— Вы сказали «рыцарь». А кто именно?

— О! — Она вздрогнула. — Он очень похож на мертвеца, даже тогда, когда говорит. Мне так жаль его!

Хума понял: это — Ренард. Значит, с поля боя его вынес командир.

— Вам вправду становится лучше?

Боль, казалось, действительно утихла.

— Да. Это *вас* я должен благодарить за то, что боль проходит.

— Нет, я только помощница целителей.

Хума попытался встать и не смог. От боли он едва не застонал. Гвинес посмотрела на него, словно на непослушного ребенка:

— И не пытайтесь вставать! Вы еще слишком слабы.

— Да, конечно. Меня лечили священники?

— Их здесь очень мало. Они не могут постоянно следить за состоянием вашего здоровья, поэтому я и ухаживаю за вами по их просьбе.

Несмотря на то что Гвинес улыбалась, говорила она серьезно. Целителей действительно было мало, и работали они без сна и отдыха.

— Где мы находимся?

— В лесу на западе Соламнии. Вы были без сознания, когда вас перевозили сюда. Сейчас мы весьма далеко от линии фронта.

— Мы победили?

— Никто не победил. Все осталось по-прежнему. Если бы не ваш отряд, людоеды могли бы прорвать оборону основных сил рыцарей. К счастью, сделать это им снова не удалось.

Она надолго задумалась, а затем сказала:

— Но хватит о войне. Вы хотите чего-нибудь поесть? Уже два дня вы ничего не ели.

Хума действительно был голоден. Однако, когда Гвинес стала размешивать какую-то похожую на мел пасту, аппетит у него пропал. Гвинес улыбнулась и наклонилась над Хумой с ложкой. Рыцарь недоверчиво посмотрел на пасту.

— Хума, это вполне съедобно. Откройте ротик.

Он послушно, как ребенок, открыл рот: Действительно, паста оказалась съедобной, хотя и не вкусной. Хума с трудом заставлял себя глотать ее. И, съев последнюю ложку, вздохнул с облегчением. Гвинес тоже, казалось, осталась довольной.

— К сожалению, сейчас я должна уйти. Но время от времени я буду заглядывать к вам.

Он протянул ей руку:

— Благодарю вас.

Она покраснела, и он, смутившись, опустил руку.

И тут, как нельзя кстати, в палатку вошел Ренард. Гвинес, взяв пустую посуду, вышла. Хума смотрел ей вслед, а Ренард подошел к его постели:

— Минотавр сказал мне, что вы очнулись и что дело идет на поправку. Радостное известие. — Голос Ренарда звучал монотонно, словно он читал никому не интересный текст.

Но Хума знал, что за холодной неподвижной маской кроется страстная душа. Забрало Ренарда было поднято, и Хума долго смотрел в лицо человека, от взгляда которого многие прятали свои глаза.

Он обрадовался приходу командира.

Ренард наклонился к своему подчиненному:

— В бою всегда надо быть начеку, Хума. Помните об этом.

— Да, иначе попадет по голове.

Тонкие губы Ренарда на мгновение дрогнули в улыбке.

— Конечно. А это — очень вредно для здоровья.

Ренард говорил все так же бесстрастно.

— Что сейчас происходит? Гвинес сказала...

— Та молодая женщина?

Хума покраснел.

— Да. Она сказала, что все осталось по-прежнему...

Ренард, вздохнув, снял шлем. Седина, словно иней, покрывала его голову. Ренард не любил длинных волос. Волосы у него были коротко острижены. Не носил он и висячих усов. Никто не корил его за это. Просто Ренард не хотел быть как все.

— Да, сейчас дела обстоят именно так. Но, если верить Беннету, это знак того, что победа за нами. Он постоянно твердит: решающая атака Кринаса провалилась. После вашего боя с ним никто больше не видел Кринаса и не слышал о нем. Беннет даже стал расхваливать вас на все лады.

— Расхваливать меня?

— Я процитирую его дословно: «В результате этого боя Кринас или убит, или по крайней мере выведен из строя. Рыцарю Хуме сопутствовала удача, но она приходит только к храбрым и умелым воинам».

Беннет, конечно, был прав. Хуме сопутствовала удача. Любой рыцарь считал бы, что в том бою с Кринасом он одержал победу, но Хума...

— Я знаю, о чем вы думаете, Хума. Но вы не правы. Вы так же, как и сам Беннет, рыцарь до мозга костей. А помимо этого, умеете

видеть мир в его истинном свете. — Ренард замолчал.

Хума лежал повернувшись к нему спиной.

— Когда я смогу снова встать в строй рыцарей?

— Когда окончательно поправитесь, не раньше. А для этого потребуется немало времени.

— Государь Освал что-нибудь говорил обо мне? — Хума ждал ответа с замиранием сердца. Верховный воин был для Хумы как отец родной.

Ренард встал и надел шлем. Кивнув головой, сказал:

— Верховный воин желает вам скорейшего выздоровления. Он говорит, что нисколько не сомневался в вашей храбрости.

О, эти слова сейчас были самой лучшей поддержкой для молодого рыцаря.

— А теперь отдыхайте, Хума. Когда буду свободен, приду к вам опять.

Ренард ушел. Хума остался один и задумался. Сможет ли он когда-нибудь действительно стать настоящим рыцарем — таким, как Беннет, государь Освал или Ренард?! Он не думал о Кринасе. Станет ли мстительный военный министр разыскивать какого-то никому не известного Хуму? Как говорится, поживем — увидим...

Кто-то, очень мягко ступая, подошел к палатке. Не лошадь; наверное, собака. Хума ощутил слабое зловоние. Послышалось что-то похожее на царапанье. В тусклом свете можно было видеть лишь очень смутные очертания.

В палатку вошел священник. Одна из сторон палатки заколебалась, словно от ветра. Запах исчез. «Священник?» — удивился Хума. Но тотчас успокоился. Священник был старый, маленький, толстый и почти совсем лысый.

— Меня зовут Бродрин. Вас что-нибудь беспокоит?

Хума задумался:

— А скажите, есть ли... Есть ли здесь волки? Волки или большие собаки?

Бродрин оглянулся на дверь палатки, словно ожидая увидеть вбегающего зверя, затем переспросил:

— Волки? Собаки? Пожалуй, несколько собак есть. А что касается волков... — Священник нервно рассмеялся. — Волк в стане рыцарей Паладайна? Нет, нет. Волки на стороне противника, сын мой. К сожалению, большинство из них обладают разумом. А почему вы спросили о волках и собаках?

— Мне кажется, я только что видел волка.

Старый священник встревожился. Голос Хумы звучал более или менее спокойно, но глаза блуждали тревожно: ему повсюду мерещились волки.

— Сын мой, вы ошиблись, или, возможно, просто сказывается ранение в голову.

— Вы так думаете?

Хума решил, что Бродрин прав.

— Я попрошу кого-нибудь осмотреть все вокруг. Может быть, это была какая-либо бездомная собака.

Священник повернулся и пошел к другим раненым.

Хума некоторое время смотрел на него, потом закрыл глаза.

Спал, к счастью, без сновидений; только несколько минут снился странный сон: какое-то существо вело его в глухой лес. Это существо было все время у него за спиной.

Как обычно, Хума, проснувшись, не вспомнил, что он видел во сне.

Глава 6

Хума наконец-то вышел из палатки — хотел осмотреть лагерь. Он не знал точно, где он сейчас, но знал, что лагерь переместился ближе к границе с Эрготом. Здесь было много оставшихся неповрежденными деревьев. Людоеды почему-то старались не уничтожать леса в окрестностях гор. Едва ли они любовались лесами,

всем и каждому известно: в чем, в чем, а в поклонении красоте людоедов не заподозришь. Высокие могучие деревья, стоявшие еще при эльфах, напоминали о прежней мирной жизни.

Как и полагал Хума, в лагере было от двух до трех сотен рыцарей. Здесь находились: отряд личной охраны государя Освала, раненые, несколько местных жителей и даже несколько магов, оказывающих помощь священникам. Маги и священники обычно сторонились друг друга. Колдунам был чужд религиозный фанатизм, а священники не верили в особые методы магии, основанные на силе духа, а не на вере в божественное. Честно признаться, магам никто никогда не доверял полностью. Поэтому им не разрешали вести за собой армию. И это сильно задевало их самолюбие.

— Как вы сегодня чувствуете себя?

Щеки Хумы вспыхнули от радости, но он попытался придать своему лицу безразличное выражение.

Гвинес с ведром в руках подошла к нему. Он все же не смог скрыть улыбку.

— Надоело лежать в палате, захотелось увидеть мир, пусть хоть и в пределах лагеря.

Она весело засмеялась, а потом спросила:

— Вы скоро вернетесь в палату?

Хума задумчиво кивнул.

Несколько раз приходил к нему Ренард. Хума знал, что государь Освал интересуется его здоровьем. Раз Верховный воин верит в него, он должен восстановить силы как можно скорее.

Порыв ветра закрыл лицо Гвинес пышными волосами. Она откинула их назад и, казалось, хотела что-то сказать, но тут в сопровождении двух рыцарей ордена Меча появился минотавр.

— Хума!

Кэз подошел и едва не стиснул своего верного друга так, что Хума мог запросто оказаться снова на больничной койке с тремя, а то и с четырьмя сломанными ребрами.

Рыцарь успел отстраниться и пострадало только плечо, на которое Кэз и налетел в порыве радости.

Прошло уже четыре дня с момента их последней встречи. Государь Освал теперь уже полностью доверял минотавру, рассказы Кэза оказались для него очень ценными. Рыцари сражались с людоедами уже многие годы, но очень мало знали о них. А минотавр знал всю подноготную.

— Гвинес... — сказал Хума. Но она уже ушла. Кэз все понял без объяснений.

— Я пришел не вовремя? Извините меня, дурака, если помешал.

Хума возразил:

— Вам не за что извиняться. Я очень рад вам, Кэз.

— Я и представить не мог, что мне будут задавать так много вопросов! Кажется, я уже все рассказал, а меня все спрашивают и спрашивают.

— Рыцарям нужна ваша помощь, Кэз. Мы хотим разбить... — Хума не договорил: высокий незнакомец, одетый в темно-красную мантию с капюшоном, прошел мимо них. Лицо незнакомца было узкое и костлявое.

Провожая взглядом человека в красной мантии, минотавр сказал:

— Колдуны чем-то взволнованы. Я ощущаю их волнение, как запах. Это неприятно действует на меня.

Хума растер левое плечо: оно побаливало.

— Что же беспокоит их?

— Неизвестность. Они привыкли иметь дело с колдунами из Черной мантии, но ходят слухи, что Галан Дракос послал в бой только своих ренегатов. Вы видели сражение магов?

— Еще бы! Небо было совершенно черным!

— На нашей стороне была дюжина могучих магов. Четверо из них погибли, а остальные, может быть, никогда уже не смогут восстановить в полной мере свои силы. Но знаете, сколько у них было противников?

— Сколько?

— Трое.

— Трое?! — Рыцарь недоверчиво покачал головой. — Тогда они, должно быть, необыкновенно могущественны. Но откуда маги знают, что это не колдуны Черной мантии?

Кэз улыбнулся:

— Двое, возможно, и были из Черной мантии. А тот, что остался в живых и сбежал, действовал слишком непредсказуемо, он точно не мог пройти школу магов. Самоучка. Больше о нем никто ничего не знает.

Хума невольно вспомнил о Магиусе. Он, высокий и красивый, мог бы состоять при королевской свите, а не сидеть в мрачной башне заклинателя. Да, поначалу Магиус был самоучкой. Он многое постиг сам, без учителей. Магиус проводил магические опыты, даже с риском для жизни. Иногда, правда, он говорил, что хотел бы бросить занятия магией.

Кэза позвали, и он, тяжело вздохнув, попрощался с Хумой.

Рыцарь вернулся в палатку и большую часть дня проспал, словно младенец.

Вечером к нему зашел Ренард. Узнав, что Хума чувствует себя неплохо, командир сказал молодому рыцарю, что тому в ближайшие дни предстоит дежурство. Хума мог бы попросить об отсрочке, но был счастлив доказать, что он не зря принят в ряды рыцарей.

Зашла также и Гвинес, но разговор получился короткий и малозначительный. Было ощущение — она хотела сообщить что-то важное, но передумала. Больше он ее в лазарете не встречал.

В тот день, когда Хума должен был заступить на дежурство, в лагере царило оживление. Колонны рыцарей проследовали мимо шатра ставки. Шатер был увенчан знаменем с изображением зимородка и рыцаря из ордена Розы. Хума мог только догадываться, почему в лагере такое оживление. Ходили слухи, что людоеды прорвали восточную горную границу и продвигаются к Вингаардской Башне. По другим слухам, в одном из городов, в котором рыцари останавливались на ночлег, — чума. Хума был ошеломлен всеми этими слухами.

Когда пришел Ренард, он занимался лечебными процедурами. Раненым привезли холодной и горячей воды, а также пищу. Времени процедуры занимали немного, но помогали хорошо. В тот день они помогли Хуме также отвлечься и от тяжелых дум.

Ренарда чуть было не облили горячей водой, когда санитары переставляли ведро с места на место. Многие раненые были возбуждены, но лицо Хумы было бесстрастно.

— Я вижу, что вы готовы заступить на дежурство, — сказал Ренард.

Делая упражнения, Хума сильно вспотел, лоб был мокрым. Он еще не успел умыться. На слова командира Хума ничего не ответил, просто кивнул головой.

— С сегодняшнего дня вы — капитан охраны. Государь Освал считает, что вам по плечу такая должность, — сказал Ренард и окинул рыцаря взглядом с головы до ног.

Уже почти стемнело. Хума проглотил комок в горле.

— Позвольте мне привести себя в порядок:

— Разумеется. Я уже выбрал караульных для вашей смены. Когда будете готовы, зайдите ко мне.

Ренард вышел.

Обычно Хума не отдавал честь Ренарду. К тому же сейчас с ведрами в руках сделать это было трудно.

Хума боялся, что рыцари станут насмехаться над ним: мол, какой он капитан охраны; но никто над ним не подшучивал.

Для дежурства были выбраны в основном рыцари, которые либо были вообще не знакомы с Хумой, либо пришли в отряд сравнительно недавно и не успели еще попасть под влияние Беннета. Но нельзя сказать, что это были неподготовленные к тяжелой службе рыцари. Ни один дворянин, принятый в ряды рыцарей, не был таковым. В охране было также несколько ветеранов — из тех, что доказали свою преданность государю Освалу, — они оценивали людей прежде всего по их заслугам, а не по родословной.

Хума пошел проверять караульных.

На первом посту стоял как раз ветеран. Новоиспеченному капитану Хуме было неловко: приходится командовать человеком вдвое старше и в десяток раз опытнее его; но он знал, что каждый рыцарь, за исключением старших офицеров, вне зависимости от возраста назначается в охрану. И все-таки Хума не мог побороть внутреннюю неловкость, слушая рапорт старого караульного, и сумел совсем успокоиться лишь по дороге до следующего поста.

Окажется ли следующий караульный моложе или старше первого — не столь уж и важно; просто Хума еще не привык быть командиром. Если бы произошло какое-нибудь происшествие, он бы винил во всем только себя. Хума подошел к краю леса на границе лагеря и стал всматриваться во тьму. В лесу мог кто-то прятаться; воображение рисовало чьи-то глаза, мелькающую призрачную фигуру.

После полуночи Хума вышел к посту, на котором часового почему-то не оказалось. Пост был на склоне холма, на открытом месте. Хуму мгновенно пронзило ощущение чьего-то присутствия. Он, конечно, мог поручить проверку постов кому-нибудь из подчиненных, но, так как командовал впервые, Хума решил сделать все сам. Сейчас он должен был либо позвать на помощь, либо вернуться в лагерь и сообщить о случившемся государю Освалу. Но на это ушло бы слишком много времени.

Обнажив меч, Хума вошел в лес. Несомненно, он понимал, что может погибнуть, но некая неподолимая, гипнотизирующая сила, казалось, тянула его в глубь леса. Он не видел ее, эту силу, но ощущал ее мощь. Она стала частью его самого, и он, беспомощный, все углублялся и углублялся в лес. Хума забыл о причине, побудившей его войти в лес, и помнил только одно — он должен обнаружить кого-то или что-то, прячущееся в лесу. Смутная тень обволокла Хуму, чьи-то красные немигающие глаза впились в него. Рядом стояла еще одна тень. Больше Хума ничего не видел и ничего не слышал. Да и чем зрение и слух могли помочь ему?! Чтобы увидеть этих

призраков, появившихся в ночном лесу, нужно было обладать нечеловеческой силой воли.

Мерцающие огни проносились перед глазами оцепеневшего рыцаря. Когда он сделал еще несколько шагов вперед, большинство огней исчезло, но два, нацеленные на него, остались. Хума, спотыкаясь, шел на них; он не замечал — вокруг стоит полная тишина. Бронированный нагрудник, который был на нем, съехал набок.

Светящиеся глаза призывно мигнули, и смутная тень вокруг них стала более отчетливой. Наконец тишину разорвал голос. Он походил на шипение. Хума весь обратился в слух.

— Храбрый рыцарь, вам не страшно в своей броне?

Только сейчас Хума осознал, что защитный нагрудник сдвинут набок. Призрачная фигура, казалось, рассматривает только его бронированный нагрудник.

— Вас, кажется, никто не сопровождает?

Невидимая рука тронула Хуму за подбородок. Хума поворачивал голову то в одну, то в другую сторону — перед лицом неизменно оставались светящиеся глаза призрака.

— Ну что ж-ж-ж. Дракос будет доволен, военный министр тоже обрадуется. И не зря. Чтобы спасти свою жизнь, ему пришлось уйти с поля боя...

Взгляд и рука призрака легли на меч Хумы.

— Это вам больше не потребуется.

Вдруг Хума заметил: позади призрака, взявшего его в плен, появились какие-то сверкающие огни. Но призрака, глядевший на Хуму, не заметил этих странных огней.

Быстро приблизившись, огни показали, на что они способны. Все вокруг заполнил дикий рев, повеяло смертью.

Призрак бросил быстрый взгляд на своего пленника. Оцепенение Хумы уже прошло, рыцарь стал действовать молниеносно. Меч вонзился в призрака с необычайной силой. Тело призрака казалось вязким. Когти остервенело царапали лицо Хумы, а тот старался вонзить меч как можно глубже в тело призрака. Внезапно меч наткнулся на что-то твердое, но призрак не упал. Когти наконец перестали царапать лицо Хумы. Призрак несколько раз содрогнулся и замер.

Обессилив от схватки, Хума упал на колени. Какая-то темная фигура неслышно подбежала к нему и вдруг остановилась, словно наткнулась на кого-то. Хума поднял голову и различил на миг что-то бледное, напоминавшее очертаниями волка. Но видение тотчас исчезло.

Какое-то время Хума ничего не видел. Наконец он услышал шорох чьих-то шагов. Кто-то из глубины леса приближался к нему. Хума встал, слегка пошатываясь. Он еще не вполне пришел в себя.

— А теперь, с вашего позволения, я помогу вам.

Голос был властным. Хума почувствовал: чьи-то сильные руки поддерживают его. Рыцарь глубоко вздохнул, а незнакомец, глядя на поверженного призрака, захохотал:

— Хорошо сработано. Вы пригвоздили его к стволу дерева. Ваша сила впечатляет, а ведь противник у вас был не из слабаков.

— Кто вы?

— Отдышитесь и давайте немного прогуляемся. Вы зашли в лес гораздо дальше, чем полагаете.

Когда они отправились в путь, Хума украдкой взглянул на незнакомца. Тот был высок и одет в необычный, хорошо сшитый костюм. Хорошо уложенные золотистые волосы придавали ему царственный вид. Лицо было трудно рассмотреть, но у Хумы создалось впечатление, что оно красивое, даже прекрасное. Незнакомца можно было легко представить при королевском дворе, флиртующим с хорошенькими юными фрейлинами.

Но постойте: незнакомец не был незнакомцем! Просто Хума не видел его уже очень давно...

— Магиус! — неожиданно для самого себя выпалил рыцарь.

Они остановились. Спутник выпустил руку Хумы. Они посмотрели друг на друга, рыцарю показалось — его спутник светится изнутри.

— Хума! Приятно видеть тебя — даже при таких обстоятельствах. Впрочем, я все равно не смог бы долго, прости за выражение, водить тебя за нос.

— Ты жив?!

Хума долгие, долгие годы ничего не слышал о своем друге.

— Ты жив?! — повторил он изумленно.

Лицо Магиуса было видно даже в кромешной темноте, его рот расплылся в улыбке.

— Да. И я прошу извинить меня.

С лица Хумы улыбка исчезла. Он спросил:

— Извинить тебя? Почему ты должен извиняться передо мной?

— Ты думаешь, я оказался здесь случайно? Нет. Но именно из-за меня твоей жизни угрожала опасность.

— Я не понимаю тебя.

Когда Магиус упомянул об опасности, рука Хумы невольно потянулась к мечу. Но меча при нем не было, он остался на месте схватки с призраком.

— Мой меч! Я должен пойти...

— Нет! — Голос колдуна звучал громко и повелительно. — Мы не должны больше оставаться в лесу. Поскорее возвращайся в лагерь. Если я не ошибаюсь, вот-вот могут появиться волкодлаки. И это случится не впервые. Увы, не впервые.

Магиус твердил, что рыцарь должен скорее вернуться в лагерь, и Хума понимал, что его друг прав. Однако он хотел еще кое-что узнать.

— Какие-такие волкодлаки? Какая опасность из-за тебя угрожала мне?

Что-то в облике его старого друга изменилось. Хотя они были ровесники, Магиус выглядел сейчас намного старше Хумы.

Колдун отвел глаза в сторону:

— Лучше, когда вернешься в лагерь, расспроси обо всем мага из Красной мантии. Он изложит тебе официальную версию.

— Ты чем-то обеспокоен?

— Теми неприятностями, которые предстоят тебе и которые я должен непременно отвести от тебя. Все мои беды — ничто по сравнению с тем, что предстоит тебе.

Впереди показались тусклые огни рыцарского лагеря.

Хума услышал встревоженные голоса. В лагере уже была поднята тревога. Магиус тоже услышал голоса. Он резко остановился:

— Что бы ты ни услышал обо мне, я — твой друг, Хума. — Колдун схватил рыцаря за плечи: — Верь мне! Мои пророчества всегда подтверждались.

Сияние, окружавшее Магиуса ореолом, исчезло в тот самый момент, как Хума уловил на лице своего друга выражение страха. Это был страх не только за себя, но и за Хуму.

— Слушай, — сказал Магиус, и по лицу его пробежала тень, затем на лице появилось какое-то неземное выражение. — Призраки не будут больше беспокоить тебя. Их послали за мной. Хозяева послали их за мной, как только узнали, что я ушел из-под их власти.

— Ты убегаешь от призраков Владычицы Тьмы, — холодно сказал Хума.

Раздался хруст сухой ветки. Оба замерли. Хума вгляделся во тьму, но ничего не увидел. Магиус наклонился к нему и прошептал:

— Я должен уходить. Ты хорошо знаешь меня, Хума. Знаешь, на что я способен. Верь в меня. Если с тобой что-то случится, плохое или хорошее, я найду тебя.

Между деревьями возникли высокие смутные силуэты. Магиус со злобой посмотрел на них и ринулся прочь. Хума хотел было остановить его, но понял: бесполезно. Он только молил богов, чтобы ему не пришлось вступить в бой. — ведь у него не было меча.

Собравшись с духом, Хума пошел в лагерь. Он мог лишь уповать на то, что встретит сейчас кого-нибудь из своих друзей, а не колдунов.

Рыцарей, разыскивающих его, Хума увидел почти в том же месте, где пропал часовой. В случившемся он винил только себя. Хума хорошо понимал: враг либо еще скрывается вблизи лагеря, либо уже проник на его территорию.

Ренард, казалось, воспринял его сообщение совершенно спокойно. Но на самом деле известие о нападавшем на Хуму незнакомце, который мог быть только колдуном, встревожило его всерьез.

Отряд рыцарей с Хумой и Ренардом во главе отправился к месту происшествия. На теле часового не было обнаружено следов ран, он как бы просто упал замертво. Ренард сплюнул и с несвойственной ему горячностью проклял всех колдунов.

Хуму терзали угрызения совести. Рассказывая о случившемся, он не упомянул о Магиусе. Достойн ли уважения рыцарь, скрывающий правду? Но ведь Магиус был его другом, и его нельзя было выдавать.

Призрак, напавший на Хуму, предстал перед глазами рыцарей освобожденным от колдовских чар, в виде крупного существа.

Ренард выдернул меч, пригвоздивший колдуна к дереву, и тот рухнул на землю. Хума был удивлен. Оказывается, он рассек мантию колдуна со спины. Даже в полутьме лицо колдуна выглядело отвратительным. Только Ренард, казалось, спокойно взирал на это омерзительное чудовище. Возможно, колдун был человеком, но

он очень напоминал пресмыкающееся. Его кожа, темная и чешуйчатая, сверкала в свете факелов. Глаза — узкие прорези, а нос — крохотный. Хуме подумалось: даже зубы минотавра — ничто в сравнении с зубами колдуна. Рыцари помолились Паладаину.

Тело колдуна было облачено в прочную, грубую мантию коричневого цвета. Ренард брезгливо снял ее с колдуна — словно кожу гадюки.

— В мантии нет черного цвета Владычицы Тьмы, — сказал Ренард и приказал двум рыцарям: — Отнесите ее в лагерь. Интересно, что скажут по этому поводу наши маги? Остальным тщательно осмотреть все вокруг. Убедитесь, что колдун не оставил никаких сюрпризов. Хума, вы останьтесь со мной.

Когда рыцари ушли, Ренард посмотрел в глаза Хумы с таким гневом, что Хума невольно сделал шаг назад.

— Кто был еще?

— Никого.

— Был еще один. — От этих слов на лбу Хумы выступил пот. — Я это знаю, но никак не могу понять, зачем вы не хотите сказать правду. Если только...

Он стал пристально смотреть в глаза Хумы. Тот не отвел взгляд в сторону. Удивительно, но первым отвел глаза Ренард. Но Хуме все равно было не по себе.

— Очевидно, вы хотите защитить его, но я не понимаю, что было нужно здесь Магиусу?

— Я не... — Хума растерянно замолчал.

Откуда Ренард знает о друге его детства?

— Вы многого не понимаете, Хума. Вы храбрый, умелый рыцарь, но вы слишком добры, слишком доверчивы. Особенно к колдунам. А им нельзя доверяться. Колдуны всегда обманывают. Они коварны и лживы.

Хума всегда слушался Ренарда, но сейчас он был с ним не согласен.

— К Магиусу это не относится. Мы с ним выросли вместе. Он не предает друзей.

Невозмутимый Ренард лишь огорченно покачал головой:

— Когда-нибудь вы вспомните мои слова, но будет уже слишком поздно.

Ренард дал понять, что разговор окончен.

— Пойдемте. Пора возвращаться в лагерь. Я полагаю, государь Освал должен узнать о случившемся.

Он передал Хуме меч. И тотчас зашагал в лагерь.

Хума поспешил вслед за командиром. Он пытался представить, что скажет Освалу Ренард и что будет говорить он сам. Ведь один из них будет знать, что другой солгал. Как поступить?

Глава 7

Когда-то у Хумы был учитель — рыцарь Гэйриг, и он уверял: Хума никогда не станет рыцарем. В осанке Гэйрига было что-то медвежье. Он отличался необыкновенной жестокостью, многие даже не понимали, как это он оказался в рядах рыцарей. Гэйриг хотел навсегда отбить у Хумы охоту стать рыцарем. Однако не смог. Хума успешно завершил подготовку к вступлению в рыцарский орден, хотя Гэйриг постоянно внушал ему страх перед рыцарями. Государь Освал, Верховный воин, отнесся к Хуме доброжелательно. Как и Ренард, государь Освал был убежден, что юношу следует принять в ряды рыцарей, несмотря на его сомнительную родословную. Хума ни от кого не скрывал, как поступал с ним деспот-преподаватель, и в конце концов Гэйриг был изгнан из рыцарских рядов. Для Хумы это была двойная победа — над собственным страхом и над Гэйригом.

И вот теперь Хума, входя к человеку, который однажды помог ему, вновь испытывал страх.

Верховный воин, несмотря на ранний час, бодрствовал. Многие, в том числе и Хума,

спрашивали себя: спит ли он вообще когда-нибудь? Государь Освал сидел на простом деревянном стуле, при полном параде. На столе рядом с ним лежали его шлем и военные карты. Хуме, когда он вошел, показалось, что и сам шлем, и его хозяин изучают пришедшего.

В комнате находились еще два рыцаря. Один был невысокий и полный, обладающий недюжинной силой и острым умом. Он был лыс, с козлиной бородкой. Арак Снайпер. Фамилия подходила ему как нельзя лучше: он был первоклассным стрелком из лука. Даже кочевники из южных провинций относились к Снайперу с уважением. Он мог любому из них дать сто очков вперед в верховой езде и стрельбе из лука. Рыцарей верховой езде и стрельбе обучал именно он. Арак был командиром ордена Короны.

Вторым в комнате был Беннет, сын Великого Магистра, племянник Верховного воина, рыцарь ордена Меча. Он, казалось, не замечал, что в комнату кто-то вошел. Присутствие Беннета обеспокоило Хуму больше всего. Олицетворение рыцарства, Беннет мог с легкостью процитировать любую строчку из любого тома устава и постановлений — со времен Винаса Соламна. Пожалуй, только благодаря Беннету Хума до сих пор оставался в ордене. Имевшаяся в руках Беннета власть давала ему много возможностей исключить Хуму из ордена, но он считал позорным сделать что-либо, что противоречит уставу. Когда Хума, несмотря на свою сомнительную родословную, стал рыцарем, Беннет не стал над ним насмехаться. Сын Великого Магистра вос-

принял это как неприятность, с которой приходится мириться. Хотя Беннет и пользовался авторитетом среди многих рыцарей, но настоящих друзей в ордене так и не обрел. Беннет очень любил своего отца. Знавшие государя Трейка в молодые годы говорили: отец и сын похожи как две капли воды. У обоих были ястребиные лица и орлиный взгляд. Род Бакстри принадлежал к самому древнему в стране дворянскому роду. Да, это были чистокровные дворяне Соламнии.

Наконец Беннет обернулся и на мгновение встретился глазами с Хумой. Взгляд его был неприязненным.

— Вы можете уйти или остаться, Ренард. Как пожелаете.

— Если Верховный воин не возражает, я останусь, — ответил Ренард.

Очевидно, этот ответ не понравился Беннету. Сын Трейка ненавидел Ренарда почти так же, как Хуму, но совсем по другим причинам. Ренард почти со всеми держался на равных. Для Беннета, который мнил себя совершенством, это было нестерпимо.

Оба рыцаря враждебно посмотрели друг на друга.

А государь Освал обратился к Хуме:

— В обычных условиях ваше сообщение принял бы государь Арак, но, учитывая, что ситуация может измениться с минуты на минуту, мне хотелось бы самому, и тотчас, выслушать вас. Беннет и Арак согласились со мной.

Беннет искоса взглянул на своего дядю и опять уставился на Ренарда.

— Вы готовы начать?

— Милорд... — Хума проглотил комок в горле.

Затем он успокоился и изложил подробности происшедшего в четких и точных фразах. Три командира слушали его внимательно. Хума сказал и о Магнусе, хотя опустил большую часть их разговора.

Замолчав, он смотрел перед собой в напряженном ожидании. Государи-рыцари, повернувшись друг к другу, заговорили шепотом. Хума не мог услышать о чем.

Но вот государь Снайпер обратился к Ренарду, так как тот был командиром Хумы:

— У вас будут какие-либо дополнения, рыцарь Ренард?

— Я хотел бы только добавить, что послал рыцарей тщательно осмотреть место схватки и в отсутствие Хумы назначил нового командира охраны.

Хума почувствовал почти непреодолимое желание вмешаться в разговор, но он уже научился сдерживать себя.

Ренард, как всегда, невозмутимо стоял рядом с ним.

— Ясно, — сказал государь Освал. — Тогда будем считать разговор законченным. Рыцарь Хума, я посоветовал государю Снайперу дать вам возможность искупить ваш проступок. Очевидно, вам пришлось столкнуться с колдовством исключительной силы, и только этим я объясняю ваш уход из лагеря без разрешения.

Взгляд Бейнета был уничижительным, но Хума почувствовал: гора скатилась с его плеч — и не придал взору своего недоброжелателя никакого значения.

— Спасибо, милорд... Милорды.

Верховный воин повернулся к Хуме и Ренарду:

— Рыцари Хума и Ренард, вам надо как следует отдохнуть.

Ренард спокойно кивнул. Казалось, он предвидел, что разговор закончится именно таким образом.

Они вышли, а командиры снова заговорили. Послышался недовольный голос Беннета. Он полагал, что по уставу Хуму требовалось сурово наказать. Хума и Ренард не услышали, что ответили Беннету Верховный воин и Снайпер.

— Все прошло гладко, — сказал Ренард небрежно.

Хума смотрел в сторону:

— Благодарю вас, Ренард.

— За что? Кто-то же должен спасти вас от самого себя. Но Беннету я ни в коем случае не доставлю удовольствия торжествовать.

Слова Ренарда заставили Хуму задуматься. Подчас ему было трудно понять своего командира.

Весь путь они прошли молча.

Перед Хумой выросла большая бронзовая башня. Она возвышалась над краем пропасти. Хума знал: эта пропасть является нереальным миром. Башня, хотя и была металлической, уже начинала разрушаться. Хума чувствовал: неведомая сила вопреки его воле ведет его ко входу в башню. Он видел людей, которые давно уже умерли. Прокаженные улыбались безгубыми ртами. Женщина, умершая когда-то от чумы;

хотела дотронуться до его руки. С ужасом Хума узнал в этой женщине свою мать. Хума поклонился ей, но она тотчас исчезла. Возникший перед ним в земле люк опустился. Изнутри чья-то рука приглашала его войти. Перед Хумой предстал кто-то высокий, в ветхой одежде и с поржавевшей короной. Вместо лица под короной были только два кроваво-красных глаза, окруженных пустотой. Люк тихо закрылся за Хумой.

Рыцарь проснулся весь в поту. Лагерь еще не пробудился, но уже близился час побудки. Хума вздохнул с облегчением.

После увиденного во сне не было никакого желания попытаться снова заснуть. Никогда прежде сновидения не вызывали у Хумы такого ощущения реальности: казалось, все было наяву. Некоторые рыцари называли такие сны вещими, но Хума не знал, как ему следует истолковать свой сон.

Ощущение реальности вызывали не бронзовая башня и не призраки, обитавшие в ней. Реальностью в этом сне стали давние рассказы одного священника о богах, возжелавших уничтожить свет. Одним из них был Моргион. Если эта бесконечная война на земле была выгодной кому-нибудь из богов, то прежде всего Моргиону.

Разруха ныне царила повсюду, даже в городах, еще не затронутых непосредственно боевыми действиями. Это коснулось и столицы Эргота; правда, ходили слухи: сам император даже и не знал, что идет война. Вслед за разрухой пришли эпидемии. Пока была жива мать, Хума

жил не зная забот. Но после ее смерти от чумы все в его жизни изменилось. Оставшись один, Хума постоянно словно бы слышал в своей душе зов отца, которого он никогда не знал. Этот зов руководил им, но стоило ему...

Страхнув с себя кошмар сна, Хума встал и стал обдумывать дела предстоящего дня. Ренард пообещал поговорить с государем Снайпером о том, чтобы увеличили отряд Хумы. Обида на Ренарда в связи с Магиусом была забыта. Надо было помнить о более серьезных вещах.

Снизу послышалось приглушенное мычание. Кэз, едва проснувшись, щурил заспанные глаза. Он был очень похож на просыпающегося быка, и Хума не мог сдержать улыбку. Спал минотавр на полу.

Кэз еще ничего не знал о происшедшем с Хумой. Узнав от Кэза все, что он только знал, высшее командование наконец дало минотавру возможность отоспаться.

Зевая, Хума вышел на свежий воздух и взглянул на лес, окружавший лагерь. Между деревьями пробивались первые лучи восходящего солнца. Неожиданно глаза Хумы встретились с немигающим взглядом какого-то существа. Несомненно, это мог быть только волкодлак — так назвал его Магиус. Волкодлак, по-видимому, произошел от обычного волка. Мутация сделала это существо чрезвычайно уродливым. Бледное, костлявое тело волкодлака было без волос. Кажалось, что у него нет даже кожи. Это была как бы тень убитого и освежеванного волка.

Накануне ночью Хума ощущал запах волкодлака, тот был от него на расстоянии двадцати

футов. Запах волкодлака — запах гниения и смерти...

Волкодлак не сводил с Хумы глаз: Несмотря на то что он казался слепым, он хорошо знал, где находится Хума, и мог запросто отличить его от других рыцарей.

Не отрывая глаз от волкодлака, Хума позвал минотавра:

— Кэз.

Человекобык отозвался шепотом:

— Что, Хума?

— Ползите сюда, посмотрите...

Вначале минотавр ничего не увидел. Он еще не проснулся окончательно. Но вскоре и он разглядел странное существо. Кэза передернуло от зловония, наполнившего его ноздри.

— Клянусь предками, это волкодлак, Хума, — прошептал Кэз.

— Да, я знаю.

«Значит, минотавр тоже слышал о них. Но что волкодлаку здесь надо? — думал Хума. — Магнус сказал, что волкодлаки уйдут вслед за ним. Почему мерзкая тварь не ушла и осмелилась показаться на глаза? Как волкодлак прошел мимо часовых?»

Волкодлак продолжал смотреть на Хуму мертвенными глазами. Теперь рыцарь не сомневался: эта тварь охотится за ним. Что-то должно вот-вот произойти.

— Я подойду к нему поближе.

Кэз быстро встал и взял в руку секиру.

Чудовище едва взглянуло на спутника Хумы. Когда рыцарь на несколько шагов приблизился к волкодлаку, тот заметно оживился.

— Стой, Хума! — отчаянно закричал Кэз.

Хуму беспокоило, что он не видит ни одного часового. Неужели хозяин этого чудовища настолько могуществен, что смог усыпить весь лагерь?

Рыцарь вывернулся из-под руки минотавра и еще ближе подошел к волкодлаку. Хвост чудовища ходил ходуном. Оно раскрыло пасть, и Хуме стали видны зубы — желтые, гнилые, но все же достаточно острые, чтобы растерзать любого человека. Волкодлак облизнулся и так оскалится, что Хума ужаснулся.

Когда рыцарь осмелился приблизиться к нему на десять футов, чудовище снова раскрыло пасть. То, что изрекло чудовище, так напугало Хуму, что он готов был убежать поскорее прочь.

— Ху-у-ума-а-а...

Кэз позади него изрыгал проклятия. Хума боролся с самим собой. В его руке был меч, но он не знал, пригодится ли ему оружие в борьбе с таким необычным зверем.

— Хума. — Его имя теперь было произнесено волкодлаком более отчетливо; вслед за этим раздался странный смех.

— Кто вы? Что вам от меня надо?

Волкодлак, казалось, изучал Хуму и молчал.

Когда он заговорил, стало ясно, что зверь воспринимает происходящее как невинную забаву.

— Вы славно поохотились, рыцарь Соламнии. Вы и ваш слуга. Надо думать, вы столь же опасны, как и ваш друг Магиус...

«Магиус, — подумал Хума обеспокоенно. — Они его схватили?!»

— Мы знаем, где он сейчас, и он получит по заслугам за то, что предал Галана Дракоса.

«Галан Дракос. Командир ренегатов. Верный слуга Владычицы Тьмы!»

Волкодлак присел на задних лапах, словно бы выражая свое презрение к рыцарю. Хума никак не мог понять: действует ли волкодлак сам, или им управляет чья-то воля?

— Кринас теперь проявляет к вам большой интерес, Хума. Перед стычкой с вами он чуть было не взял в плен вашего друга... Мы несколько не удивились, узнав, что ваш лучший друг Магниус использовал вас, рыцарь, как приманку. Вы не догадывались об этом?

Услышав сзади шаги, Хума понял: Кэз встал рядом с ним. Волкодлак на какое-то мгновение перевел свой немигающий взгляд на минотавра, затем продолжил разговор, больше не обращая на Кэза внимания.

— Кринас хотел даже сам увести вас из лагеря в свою крепость и на досуге сразиться с вами.

У Хумы пересохло в горле.

— Что же, мне повезло.

— Везет сильному. И скоро вы узнаете, долго ли вам осталось жить.

Рыцарь и минотавр насторожились. Каждый ждал, что огромная стая кровожадных волко-длаков вот-вот ринется на них из леса. Но ничего такого не случилось, чудовище продолжало смотреть на Хуму и Кэза с издевательской усмешкой.

— Вам нечего бояться меня. Прежде всего вы должны бояться самого себя, рыцарь Короны. Теперь вы для себя — худший враг.

Продолжая усмехаться, волкодлак вскочил на ноги. Кэз замахнулся секирой, но чудовище стремительно развернулось и умчалось в лес. Стало понятно, что волкодлак приходил один.

— Что все это означает? — спросил Кэз.

— Кажется, он приходил поиздеваться надо мной. — Хума вложил меч в ножны. — Но почему Кринас нервничает из-за такого человека, как я?

— Возможно, его больше интересует ваш друг. Может быть, им не удастся схватить его и они просто попытаются что-то узнать от вас о нем. Кто этот Магиус?

Хума кратко рассказал Кэзу о событиях прошедшей ночи. Минотавр искренне огорчился, что его никто не разбудил.

В лагере стали появляться рыцари.

— Что же мне делать?

Кэз недоуменно покачал головой:

— Я знаю, как поступил бы я. Но вы все делаете по-своему, рыцарь Соламнии. Давайте немного прогуляемся. Мне почему-то кажется, что Магиус — ваш союзник.

Хума охотно согласился на прогулку.

Может быть, он встретит Ренарда? Возможно, тот поможет ему разгадать планы Галана Дракоса?

Внезапно налетел сильный порыв ветра, в небе появилось несколько огромных драконов.

Рыцари в лагере подняли вверх восхищенные лица. Величественные крылатые существа описали несколько кругов. Золотые, серебряные, бронзовые, медные драконы — все они были великолепны. В стае были еще и латунные драко-

ны, но их было очень немного. Они, должно быть, предпочитали летать в более теплых краях, в пустынях. В небе уже кружили, как показалось Хуме, тридцать-сорок драконов. Он подумал: если бы их обучить военному искусству, какая это была бы огромная сила! Перед сородичами из лагеря противника у драконов света было одно важное преимущество. Драконы тьмы часто дрались друг с другом, иногда между ними возникали настоящие побоища. А драконы света никогда не враждовали между собой.

Увидев драконов, Хума забыл о своих недавних опасениях. Драконы света всегда наполняли его душу почти детским восторгом.

Он стремглав побежал к месту, где приземлились драконы, а Кэз отнюдь не спешил на встречу с крылатыми существами.

Бежал не только Хума, но и другие рыцари, даже ветераны, — прилет драконов обычно был связан с событиями особой важности.

Оказавшись на месте приземления крылатых существ, Хума увидел: три рыцаря-командира уже беседуют с громадным золотистым драконом. Гигант говорил тихо и почтительно. Должно быть, дракон сообщил тревожные новости, ибо, как показалось Хуме, лицо государя Освала помрачнело.

Тут Хума увидел Ренарда. Тот выглядел более бледным, чем обычно, и, казалось, о чем-то задумался.

— Какие новости, Ренард?

— Мы отступаем на восточном фланге.

Говорил Ренард, как всегда, монотонно, и Хума не сразу осознал всю серьезность сложившейся ситуации. Когда же смысл сказанного дошел до него, он на какое-то время лишился дара речи, а затем, глубоко вздохнув и несколько раз повторив услышанное, недоверчиво покачал головой:

— Это невозможно! Такого поражения мы еще никогда не знали!

— Теперь узнали.

Они дожидались окончания разговора командиров с золотистым драконом.

К Хуме подошел Кэз. По выражению лица минотавра было видно — он уже знает об отступлении.

Что творится в душе минотавра? Он убил своего командира и теперь, даже если захочет, не сможет вернуться к людоедам...

Как бы прочитав мысли Хумы, Кэз сказал:

— Я не сожалею о том, что я — с вами. Я сказал, что буду бороться с людоедами, и я буду верен своему слову. Если бы я нарушил клятву, мои сородичи прокляли бы меня. Для них я был бы трусом и жалким слабаком.

Рыцарь стал рассматривать опустившихся на землю драконов. Один из серебряных драконов показался ему знакомым. Возможно ли это?

Хума уже чуть было не решил, что он обознался, но тут серебристая драконесса повернулась к нему и кивнула головой. Да, это на ней он летел, да, это она вступила в схватку с черным гигантом, всадником которого был сам Кринас, военный министр.

Со стороны фронта послышался звук рожка, всего один печальный сигнал, медленно умираю-

щий в воздухе, как будто тот, кто дул в рожок, уже потерял всякую надежду на спасение. Так, возможно, и было.

Черная тьма снова стала застилать небо. За несколько минут непроглядная тьма накроет ряды рыцарей. Только боги знали, что произойдет в эти минуты.

Беннет и Арак Снайпер выкрикивали проклятия колдунам, помрачневший государь Освал словно бы постарел в считанные секунды. Он стоял с поникшей головой и молчал.

Драконесса ничего не сказала Хуме, но смотрела на него участливо.

— Милорд! — раздался крик Беннета.

Ветер резко взметнулся вверх. Несколько драконов возбужденно били крыльями, видимо предчувствуя, что зловещие силы готовятся к решительной атаке.

Казалось, после громкого возгласа своего племянника государь Освал воспрянул духом. Он приказал рыцарям построиться в ближайшей лощине и готовиться к сражению. Лагерь бросали на произвол судьбы. Все заторопились. Вопрос стоял о жизни и смерти.

Опустив забрало, Ренард прокричал Хуме:

— Последнее поражение черных колдунов было их хитрой уловкой. Держу пари, что наши маги столкнутся теперь с более сильным, чем прежде, противником и, увы, проиграют.

Ветер усилился настолько, что стало трудно дышать, и Хума, последовав примеру других рыцарей, опустил забрало. Кэз, стоявший позади Хумы, опустить забрало не мог — у него не было шлема. Хума знал, что минотавры способ-

ны выдержать сильнейший шторм на море, но на суше... Кэз закрыл лицо руками и опустился на одно колено.

А ветер продолжал усиливаться. Все вокруг рушилось, со стоек сорвало тент и набросило на лошадей — те дико заржали. Хума успел ухватиться за край тента и, стянув его в сторону, освободил животных. Удержать тяжелую ткань в руках он не смог — остатки тента закружило вихрем и унесло в лес.

Одна беда следовала за другой. Пламя лагерных костров взметнулось вверх; огонь разносило ветром, и несколько палаток загорелось. Кэз закрыл глаза — лицо ему секла поднятая ветром пыль.

— Саргас покинул меня! Саргас, повелитель всех ураганов! — крикнул Кэз.

Наверное, он был прав.

Ни один ураган или шторм, которые приходилось видеть Хуме, не обладал такой разрушительной силой, как этот. Деревья сгибались до самой земли. Если ветер усилится еще хоть чуть-чуть, их с корнем вырвет из земли и унесет; видимо, так скоро и случится.

Бушующая стихия не ослабевала. Хума с трудом стоял на ногах.

А что творится на фронте? Один-единственный сигнал рожка предупредил их о беде. Кринас все хорошо рассчитал. Галан Дракос также.

Внезапно наступила тишина. Ветер почти совсем стих, пыль осела на землю.

Кэз встал. Хума с трудом разлепил глаза, поднял забрало.

— Маги! Они с нами!

Да, маги были совсем рядом, слева от Хумы. Их было двенадцать — шестеро из Красной мантии и шестеро из Белой.

Хума ощущал напряжение, в каком находились маги Красной и Белой мантии. Рыцарь вспомнил последнее сражение. Оно было бездельней в сравнении с этим. Очевидно, маги столкнулись с противником гораздо более сильным, чем ожидали. Вот один маг из Красной мантии упал, обессиленный.

Подул легкий ветерок. К Хуме подъехал всадник. Взглянув на него, Хума узнал Беннета — тот полностью владел собой и уверенно держался в седле. Сейчас Беннета можно было принять за соратника самого Винаса Соамна.

Беннет осмотрелся и сказал, обращаясь к Хуме:

— Пригоните лошадей. Если мы не уведем их отсюда, они погибнут во время боя сил зла и наших магов.

Не успел Беннет отдать приказ — еще один маг из Красной мантии зашатался и стал спотыкаться.

Внезапно пронесся новый шквал ветра.

— Мы проигрываем! — Из-за ветра Беннету пришлось кричать. — Но нам нельзя отступить. Если нас разобьют, уже ничто не помешает шакалам Королевы занять Вингаардскую Башню. Уже ничто!

Оставшиеся десять магов уже не действовали сообща. Одни пали духом, другие были недостаточно подготовлены к сражению. Надо было иначе вести бой; но как именно?

Ураганный порыв ветра, сотрясая землю, едва не свалил Хуму и Кэза с ног. Беннет с тру-

дом удерживал своего коня на месте. Конь был напуган и не хотел слушаться всадника. Он хотел умчаться отсюда прочь.

Наконец Беннет выругался и ускакал.

Хума, выполняя его приказ, почти ползком направился к загону, где метались и ржали лошади. Кэз следовал за ним. Огромному минотавру удержаться на ногах было легче, чем человеку.

Впустить лошадей оказалось делом отнюдь непростым. Они были напуганы до крайности, им во всем виделась угроза.

Ближайший к Хуме конь лягнул его, другой укусил за руку. Но было необходимо отвязать лошадей — иначе они погибнут. Конь, к которому подошел Хума, поднявшись на дыбы, чуть было не зашиб его насмерть, рыцарь едва успел увернуться. Одно копыто все же задело его правое плечо. Удар был скользящим, но плечо разболелось. Хума дотянулся до поводка и отвязал его.

Поначалу показалось, что ему удастся успокоить других лошадей и тоже отвязать их, но они не подпускали к себе человека.

В конце концов Хуме пришлось отказаться от своих намерений.

— Кэз! — позвал Хума, но того нигде не было видно, и тут он вспомнил: именно минотавр защитил его от нападения обезумевшей лошади.

Хума стал оглядываться и наконец отыскал неподвижное тело минотавра. Удары копыт Кэз принял на себя. Вспомнив о клятве минотавра, Хума горестно вскрикнул. Кэз пожертвовал своей жизнью ради его, Хумы, спасения!

— Кэз! — Он опустился на колени перед телом своего спасителя и перевернул его.

К радости Хумы, тот открыл глаза.

— Вы ранены? — спросил минотавр.

— Я должен бы спросить об этом вас!

Хума радостно рассмеялся. Если минотавр интересуется его самочувствием, значит, он будет жить. Он помог великану встать на ноги.

— Вы можете идти?

Минотавр наклонился вперед:

— Подождите немного. Кажется, лошадь зашибла мне грудь.

Пока Кэз приходил в себя, Хума осмотрелся вокруг. Лагерь был почти полностью разрушен. Несколько рыцарей в южной части лагеря спасали то, что еще можно было спасти. На востоке, как показалось Хуме, появилась группа всадников. Палатки, в которой священники Мишакаль лечили раненых, больше не существовало. Раненых нигде не было видно. Вероятно, маги оттянули время, чтобы у них была возможность уйти из лагеря.

Хуме оставалось только надеяться, что Гвинес удалось спастись.

Куда же делись драконы? С того времени, как налетела буря, Хума их больше не видел.

Лагерь был окутан тьмой, словно в безлунную ночь. Хума не мог увидеть, что таится внутри нависшей черной тучи, но попытался разглядеть что-либо вверху, над ней. И наконец — увидел драконов света. Они были выстроены в один из своих боевых порядков, в виде буквы «w». Снизу, с земли, они казались маленькими, совсем крошечными.

Внезапно хлынул дождь. Кэз сердито фыркнул и что-то пробормотал по поводу запаха мокрых людей. Он уже немного отдохнул и мог идти.

Идти в потоках воды было очень трудно. Кэз и Хума шли осторожно, стараясь не поскользнуться и не упасть. Было совершенно темно. Солнечный свет не мог пробиться сквозь черную мглу.

Впереди едва виднелись какие-то смутные силуэты, они удалялись. Скоро они совсем исчезнут из поля зрения, ведь силы Владычицы Тьмы затмили свет. «Затмили свет... Рыцарей уже не видно...» Хума содрогнулся при мысли, что всей землей овладела тьма. Царство тьмы, которым правит Такхизис.

Время от времени тьму разрезали лезвия молний. Хуме хотелось верить, что эти вспышки молний исходили от драконов света.

«Встретили ли они наконец противника?»

Рыцарь желал — это было неосуществимое желание! — хоть чем-то помочь им.

— Хума! — Шепот напугал его, так как он не сразу понял, что зовет его Кэз.

Голос минотавра был охрипший. Кэз очень ослаб после ранения, хотя и старался скрыть это от своего друга.

— Впереди свет, Хума!

Кэз оказался прав. Всего лишь слабое свечение — как от светлячка в ночи, но все же свечение.

Они пошли на него, и тут Хума вспомнил колдуна тьмы, который пытался заманить его в ловушку. Все же это свечение не притягивало

его так, как тогда глаза колдуна. Пожалуй, это свечение хочет им помочь.

Чтобы чувствовать себя увереннее, Хума вынул из ножен меч.

Человек и минотавр пошли вперед, но вдруг поскользнулись в грязи и чуть было не упали.

Медленно-медленно продолжали они идти на свет. Какое-то время им казалось, что свечение не приближается. Однако вскоре Хума понял, что светящийся огонек тоже движется им навстречу.

Он еще сильнее сжал меч. Кэз тоже насторожился.

— Я разыскивал вас повсюду.

Перед Хумой стоял Магиус. Казалось, что весь он светится.

Глава 8

Колдовской свет Магиуса окружил Хуму и Кэза. Им казалось, они в освещенной палатке, вокруг которой кромешная ночь. Им было слышно, как неистово бушует поднятая колдунами буря, но она уже не вредила им. Заклинания Магиуса, защищавшие его самого, спасали также и Хуму и Кэза. Как почувствовал Кэз, незащищенными остались только ноги.

Хума шел, поддерживая Кэза. Ноги минотавра были запачканы грязью. Магиус слегка посмеивался над тем, как выглядит человекобык. Минотавр в ответ сердито ворчал. Еще больше Кэза рассердило замечание Магиуса по поводу того, что его спутники идут слишком медленно; сердило его также то, что сам колдун был защищен полностью — ни одна частичка грязи не попала на его великолепную одежду. Кэз даже пытался, ударяя ногой по лужам, обдать колдуна грязью. Но грязь, не долетев несколько дюймов до колдуна, как бы боясь испачкать его одежду, падала на землю.

Ни рыцарь, ни минотавр не имели ни малейшего представления о том, куда ведет их

Магиус. Они только знали, что наконец-то их защитили от происков колдунов Владычицы Тьмы. То, что могущественная сила колдунов всецело зависела от воли Такхизис, повергло Хуму в глубокое уныние. Теперь более чем когда-либо казалось: они проиграли.

Магиус резко поднял руку. Свечение вокруг него померкло. В крошечной тьме был виден только свет от его волшебного посоха. Они не видели перед собой ничего, но слышали: буря утихла. Были слышны и другие звуки: шорох и тяжелое дыхание каких-то — видимо, больших — существ.

Рука Хумы онемела от напряжения, но он не выпускал меч из рук. Неведомые существа, судя по тому, что они легко ступали в темноте, — ночные обитатели, все шли и шли мимо них. Когда они прошли и все стихло, Магиус опустил руку. Он сразу же повернулся к Хуме и Кэзу и пояснил:

— Ренегаты. Те, кого воспитал или переманил к себе Галан Дракос. Некоторые называют его могучим соратником Такхизис. Он поистине достойный ее соратник.

Хума хотел спросить, кто эти «некоторые», как их назвал Магиус. Ему вообще хотелось задать своему другу много вопросов. До уединения в башне Магиус был насмешником, он постоянно подшучивал над Хумой и высмеивал рыцарство. Юный Магиус по-настоящему увлекся магией и поэтому не признавал никаких иных увлечений. А для юного Хумы рыцари, хотя они и презирали его за «незаконное» происхождение, были образцом для подражания.

Честь и достоинство рыцаря были для него всегда на первом месте. Хума прощал Магиусу его насмешки — тот притягивал его к себе целеустремленностью и жадой знаний.

— Хума, — прошептал минотавр, — а куда мы идем?

Оба они надеялись, что Магиус ведет их туда, где должны были собраться рыцари Соламнии, или туда, где была линия фронта. Однако Хума вдруг осознал: они держат путь в противоположном от фронта направлении.

— Магиус!

— Хм-м. — Колдун даже ухом не повел.

Поколебавшись, Хума спросил:

— Мы идем по Соламнии?

— Нет.

— Но куда же мы идем?

Магиус ответил сразу и спокойно, но сказанное им ошарашило Хуму:

— В мою крепость, в мое поместье.

Хума раскрыл рот от удивления:

— В Эргот?

— Да.

Магиус спокойно продолжал идти вперед, а его спутники остановились. Неудивительно, что буря утихла. Они шли по территории противника!

— Он предал нас! — Кэз протянул к Магиусу свои огромные руки: Шею обыкновенного человека эти руки свернули бы в одно мгновение.

— Остановись, Кэз!

Но минотавр уже не подчинялся Хуме. Кэз опасался, что его выдадут людоедам и те убьют его.

Огромные руки минотавра кольцом сомкнулись вокруг шеи мага, но не смогли сжать ее. Заклинание, которое защищало Магиуса от грязи, делало его поистине неуязвимым. Наверное, Магиус с самого начала сделал себя неуязвимым для внешнего мира. Не вырываясь из тисков Кэза, маг повернулся к нему. Минотавр не долго думая замахнулся, намереваясь ударить Магиуса по голове. Кэз напрасно рассчитывал на свою силу. Маг не шелохнулся, а рука минотавра словно натолкнулась на препятствие. На лице колдуна появилась издевательская усмешка; ее Хуме приходилось видеть на лице друга и раньше, в детстве.

— Я не предавал никого из вас. Действительно, мы идем в Эргот, но не бойтесь: большая часть его еще не подпала под власть людоедов и их мерзкой повелительницы. А если бы мы пошли вслед за рыцарями, нам грозила бы куда как большая опасность.

Хуму передернуло от этих слов: он верил, что рыцари выполнили свой воинский долг до конца...

Магиус не сказал, что магам света тоже пришлось спасаться бегством.

Неожиданно минотавр громко закричал:

— Именем Саргаса и моих предков...

Магиус с посохом в руке шагнул к Кэзу, и тот попятился назад — он уже побаивался колдовских заклинаний.

— Если мы привлечем к себе чье-либо внимание, это произойдет по вашей вине, минотавр! Взывайте к своим предкам, если считаете это необходимым, но не упоминайте имени

злого бога, если не хотите, чтобы он явился сюда.

Саргас!

Хуме потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: «Саргас, или Саргонас. Сторонник Такхизис, Владычицы Тьмы. Минотавры поклоняются ему. Призвать его сюда...»

Рыцарь был уверен, что Кэз назвал имя Саргаса не по злому умыслу, но все равно это могло грозить им неприятностями, ведь сейчас боги внимательно и заинтересованно следили за происходящим на земле. Саргас вряд ли будет доволен тем, что минотавр убежал к рыцарям Паладына. Саргас был мстительным и злым богом.

Кэз благоразумно не стал больше клясться именем этого бога.

— Ну, можно идти дальше? — поправляя одежду, сказал Магиус. — Скоро я перестану быть неуязвимым, а у меня нет ни малейшего желания попасться на глаза ищейкам Такхизис.

Хотя, по-видимому, еще был день, они шли за магом в полной темноте.

Рыцарь задумался: только ли Эргот во власти тьмы, или она уже накрыла и всю Соламнию? Он корил себя за то, что он сейчас не в рыцарских рядах, но утешал себя тем, что продолжит борьбу здесь, где военный министр меньше всего ожидает его.

Наконец путники заметили просвет во тьме: или она стала ослабевать повсюду, или они пришли туда, где кончалась власть черных колдунов.

— Для создания и сохранения всей этой чудовищной силы необходима колоссальная энер-

гия, — сказал Магиус. — Ренегатам Галана Дракоса не откажешь в способностях, но и у них силы не беспредельны. Все же мне кажется, что они добились своего. Равновесие в мире нарушено.

Внешне Магиус не выглядел обеспокоенным.

Впереди появились какие-то смутные, призрачные фигуры. Они почти сливались с деревьями и кустами.

— Магиус, как дела на восточном фланге?

Колдун, пристально глядя вперед, медлил с ответом.

Хума повторил вопрос:

— Как дела на восточном фланге?

— Там вели сражение драконы.

Хума это знал и сам, ему хотелось знать, что с ними стало. Они все погибли? Что с серебрястой драконессой, жива ли она?

— Восточного фланга больше нет.

— Это правда?

Магиус молчал.

Кэз скрестил руки на груди:

— Вы знаете многое, колдун. Гораздо больше, чем говорите нам.

Легкая усмешка снова появилась на лице Магиуса.

— Когда мы доберемся до места, я постараюсь ответить на все ваши вопросы.

— И когда же мы доберемся? Мне кажется, нам предстоит идти еще несколько дней.

Магиус тряхнул золотистыми волосами:

— Не будем ссориться и спорить, хорошо? Возможно, сейчас мы проходим самый опасный на всем пути участок.

Кэз невольно пробормотал:

— Снова сплошные загадки!

В лесу стало светать, затем почти сразу же наступил день. Пасмурный, как обычно и бывало в Ансалоне после нашествия сил Владычицы Тьмы, но все же день.

Все трое остановились. Даже Магиус не скрывал радости оттого, что стало светло.

— Нам надо быть предельно осторожными. Я выбрал кратчайший и самый, пожалуй, безопасный путь, какой только возможен, но все равно нам придется идти целый день. Я не хочу, чтобы Дракос или колдуны Черной мантии знали, где я укрываюсь.

Кэз и Хума, покачивая головами, многозначительно посмотрели друг на друга. Хума и знать не знал, о каком укрытии говорит Магиус.

Молчание прервал Кэз:

— Я проголодался.

Тотчас и Хума почувствовал, как он голоден!

Магиус вздохнул. Он постучал своим волшебным посохом, и перед путниками появилась сумка примерно таких же размеров, как походная сумка Хумы.

— Съестного в ней немного.. Но голод вы сможете утолить.

Это немного оказалось более чем достаточным для трех голодных путников, одним из которых был огромный минотавр. Пока Магиус вынимал из сумки фрукты, хлеб и даже фляжку с вином, Хума рассматривал ее. То, что уже достал Магиус, превышало по объему саму сумку, и, несомненно, она еще не была пустой. Какие еще фокусы покажет его давний школьный

друг? Насколько могуществен Магиус, какому богу он посвятил себя?

Обкусывая яблоко, Хума смотрел на одежду Магиуса. Доброму колдуну следовало носить или белую мантию Добра, или красную мантию Равновесия. Но в одежде Магиуса преобладали голубой и золотистый цвета, а это более всего подходило для домашней одежды царедворца в Эрготе. Хуме даже показалось, что одежда Магиуса отделана чистым золотом. Накидка была такой белой и такой мягкой, что, казалось, была сделана либо волшебником, либо первоклассным мастером. На ногах Магиуса — высокие сапоги из великолепно выделанной кожи. Хума не знал, что это была за кожа, но подобные сапоги ему приходилось видеть только однажды. Точно такая же пара сапог была у Великого Магистра. Словом, одежда Магиуса не была обычной одеждой магов.

Раздумья Хумы прервал Кэз:

— Боги моря! Подобного вина мне в жизни не приходилось пробовать!

Возглас минотавра позабавил Магиуса.

— Отдаю должное вашему вкусу. Это редкое вино мне подарили эльфы Квалинестии. Оно стало моим любимым вином.

— Вы общались с эльфами Квалинестии?

Хуме приходилось слышать о них, а также об их родственниках, эльфах Сильванестии, но он никогда их не видел. Видел только полуэльфов; Гвинес, по-видимому, была из их рода.

Гвинес! Хума поспешил поскорее отогнать мысли о ней. Пусть воспоминание о девушке живет в самом глубоком тайнике его памяти.

— Да, я бывал у них, — ответил Магиус, — и научился их понимать. Они свято чтут традиции своего рода. Они горды. Каждый из них полагает, что он в одиночку может спасти весь мир. А их понятия о чести такие же, как у людей.

День клонился к вечеру. Хума напряженно смотрел туда, откуда они пришли. Он никак не мог освободиться от гнетущих его мыслей.

Надвигалась ночь, и Магиус предложил устроить ночлег.

Когда Хума посоветовал выставить часового, колдун только рассмеялся. Он заверил: его способностей окажется вполне достаточно, чтобы они спали спокойно. Но Хума и минотавр настаивали, и тогда колдун согласился, но только при условии, что он будет дежурить последним.

Если рыцарь спит слишком крепко, он может никогда не проснуться. Таково было одно из первых правил, какое Хума усвоил. Очень уж много врагов было повсюду. У рыцарей даже развилось особое чувство: они ощущали во сне чье-либо незримое присутствие. Такое чувство было развито и у Хумы.

Приближалось утро, дежурил Магиус. Хума, спавший на боку, неожиданно открыл глаза. Первое, что он увидел, были ступни минотавра и неподвижное тело Магиуса, скорее всего спящего. Хума не сомневался: сзади него кто-то стоит. Медленно и осторожно он перевернулся на спину — словно бы во сне. Рукой нащупал рукоять меча и почувствовал себя немного уве-

ренней. Чуть-чуть приоткрыл глаза и едва удержался, чтобы не закричать.

Мгновение — и он вскочил на ноги, выставив вперед меч.

Секунду спустя, громко фыркнув, вскочил Кэз, как всегда готовый к бою.

Перед ними неясно вырисовывалось что-то огромное, превосходящее по величине минотавра, — огромный, поросший мхом валун.

Был ли он здесь вчера вечером — Хума не мог вспомнить.

Вот это — не руки, а просто отростки камня, похожие на руки. Это — не волосы, а мох на камне, напоминающем голову великана. А это — не глаза, а две серо-голубых крапинки на камне. Все это пронеслось в мозгу Хумы за считанные секунды.

Но камень был живым, он шевельнулся. Казалось, он сделал это не сам — кто-то управляет им.

Хума стоял крепко сжимая меч. Кэз поднял секиру.

Громкий хохот огласил лес. Хохотал, конечно же, Магиус.

— О, мои храбрые воины. Робот не станет воевать с вами. Он — мой стражник.

Кэз резко взмахнул рукой, и секира глубоко врезалась в дерево, рядом с которым сидел Магиус. Секира просвистела буквально в нескольких дюймах от его головы.

Колдун повернулся к ним, бледный, как Ренард, с полуоткрытым ртом. А минотавр упал как подкошенный. И земля словно бы стала засасывать его.

Хума ткнул мечом в землю перед собой, она была твердой, как обычно, затем снова посмотрел на Кэза. Неистово ревя, минотавр лежал на спине, и его — засасывало!

Магиус уже вполне овладел собой. Он смеялся, но тихо и без издевки.

Увидев, что Кэз пытается подняться, он только покачал головой:

— Вы не встанете, пока я не разрешу вам это, мой беспокойный друг. Дайте слово, что отныне вы будете паинькой.

Минотавр дергался, пытаясь подняться на ноги, и не мог; наконец он проворчал:

— Ладно, даю слово.

Магиус взглянул на робота. Хуме показалось, серо-голубые крапинки впились в глаза колдуна. Внезапно земля перестала засасывать Кэза.

Но Кэз все еще не решался подняться.

— Ну, вставайте же! — тихо сказал колдун. — Вставайте!

Хума немного успокоился, но не убрал меч в ножны. От робота, как бы там ни было, можно было ожидать чего угодно.

Магиус подошел к роботу. Словно человек, обучающий собаку, он поднял руку вверх и сказал:

— Говори со мной.

Голос робота был глухой и вибрирующий, словно с силой трясли ведро с камнями. Его первые слова разобрать было невозможно. Робот повторил их несколько раз:

— Все в порядке. Сюда никто не приходил. Крепость приветствует возвращение хозяина.

Робот замолчал.

Магиус кивком головы выразил свое удовлетворение и сказал Хуме и Кэзу:

— За этой густой рощей в трех-четырех часах ходьбы — мой дом.

Хуме хотелось пустить в ход кулаки, но он сдержался. Он только что видел силу колдуна.

— Дом близко, а ты заставил нас спать здесь?

— Я думаю, вы слышали слова робота, не так ли?

Лицо колдуна было совершенно серьезным.

— Ну и что из этого?

— Только я осмелился бы войти в рощу ночью, и то лишь потому, что я сам вырастил ее. Провести же вас через нее ночью — это означало бы подвергнуть вас смертельной опасности.

Хума посмотрел в ту сторону, куда показывал его друг:

— Но где опасность? Разве мечом или секирой мы не поразили бы врага?

Колдун рассмеялся:

— Физическое уничтожение — это только один из способов предать человека смерти. Вот, скажем, надо быть чрезвычайно сообразительным, чтобы найти единственный выход отсюда. Хотите — можете сами проверить свои умственные способности.

«Сплошные загадки, как сказал бы Кэз», — подумал Хума.

Он не верил, что существует противник, с которым нельзя встретиться лицом к лицу.

Да, конечно; Магиус сильно изменился после их последней встречи.

— Робот будет направлять нас и сделает все возможное, чтобы защитить каждого, кто собьется с пути. Даже боги не смогут помочь неудачнику — ибо сама роща не простит ему ошибки.

Через полчаса они подошли к роще. Никогда прежде Хуме не приходилось видеть такого буйства зелени. Трава была высокой и сочной. Деревья, кусты, виноградные лозы росли, тесно прижавшись друг к другу, и все это создавало вокруг владения Магиуса непроходимую стену. Сколько ни пытался Хума, он не мог проникнуть сквозь нее даже взглядом.

Через рощу вели многочисленные тропинки, и было совершенно невозможно угадать, какую из них следует выбрать.

Робот повел путников по самой, казалось, неверной тропинке.

Кэз недоверчиво поглядел на выбранную тропку и поднял вверх свою ручищу.

— Посмотрите сюда. — Он показал на острые шипы колючих лиан, нависших над тропинкой. — Дорожка, которая рядом, не такая заросшая. А это неправильно выбранный путь!

Магиус взглянул на него с явным презрением:

— Вы легко клюнули на приманку, мой друг. Выбирайте, пожалуйста, другой путь, если хотите! Здесь мы, конечно, можем слегка поцарапаться о колючки. Там... там может произойти какая-либо беда посерьезнее.

Кэз вертел головой во все стороны, смотрел то на одну, то на другую дорожку. Наконец в отчаянии он взглянул на Хуму. Тот в свою очередь взглянул на Магиуса.

Колдун молча ждал.

Повернувшись лицом к дорожке, над которой нависали лианы, Хума сказал:

— Я верю ему, Кэз.

— Тогда я иду с вами.

— Рад, что вы согласились со мной.

Магиус, сощурившись, покачал головой. Он поднял свой посох и стукнул им по заду — это, во всяком случае, напоминало зад — робота. Робот пошел вперед по выбранной ранее тропинке. Магиус уверенно шагнул вслед за ним. Минотавр, взглянув на Хуму, зашагал вслед за магом. Хума, глубоко вздохнув и вынув меч — для чего, он и сам не мог этого сказать, — ступил на тропинку последним.

Глава 9

Тропинка все время поворачивала и поворачивала в одну сторону; если бы не заверения Магиуса, Хума думал бы, что они кружат на одном месте. Ему не нравилось, что в роще даже днем было пусто и мрачно. Если бы им не помогал свет волшебного посоха, они определенно сбились бы с пути.

Хума едва уклонился от колючей ветки, преграждавшей путь. Но какая-то из бесчисленных колючек все-таки больно уколола его в лицо, и Хума опустил забрало.

Колючие ветки постоянно скреблись о его доспехи, и он раздраженно срубал их мечом одну за другой. Однако, когда он оборачивался назад, никаких упавших ветвей он не видел.

Кэз впереди него выругался и занес секиру над колючим кустом. Минотавр с яростью разрубил куст на куски. Почти сразу же после этого на глаза ему попала свисающая над дорогой лоза. Он тотчас рассек ее на части. И что же? Нигде никакой щепки, никакой обрубленной веточки!

На одном из поворотов произошел казус. Магиус, задумавшись, не учел, что робот во

время движения срезает верхний слой земли. Он ожидал, что упрется посохом в твердую землю, и вдруг попал посохом в ямку и повалился на тропу. Следовавший за ним Кэз, наскочив на колдуна, тоже упал.

Хума резко отпрянул в сторону, но потерял равновесие и тоже упал. Головой он врезался в полусгнивший огромный пенёк. Потирая затылок, Хума посмотрел вокруг. Тропинки уже нигде не было. Вокруг сплошной стеной стоял лес. Между деревьями рос высокий кустарник. Кое-где смутно виднелись какие-то фигуры. Темные, призрачные силуэты. Хума закрыл глаза и тотчас открыл их, надеясь, что призраки исчезнут. И тут мурашки пробежали по его телу. Рыцарь замер, не веря глазам своим. То, что он увидел, не поддавалось описанию. Он только почувствовал: какой-то призрак, стоящий поблизости, ждет когда Хума подойдет к нему.

— Магиус! Кэз! — крикнул Хума, но только эхо было ему ответом.

Послышалось что-то похожее на тихий смех.

— Ху-у-ума-а-а...

Рыцарь попытался достать меч из ножен, но тут же вспомнил, что меч до падения был у него как раз в руках. Однако сейчас меча в руках не было.

Что-то огромное и бесформенное отделилось от остальных призраков и двинулось к нему. Нервы рыцаря напряглись, а смех повторился снова.

Хума выхватил кинжал. Когда призрак буквально вплотную придвинулся к нему, рыцарь перестал что-либо видеть. Он: что есть силы

вонзил в тело призрака кинжал, но рука его утонула в грязи, и кинжал он выпустил.

...Широко раскрытыми глазами уставился Хума в голубые крапинки робота. Рыцарю хотелось обнять его. Робот проговорил уже знакомым голосом, напоминающим стук камней в ведре:

— Следуйте за мной.

Это были самые чудесные слова, которые так хотелось услышать рыцарю в этот момент!

Радости Хумы не было границ, меч вдруг снова оказался у него в руке.

А две крапинки быстро исчезли, как бы утонув внутри робота.

Вдруг робот замер, и Хума подумал, что он застрял в земле. Он убрал меч в ножны и наклонился, чтобы посмотреть, что случилось: Хума хотел помочь роботу. Но едва дотронулся до робота — отдернул руку: нестерпимо горячо!

Голубые крапинки снова появились на лице робота. И тот повторил команду:

— Следуйте за мной.

Робот качнулся, и Хума отпрыгнул в сторону, боясь, что робот его задавит.

Вместо того чтобы повернуться, как это сделал бы человек, робот просто сдвинул свое «лицо» в ту сторону, куда он собирался идти. С изумлением глядящий на робота, Хума пропустил мимо ушей его команду. Робот не стал повторять своих слов, шаркающей походкой он взобрался на холмик и исчез. От неожиданности Хума схватился за меч.

Затем, сжав зубы, он прыгнул и оказался... прямо перед обеспокоенным минотавром и озадаченным колдуном.

— Хума! — Кэз чуть не раздавил его в своих медвежьих, точнее, бычьих объятиях.

Магиус улынулся с облегчением:

— Когда ты сбился с пути, твой друг все время рвался пойти на поиски тебя. Мне с трудом удалось убедить его, что будет уже совсем глупо, если потеряетесь вы оба.

Минотавр выпустил Хуму из объятий и повернулся к магу:

— Вы не пошли искать его! Но кому-то надо же было идти на поиски!

— Я послал робота. — Магиус откинул назад свои роскошные волосы. — Хотя я сам мог бы отыскать Хуму, все же я предпочел послать робота, который ничего не боится. Зачем рисковать собой и искать приключений на свою голову?!

— Вы — трус!

— Я — реалист. — Магиус повернулся к Хуме: — Если бы здесь не было робота или он не смог бы найти тебя, я бы сам пошел тебя искать, не сомневайся.

Кэз иронически фыркнул, но Хума поверил магу. Магиус не обратил на фыркание минотавра никакого внимания и дал команду роботу продолжать путь.

Хотя больше и не произошло никаких приключений, Хума уже все время был начеку.

Наконец они выбрались на свет. Ослепительный свет! Словно всегда висящие над землей облака наконец расступились, и на землю хлынули долгожданные потоки солнечного света!

Все заулыбались, даже на лице Кэза появилась широкая улыбка. Улыбка у Магиуса была аж до ушей...

Он высоко поднял свой посох:

— Добро пожаловать в мой дом.

Перед ними открылась большая светлая поляна. Казалось, вот-вот на ней появятся танцующие и резвящиеся эльфы. Бабочки и птицы летали над золотистой пшеницей. Маленькие пушистые зверьки прыгали между деревьями, окружавшими поляну. Если во всем Кринне и был где-нибудь райский уголок — он был здесь.

В центре этой чудесной поляны стояла крепость Магиуса. Башня. Она, как и все вокруг, казалась золотой. Вместо обычной двери были огромные деревянные ворота. В верхней части башни — великое множество окон. Острый, как игла, искусно сделанный шпиль придавал башне вид огромного копья. Она сверкала металлическим блеском, и это напомнило Хуме башню из его ночного кошмара — ту башню, что нависала над самым краем адской бездны. Магиус, поклонившись, пригласил Хуму и Кэза ступить на поляну.

Робота нигде не было видно, — возможно, он уже снова охранял магическую рошу.

— Вы здесь в полной безопасности, мои друзья. Более надежного укрытия нет во всем Ан-салоне.

Ступив на поляну, рыцарь и минотавр ощутили себя детьми. Все их тревоги исчезли. Словно никогда не было ни войны, ни ненависти, ни страха. Грудь переполняла красота открывающегося перед ними простора. Идущий сзади колдун наблюдал за ними с улыбкой, но улыбка вскоре исчезла с его лица.

Пока они шли, вокруг, казалось, происходит нечто необычное. Башня... вырастала. С каждым

шагом она становилась все выше и выше. Оказавшись у ворот, Хума и Кэз уже высоко задирали голову.

— Как драконы могут не замечать такую громадину?! — В словах Кэза было искреннее удивление.

— Так же, как и поляну, — ответил Магиус. — Вещи не всегда такие, какими их видят наши глаза. Это место было создано задолго до того, как нога человека впервые ступила на землю Кринна. Я потратил немало времени, изучая секреты его создателей, но смог получить лишь слабое представление об искусстве людоедов. Я просто не мог и поверить, что людоеды способны были построить такой великолепный дворец. Может быть, он был создан по воле богов как райский сад для самих богов? Думаю, это вернее всего.

Внезапно Хума закашлялся.

Осекшись, Магиус тихо сказал:

— Извините меня. Я увлекся. А вы, должно быть, устали и проголодались. Давайте войдем во дворец и приведем себя в порядок, а после этого продолжим беседу.

Магиус поднял посох и что-то прошептал — казалось бы, бессмысленный набор слов. Посох, утратив свое прежнее свечение, неожиданно зажегся новым ярким светом. Хума и Кэз на мгновение даже прикрыли глаза.

Ворота открылись, — вероятно, их двигала чья-то сильная невидимая рука. Магиус не переставал удивлять Хуму. Правда, рыцарь подумал: это тоже могло быть творением древних строителей.

Они прошли через ворота и вошли в зал, который по размерам был меньше, чем залы в домах высшего сословия, но затмевал их роскошью. Вдоль стен стояли скульптуры эльфов, людей и богов. Наверх вела напоминающая змею винтовая лестница. На одной стороне зала висели желтые и красные гобелены с изображениями созвездий, а на противоположной — была изображена горная вершина. Она казалась настолько реальной, что Хума просто не мог оторвать от нее взора. Ему не давало покоя ощущение, что эта вершина почему-то ему знакома, хотя он готов был поклясться, что никогда прежде не видел ее. Хума завороченно все смотрел и смотрел на вершину, пока голос Магиуса не заставил его очнуться.

— Здесь, увы, не все картины являются оригиналами. Осторожнее! — Последнее относилось к Кэзу, который схватил старинную скульптуру дракона, выглядевшего очень необычно.

Дракон был длинным и тонким, словно змея с крыльями и лапами. Хотя краска уже сильно поблекла, но можно было догадаться, что тело дракона было когда-то выкрашено в зеленый и голубой цвета. В очень необычные для драконов цвета.

— Готов поклясться, эта скульптура была создана одним из моих предков, минотавров.

— Навряд ли. Скорее это работа эльфов. Посмотрите не нее повнимательнее.

Кэз фыркнул:

— Вы думаете, что у нас нет мастеров? О, я отличу любую подделку, даже если это окажется не под силу вашему искусственному уму.

— Но зачем кому-то понадобилось изображать дракона таким? Я никогда не видел, чтобы драконы были такими длинными и тонкими. Разве они когда-нибудь существовали? — спросил Хума, обращаясь к Магиусу.

Маг пожал плечами:

— Лично мне не приходилось слышать о том, что подобные драконы существовали на самом деле. Думаю, это просто вымысел художника. Но скульптура очень древняя, и вот почему она не может быть творением минотавров.

— Мы являемся первой культурной расой на Ансалоне.

— Культурной или прирученной?

Кэз раздраженно бросил статуэтку в мага, но она застыла в воздухе, когда до лица колдуна оставалось не более трех футов. Минотавр не смог скрыть досады.

— В следующий раз цельтесь точнее, бык, потому что вы будете кидать что-либо в последний раз. И в следующий раз бросайте что-нибудь менее ценное.

Магиус бережно поставил скульптуру дракона на прежнее место.

Кэз непрерывно фыркал, глаза его налились кровью.

Хума, неожиданно вытащив меч, встал между магом и минотавром.

— Опомнитесь!

Окрик прозвучал так властно, что и маг, и минотавр уставились на Хуму, будто хотели удостовериться, не сошел ли он с ума.

Хума смотрел на них, как ему думалось, грозно.

— Ансалон, а может быть, и весь Кринн захвачены Такхизис, а вы двое ссоритесь, как дети!

Кэз всем своим видом показывал: он смущен. Магиус пожимал плечами, словно никакого инцидента и в помине не было.

— Вы увидите еще много интересного, но, я полагаю, сейчас вам надо отдохнуть. Я не ошибаюсь?

— По крайней мере в этом ты и вправду не ошибаешься, — пробормотал Кэз.

Хума вложил меч в ножны, но был все еще раздражен.

— Что нас теперь ждет? Не можем же мы торчать здесь вечность. Ты ведь для чего-то искал нас. Ты что-то задумал?

— Конечно. — Ответ последовал незамедлительно, но глаза мага заставили Хуму насторожиться.

Перед ним снова стоял незнакомый ему Магиус. Магиус, у которого были тайны от своего друга. Как он изменился!

«Или это я изменился?» — подумал Хума.

Прежде он не осмелился бы ни о чем спрашивать Магиуса или усомниться в искренности его слов. Но годы, проведенные среди рыцарей, научили его добиваться полной правды.

С некоторой нерешительностью Хума сказал:

— Я хотел бы знать, что ты задумал.

— В свое время узнаешь. А сейчас у меня очень много срочных дел. Пока я буду их делать, вы можете спокойно отдохнуть и пообедать.

Магиус стукнул посохом об пол. Хума почувствовал: по его телу пробежала дрожь; он

увидел, как туманное облачко закружилось вокруг Магиуса, словно птица вокруг своего хозяина. Облачко словно бы жило собственной жизнью.

— У нас гости. Веди.

Магиус говорил, обращаясь не к Хуме и Кэзу, а к облаку, и оно отозвалось:

— Ууу нассс гостиини. Ведддии.

Голос облака шипел, словно вода, вылитая в огонь.

— Приготовь комнаты на ночь.

— На'ноч-ч-чь.

Магиус недовольно поморщился и сказал, как бы ни к кому не обращаясь:

— Воздушные роботы такие медлительные!

Затем, повернувшись к Хуме, маг сказал:

— Когда вы поедите и отдохнете, вам все станет ясно.

Кэз хмыкнул, но Магиус не удостоил минотавра даже взглядом.

Воздушный робот, выполняя приказ, услужливо кружился над Кэзом и Хумой.

— Идти-и-и. Гос-с-сти-и-и.

Робот повёл гостей наверх по винтовой лестнице, а хозяин остался внизу, в зале.

По дороге Кэз шепотом спросил Хуму:

— Этот колдун — ваш друг?

— Да, — ответил Хума не очень уверенно.

— Молитесь, чтобы и он считал вас своим другом. Кажется, эта башня может стать для нас тюрьмой, из которой, как ни пытайся, не убежишь.

Хума ничего не ответил, но нечто подобное уже приходило ему в голову.

Правда, если бы это на самом деле была тюрьма, то толпы преступников просились бы в нее: Хума и Кэз наслаждались трапезой, достойной королевского стола. Мясо и фрукты, не говоря уже о вине, были в изобилии. Комнаты тоже были великолепными, хотя и слишком большими для человека среднего роста — такого, как Хума. Но минотавру размеры комнат казались идеальными — как раз по его росту, и в этом он видел еще одно свидетельство в пользу того, что башня построена его предками.

Хума никогда не слышал о том, что минотавры хоть когда-либо бывали здесь, но не стал спорить с Кэзом.

Каждому из них была предоставлена отдельная комната. Это вызвало протест со стороны Кэза — он считал, что колдун начал действовать по принципу «разделяй и властвуй».

— Магиус мог бы расправиться с нами уже сто раз, — возразил Хума. — Вспомните, что он сделал с вами возле роши и в зале.

— М-да. Но позвольте мне побороться с ним. Один на один.

— И от вас останется просто мокрое место. Колдовство для него — дыхание.

Минотавр ударил кулаком в стену. Это привело его в чувство.

— На моей родине...

Хума прервал его:

— Мы не у вас на родине, мы в Эрготе. Здесь живут по своим законам.

— По законам?! Вы уже забыли о войне?

— Нет. Но вы должны поверить мне. Я все-таки знаю Магиуса лучше, чем вы...

— Будем утешаться этим. Ради нашего же спокойствия.

Хума вспомнил эти слова, лежа в своей комнате. Несмотря на усталость, он не мог уснуть.

А Кэз спал как убитый, если предположить, что убитые могут храпеть.

Свечи в комнате Хумы уже догорали. В их дрожащем пламени по стенам прыгали тени. Одна из них — высокая и чрезвычайно густая — заставила Хуму насторожиться. Она была такой глубокой, что Хуме показалось — он бы мог за просто войти в нее и пройти сквозь стену.

— Хума.

Из тени показалась сначала одна ладонь, за ней вторая. Рыцарь схватился за меч, который висел над кроватью.

— Хума, я должен поговорить с тобой.

— Магиус?

— А кто же еще?

Стали видны плечи, а потом появился и сам маг полностью.

— Извини меня за неожиданное вторжение, но мне не хотелось, чтобы меня слышал миноватр — ему может не понравиться то, что я скажу тебе.

— А мне понравится? — Хума спросил с раздражением. Поступки колдуна стали выводить из себя даже его лучшего друга.

Их глаза встретились, и Магиус тотчас отвернулся.

— Ты — другое дело. Ты, по крайней мере, понимаешь то, что тебе говорят. Ты знаешь, мне ведь ничего не стоит расправиться с этим двуногим быком.

— Тогда бы ты причинил мне боль.

— Знаю. — Колдун закрыл лицо ладонями. — Знаю, как он тебе дорог.

Хума встал, подошел к своему другу и мягко опустил руку на его плечо:

— Рассказывай. Я обещаю, что выслушаю тебя очень внимательно.

Магиус посмотрел на Хуму, и словно вернулись веселые и беззаботные дни детства. Но это ощущение исчезло так же быстро, как и появилось.

Колдун повел рукой, и в тот же миг в ней оказался волшебный посох.

— Ты видишь перед собой могущественного, очень сильного колдуна. Это не только мое мнение. Так сказал обо мне неунывающий толстяк волшебник Белгардин.

Белгардин!

Хума часто слышал про него. Да, он первый заметил силу, ключом бьющую в молодом Магиусе. Силу, которой прежде ему не приходилось встречать. Белгардин был знаменитым магом Красной мантии, он оказывал поддержку молодому Магиусу и поручился за него перед главой ордена.

— И он не разочаровался во мне. Я оказался самым способным из всех новичков. Мне удалось то, что было не по силам даже опытным магам. У меня — божий дар.

Самооценка Магиуса не была преувеличена, все, что говорил он, было истинной правдой.

— Вам, простым людям, приходилось, конечно, часто слышать об испытаниях, каким подвергают колдунов. — Магиус резко взмахнул ру-

кой. — Но слухи не идут ни в какое сравнение с действительностью.

Испытания проходили все молодые маги. К какому бы ордену они не принадлежали.

Магиус ткнул посохом в пол и оперся на него.

— Я не знаю, что пришлось испытать другим магам, некоторые во время испытаний даже умирают. Но я, готовясь к испытаниям, все тщательно обдумал. Я полагал: мои повелители могут направить против меня темных эльфов, заставят уничтожать пожилых или больных. Возможно, они поставят меня на край бездонной пропасти, лицом к лицу с Владычицей Тьмы. Я знал: многое из того, что я рисовал в воображении, станет реальностью. Той реальностью, что убьет меня.

Хума понимающе кивнул. Сказанное Магиусом его не удивило. Подобное ему уже приходилось слышать.

На красивом лице мага появилась улыбка, и он громко рассмеялся. Хума не мог понять, что его так развеселило. Может быть, Магиус сошел с ума?

— А они просто дурачили меня. Или сами не знали, что происходит во время испытаний. Мне кажется, что подчас сама судьба вмешивается в программу испытаний. Как бы то ни было, я столкнулся с одним испытанием, которое оказалось для меня неприемлемо, — это моя смерть. Моя смерть в будущем.

Хума молчал. Он мог бы сказать Магиусу, что такого испытания не было на самом деле, а происходило лишь в его воображении. Но как

он мог это сказать, если сам верил: так и было в действительности?!

— Тем не менее я остался жив. Думаю, если бы я выдержал испытания, я бы сошел с ума. Я обманул их, став сумасшедшим совсем в ином смысле. Я понял: все, что я увидел, будет происходить на самом деле, и я ушел из башни уединения, прекратил испытания, я уже знал свою судьбу и поэтому хотел кое-что сделать. Но я почувствовал себя беспомощным и одиноким. У любого ордена магов — строгий устав. Несмотря на провозглашаемую свободу, ни Красная, ни Белая, ни Черная мантии не могли удовлетворить меня. Они все-таки слишком скованы жесткими рамками. Ведь ты заметил: я не ношу их одежду?!

Магиус захихикал, потом вздохнул. Свечи сгорели почти дотла.

— Я не был согласен с уставами всех трех орденов и решил не вступать ни в один из них, а хотел, извини за громкие слова, изменить будущее.

Хума невольно отпрянул от Магиуса. Станные заклинания, одежда, какую маги не носят... Он покачал головой, не веря, что можно и в самом деле сделать то, на что отважился Магиус.

— И мне не оставалось ничего иного, — продолжал Магиус, — как стать ренегатом.

Глава 10

ы изумлен, Хума? Я был молод, порывист. Вероятно, все равно я бы не стал учиться на мага. И до сих пор я считаю испытания бессмысленным, варварским методом обучения.

В смятении Хума рухнул на кровать. Ему, исповедующему идеалы рыцарства, все колдуны внушали опасение. А ренегаты были страшнее даже колдунов Черной мантии — для своих целей ренегаты используют запрещенные приемы, не брезгают ничем.

Магиус прочитал в глазах Хумы, о чем он думает, и грустно улыбнулся:

— Но, Хума, знаешь ли ты, кто такие ренегаты? Их мало, ибо трудно уйти из-под власти Конклава. Некоторые из них очень хорошие люди. Порой совсем не могущественные. Доведись им пройти испытания на мага — они погибли бы. И поверь, они делают все возможное, чтобы помочь силам добра. Конечно, среди них есть и другие...

— Галан Дракос, например.

— Да: — Магиус побледнел. — Даже могущественные маги Владычицы Тьмы боятся его. Однако он нужен самой Такхизис.

— Ты, наверное, знаешь о нем многое.

— Я много и часто слышал о нем. И я надеялся, что он мог бы оказать мне помощь и защитить от всех трех орденов — ведь он их не боится.

В соседней комнате послышались шаги. Магиус тотчас подошел к стене.

— Кажется, я должен уйти. Попробуй поверить, что я все делал из добрых побуждений. А разговор этот мы продолжим позднее.

Магиус исчез. Хума бросился вслед за ним, но наткнулся только на стену. Только на стену, как он и думал. Там, где мог пройти Магиус, Хума пройти был бессилён.

— Я слышал его голос! Где он?

Пораженный свирепостью минотавра, Хума невольно попятился.

— Что случилось, Кэз?

— Как я и подозревал, мы в ловушке. Секира исчезла! Кинжалы тоже.

— Не может быть! — Хума взглянул туда, где висел меч.

Ножны были на том же месте, но были они... пустыми. Хума тотчас осмотрел все свои вещи. Так же, как и у Кэза, все оружие Хумы пропало. Сомнений не было: оно исчезло, пока Хума и Магиус разговаривали.

Хума коснулся ладонью лба. В комнате стало нестерпимо жарко. Он почувствовал: кровь прихлынула к голове. Кэз еле успел поддержать его.

— Что он вам сделал? Вы заболели?

— Я совершенно здоров. — Хума успокоил своего друга. — Ерунда.

Магиус обвел его вокруг пальца. А он-то верил, что друг детства не обманет! Но теперь было ясно: колдун лгал. Зачем, почему? Где правда, где ложь? Ответов на все эти вопросы не было.

Хума стал поспешно надевать доспехи.

— Мы сейчас же уходим.

Кэз помог ему собраться.

Дом не охранялся, но у рыцаря не было сомнений: невидимые слуги наблюдают за ними. Как далеко позволит им уйти Магиус?

— Не нравится мне это безлюдье, — тихо сказал Кэз. Ему еще больше, чем Хуме, все вокруг казалось подозрительным.

Оглядываясь по сторонам, они добрались до винтовой лестницы. Хума сначала осторожно дотронулся до перил одним пальцем, затем осмелился опереться на них рукой. Сделал один шаг вниз. Затем другой, третий. Кэз неотступно следовал за ним. Они стали спускаться быстрее. Когда Хума делал шестой шаг, сознание его на мгновение отключилось, и он снова оказался наверху. Внизу Кэз во все стороны крутил головой — разыскивал Хуму. Прежде чем рыцарь успел окликнуть Кэза, огромный минотавр, делая шестой шаг, поднял ногу. Кэз мгновенно исчез и появился снова — сзади Хумы.

— Опять шуточки колдуна! — возмутился минотавр.

Несколько раз они спускались по лестнице, и всякий раз, когда готовились сделать шестой шаг, тотчас оказывались наверху. Это было какое-то наваждение.

Они попали в замкнутый круг.

Хума первым понял, что бессмысленно вырваться из этого круга, но Кэз попытался еще несколько раз спуститься по лестнице. В конце концов и минотавру пришлось смириться.

— Что же делать?

Хума поставил на пол свою сумку и ткнул пальцем в пустые ножны:

— Меча нет... Кажется, мы никогда не сможем выйти отсюда.

— Но мы не можем оставаться здесь!— Глаза минотавра налились кровью.

— И что вы предлагаете? Окон нет. Сквозь стену не пройти. По крайней мере нам.

— Есть лестничный пролет.

С ножнами в руках Хума подошел к перилам лестницы. Он поднял ножны и кинул их вниз. Они тотчас исчезли и — появились позади Хумы.

— Нам не остается ничего иного, как ждать.

Плечи минотавра беспомощно поникли.

Теперь Хума и Кэз напряженно ждали: что же будет дальше?

Вскоре их обоих неудержимо потянуло ко сну. Хума уснул. Ему снилась Гвинес, стоящая на горной вершине. Потом снилось, что он летит на серебристой драконессе. Снились и злые колдуны, и ведущие сражения боги. Во сне все перемешалось, и, проснувшись, он не мог вспомнить, что же ему снилось. Разбудил Хуму голос, который, казалось, тоже приснился ему:

— Вс-с-ста-а-аем.

Рыцарь не сразу сообразил, что его будит воздушный робот.

— Хоз-з-зяи-ин-н хоч-ч-чет. Бес-с-седа-а-а.

Хума и Кэз мигом вскочили на ноги.

— Ху-у-ума-а-а. Только-о-о.

— Если это даже не понравится твоему хозяину, я пойду вместе с Хумой! Веди нас, или я проглочу тебя!

Было неясно, понял ли робот минотавра, но он тотчас же направился к лестнице. Хума и Кэз пошли за ним.

Спускаясь по лестнице, Хума с замиранием сердца ждал, когда они сделают шестой шаг. К своему удивлению, он прошел по лестнице беспрепятственно. Рядом с ним парил воздушный слуга. Хума пошел дальше — сначала медленно, потом все быстрее. Ясно: Магиус снял заклятие.

Сзади слышались проклятия разгневанного Кэза. Обернувшись, Хума увидел: минотавр безуспешно пытается пройти злополучное место. Колдовские силы не пропускали его.

Хума молча шел за воздушным роботом по залам, которые он раньше не видел. Здесь было темно, как в роще, а в некоторых залах и того темнее. В мерцающем свете факелов по стенам метались тени.

— Хоз-з-зяин, — шипящий голос напомнил о присутствии робота.

Комната, в которую он вошел, была такой же темной и мрачной, как и залы, через которые они только что прошли, и поначалу ему показалось, что она пуста.

Но вскоре Хума услышал какой-то шорох. Затем послышался голос Магиуса, и его посох осветил комнату. Магиус стоял возле кресла.

Когда Магиус повернулся к нему лицом, Хума раскрыл рот от удивления. Магиус выглядел почти вдвое старше, чем при их последней встрече. Сейчас никто бы не решился сказать, что рыцарь и колдун — ровесники.

— Хума. — Голос мага, казалось, звучал умоляюще. Весь гнев, накопившийся в душе Хумы, исчез; рыцарь понял: его другу сейчас очень тяжело.

— Что с тобой, Магиус?

— Я знаю, каждый раз после наших встреч ты становишься все более озабоченным и встревоженным. Боюсь, что я уже не смогу переубедить тебя ни в чем, но попытаюсь устранить хотя бы некоторые недоразумения. Во-первых, я хочу, чтобы ты кое-что увидел.

Маг повел его в соседнюю комнату, там оказался робот, сопровождавший их в роще. Перед ним лежало что-то до ужаса знакомое. Вглядевшись, Хума узнал: это что-то — волкодлак.

Тело зверя было неестественно изогнуто и казалось окаменевшим. Одной ноги не было. Наклонившись, Хума дотронулся до волкодлака. Его тело было как камень. Безжизненные глаза в упор уставились на рыцаря.

Хума, ожидая объяснений, повернулся к Магиусу.

— Было еще три волкодлака, но они погибли в роще. А этому, измученному и искалеченному, удалось выбраться на поляну, где он, — Магиус показал на робота, — и прикончил его. Случилось непоправимое. Галан Дракос узнал, где я нахожусь, и, вероятно, ему стало известно также, что и ты здесь. И вот я не могу поступить иначе...

Хума слушал, не понимая, куда Магиус клонит.

— Иди за мной. — Они вернулись в комнату, в которой только что были, Магиус подошел к большому, в позолоченной оправе зеркалу, висевшему на стене. Зеркало было овальной формы, рама украшена великолепной резьбой.

Маг стукнул волшебным посохом об пол и произнес:

— Показывай мне вершину!

В зеркале на переднем плане возникла огромная гора. Хума сразу узнал ее. Это была та самая вершина, которую он видел на гобелене.

— Я увидел эту вершину, когда проходил испытания в башне. Я хорошо запомнил ее. Но я не знал, существует ли она на самом деле, пока не нашел эту крепость и не увидел гобелен в зале. И я уже не сомневался, что события, происходившие во время моих испытаний, были даже более реальными, чем полагали мои повелители. Эта вершина, несомненно, имеет отношение к войне. В ней скрывается некая тайна, которую я пока никак не могу разгадать. Где находится эта вершина, мне не известно, она где-то на западе, возможно на юго-западе.

Он повернулся к Хуме и вручил ему меч — а ведь только что в руках колдуна ничего не было.

— Минотавр уже тоже получил свое оружие. По подземным ходам робот выведет вас из башни. Там вас ждут кони...

Башня вдруг покачнулась. Магиус стремительно повернулся и посмотрел на зеркало:

— Показывай мне!

Изображение вершины исчезло. Появилось изображение окрестностей башни Магиуса. И в глубине — огромный черный дракон со всадником, а рядом несколько красных драконов.

— О, боги! — Магиус горько усмехнулся. — Сам Кринас удостоил меня своим вниманием!

— Кринас?!

Маг посмотрел на Хуму, лицо его помрачнело.

— Да, вы уже встречались... Если бы у меня было время, я рассказал бы тебе много любопытного о нем и о Черной гвардии. Ибо они...

Башню снова тряхнуло, с потолка посыпались камни.

— Арион! — Перед колдуном мгновенно предстал воздушный робот. — Отведи их к лошадям. Скорее!

— Магиус, я хотел бы хоть чем-то помочь тебе.

— Мне? — Маг улыбнулся. — Однажды мне пришлось сражаться на стороне Галана Драко-са. И я понял, что я, как колдун, уступаю только ему. Так что эти драконы не смогут одолеть меня.

Сильнейший порыв ветра ворвался в комнату.

Теперь Хума сомневался не в могуществе колдуна, а в его намерениях. Сможет ли Хума когда-нибудь узнать, что творится в душе мага?

— Хума!

— Кэз!

Минотавр мчался по залу, не обращая внимания ни на что. Магиус сказал правду — он вернул минотавру все оружие, в том числе и секиру.

Подбежав к Хуме, минотавр первым делом спросил:

— Что он еще обрушил на наши головы?

— Наши враги возле самой башни — военный министр, шесть драконов... И только один Паладайн знает, что нас ждет.

Снова посыпались камни лопнувшего перекрытия.

Кэз поднял секиру над головой:

— Мои предки двадцати поколений! Я не желаю погибать, как жалкий трус, под грудой камней! Я буду сражаться!

— Без-з-зу-умие! С-с-сле-е-е-дуйте!

— Этот...

— Он выведет нас отсюда! Идем!

Они поспешили за воздушным роботом — на этот раз тот летел стремительно. Яркое серебристое свечение исходило от него, поэтому он был хорошо виден в темноте, и рыцарь с минотавром могли идти быстро.

Конюшня находилась под землей. Здесь было с полдюжины лошадей разной породы, сильных и ухоженных.

Когда Кэз и Хума выбрали лошадей, воздушный робот исчез.

— Где мы находимся? — спросил Кэз.

Хума, сев на свою лошадь, высокую серебристую кобылу, подъехал к дверям конюшни.

— Я думаю, мы западнее рощи. Туннель проложен за ее пределы.

— Отлично! Одно из препятствий уже позади.

Минотавр вскочил на высокого, под стать наезднику, коня.

И тут мощный толчок сотряс стены конюшни. Хума отвязал всех лошадей, чтобы они не погибли, если туннель обрушится.

Пришпорив лошадей, Хума и Кэз поскакали прочь.

Сзади слышался рев драконов, атакующих крепость Магиуса. Надо ли было сражаться, если на победу нельзя и рассчитывать? Но Хума почему-то знал: следующий бой — его.

На опушке леса рыцарь оглянулся:

— Погоня!

Их было восемь. В черных доспехах. На вороних конях. И были они похожи на тех обитателей адской бездны, что однажды приснились Хуме.

Черная гвардия!

Хума схватился за меч. За всадниками виднелись бледные волчьи силуэты.

Волкодлаки!

Их было шесть или семь.

Неожиданно земля перед преследователями вспучилась. Трое успели проскочить, остальных скрыла огромная глыба.

Хума сразу же догадался: эта глыба — робот. «Магиус вновь пришел мне на помощь», — подумал рыцарь.

Волкодлаки смогли увернуться от робота, но один из них попал-таки под копыта споткнувшейся лошади.

Погоня продолжалась.

Хума ударился плечом о сук дерева. Огромному минотавру приходилось хуже. Его рога постоянно задевали за ветки деревьев.

Обернувшись, Хума увидел: волкодлаки бегут по-прежнему быстро и ничуть не кажутся уставшими. Черные всадники неистово погоняли лошадей.

— Мы не сможем... — начал Кэз, но тут ветка стегнула его по лицу. — Мы не сможем долго скакать так быстро. Загоним лошадей.

Хума задумался:

— Нам надо разделиться! Поскачете на север! А я...

Хума показал рукой на юг. Кэз согласился нехотя. Затем, задев плечом дерево, резко повернул свою лошадь на север. Хума смотрел минотавру вслед, пока тот не скрылся из вида, затем пришпорил свою лошадь. У нее почти не осталось сил. Она еле бежала, постоянно спотыкалась.

Внезапно она резко остановилась, и Хума вылетел из седла. Он быстро вскочил на ноги и спрятался за деревьями. Волкодлаки приближались, у Хумы не было времени как следует приготовиться к бою.

Еще в конюшне он нашел небольшой деревянный щит и сейчас выставил его перед собой. В другой руке — меч. Он надеялся, что волкодлаки сначала погонятся за лошадей. Хуме хотелось бы задержать их как можно дольше, чтобы Кэз ускакал как можно дальше. Рыцарь знал, что этот бой может стоить ему жизни. Но ведь только в случае, если один останется и примет бой, — другой сможет спастись. Выбора не было.

Вот мимо Хумы промчался волкодлак. Он гнался за лошадей. Та, почувствовав опасность, поскакала что есть сил.

«Ей не уйти далеко», — с сожалением подумал Хума.

Следом за первым волкодлаком бежали двое; немного отстав — еще один. Хума ждал, когда

мимо него пробегут два последних. Вот пробежали и они.

Хума выглянул из-за дерева и сразу же увидел приближающегося всадника. Мощные корни дерева, за которым прятался Хума, выступали высоко над землей, лошадь на полном скаку споткнулась о них. Всадник вылетел из седла и, описав дугу, ударился о землю. Он лежал, не проявляя признаков жизни; Хума взглянул на других всадников.

Они скакали группой и не очень быстро. Быстро мчаться им мешали деревья. Один из всадников ехал чуть в стороне. С именем Паладай-на на устах Хума напал на него. Всадник поднял секиру над головой, но ветки мешали ему размахнуться как следует. Рыцарь успел выбить всадника из седла и вскочил на его коня. Тот поднялся на дыбы и разбил копытами голову упавшего черного гвардейца.

Хума пришпорил коня — оставшиеся всадники, поняв, что к чему, наверняка помчатся за ним.

В ту же минуту кто-то набросился на рыцаря. Хума сумел лишь заметить мелькнувшее бледное тело. Ему повезло: он успел вонзить в волкодлака меч, но зверь все-таки разорвал зубами наколенник Хумы. Пронзенный мечом зверь извивался, как червяк. Рука Хумы едва выдерживала тяжесть чудовища. Волкодлак щелкал зубами, слепые глаза его вылезали из орбит. Наконец зверь соскользнул с меча и покатылся по земле. Оглянувшись, Хума увидел: он как ни в чем не бывало встает на ноги. Но тотчас же на волкодлака налетела лошадь мча-

щегося за Хумой черного гвардейца, и ее копыта смяли его.

Как у Хумы, так и у его преследователей, лошади были на пределе последних сил. С их губ падала пена. Они начали спотыкаться. Хума увидел: одна из лошадей рухнула на землю, бегущая следом лошадь налетела на нее и черный гвардеец вылетел из седла. Хума остановил своего коня и повернул назад. Два гвардейца скакали к Хуме справа и слева. Всадник справа от него уже замахнулся мечом, второй еще только вытаскивал меч из ножен. Хума смог все точно рассчитать. Он закрылся от первого щитом, а второму нанес сильный удар. Меч вонзился между нагрудником и шлемом гвардейца. Всадник упал, лошадь потащила его за собой. Гвардеец справа, не осмелившись продолжать бой один на один, повернул назад к своим товарищам — те уже спешили с обессиленных лошадей. Догнав гвардейца, Хума нанес ему сильный, но неточный удар. Тем не менее гвардеец упал с лошади и не смог встать на ноги.

К этому времени возвратились волкодлаки. Лошадь Хумы зашаталась от усталости и упала. Хума спрыгнул с нее и отскочил в сторону.

Он стоял, держа в руках щит и меч, и смотрел на пятерых волкодлаков и двух гвардейцев. «Вот она, смерть», — пронеслось у него в мозгу.

Когда первый волкодлак бросился на Хуму, то был отброшен сильнейшим ударом — рыцарь решил как можно дороже продать свою жизнь. Он бил, колол, вонзал меч — почти вслепую. Даже щит превратился в оружие: Хума с силой швырнул его в голову напавшего волкодлака.

Желтые клыки с капающей на землю слюной мелькнули у самого его лица. Рыцарь мечом тотчас рассек зверя пополам.

Хума отвечал на каждую атаку контратакой. Наконец он ощутил: его меч рассекает воздух, не встречая сопротивления. Он смотрел на поле боя, не веря глазам своим. Последние два гвардейца были мертвы. По земле текла кровь. Пять волкодлаков были разрублены на куски.

Внезапно Хума почувствовал страшную усталость. Опустился на колени и равнодушно смотрел на растерзанные тела своих врагов. Затем без сил повалился на землю.

Глава 11

Хума не знал, сколько времени он пролежал рядом с поверженными гвардейцами.

Очнувшись; он почувствовал: все тело его болит. Однако надо было поскорее уходить отсюда: он не мог без отращения смотреть на трупы, а главное — могли появиться новые преследователи. Он был достаточно наслышан о мстительности Галана Дракоса и Кринаса. Хума не сомневался: по крайней мере, военный министр в покое его не оставит.

Боль в теле нарастала. Хума в оцепенении смотрел на свои многочисленные раны. Доспехи, пробитые и разорванные, были теперь бесполезны. Он не помнил, кто и когда его ранил. В сознании осталось лишь одно: он встречает мечом все, что приближается к нему.

Хума отыскал ручей и промыл раны. Холодная вода освежила тело и прояснила голову. Теперь можно было отправляться в путь. Как сказал Магиус, идти надо всегда на юго-запад.

Вспомнив о Магиусе, Хума вспомнил и о Кэзе. Где его верный друг сейчас? В безопасности ли он?

Что-то огромное пронеслось над головой, подняв ветер, от которого закачались деревья. Хума взглянул вверх. Он успел заметить широкие кожистые крылья, они промелькнули так быстро, что он не разглядел, какого цвета был дракон. Но какого бы цвета дракон ни был — он не прилетел вновь...

Хума даже не заметил, как настал вечер. Только голод давал о себе знать, и рыцарь стал рыться в сумке, которую снял с седла лошади одного из преследователей. В сумке черного гвардейца, на дне ее, Хума обнаружил то, что искал: запас пищи. Попробовав еды черного гвардейца, он с отвращением выплюнул ее. У его врагов пища, оказывается, была слишком острой. Несмотря на голод, он не мог ее есть. И зачем столько острых приправ?! От такой пищи ему было бы больше вреда, чем пользы. В конце концов, можно отыскать птичьи яйца, собрать ягоды. Это, конечно, не очень насыщает, но голод все же утолить можно.

Но на большинстве кустов ягоды были уже оборваны, при этом — недавно. Вряд ли это сделали животные. Зверей вокруг не было.

Если придется идти долго, то, чего доброго, с голода умрешь. «Ручей, кажется, тоже скоро иссякнет», — подумал Хума.

Он шел вдоль ручья уже три дня.

Присев на берегу, Хума иронически улыбнулся своему отражению в воде. На него смотрел рыцарь с непричесанными волосами, усами, в рваных доспехах, покрытых кровью, испачканных грязью. Хума попытался соскоблить грязь с эмблемы ордена Короны. Он словно бы увидел

в воде вместо своего лица лицо Беннета. Сын Трейка, конечно, выглядел, как всегда, безупречно. Нагрудные латы блестели, пышные усы аккуратно подстрижены. Это был истинный рыцарь.

Вдруг рядом с лицом Беннета возникло другое лицо... Это явно был не рыцарь Соламнии, а кто-то облаченный в необычные доспехи, с огромной бородой на медвежьем лице. Только что поблизости никого не было. Откуда же мог появиться похожий на медведя человек?!

Рыцарь схватился за меч, и пришелец отпрянул от него. Хума никак не мог понять, что за человек подкрался к нему. Доспехи на нем состояли частично из людоедских, частично из рыцарских. Может быть, это разбойник? Из тех, что грабит мертвых? Хума вновь поднял меч.

Бородач завопил и, развернувшись, побежал прочь с резвостью, удивительной для его неуклюжей фигуры. Хума бросился за незнакомцем в погоню. Он бежал медленно, так как чувствовал себя очень слабым. Незнакомец взбежал на небольшой холм и скрылся на другой стороне. Добежав до вершины, Хума от неожиданности попятился назад: навстречу двигались более дюжины конных и множество пеших воинов. Они с удивлением смотрели на Хуму и убежавшего от него бородача.

Высокий черноволосый человек с аккуратно подстриженной бородкой подал команду. Хума не расслышал слов, но сомнений у него не было: приказ командира имеет к нему непосредственное отношение.

Хуме не повезло: лес в этих местах не был густым и спрятаться было негде. Когда Хума

понял, что скрыться ему не удастся, он остановился и стал ждать, что будет дальше. Это не были воины Такхизис, но, являлись ли они союзниками или врагами, рыцарь не знал. Несколько всадников уже подъехали к нему. Они были хорошими наездниками, но Хума еще был в состоянии держать их на расстоянии вытянутого меча. Вслед за всадниками появились пехотинцы. Хума оказался внутри кольца, которое быстро сжималось. Ни один из воинов не нападал. Никто не желал попасть под удар мелькающего в воздухе меча Хумы.

— Уберите оружие! Это приказ!

Подъехали новые всадники. Командир направил свою лошадь к Хуме. Солдаты, пропуская его, посторонились. Он подъехал к рыцарю и пристально посмотрел на него. Судя по внешности, командир был человеком решительным — его лицо избороздили морщины, появившиеся за годы нелегких испытаний. Как и у многих рыцарей Соламнии, у него было ястребиное лицо, что говорило о его принадлежности к старинному дворянскому роду. Он выглядел не таким суровым, как Великий Магистр или Беннет. А улыбка у него была обезоруживающая.

— Рыцарь Соламнии?! И так далеко от Вингаардской Башни? Ведь вы — рыцарь ордена Короны? Отвечайте!

Он побагровел. Хума понял, что думает о нем этот человек.

Рыцарь Соламнии решил ответить кратко:

— Как я попал сюда — расскажу позже. А сейчас скажу только: я сражался с волкодлаками и воинами Черной гвардии.

Хума еще не понял, что за всадники перед ним, и поэтому воздержался от подробностей.

— Ясно, — командир привстал в седле. — Я — государь Гай Эйвандейл из Дьюрэнди. Кто вы и что делаете в центре Эргота? Скажите: соламнийцы потерпели поражение?

— Я — Хума, рыцарь Соламнии из ордена Короны. После сражения с Черной гвардией и после того, как войска Владычицы Тьмы разбили нас, я пошел на юго-запад.

Хума нарочно сказал, что рыцари, мол, разбиты, — он хотел знать реакцию государя Эйвандейла.

Лицо Эйвандейла побелело. Его солдаты возбужденно зашептались.

— Я вас правильно понял? Рыцари Соламнии потерпели сокрушительное поражение?

— Нет, государь Эйвандейл. Разбиты только некоторые наши отряды, но мы перегруппировали наши силы. Я, к сожалению, чуть не ввел вас в заблуждение. Вингаардская Башня — в наших руках и всегда будет нашей.

Государь усмехнулся:

— Мы в Эрготе хорошо знаем силу рыцарства. Я рад слышать, что рыцари Соламнии окончательно еще не разбиты.

Один из всадников подъехал слишком близко к Хуме, и тот обнажил меч.

Эйвандейл поднял руку, останавливая обоих воинов.

— Я хочу о многом расспросить вас, и поэтому вы поедете с нами, Хума. А вы, — командир показал на всадника, подъехавшего к Хуме, — дайте ему своего коня.

— Есть, милорд.

Хума нерешительно смотрел то на коня, то на Гая Эйвандейла. Государь догадался, о чем думает рыцарь, и сказал:

— Не беспокойтесь, Хума. Мы, так же как и вы, враги Такхизис. Пусть наши прошлые разногласия останутся, как это и должно быть, в прошлом.

— Я желаю того же самого, государь Эйвандейл. — Хума с благодарностью принял предложенного коня.

— Вот и отлично. Когда мы прибудем в лагерь, вас прежде всего накормят. А затем вы или отдохните, или приходите сразу ко мне.

Хума решил спросить:

— Милорд, не встречался ли вам на днях минотавр?

— Минотавр? В наших краях? — Эйвандейл вопросительно посмотрел на своих спутников. Те отрицательно покачали головой. — Кажется, нет. Но не волнуйтесь: если он будет найден, мы примем меры и обезвредим его.

Хума заговорил взволнованно:

— Милорд! Нет, нет, как раз этого я и не хочу! Я понимаю, что это может показаться странным, но минотавр — наш сторонник, и надо позаботиться о его безопасности. Его зовут Кэз.

— Действительно странно. — Эйвандейл снова испытующе посмотрел на рыцаря. — Я никогда не слышал о чем-либо подобном и тем более не предполагал, что услышу подобное от рыцаря Соламнии. Но я сделаю так, как вы просите. Моего слова вам достаточно?

— Да, милорд.

— Ну что же, прекрасно. И надеюсь, верхом на коне вы почувствуете себя гораздо лучше. — Встретившись глазами с Хумой, он продолжил: — А человек, за которым вы только что гнались, дезертир. Я вам благодарен за его поимку. Жду предстоящей беседы с вами.

Всадники и пехотинцы снова построились в боевой порядок, Эйвандейл приказал следовать на юг. Хума предпочел бы ехать на юго-запад, но он решил подчиниться приказу государя

Неожиданно Хума на миг потерял сознание и едва не свалился с коня.

— Боги! — Губы командира конницы шевелились, но Хума не слышал его слов. — Дерек, поддержите его, а то он упадет.

— Боги! — повторил государь. — Он весь изранен!

В армии Эргота не оказалось целителей Мишакаль. В окрестностях Казргоса началась эпидемия чумы, и несколько воинских подразделений были направлены туда для оказания помощи заболевшим. Эйвандейл, рассказывая Хуме об эпидемии, подчеркнул: чума вспыхивает чаще всего в самых густо населенных районах. Прежде Казргос был почти не затронут войной и ее бедствиями и являлся основным центром снабжения для войска Эйвандейла.

Хума проспал почти весь день, это очень обеспокоило государя, ибо такая слабость рыцаря могла быть признаком заболевания чумой. Государь Гай успокоился, когда узнал, что Хума проснулся бодрым и энергичным. Тотчас Эйвандейл пригласил Хуму к себе.

Государь был очень доброжелательным человеком. А ведь Хума, как и остальные рыцари ордена Короны, военачальников Эргота представлял себе иными. Государь был замечательным боевым командиром, хотя предпочел бы жить тихой, мирной жизнью. Бестель Третий: император Эргота, весьма заурядная личность, издал декрет о назначении государя Эйвандейла командиром армии. Государь — преданнейший слуга своего отечества — настаивал, чтобы для укрепления армии император отдал под его командование часть своей элитной гвардии. Но, как и его предшественников, Бестеля Третьего больше всего заботила личная безопасность. Постоянно находились отговорки, лишь бы оставить императорскую гвардию в столице.

Рассказ Хумы о последнем сражении рыцарей сильно огорчил государя.

— Все еще не могу в это поверить и с сожалением признаю, что все, о чем вы рассказали, правда. Но как помочь вам вернуться к своим товарищам?! Мы направляемся в Далигос, а затем, вероятно, снова повернем на север. Я чувствую себя марионеткой, которую дергают туда-сюда за ниточку.

Хума был в командирском шатре с государем один на один. Рыцарю были подарены великолепные доспехи, которые, как рассказал Эйвандейл, он заказал для своего сына совсем незадолго до его гибели в бою. Они были хорошо подогнаны кузнецами к уцелевшим остаткам доспехов рыцаря: шлем и нагрудные латы Хумы удалось восстановить. Рыцарь с благодарностью принял подарок. Мастерство, с которым были

изготовлены доспехи, его искренне восхищало. Они были не хуже, чем у самых знатных рыцарей Соламнии.

Эйвандейл доверительно рассказал Хуме: сам он надевает свои парадные доспехи только во время визитов к императору, а в остальных случаях, даже идя на встречи со знатными вельможами, облачается в боевые доспехи.

На языке Хумы вертелся один вопрос, но он все никак не мог решиться задать его.

— Могу ли я получить ваше разрешение на беспрепятственный переход через вашу страну? — наконец спросил Хума.

— Сейчас идет война, Хума. Как я могу дать такое разрешение?

Хума отпил глоток вина, которое предложил ему Эйвандейл. Ему было необычайно приятно, что государь принимает рыцаря Соламнии с таким уважением. А Эйвандейл понимал, что отвага и опыт Хумы могут принести его армии большую пользу.

— Если быть до конца откровенным... — Хума взглянул на часовых, стоявших снаружи шатра, и продолжил, вздохнув: — Я слышал, что где-то в горах на юго-западе таится разгадка этой бессмысленной войны.

Эйвандейл ответил тотчас:

— Там есть несколько вершин. Мало кто отваживается восходить на них. Ходят слухи, что на этих вершинах нашли себе убежище драконы Тьмы и, возможно, кто-нибудь еще пострашнее. Да, в этих местах действительно может скрываться какая-либо важная тайна.

Неожиданно Хума спросил:

— А вы не могли бы отправиться туда вместе со мной?

Государь рассмеялся:

— Боюсь, что император за это снимет с меня голову. К тому же конница по тем горам не пройдет. Мы посылали туда разведчиков, но все они бесследно исчезли. Даже колдуны не решаются подняться на эти вершины. Священники предупреждают: там таится опасность. Понимаете ли вы теперь, о чем просите?

— Да, милорд.

Хума тяжело упал на скамью, обхватив голову руками, и внезапно почувствовал жар.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросил Эйвандейл.

Соламнийский рыцарь вытер выступившую на лбу испарину. Жар стал спадать.

— Не беспокойтесь. Сейчас все пройдет.

Обеспокоенный государь спросил:

— Может быть, мы отложим разговор до завтра?

— Да, пожалуй, так будет лучше, милорд.

— Пожалуй. — И, потирая подбородок, государь сказал: — Поезжайте со мной в Казргос, оттуда, если у вас еще будет желание, вы сможете сами добраться до нужной вам вершины.

— В Казргос? — В глазах Хумы еще мутилось, он видел государя, как в тумане.

— Да. Наши целители проведут нас по еще нетронутым чумой районам. Согласны?

— Благодарю вас. — Резко встав, Хума почувствовал: голова у него снова закружилась, ему неудержимо захотелось лечь. Он был еще очень слаб. — Извините меня, пожалуйста.

— Не извиняйтесь. Вам надо хорошенько отдохнуть.

Хума вышел из шатра. Провожая взглядом уходящего рыцаря, государь озабоченно нахмурил брови. Он выпил глоток вина и взглянул в окно.

До службы в армии большинство солдат государя Эйвандейла были простыми торговцами или крестьянами. Для них рыцари Соламнии были людьми из легенды. Теперь один из рыцарей находился рядом с ними, и рассказы о его подвигах, настоящих и воображаемых, уже ходили по лагерю. Благоговейные взгляды солдат сильно смущали Хуму. Рассказы обрастали все новыми и новыми подробностями о его яростной схватке с Черной гвардией военного министра. Мол, он один одолел целый легион противника и стаю волкодлаков — а волкодлаки наводили прямо-таки ужас на солдат Эйвандейла, ведь их семьи некому было защитить от этих монстров.

Сам Хума никак не мог понять, как в Эрготе, стране, в которой началась славная история рыцарства, могут превозносить его, Хуму, как героя. Но рассказы о подвигах рыцаря Соламнии радовали Эйвандейла. Когда Хума протестовал против домыслов, государь только улыбался и говорил, что так бывает с любой легендой.

— Им необходимы герои. Рассказы о героях дают им надежду. Надежду на то, что тьма, которую послала на них Такхизис, будет побеждена и они вернутся к своим возлюбленным, к своим семьям.

Время от времени драконы приносили сообщения о ходе войны. Противник перешел границы Северного Эргота и Хайла.

Хума встревожился. Кэз либо продолжал упорно идти на север, либо уже повернул на юг, чтобы найти Хуму. Даже если он повернул на юг, он не будет желанным гостем здесь ни в одном городе, ни в одном селе. Хума беспокоился не только о Кэзе — минотавр, в конце концов, сумеет постоять за себя. Но драконы не могли ничего сказать о том, что происходит в Соламнии на самом деле. Ходили слухи: рыцари отступили почти до Вингаардской Башни. Однако это были только слухи.

В двух днях пути от Каэргоса армия Эйвандейла разбила лагерь в небольшом полуразрушенном городке. Некогда процветавший, он пострадал от чумы еще в самом начале войны. Теперь здесь, как полагали многие, эпидемия могла вновь вспыхнуть.

Правда, Эйвандейл придерживался иного мнения. Он спросил Хуму:

— Помните, я говорил вам, что чума очень разборчива?

— Да, помню.

Постучав пальцами по столу, государь продолжал:

— Я считаю, возникает она не стихийно. Ее направляют какие-то силы.

Хума не верил, что кто-либо может специально насыпать чуму, но он не раз слышал о Моргионе. У его приверженцев были агенты во всех городах, во всех армиях, во всех странах. Эти агенты только ожидали команды сеять от имени своего бога смерть.

— Вы не могли ошибиться? — Хуме очень хотелось, чтобы государь оказался не прав.

— Конечно, может быть, я и ошибаюсь.

Хуме уже было разрешено выходить за пределы лагеря. Запрет был снят после того, как Хума заверил государя, что он не настолько безрассуден, чтобы уйти в город одному. Выйдя из лагеря, рыцарь пошел по разрушенному городу. Вид руин, разговоры о чуме отнюдь не веселили. Все же Хума знал, что эпидемии в городе нет и можно ходить, не опасаясь, что заразишься.

Вначале он и не собирался подходить близко к домам, уцелевшим в городке, но вдруг увидел: у одного дома мелькнула четырехногая тень и тотчас скрылась за ветхим зданием. Это могла быть дикая собака... А может быть, и волк.

Хума вынул меч и пошел вслед за скрывшимся животным. Вскоре он услышал: кто-то пробежал между пустыми, заброшенными домами. Это не были шаги четвероногого существа. Нет, что-то подсказывало рыцарю: это — шаги двуногого. Хума силился рассмотреть что-либо в полутьме. Ему удалось увидеть только два красных глаза — их владелец тут же скрылся в одном из зданий.

В доме, слева от Хумы, слышались голоса. Но, повернувшись влево, он ничего не увидел. Со спины на Хуму надвинулась какая-то огромная бесформенная масса. Резко развернувшись, он ударил нападавшего мечом и услышал: кто-то вскрикнул от боли; но призрак тут же буквально растворился в темноте. Хума с мечом в руке бросился на его поиски.

Без сомнения, призраку некуда было скрыться, кроме как войти в полуразбитую дверь по-

близости. Пнув ногой дверь, Хума вошел в дом. Первая комната была пуста. Он обошел все комнаты небольшого дома. Никого, кроме насекомых. Призрак, за которым он гнался, исчез бесследно. Раздосадованный рыцарь пошел к задней стене здания. Пыль поднималась в воздух густым облаком. Задняя стена дома была разрушена. Если призрак не прятался в гряде камней, значит, его здесь нет. Но и среди камней Хума никого не обнаружил.

От поднявшейся пыли рыцарь закашлялся. Вдруг он почувствовал неодолимую слабость и тошноту. Не было сил ни двигаться, ни держать меч. В изнеможении Хума бросил меч на пол, подняв новые клубы пыли. Доспехи Хумы уже покрылись слоем грязи. Пошатываясь, рыцарь сделал несколько шагов. Висевшая в воздухе пыль забивала ему глаза, нос, уши, горло. С большим трудом ему удалось добраться до открытой входной двери. Увидев перед собой пустынную улицу, Хума со вздохом опустился на пол. Даже сидеть было тяжело, и он решил, что сон взбодрит его.

Рыцарь уснул, лишь только закрыл глаза.

Темные фигуры, облаченные в длинные плащи, словно тени, задвигались вокруг него. Их лица закрывали огромные капюшоны.

Один из призраков взял в руки небольшой сосуд, висевший у него на поясе, и открыл его. Осторожно посыпал пол красноватым порошком. Пыль с шипением стала испаряться, превращаясь на поверхности пола в плотный слой серого вещества. Закрыв сосуд, неизвестный в плаще подошел к лежащему рыцарю. Он щелк-

нул пальцами, и четверо его спутников подхватили Хуму.

Спустя мгновение в доме уже никого не было. Если бы кто-нибудь заглянул сюда, он не увидел бы никаких следов присутствия ни Хумы, ни его похитителей.

Только дикий хохот пронесся над заброшенным городом.

Глава 12

о слуха Хумы донесся неприятный свистящий шепот.

Приходя постепенно в сознание, рыцарь догадался: идет спор, имеющий к нему непосредственное отношение. Хуме захотелось увидеть одного из спорящих, пытавшегося защитить рыцаря. Другой голос, казавшийся странно знакомым,

сердито оборвал его:

— Ну что вы тянете время?

— Он — меченый.

— Ну и что из этого, Шелудивый?

Шелудивый возбужденно ответил:

— Очень странно, что у рыцаря Соламнии — такой знак.

Немного помолчав, Шелудивый продолжал своим квакающим голосом:

— Он не хочет понять нас, Полуночник! Этот, лежащий на земле, — наш человек, а не его.

Полуночник снова попытался объяснить:

— Но ведь и среди рыцарей есть наши агенты. Даже на самом высоком уровне.

Шелудивый кивнул, соглашаясь с этим. Хума слегка пошевелился. Они, кажется, увидели на

нем какую-то важную метку. Ничего необычного, кроме пылающего лба, сам он не чувствовал.

— Я догадываюсь, что означает эта метка. — Хуме снова показалось: голос ему хорошо знаком. — Я согласен, что его не следует убивать, как я предлагал первоначально. Ну что же, значит, он сможет дать сведения, которые нам нужны.

— Но как, по вашему мнению, нам следует с ним поступить? Если кто-то из наших защитил его этой меткой, мы не можем допустить, чтобы ему причинили вред.

Послышалось злобное рычание, и тут Хума догадался, кому принадлежит этот голос. Только волкодлак мог издавать такие звуки!

Спорившие, должно быть, заметили, что рыцарь пошевелился. Рука в перчатке повернула голову Хумы слева направо. Перчатка была грязной, он нее дурно пахло. Хума произвольно отвернул от перчатки лицо. Полуночник язвительно рассмеялся:

— Это не наш человек, но мы должны защищать его... Весьма и весьма любопытно.

— Что же мы будем делать? — снова проквакал Шелудивый.

— Его надо спрятать. Вы, бледные поганки, охраняйте его, пока мои слуги не придут за ним. Вы же не хотите, чтобы вас уморила чума?

Хума приоткрыл глаза. Две фигуры, похожие на высокие кучи грязной одежды, разговаривали с волкодлаком. Больше здесь никого не было. В затуманенном мозгу Хумы мелькнуло: Галан Дракос из своей цитадели, находящейся далеко отсюда, действует в Эрготе через своего слугу.

Рыцарь полагал, что все еще находится в полуразрушенном доме. В комнате лежала груда камней, в потолке зияла дыра. Ведь Хума не знал, как долго он был без сознания и насколько далеко его унесли.

Одна из грязных фигур, подняв худую пятнистую руку и направив палец на посланника ренегата, сказала с угрозой:

— Попридержите язычок, маг. Сейчас вы пользуетесь ее покровительством. Но Владычица капризна, и, если вы ей не угодите, все в вашей судьбе может в одно мгновение перемениться. Вам следовало бы разговаривать более учтиво с теми, кто может вам пригодиться.

Бледная морда волкодлака исказилась от бешенства. Видимо, Дракос таким образом выразил через слугу свое раздражение. Меньшая из двух фигур, воздев испуганно руки, попятилась. Стоявший рядом Полуночник, видимо, усмехнулся — во всяком случае его голос был полон издевки:

— Ваши угрозы могут подействовать на пугливых, но не на тех, кого защищает Моргион.

«Моргион!» Хума едва сдержался, чтобы не вскрикнуть. Он — пленник слугителей Моргиона, бога разрушений и болезней!

— А сейчас мы просто понапрасну тратим время, — проворчал наконец Дракос.

— Согласен. Будем считать, что мы договорились, маг. Мои собратья будут охранять его до появления ваших слуг, но только потому, что это служит интересам *моего* Господина. А не потому, что я боюсь *вашего* гнева.

— Ну конечно.

— А метка... — квакнул Шелудивый.

— Иногда, брат, приходится чем-то жертвовать во славу Моргиона.

— И Такхизис, конечно, — добавил Дракос.

— И Такхизис. Извините, но я просто сгораю от любопытства по поводу этой метки. — Шелудивый положил руку на лоб рыцаря.

У Хумы от неожиданности закружилась голова. Он почувствовал: какая-то сила всецело овладевает им. Хума смиренно подчинился — ведь у него не было никакой возможности уклониться от этой, похожей на клешню, руки.

Внезапно он перенесся совсем в другое место. Возникли новые видения и звуки. Хума не чувствовал страха. Сознание успокаивало: все происходит только в воображении. Хуме казалось: он слышит, как сражаются всадники, бряцают доспехи, кричат бойцы и звенят мечи. Он увидел трех рыцарей — каждый из них был символом своего ордена: Короны, Меча и Розы. Их забрали были опущены, но Хума почему-то знал, что двое — это боги-близнецы Хабакук и Кириолион. Третьим в этом триумвирате был он сам.

Неожиданно и грубо кто-то вырвал Хуму из грёз и снова вернул в реальный мир. Он едва удержался, чтобы не вскрикнуть от боли, когда худая, направляемая Моргионом рука внезапно отодвинулась от его лба, словно вытягивая из головы мозг.

Хума едва-едва сумел различить две фигуры в плащах, стоящие над ним.

— Я не смог проникнуть в его сознание. Он защищен исключительно мощной силой. Просто что-то невероятное!

— А метка? — квакнул второй.

— Ее больше нет. Она была слишком слаба. Он создан для страданий, которые глупцы называют жизнью. Он не наш и никогда не был нашим.

Волкодлак передал фигурам в плащах приказ Дракоса:

— Тогда он — наш.

— Нет. Он будет вашим только тогда, когда появятся ваши слуги.

Служитель Моргиона щелкнул пальцами. И тотчас пелена спала с глаз Хумы. Фигуры, облаченные в плащи, стали теперь похожи на вурдалаков.

— Отнесите его в подземелье. Положите на алтарь.

— Никаких жертв!

Хума даже сумел увидеть, как губы служителя Моргиона презрительно искривились.

— Успокойся, пес. Его никто не тронет. Просто мне интересно знать, будут ли ваши слуги более удачливы, чем я.

Дракос на этот раз ничего не сказал — по крайней мере, волкодлак не передал никакого приказа. Хума попытался встать, но ноги его были связаны. Неожиданно появились четверо в длинных плащах, они подхватили Хуму и куда-то понесли. Он силился понять, где он находится и куда его несут, но четыре длинных плаща закрывали ему весь мир. От фигур невыносимо воняло. Хума думал, что скорее всего он совсем недалеко от того дома, где так глупо попался в ловушку.

О служителях Моргиона рыцарь слышал неоднократно. Они умели хранить свои тайны и

были коварны. Хуму вдруг озарило: служители Моргиона живут в подземельях Казргоса! Так вот почему никак не могут найти, откуда приходит чума. А она приходит из городских подземелий!

Поднялся слабый ветерок, дышать стало легче. По-видимому, они вышли из полуразрушенного дома на улицу. Хума понимал: когда он окажется в подземелье, о побеге нечего будет и думать. Бежать надо сейчас! Но как это сделать? Ведь он был крепко связан, во рту — кляп.

Вдруг рыцарь услышал крик совы — этот крик сразу же заставил его воспрянуть духом. Но те, кто нес его, на крик совы не обратили никакого внимания. И вот неожиданно для них со свистом пролетела стрела и поразила в грудь одного из тех, кто нес Хуму. Остальные разжали руки: рыцарь упал на землю. Все вокруг озарили яркие вспышки, было хорошо видно, как стрелы поразили еще две фигуры, облаченные в длинные плащи. Шелудивый пытался спастись бегством, но ему в спину тотчас вонзились три стрелы. Полуночник тоже зашатался и упал.

А воины в доспехах бросились в атаку, едва вспышки света ослабли. Из дюжины негодяев в живых осталось только четверо. Казалось, они были совсем безоружными. Но тут один из слуг Моргиона бросил в подбегавших к нему воинов какой-то мешочек. Хума услышал крики ужаса и увидел: несколько человек были мгновенно сражены чумой.

Знакомая фигура подошла к Хуме и наклонилась, чтобы освободить его от пут.

— Как я был глуп! Мне следовало бы знать...
Снова посыпался град стрел.

Когда Эйвандейл наконец разрезал опутывавшие Хуму веревки, стрелы его воинов сразили уже последнего служителя Моргиона.

— А волкодлак! Вы схватили его?! — воскликнул рыцарь.

— Волкодлак? — Эйвандейл обеспокоенно огляделся вокруг. — Я не видел его.

— Мой меч!

Хума увидел: меч торчит из-под тела одного из убитых.

Он схватил меч, его единственной мыслью было — наверняка прикончить страшное чудовище. Невероятно, но казавшийся мертвым волкодлак вскочил на ноги и бросился наутек. Хуме вовсе не хотелось, чтобы волкодлак сообщил своему хозяину о том, где он находится, и рыцарь что было сил побежал за чудовищем. Он слышал: государь Эйвандейл окликнул его, но Хума не остановился.

Он бросился в погоню за убегающим зверем, не разбирая дороги и не думая об опасности. Он перепрыгнул через груды камней. Перед его взором возникла картина страшного опустошения. То, что не удалось доделать чуме, довершили пожары. Поскользнувшись, он упал спиной на камни, едва не выронив меч. Хума повернул ногу — боль была адская.

Свирепое чудовище тотчас набросилось на рыцаря. Длинные желтые клыки оказались у самого горла Хумы, из огромной пасти волкодлака высовывался кроваво-красный язык. Неподвижные глаза не сулили рыцарю ничего, кроме

смерти. Волкодлак уже вцепился когтями в грудь Хумы.

— У Дракоса — верный слуга!

Волчья пасть тянулась к горлу рыцаря. Хума взмахнул мечом. Удар получился несильным, но рыцарю все же удалось сбросить зверя со своей груди. Волкодлак перевернулся в воздухе и вскочил на лапы. Красные глаза смотрели свирепо, морду перекосило от ненависти.

Хума высоко поднял меч — он намеревался ударить со всей силой, на какую был способен.

Внезапно чудовище вспыхнуло ярким пламенем. Секунду назад оно стояло, готовясь к нападению, а теперь на его месте был огненный шар. Хума не верил глазам своим. Кто-то вышел из-за разрушенного дома и подошел к рыцарю.

— Магиус!

Тот, поднеся палец к губам, дал Хуме знак молчать. Маг выглядел более стройным, чем прежде. Роскошное сияние его золотистых кудрей исчезло, волосы теперь были тускло коричневого цвета и были сейчас гораздо короче, чем раньше. Хума подумал: они опалены. Одет был маг в темно-красную мантию, в такой одежде рыцарь не видел его уже очень давно.

— Идем! Своим заклинанием я направил людей Эйвандейла на ложный след, но заклинание будет действовать недолго, и они уже очень скоро сообразят, куда ты делся.

— Но я должен...

Хума понимал: идти снова за магом — безумие; но ведь Магиус был его давним другом. Верным другом.

— Идем! — настойчиво повторил Магиус.

И Хума пошел.

Они на удивление быстро прошли через весь город.

На южной окраине города их ждали лошади. Магиус отдал Хуме более сильного коня.

Когда отъехали, маг наконец заговорил:

— Поначалу будем гнать вовсю. Надо стороной обойти сторожевую заставу соламнийцев.

«Сторожевую заставу соламнийцев?» — удивился про себя Хума.

Он не ослышался? Как могли рыцари Соламнии оказаться в Эрготе?

— А те вспышки света... Это ты устроил такую иллюминацию?

— Да, — ответил Магиус. — Я все объясню позже, когда буду уверен, что нас никто не преследует. Эйвандейл, несомненно, уже пустился в погоню.

Хума натянул поводья, остановил коня:

— Почему мы бежим от Эйвандейла?

Маг гневно сверкнул глазами:

— Ты слепец! Думаешь, он помогал тебе просто по доброте душевной?

Хума едва сдержался, чтобы не вспылить в ответ. Да, он доверился Эйвандейлу. Ну и что из этого?

— Ты рассказал ему о вершине, так ведь? Ты указал ему дорогу туда!

— Магиус, ты порешь чушь. Я не знаю туда дороги.

По лицу Магиуса было видно, что он ляпнул что-то не то. Однако вскоре его лицо вновь стало бесстрастным, и маг продолжил:

— Ты сказал ему, что на юго-западе есть вершина, которая таит разгадку победы над Такхизис. Эйвандейл — из древнейшего Эрготского рода. Любой из правителей Эргота сделает все возможное, лишь бы укрепить свою власть и престиж. Подумай, что́ ты ему сообщил! Если он сумеет принести долгожданный мир в Ансалон, какой награды удостоит его император?! Эйвандейл теперь не остановится ни перед чем.

И слова, и тон, какими они были сказаны, действовали на Хуму гипнотически. Рыцарь еще не сомневался, что государь Эйвандейл — благородный человек. Правда, в нем соединилось несоединимое: преданность императору и желание помочь Хуме. Он предложил Хуме помощь... Но что́ из этого следует?

Хума решил до поры до времени таить в себе свои мысли и сомнения. Сейчас он хотел только одного: он должен найти вершину. И сейчас они идут к ней, поворачивать назад бессмысленно.

Он не увидел злой усмешки на лице колдуна, так как тот снова повернулся к нему спиной.

Путь, которым вел его Магиус, проходил по степям и лесам к юго-западу от Казргоса.

На рассвете они остановились на берегу небольшого лесного озера. Привязали лошадей к деревьям на лужайке.

Маг почти тотчас уснул, так и не объяснив ничего. Хума сидел, прислонившись спиной к дереву, и любовался озером. Он думал о том, что Дракос теперь является злейшим врагом как

для него, так и для Магиуса. От волкодлака осталась лишь горстка пепла. Галан Дракос лишился шпиона, он теперь — по крайней мере в ближайшее время — не сможет подсматривать за Хумой и Магиусом. Но ведь шпионов у него повсюду полным-полно.

Хума подозревал: Дракос знал не меньше, чем он сам, а возможно, и больше о том, что конкретно ищет Магиус, и, значит, со временем они снова где-нибудь наткнутся на шпионов Дракоса. Рыцарь даже не сомневался, что рано или поздно Галан Дракос сам лично займется своими врагами.

От нечего делать Хума бросил в озеро несколько камешков и посмотрел на круги от них. Потом он решил встать, но сделать это оказалось невозможным.

«В чем дело?» — недоумевал рыцарь.

Неожиданно над водой возникла женская головка. Несмотря на зеленоватый цвет лица, женщина была очень миловидной. Хума взглянул в ее узкие глаза — словно она только что пробудилась ото сна. У нее был маленький, острый нос и красивые пухлые губы. Когда женщина вышла из воды, Хума увидел: она стройная и длинноногая, ростом невысокая — по плечо Хуме. На плечах ее была тонкая мокрая накидка.

Нимфа!

Рыцарю не раз приходилось слышать о нимфах. Рассказывали, что они появились в век Мечтаний. Вряд ли их было много. Увидеть их удавалось очень редко.

— Привет тебе, доблестный воин.

У нее был певучий голос — как у маленькой птицы. Она улыбнулась, и Хума покраснел. Нимфа была привлекательной, но перед мысленным взором Хумы тотчас возник образ другой женщины — Гвинес.

Рыцарь все так же безуспешно пытался встать на ноги.

— Привет.

Но ответил Хума не сразу. Нимфа не только очаровала его — она внесла в его душу беспокойство. Как гласила одна легенда, эти игривые существа таили в себе смертельную опасность. Тот, кто попадался в их любовные сети, погибал.

Рука Хумы легла на рукоять меча. В нимфе было колдовское очарование. Хотя Хума и дружил с магом, он, как и большинство рыцарей, с недоверием относился к колдовству.

Рыцарь посмотрел на Магиуса, лежащего рядом, и удивился: он все спит и спит. При мысли о том, что маг усыплен, Хума содрогнулся.

Нимфа загадочно улыбалась.

— Если честно, я ожидала увидеть вместо вас другого. Но вы мне тоже нравитесь.

— Да? — Хума изо всех сил старался казаться беспечным, хотя сердце его бешено колотилось. — А почему вы ожидали увидеть другого?

Если здесь должен кто-то появиться, то надо скорее уходить отсюда. Как можно скорее.

А вдруг из озера выйдут еще нимфы?

Он произвольно сжал рукоять меча.

— Вы похожи на Бьюрна. И у него такой же дурацкий меч. Он должен был сегодня прийти ко мне. Хотите посмотреть, где я живу?

Глаза Хумы округлились. Ее дом, как он понимал, может оказаться и на дне озера. Если она решила завлечь его...

— Нет, благодарю вас, — торопливо ответил он. — Я не хотел бы вас затруднять.

— У вас даже голос такой же, как у Бьюрна, — сказала она, обидевшись.

— Вы ждете встречи с ним сейчас?

Хума быстрым взглядом окинул берег озера, надеясь увидеть фигуру в доспехах.

Нимфа стояла на берегу.

Рыцарь повернулся к Магиусу, но тот продолжал спать.

— Он не проснется, пока я не позволю. Мне не нравятся колдуны.

Хума нахмурился:

— Вы его знаете?

Нимфа с досадой махнула рукой:

— Не его самого. Я видела его изображение.

— Где?

Хума не знал, как следует вести себя, общаясь с нимфой. Она казалась хрупкой, но ведь силы ее колдовства оказались достаточно, чтобы усыпить Магиуса. Может быть, она не смогла бы сделать этого, не будь Магиус таким уставшим? И все же она доказала свое могущество.

— Я видела его в своем зеркале. Оно рассказывает мне, о чем думают другие. Иногда это так надоедает. И однажды я проглядела приход строителей пещеры.

— Строителей пещеры?

— Тех, что роют землю. Бессмысленное занятие. Вы их знаете? Такие маленькие забавные человечки.

Гномы!

Хума был ошеломлен.

Нимфа стояла рядом с ним, прикасалась к нему, и это сильно беспокоило рыцаря.

— Вы уверены, что не хотите заглянуть ко мне? Но я не отстану от вас, пока вы не надоедите мне.

Это была настоящая ловушка. Сколько мужчин покорилось ее чарам и последовало за ней на дно озера?

Хума шептал про себя молитву Паладаину.

Нимфа отошла в сторону.

— Я не хочу, чтобы вы делали это!

Она не поклонялась силам зла, но она не поклонялась и ни Паладаину, и ни Гилеану, Богу Книги. Значит, молитвы, обращенные к ним, могли защитить Хуму от ее чар.

Хума хотел уже было извиниться, но тут услышал: поблизости сквозь чащу продирается всадник.

Он снова попытался встать и стиснул пальцами рукоятку меча.

— Сюда едет Бьюрн. Я надеюсь, вы сразитесь с ним. Никогда еще я не видела схватки двух рыцарей. А это, наверное, так интересно!

Наконец всадник выбрался из чащи, окружающей озеро, на лужайку. Под развевающимся плащом поблескивали доспехи.

Сначала Бьюрн не заметил их, а затем, увидев, открыл от удивления рот и не отрываясь смотрел на Хуму.

Когда он подъехал ближе, Хуме удалось хорошенько рассмотреть его доспехи. Он несколько раз переводил взгляд с лица всадника на

доспехи и обратно. Он вспомнил: Магиус обмолвился о сторожевой заставе на юге Эргота. О заставе рыцарей Соламнии!

Нимфа мило улыбалась:

— Теперь вы понимаете, почему я приняла вас за Бьюрна? Вы даже носите почти одинаковые доспехи.

Она была права. Бьюрн был рыцарем ордена Короны.

Глава 13

Бьюрн обернулся к нимфе.

Его обветренное, с крупными чертами лицо не было ни красивым, ни безобразным. Глаза казались очень грустными. Усов у него не было, только черная борода, подстриженная точно так же, как у лорда Эйвандейла.

Хуме хотелось узнать, давно ли рыцарь Соламнии живет здесь.

— Оставь нас вдвоем, — сказал Бьюрн нимфе.

— А что, вы будете сражаться?

Удивившись ее вопросу, Бьюрн ответил:

— Нет. Это один из моих собратьев. Мы будем не драться, а мирно беседовать.

— Жаль, — нахмурилась она и тотчас спросила: — А с магом ты будешь драться?

Посмотрев на спящего Магиуса, рыцарь ответил:

— Он, должно быть, слишком устал. Спит как убитый.

— Это она усыпила его, — объяснил Хума.

Бьюрн вздохнул; казалось, его уже ничто не удивляет.

— Почему ты это сделала?

Нимфа ответила с обидой:

— Он мне не нравится. Это как раз его сны я показывала тебе в зеркале.

— Какие сны? — Бьюрн весь напрягся.

— Когда он все время умирает.

Хума прищурился. Однажды Магиус сказал ему, что во сне он постоянно видит свою смерть. Нимфа не могла слышать их разговор. Неужели она действительно видит в своем зеркале сны других людей?

— Освободи его от чар, — приказал Бьюрн.

— А ты не хочешь посидеть рядом со мной?

Ее вопрос прозвучал слишком откровенно. Бьюрн покраснел:

— Нет. Оставь нас. Нам предстоит важный разговор.

Уперев руки в бока, грациозная обительница водных глубин метнула на него сердитый взгляд:

— Я тебя больше не люблю и не хочу, чтобы ты ко мне приходил.

Она побежала к воде и скрылась в озере.

Нимфа почти ничем не отличалась от человека, разве что зеленоватым оттенком кожи и особой плавностью движений. Хума никак не мог сообразить, как же она дышит под водой.

Бьюрн пробормотал:

— Она никогда не помнит, что говорит. Сколько уже раз она сердилась, и, не успеешь и глазом моргнуть, она забыла об обиде. Должно быть, все нимфы такие, хотя я не видел ни одной, кроме нее.

Видя, что Магиус все спит и спит, Хума спросил:

— А она не забудет освободить мага?

— Не беспокойтесь, все будет в порядке. Вы уже знаете мое имя, брат по ордену. А как зовут вас?

— Я — Хума, рыцарь ордена Короны, из Вингаардской Башни.

— Вингаард! — Это слово было произнесено, как имя Паладайна. — Как там обстоят дела? Близится ли эта проклятая война к концу?

Хума, глядя в землю, покачал головой. Вкратце он рассказал Бьюрну, что произошло за последнее время.

Лицо Бьюрна омрачилось. Показав жестом на озеро, рыцарь сказал:

— Есть у нее развлечение: возьмет зеркало, покачает его и смотрит, чьи сны она поймала. Сны слуг Владычицы Тьмы ужасней, чем можно увидеть в самом кошмарном сне.

— Она всегда жила здесь?

Бьюрн вздрогнул. Он не любил, когда его спрашивали о нимфе. Связь с нимфой рыцарство ему никогда не простит.

— Когда меня отправили на сторожевую заставу, она уже жила здесь. Сокровища у нее — невероятно древние. — Рыцарь сделал паузу. — Встретился я с ней случайно. Другие рыцари не уходили так далеко от заставы. Я гнался за оленем, хотел устроить на заставе пиршество. Неожиданно конь споткнулся, и я, вылетев из седла, ударился головой о землю. Когда пришел в себя, передо мной стояла она, нимфа.

Хуме показалось: рыцарь смутился.

— Не беспокойтесь, брат. Я никому не расскажу об этом озере.

Бьюрн продолжал:

— На заставе обо мне знают почти все. Я ничего не скрывал. Да и скрывать-то нечего, мы только сидели с ней рядом. Она не совсем настоящая нимфа. Мне, конечно, хотелось бы чего-либо иного.

Магиус стал ворочаться. Бьюрн посмотрел на мага:

— Ваш волшебник просыпается. Вряд ли он будет в хорошем настроении, когда узнает, что с ним приключилось.

Пока Магиус не проснулся, Хума предупредил Бьюрна:

— Не надо ему рассказывать всего, что вы рассказали мне.

Глаза Бьюрна благодарно сверкнули в ответ. Хума понял: рыцарь относится к нимфе более нежно, чем старается показать.

Магиус, почувствовав, что рядом с Хумой кто-то есть, вскочил на ноги и уставился на Бьюрна.

— Приветствую вас, маг Красной мантии: — Бьюрн всем своим видом старался показать: он с почтением относится к магу, путешествующему вместе с его собратом.

Магиус после сна чувствовал себя бодрым. Он низко поклонился и ответил:

— И я приветствую вас, рыцарь Соламнии. Я и не предполагал, что благородные рыцари продвинулись так далеко на юг.

Хума и вида не подал, но ему очень не понравилось, что Магиус снова неискренен. Он хорошо помнил: маг совсем недавно говорил ему о том, что надо объехать стороной заставу соламнийцев.

Бьюрн ответил колдуну так:

— Здесь поблизости находится наша застава. Она небольшая, и о ней мало кому известно. А скоро она, вероятно, вообще перестанет существовать.

Магиус, казалось, не проявил никакого интереса к словам рыцаря. Он пристально смотрел то на место, где только что спал, то на озеро.

— Прошу извинить меня за то, что я не проснулся раньше. Это не похоже на меня. Не подумайте, что я столь невежлив.

Конь Бьюрна стал нервно переступать ногами, — видимо, почувствовал волнение хозяина.

— Вам не за что просить извинения. Видимо, здесь такое уж место. Я сам не раз на этом берегу оказывался во власти глубокого сна.

— Все же это не извиняет меня.

— До заставы далеко? — неожиданно спросил Хума. Его вопрос заставил Магиуса насторожиться.

— Не более часа. Конечно, вам следует к нам заехать. Несмотря на плохие известия, которые вы не должны скрывать, на заставе вам будут рады.

Бьюрн говорил, а Магиус загадочно улыбался. Рыцарю это явно не понравилось, но он сделал вид, что не заметил усмешки колдуна, и продолжал говорить, показав рукой на привязанных лошадей:

— Похоже, ваши лошади сильно устали и еще не отдохнули как следует. Но они смогут отдохнуть на заставе.

Он не расспрашивал Хуму о его планах, полагая, что тот сам все расскажет, когда сочтет нужным.

Магиус согласился с предложением:

— Очень хорошо. Однако мы пробудем у вас недолго. Нам предстоит дальний путь, и мы спешим.

Магиус и Хума отвязали лошадей и сели на них. Когда все были готовы, Бьюрн сказал, показывая рукой на запад:

— Поезжайте вперед. Я догоню вас через минуту.

Кивнув в знак согласия, Хума и Магиус поехали через лес.

Хума, ехавший сзади Магиуса, оглянулся и увидел: Бьюрн слез с лошади и достал из дорожной сумки какую-то фигурку, вырезанную из дерева. Водная гладь всколыхнулась, и над ней возникла голова нимфы. Вскоре деревья скрыли Бьюрна и нимфу из глаз Хумы, и о том, что происходило дальше, можно было только догадываться.

Магиус обернулся. Хума быстро выпрямился.

Вскоре Бьюрн догнал их. Хума сразу же спросил:

— Здесь только одна застава?

— Две. Другая — на западной стороне горной гряды.

Бьюрн показал на горы — они были сейчас видны, так как всадники въехали на вершину небольшого холма.

— Мы ведем наблюдение за восточной частью, а они — за западной. В горах есть что-то, что очень интересует Такхизис. Иногда нам приходится сталкиваться с людоедами.

— Много у вас рыцарей? Я ведь даже и не знал раньше, что здесь есть наша застава.

Бьюрн невесело улыбнулся:

— Я тоже не знал, пока пять лет назад не получил сюда назначение. Застава небольшая. На район, не уступающий по площади Соламнии, — всего восемь десятков рыцарей. Прежде нас было больше.

Хума понимал Бьюрна с полуслова. Рыцарь сказал ему, что сейчас, когда дела на фронтах идут из рук вон плохо, они отрезаны от всех рыцарей, за исключением собратьев на западной стороне гор. Они не имеют права покинуть заставу и уйти на север, чтобы вступить в борьбу с противником. Им приказано находиться здесь. Верность приказу — священный долг каждого рыцаря. Ренард подчеркивал это неоднократно.

— Вы когда-нибудь были на дальних вершинах? — неожиданно спросил Магиус.

— Нет. — Бьюрн очень неохотно ответил на вопрос мага.

— А кто-нибудь из ваших?

— Только на ближайших вершинах. Мы не ходим в глубь гор.

Казалось, это очень заинтересовало Магиуса.

— А почему?

— Причина простая: опасно!

Хума увидел — лицо Магиуса помрачнело. Вероятно, сказанное Бьюрном заставило его насторожиться.

Здесь на юге Эргота не верилось, что на севере бушует война. На небе висели такие же мрачные облака, как и на севере, но леса и поля здесь были полны жизни. Хума понимал: если ордам Владычицы Тьмы удастся разбить Соламнию, жизнь и здесь погибнет. Не будет

Соламний — Владычица Тьмы за один год покорит весь материк.

— Вот мы почти и прибыли.

Хума окинул заставу взглядом. О да, здесь не было таких высоких домов, как в Вингаарде. Дома были деревянными, но пропитаны они были огнезащитным составом. Стена, окружавшая всю заставу, раза в четыре превышала рост Хумы. Вверху стены прорезаны бойницы для лучников. За стеной — наблюдательная вышка, на вышке — часовой. Часовой увидел трех всадников и окликнул их; Бьюрн ответил ему медленным взмахом руки. Магиус продолжал задумчиво смотреть на далекие вершины.

Когда всадники подъехали к деревянным воротам — те раскрылись. Почти все рыцари заставы вышли навстречу прибывшим.

— Бьюрн! Вы возвратились так рано?! Что случилось?

Высокий рыцарь, обратившийся к Бьюрну, носил доспехи, видимо, уже тогда, когда государь Освал под стол пешком ходил. Лицо у него было все в морщинах, голос хриплый, но двигался он очень легко и, как подумалось Хуме, искусно владел мечом. В отличие от большинства рыцарей заставы, носивших бороды, подстриженные, как у государя Эйвандейла, у старика были усы, правда седые. Он, единственный из всех на заставе, принадлежал к ордену Розы.

— Салют, государь Тагин. Двум путникам нужно немного отдохнуть. Один из них — наш собрат. У него есть исключительно важные для нас известия.

Тагин кивнул головой:

— Все ясно, — и, обращаясь к собравшимся рыцарям, приказал: — Выполняйте возложенные на вас обязанности. Вы — рыцари Соламнии, а не стадо гусей!

Рыцари расходились с выражением разочарования на лицах. Многие из них, как объяснил Бьюрн, служили здесь, никуда не уезжая с заставы, более десяти лет.

Сам государь Тагин живет здесь более двадцати. Его поведение служило примером для рыцарей.

Хума не мог сдержать улыбки. Он ощутил, что находится среди рыцарей, отличающихся от обитателей Вингаардской Башни. Они не столь строго соблюдали правила этикета, вели себя более естественно.

Как оказалось, на заставе было всего три здания. Кроме вышки, которая служила также арсеналом и конюшней, было только два дома. Один из них, очень длинный, — казарма. Другой, невзрачный, был, как ни удивительно, командным пунктом. Здесь же государь Тагин и жил. Хуме, выросшему в деревне, деревянные дома нравились больше, чем каменные.

Место для заставы выбрано было чрезвычайно удачно. Застава находилась весьма близко к лесу — это было удобно для охоты и заготовки дров. С другой стороны к стене подходила плоская открытая равнина, так что при нападении врагу здесь негде было укрыться. Воду брали из небольшого ручья поблизости и из колодца. Внутри крепостной стены находились также сады и огороды.

Тагин приказал Бьюрну, после того как они умоются и поедят, привести гостей к нему. Однако Магиус категорически заявил, что не станет ни с кем разговаривать, пока ему не позволят наконец отоспаться. Командира возмутило поведение колдуна, но он понимал, что гостям надо отдохнуть.

Громкие голоса рыцарей разбудили Хуму. Он взглянул на Магиуса — тот стоял у окна.

Солнце уже садилось. Рыцари выезжали за ворота заставы в полной боевой готовности. Некоторые кроме оружия взяли с собой сети. Это не мог быть обычный патруль, всадников было очень уж много. Хума увидел — к ним едет Бьюрн, и стал одеваться.

— Отдохнули? — входя, спросил рыцарь у мага.

— Вполне. Я давно не спал так хорошо.

Одевшись, Хума в сопровождении Бьюрна вышел на улицу. Всадники уже уехали, и ворота были снова закрыты.

— Почему такой большой патруль? Появились людоеды? — спросил Хума.

Бьюрн покачал с сомнением головой:

— Вряд ли будет толк от патруля... Наши ближайшие соседи сейчас — эльфы Квалинесты. Мы время от времени торгуем с ними. Один из них сказал, что в наших лесах скрывается какой-то необычный зверь. — Бьюрн улыбнулся. — Мы хотели их спросить, что они потеряли в наших лесах, но побоялись их обидеть. Просто поблагодарили их и решили сами узнать, что это за зверь такой.

— Удалось его выследить?

— Мы зовем его Громилой. Он очень сильный. Возможно, это разведчик, посланный людоедами. Трижды ему удавалось ускользнуть от нас. Сегодня ночью наш патруль вновь попытается выследить его логово. В любом случае мы должны взять его живым.

— Зачем?

— Если это шпион — мы получим от него нужные нам сведения. Если просто какой-то необычный зверь — Тагин все равно хотел бы видеть его. Эльфов Квалинесты этот зверь очень беспокоит, и командир хочет понять почему.

Бьюрн привел Хуму к государю Тагину. Командир встретил их радушно и попросил Хуму рассказать о положении на фронте. Выслушав его, старый рыцарь спросил взволнованно:

— У вас нет никаких сведений о последующем развитии событий?

— Нет. Мы должны были отойти и позже вновь соединиться. Это все, что я знаю.

— Понятно. — Тагин проницательно посмотрел на Хуму и продолжил после небольшой паузы: — Нам остается только ждать. Бьюрн, все услышанное вы перескажете рыцарям завтра утром. Так будет лучше.

— Слушаюсь, государь Тагин.

— Ну что же, прекрасно. — Государь убрал бумаги со стола. — Вы свободны, юноша.

Хума и вместе с ним Бьюрн встали, но государь Тагин тотчас остановил Хуму:

— Не вы, рыцарь Хума. У меня есть еще несколько вопросов к вам. Садитесь, пожалуйста.

Бьюрн вышел. Тагин некоторое время, постукивая пальцами по столу, молчал. Оставшись наедине с государем, Хума ощутил некоторую скованность.

Наконец Тагин спросил:

— Почему вы оказались в наших краях?

— Милорд...

Старый рыцарь попросил Хуму спокойным, доверительным тоном:

— Говорите без обиняков. Вы не в Вингаардской Башне. Что бы вы ни сказали, я не буду прерывать вас. И все останется между нами. Я неплохо разбираюсь в людях и доверяю вам, несмотря на то что сейчас вы — вместе с колдуном.

— Благодарю вас, милорд, за доверие.

— Я понимаю: мое звание и особенно возраст... Но называйте меня, пожалуйста, просто Тагин. Итак, с какой целью вы прибыли сюда? Чтобы вернуться в Вингаардскую Башню, есть сотня других, более коротких путей. Почему вы направляетесь на юг? Это все колдун? Кажется, вы с ним близки.

— Мы знаем друг друга с детства. — Хума пока не стал ничего больше говорить о Магиусе.

— В самом деле? Странно, согласитесь. Впрочем, все эти мантии, будь они белые, красные или даже черные, — просто символы, а люди...

— Он не злой, го... Тагин.

Государь едва заметно улыбнулся:

— Я и не говорю, что он злой.

Почувствовав взаимопонимание, Хума стал более откровенным:

— Да, конечно, он боится за свою жизнь, но хочет положить конец всей этой войне.

— Что для него самое главное?

— Ну... — Хума на мгновение задумался. — Я сказал бы — жизнь.

— Прекрасно. Так и должно быть. Конечно, только при условии, что это не наносит ущерба всему миру.

Хума промолчал.

Государь Тагин встал и прошелся по комнате.

— Что вас объединяет, что вы ищете? Почему идете вместе? Просто из дружбы?

— И да, и нет.

Старый рыцарь удивленно поднял брови:

— Любопытно.

Хума стал рассказывать об испытаниях, каким подвергли Магиуса, и о том, как они действовали на него. Рыцаря ордена Розы особенно заинтересовало то, что во время испытаний Магиус прошел через собственную смерть.

Но кое-какие вопросы у старого рыцаря еще остались.

— Вы были со мной откровенны, — сказал он, когда Хума окончил свой рассказ. — Мне надо все сказанное вами обдумать, и мы продолжим нашу беседу завтра.

Хума был весь в поту.

— Да, милорд. Благодарю вас.

Тагин сел в кресло:

— Я прожил долгую жизнь, Хума. Я испытал в ней больше, чем вы можете себе представить. Обдумайте-ка на досуге наш разговор. А сейчас вы свободны.

Хума отсалютовал и вышел.

На улице он с облегчением перевел дух и увидел — Бьюрн дожидается его.

— Ведь вы уже давно не ели, — сказал Бьюрн. — Не хотите ли перекусить?

Хума благодарно улыбнулся:

— С удовольствием. Магиус, думаю, тоже.

— Но он может сам позаботиться о себе. Ведь он — колдун. И к тому же он, кажется, снова заснул.

Эти слова неприятно поразили Хуму. Он посмотрел на окна казармы и наконец ответил:

— Возможно... Он проснется, когда проголодается.

— Вот и хорошо.

Бьюрн пошел вперед, Хума — за ним.

Прошла ночь, а Магиус все спал и спал. Хума подумал, что маг решил таким образом восстановить свою энергию. Правда, лицо Магиуса было бледным, тело — окоченевшим, и его можно было даже принять за мертвеца. Хума проверил у него пульс — ровный.

На рассвете часовой возвестил о возвращении патруля. Рыцари побежали открывать ворота. Побежал к воротам и Хума вместе с Бьюрном. Из командного пункта вышел Тагин и стал наблюдать за происходящим.

Рыцарь, первым выбежавший за ворота, вернулся назад с криком:

— Они кого-то поймали!

К рыцарям подошел Тагин:

— Всем вернуться на свои места. Мы на войне, а не в цирке. Потерпите. Вы все скоро увидите его.

В ворота въехали уставшие, но торжествующие всадники. Некоторые из них были ранены, но, как сказал Бьюрн, обошлось без жертв. Громилу не было видно за опутавшими его сетями. Лишь кое-где торчали наружу клочья коричневой шерсти; было невозможно понять, что это за зверь. Опутанное сетями чудовище фыркало и ревело. Громилу потащили к клетке — она была подготовлена заранее. Несколько рыцарей подхватили связанного зверя и затолкнули его в клетку. Громила извивался, пытаясь освободиться от пут.

Командир патруля подошел к государю Тагину и доложил:

— Мы нашли его в ложине. Он убил оленя и ел его. Заметил нас поздно, мы успели окружить Громилу. Пытались набросить сети, но сначала безуспешно. Несколько человек были ранены. Я уже даже было подумал, что нам придется убить его. Но, к счастью, этого делать не пришлось. В конце концов он запутался в сетях; и мы его схватили.

Государь удовлетворенно кивнул:

— Паладайн вам помог, все остались живы. Теперь его место — в клетке.

— Лучшее сказать, его место не в клетке, а в тюрьме. Это было бы правильнее, милорд.

— В тюрьме? — удивился государь. — Кого же вы поймали?

Пока еще было невозможно разглядеть, кто такой Громила. Он еще не сумел выбраться из сетей. Но его рев сопровождался настоящей человеческой речью.

Командир патруля с гордой уверенностью заявил:

— Шпион Владычицы Тьмы! Одно из ее безобразных чудовищ, посланных к нам с севера. Война, получается, пришла и к нам.

Тагин подошел к клетке поближе. Громила уже почти сбросил с себя сети.

— О, Саргас! Я разорву всех вас на куски!

Хума замер. Бьюрн смотрел на него, по-видимому, с недоумением: может быть, на севере, где Хума жил, ему приходилось уже встречать таких существ?

Громила стянул сети со своей рогатой головы. Тяжело дыша и глядя с бешеной свирепостью в лица окруживших клетку рыцарей, он кричал:

— Труссы! Подонки! Дайте мне возможность сразиться с любым из вас! Где ваша хваленая храбрость?!

Громила был в углу клетки и не мог видеть Хуму. Но Хума отчетливо видел его.

Он широко раскрытыми глазами смотрел на человекобыка и думал, что же он может сделать для спасения Кэза.

Глава 14

Первый, кому доверил свою тайну Хума, был Бьюрн.

— Вам повезло, — сказал Бьюрн, — что никто, кроме меня, не заметил вашего изумления. Вы стояли прямо-таки раскрыв рот.

— Я был просто поражен. — Хума покачал головой. — Когда мы расстались, Кэз поехал на север, я — на юг. Преследователей интересовал прежде всего я, и поэтому они бросились за мной.

— И получили от вас по заслугам, — заметил Бьюрн.

Накануне Хума рассказал ему о своем сражении, хотя и очень кратко, но и краткий рассказ произвел на Бьюрна сильное впечатление.

— Поразительно, что Кэз оказался в здешних лесах. К тому же он добрался сюда значительно раньше меня. Правда, я несколько дней шел пешком. И все же ему, чтобы опередить меня, надо было гнать лошадь во весь опор... А она, должно быть, пала без сил вскоре после того, как мы расстались.

— Он знал, куда вы держите путь?

Бьюрну показалось, Хума думает над ответом целую вечность.

— Только общее направление — на юго-запад.

Бьюрн подошел к окну и посмотрел на клетку. Кэз неподвижно сидел на полу.

— Опытный воин найдет немало способов, чтобы пробраться незамеченным. Минотавр, должно быть, обнаружил нашу заставу и предположил, что вы здесь остановитесь. Он мог подумать также, что именно сюда вы и направляетесь.

Хума снова задумался:

— Я говорил ему, что хочу вернуться к рыцарям, и он мог действительно подумать: если я не доберусь до Соламнии, то направлюсь сюда.

— Или... — Бьюрн некоторое время молчал в нерешительности, — или он действительно шпион и оказался здесь совсем с другими намерениями.

— Ни в коем случае!

В том, что Кэз был абсолютно предан ему, у Хумы сомнений не было.

— Вам будет трудно убедить в этом рыцарей. Минотавр есть минотавр. Они допросят его и независимо от того, что он им скажет, казнят его.

— За что? Он ведь только защищался!

Бьюрн досадливо поморщился:

— Вы слышали, что я сказал? Он — минотавр. И они вряд ли станут вас слушать.

Хума стал нервно ходить по комнате.

— Я должен поговорить с Тагином.

— Тогда не теряйте времени. Они начнут допрос сегодня же, вероятно после полудня.

— Тагин сейчас на командном пункте?

— Вряд ли. Как рыцарь ордена Розы, он должен быть в это время на молитве. Из-за минотавра он запоздал на нее. Кстати, вы успокоили душу молитвой?

Хума остановился и побледнел:

— Нет, я еще не молился. Если Паладайн отвернется от меня навсегда, так мне и надо.

Бьюрн покачал головой:

— Это вы напрасно. Думаю, Паладайн более милостив. Идите к Тагину и помолитесь вместе с ним.

Сразу после молитвы Тагин пригласил к себе своих помощников и командира охраны.

Хума понимал: момент для разговора с государем неподходящий. И пока Тагин занят, он решил подойти к клетке с минотавром. Зачем он делает вид, будто не знает Кэза? Тот был всегда искренен с ним.

Клетка, в которой находился минотавр, очень походила на те, в которых обычно возят редких животных для показа на ярмарках и в селах. Из металлических прутьев, с дверцей, на полу солома.

Кэз сидел мрачно понурившись, рядом с ним — мясо и каша. Пища аппетита не вызывала. Хума подумал: она, вероятно, и на вкус такая же скверная, как и на вид.

Охраняли клетку два рыцаря, они остановили Хуму. Тот спросил:

— Можно мне допросить пленника?

— Это сделает сам государь Тагин. Остальные могут только смотреть.

— Но я хотя бы могу сказать ему пару слов?

Стражники переглянулись. Несомненно, они хотели бы знать, зачем это Хуме говорить с минотавром? Наконец тот же рыцарь, что заговорил с Хумой первым, ответил:

— Нет. Без разрешения государя нельзя.

Кэз услышал голоса рыцарей. Поначалу он спокойно прислушивался, — очевидно, он не был уверен, что слышит голос именно Хумы. Вдруг он повернулся и прыгнул к прутьям клетки:

— Хума!

Стражники переполошились, один начал колотить своей железной перчаткой по клетке:

— Заткнись, Громила! Ты заговоришь, когда тебя будут судить.

Кэз сердито фыркнул:

— Я думал, что рыцари — благородные люди, но таких среди них очень-очень мало.

Он просунул между прутьями свою длинную сильную руку, раскрыл ладонь.

— Хума, освободи меня!

Рыцари уставились на Хуму, явно ошарашенные.

— Он, кажется, вас хорошо знает? Откуда?

— Мы сражались с ним вместе. Он не слуга Владычицы Тьмы. Он сам по себе. И он — наш друг.

— Друг? — Стражники смотрели на Хуму удивленно, с большим недоверием.

Вокруг стали собираться рыцари — их разбирало любопытство.

Стражник, молчавший до сих пор, произнес:

— Пожалуй, Кэлб, нам надо сообщить об этом Тагину.

— Я не буду мешать ему сейчас. — Кэлб, высокий, толстый детина с наглым взглядом, повернулся к Хуме: — Если бы я не слышал о вас много лестного, я бы подумал, что вы — шпион, связанный к тому же с колдунами и минотаврами. Но, видимо, вы просто глупец. И если хотите говорить с этим чудовищем, спросите разрешения у Тагина. Будь моя воля, я и вас предал бы суду.

Шум одобрения, прокатившийся среди собравшихся, заставил Хуму вздрогнуть. За несколько секунд он превратился из желанного гостя в изгоя.

— Что здесь происходит?

Все, даже Кэз, застыли, услышав властный голос.

Незаметно подошедший государь Тагин был одет в парадную форму. Казалось, он помолодел по меньшей мере лет на двадцать. Он был сейчас само олицетворение власти.

— Вы не рыцари, а стадо баранов. Приказываю вам сейчас же разойтись. — Тагин повернулся к Хуме: — Мне сообщили, что вы хотели бы поговорить со мной о минотавре.

За спиной командира стоял Бьюрн.

— Мы начнем допрос минотавра через полчаса. Надеюсь, вы будете присутствовать на нем и изложите известные вам факты. Вас это устраивает?

— Да, милорд.

Тагин повернулся к своим подчиненным:

— А вы, кажется, забыли о законах рыцарства. Пусть же этот случай послужит вам уроком.

Рыцарь ордена Розы не стал ждать ответа. Он прошел мимо стражников и подошел к клет-

ке. Кэз смотрел на него сверху вниз. Казалось, Тагина это нисколько не смутило.

— Послушайте, минотавр. Законы рыцарства — незыблемы. Мы выслушаем вас беспристрастно. Вам будет предоставлена возможность доказать свою невиновность, и мы учтем все, что скажет о вас рыцарь Хума. Даю вам честное слово.

Кэз ничего не сказал в ответ, только сделал легкое движение головой, напоминающее кивок. Тагин повернулся и направился на командный пункт.

— Вы не перестаете меня удивлять, Хума! Вы всегда оказываетесь в центре событий! Поразительная способность!

Хума и Бьюн вернулись в казарму.

Магиус предстал перед ними в совершенно роскошной красной мантии. Хума вновь был ошарашен. Магиус возвратился в орден Лунитарии, или это была просто одна из его шалостей?

— Маг возвращается в стан живущих, — едко прокомментировал Бьюн.

Тот отпарировал:

— Хума, пожалуй, единственное, что хуже железных простыней, в которые вы, рыцари, наряжаетесь, — так это твои друзья. Разумеется, я не имею в виду себя.

— Если не можешь сказать ничего достойного внимания, лучше, Магиус, вообще ничего не говорить, — вспылил Хума и сам удивился своей дерзости.

Магиус сделал вид, что не слышал слов Хумы.

— Минотавр, похоже, успел наломать дров. Но у нас совершенно нет времени помогать ему. Если бы мне не был необходим отдых, мы бы ушли отсюда еще ночью.

Бьюрн зло усмехнулся:

— Вы никуда не уйдете без разрешения государя Тагина.

— Я не уйду? Вы так думаете?

— Не уйдешь. Пока не будет освобожден Кэз, — добавил Хума.

Маг вздохнул:

— Ну что же, очень хорошо. Надеюсь, это не затянется надолго. Хотя я знаю, какими долгими и мучительными бывают ваши суды. Суды инквизиции.

— Хума, неужели этот негодяй на самом деле ваш друг? — возмутился Бьюрн.

— Я, конечно, не смогу вас переубедить, но сам все еще надеюсь увидеть в нем прежнего Магниуса.

Колдун промолчал. Он просто посмотрел на Хуму и взял в руки волшебный посох.

— Ты идешь со мной, Магниус?

— На суд? Едва ли. Они и меня могут предать суду. Я лучше буду ждать тебя здесь.

Хума вздохнул, однако он не мог понять: стало ли ему легче или еще тревожнее.

В отличие от судов в Вингаардской Башне, на заставе они проходили быстро и обстоятельно.

Кэза спросили о том, что он делал и где был последние полгода. Рассказ об убийстве капитана людоедов и о встрече с Хумой был вы-

слушан равнодушно. Государь Тагин старался повести допрос так, чтобы было доказано с очевидностью: минотавр не заслуживает доверия.

При допросе всплыли многие любопытные подробности. Выяснилось: минотавр принадлежал к старинному роду. При рождении его называли именем одного из предков, могучего атлета, который правил своим народом двадцать три года подряд, пока не потерпел поражение на турнире. Сам Кэз родился, когда у минотавров уже не было собственных правителей. Их расой теперь правили слуги Владычицы Тьмы. Все минотавры, даже женщины, призывались в армию Такхизис. Пожалуй, история не знала другой такой расы мятежников, как минотавры. Их жестоко наказывали за малейшую провинность. Кэз рассказал, где и как он воевал. Бойцовский дух определял весь склад его характера. И все же бессмысленная резня повсюду охладила его воинственный дух. Он считал бесчестным многое из того, что приходилось делать в армии. Людоеды убивали без разбора всех — и солдат, и мирных жителей; они все уничтожали на своем пути. Затем Кэз рассказал, как он убил капитана людоедов. На какой-то момент сердца всех присутствующих склонились в его пользу. Но рассказ о поражении рыцарей Соламнии вновь ожесточил рыцарей. Потом Кэз рассказал о нападении драконов на башню Магиуса и об их с Хумой бегстве.

Кажется, наибольший интерес у всех вызвали подробности поединка Хумы с военным министром. Хума стал героем дня. Те, кто только что

косо смотрел на его странную дружбу с минотавром, прониклись к нему почтительным уважением.

Затем слово дали Хуме. Он не просил рыцарей о снисходительном отношении к минотавру, лишь рассказал о том, как тот храбр и честен. Хума подчеркнул, что достоинство и честь для Кэза так же важны, как и для всех рыцарей.

Когда закончилось обсуждение допроса, государь Тагин выглядел совершенно уставшим. Он встал и, глядя прямо в глаза минотавру, произнес с глубоким вздохом:

— Минотавр Кэз ответил на все наши вопросы. Он дал нам хорошее представление о действиях темных сил Такхизис, и его слова подтверждены Хумой, рыцарем Короны. Он по праву заслуживает достойной смерти.

Кэз сердито фыркнул и попытался разорвать оковы.

Хума привстал, но Бьорн удержал его.

Тагин продолжал:

— Однако мы не предадим его смерти. Паладин — справедливый и мудрый бог. Казнь минотавра была бы пародией на его справедливость. Поэтому я передаю его под опеку рыцаря Хумы, которому, я полагаю, мы можем полностью доверять.

Среди присутствующих пронесся шум одобрения. В глазах своих собратьев Хума превратился в великого героя — почти в такого же, каким он был для солдат Эргота.

— Повелеваю освободить минотавра от оков.

Стражник Кэлб повиновался неохотно. Почувствовав себя свободным, Кэз улыбнулся во

всю пасть. Тотчас он бросился к Хуме и, сжимая его в объятиях, радостно закричал:

— А я уже не надеялся увидеть вас, друг Хума! Как же долго я искал вас! Слава богу, что я решил сразу повернуть на юг. Хотя и не был уверен, что найду вас здесь. Ведь вы могли повернуть на север, чтобы разыскать меня.

Хума, отдышавшись, ответил:

— Мне оставалось только верить, что вы живы и невредимы. Я должен был идти на юг, даже если мне этого и не хотелось бы. Магнус...

Кэз перебил Хуму:

— Да, я понимал, что ваш друг, драконовское отродье, придирается ко мне. Мне казалось, он очень хочет отделаться от меня. Его самоуверенный вид меня всегда бесил, и я уже начал обдумывать, как избавиться от него. — Минотавр громко расхохотался, хотя Хума не мог понять почему.

Тагин кашлянул, и Хума подвел к нему минотавра:

— Государь Тагин, рыцарь ордена Розы, позвольте представить вам минотавра.

— Минотавра из рода, давшего нашей расе более дюжины великих чемпионов, — гордо добавил Кэз.

Родословная для минотавров не имела такого же большого значения, как для рыцарей Соламнии, однако родом, из которого происходили великие чемпионы, гордились все минотавры, и Кэз мог государю Тагину представить себя как дворянина своей расы.

Тагин поприветствовал минотавра и сказал:

— Когда всё уйдут, мы должны будем поговорить. Я пригласил для разговора также и Магиуса.

Зал опустел, и государь Тагин дал знак Бьюрну позвать Магиуса. Маг вошел явно с неохотой.

Кэз напрягся, глаза у него стали злыми и красными.

Маг всем своим видом показывал, что он даже не замечает минотавра.

— Я решил прийти, как вы и просили, государь Тагин.

— Очень любезно с вашей стороны. — Старый рыцарь не желал скрывать свою враждебность по отношению к магу. — Я решил, что вы можете продолжить путь, и даже предоставляю вам почетный эскорт.

Маг хмыкнул:

— Очень трогательно с вашей стороны, государь Тагин, но нам не требуется эскорт. У нас с Хумой свои собственные дела.

— Ну, волчье отродье, — зашипел Кэз, — а я пойду с вами независимо от того, будет или не будет сопровождать вас эскорт.

Тагин поднял руку, требуя тишины:

— У вас нет выбора. Я предоставляю эскорт в любом случае. Это не знак вежливости, а мое требование. Только при этом условии вы можете продолжить свой путь.

Магиус свирепо посмотрел на Хуму:

— Ты же обещал молчать обо мне. А кажется, ты им все выболтал!

Хума рассердился, но ничего не ответил.

Командир заставы подошел к Магиусу почти вплотную и сказал властно:

— Вы отправитесь завтра на рассвете. Не раньше и не позже. И не пытайтесь ускользнуть. Мы разыщем вас, где бы вы ни были, и арестуем. Мы сумеем задержать вас, колдун. Не сомневайтесь в этом.

— Ну что же. Значит, у нас, очевидно, нет выбора.

Хума с удовлетворением отметил про себя: Магиус смирился.

Повернувшись к Хуме, Магиус спросил, указывая на минотавра:

— И *он* пойдет вместе с нами?

— Несомненно.

Кэз громко фыркал.

— Значит, утром. — Магиус снова повернулся к государю Тагину: — Аудиенция окончена?

— Мне кажется, на вас слишком сильно повлиял сон о смерти во время испытания на мага.

Магиус грустно улыбнулся:

— Это не было сном. Это было кошмарной реальностью, которую я надеюсь изменить.

Тагин посмотрел ему прямо в глаза:

— Вы не сообщили Хуме всего, что знаете. Что вам еще известно, Магиус?

Хума удивленно молчал, молчал и колдун.

Наконец Магиус обвел всех пристальным взглядом, затем резко повернулся и пошел к двери.

— Я скажу только тогда, когда придет время.

Все смотрели вслед уходящему Магиусу.

— Наблюдайте за ним постоянно, Хума, — прошептал Тагин. — Это не только ради вас, но и ради него самого.

Молодой рыцарь кивнул головой в знак согласия. И почему только он еще верит в Магиуса?

На вершине самой высокой горы стоял рыцарь. На его шлеме с опущенным забралом была видна эмблема ордена Розы, в левой руке он держал меч. Казалось, он предлагает его Хуме. Тот стал перебираться через скалу и глубокое ущелье. Он несколько раз срывался, но все же успевал зацепиться за камень. Хотя Хума был совсем близко от рыцаря — тот не помог ему. Незнакомец просто протягивал Хуме меч. Наконец Хума достиг вершины и взял в руки оружие, которое протягивал ему незнакомый рыцарь. Это был прекрасный старинный меч. Со свистом рассекая воздух, Хума трижды взмахнул им. Незнакомый рыцарь пристально смотрел на него. Хума поблагодарил его за меч и спросил имя рыцаря. Тот не ответил. Рассердившись, Хума протянул к шлему рыцаря руку и откинул забрало.

Ему так и не удалось узнать, кто это был, — раздался чей-то крик, и Хума вскочил с кровати. Сон кончился.

Утром к ним зашел Тагин. Он явно присматривался к Магиусу, но поведение колдуна не вызвало с его стороны нареканий.

Прибыл эскорт, который состоял только из добровольцев. Увидев среди них Бьюрна, Хума обрадовался.

Когда все были готовы и сели на коней, Бьюрн подал сигнал, чтобы открыли ворота.

Все всадники, кроме Кэза и Магиуса, отсалютовали командиру заставы.

Государь Тагин не сказал Хуме ни слова, он только ответил ободряющим жестом на его приветствие.

Большая часть пути поначалу проходила по открытому полю, перед глазами все время стояли далекие горы. Ехать предстояло несколько дней.

«Какую же из вершин ищет Магиус и что он надеется там найти?» — думал Хума.

Маг казался совершенно спокойным. Он не сводил глаз с горных вершин. Колдун смотрел на эти скалистые громады так, словно от них зависела вся его жизнь; возможно, так оно и было.

Оглянись Хума назад, он бы заметил: кто-то быстро перебежал из одного укрытия в другое.

Призрак крался за всадниками весь день. Он сопровождал их, рискуя каждое мгновение быть обнаруженным. Он терпел жгучую боль от солнечного света, который даже сквозь облака палил и сушил его голое тело.

Куда бы ни направились рыцари и маг — волкодлак, послушный своему хозяину, будет неотступно следовать за ними.

Глава 15

Прямо перед всадниками высились огромные горы. Они еще и издали представляли величественное зрелище, а вблизи подавляли своей огромностью.

Путники молчали.

Горы здесь возникли гораздо раньше, чем на востоке и на севере. Многие вершины терялись где-то в заоблачной выси. Время выветрило горы местами так сильно, что они напоминали раковины гигантских морских существ. Ураганный ветер, в десятки раз более сильный, чем на равнине, наполнял пространство диким пронзительным воем.

— О, Саргас! — прошептал Кэз.

Никто из спутников не ответил ему.

Наконец Магиусу удалось вывести всех из оцепенения.

— Мы не добьемся успеха, если будем только глазеть по сторонам. Вы готовы продолжать путь, Хума?

— Да. Кэз, я полагаю, и вы тоже?

Минотавр посмотрел на вершины и, улыбувшись, ответил:

— Такой ландшафт, мой друг, мне хорошо знаком. Он меня несколько не смущает.

— На всякий случай мы будем ждать вас здесь три дня, — сказал Бьюрн.

Магиус презрительно отмахнулся:

— В этом нет необходимости.

— Тем не менее мы будем вас ждать, — повторил рыцарь.

— Итак, вперед! — Хума мгновенно вскочил в седло.

— Поехали! — И Магиус первым пустился в путь.

— Хума, — тихо сказал Бьюрн и протянул ему руку. Своей суровостью его лицо напоминало горы, высящиеся над ними, и было оно так же прекрасно. — Да хранит вас Паладайн.

— Да хранит он и вас.

Вслед за Бьюрном все рыцари простились с Хумой, и тот пришпорил коня. У него постоянно возникало желание оглянуться назад, но он так и не оглянулся. Рыцарь чувствовал: со стороны гор ему угрожает опасность, и, если он повернется к ним спиной, его могут захватить врасплох те, кто ему угрожает. Он старался не показывать своей обеспокоенности Магиусу и Кэзу. Истинный рыцарь, такой как Беннет, не устрашился бы встретиться лицом к лицу с самой Владычицей Тьмы. Хума знал: он никогда не сможет стать таким бесстрашным, как Беннет, но он сделает все, чтобы быть достойным звания рыцаря.

Вскоре они уже поднимались в горы. Вершины, утесы и пропасти, казалось, были готовы сомкнуться и стереть даже следы этих едва заметных существ, осмелившихся проникнуть в их владения.

— Вершины, наподобие этих, всегда заставляют меня задуматься: что же чувствуют крошечные-прекрошечные насекомые? — нарушил затянувшееся молчание Кэз.

Магиус пренебрежительно рассмеялся:

— Горы — это всего лишь груды камней. Да, они впечатляют, но не заслуживают большего почтения, чем камешки на пляже.

— Значит вы никогда не были в горах. Будьте осторожны, а то они ненароком похоронят вас под своими не заслуживающими внимания глыбами.

Откуда-то из глубины гор послышался крик. Он напоминал резкий, властный оклик; всадники огляделись вокруг, но никого не увидели, и Кэз спросил Магиуса:

— Что это было? Вам знаком этот крик?

Маг ответил как можно более равнодушно:

— Пожалуй, это птица. Может быть, дракон. Я не удивлюсь, если мы обнаружим, что здесь живут драконы.

— Драконы? — Хума сразу же представил, как огромные жители неба пикируют на беззащитных всадников.

Конечно, Магиус мог бы на короткое время подчинить драконов своей власти, но и Хуме, и Кэзу напрасно было бы вступать с ними в бой. Меч и секира мало чем могли помочь в схватке с драконами.

Тропа, по которой они ехали, то поднималась на крутые выступы, то опускалась вниз, то проходила у самого края пропасти.

Бьюри рассказывал Хуме: эту тропу, которая до сих пор остается единственным путем, позво-

ляющим здесь пересечь горы, проложили гномы, давно покинувшие эти места. Рыцари бывали в горах крайне редко. И не потому, что они боялись каких-нибудь злодеев. Они знали, что даже разбойники избегают этих мест.

Дикие порывы ветра рвали с Хумы плащ, и рыцарь вынужден был обмотать его вокруг себя. Ветер свистел и выл, словно стая сказочных птиц.

Магиус продолжал ехать впереди. Только он знал, куда они держат путь.

Хума искал глазами вершину, которая была бы похожа на ту, что он видел на гобелене.

А Кэз был просто доволен тем, что он свободен и едет куда глаза глядят. Его не волновало, что ищет колдун. Безопасность Хумы и его самого — это было для него единственным, о чем следовало заботиться. А о Красной мантии можно было и не думать.

После очередного поворота они оказались в тупике — тропинка окончилась. Магиус пробормотал проклятия. Кэз рассмеялся; колдун посмотрел на него злобно.

Тропу преграждала огромная груда камней. Хума взглянул вверх и увидел расщелину на склоне одной из вершин. Он попытался вообразить, какая гигантская сила могла разорвать гору.

— Меня не проведешь! — неожиданно крикнул Магиус, тоже глядя на вершину, и повернулся к Хуме и Кэзу: — Поблизости, позади нас, должна быть развилка. Попробуйте найти ее, а я постараюсь понять; можем ли мы здесь проехать.

Кэз не горел желанием выполнять повеление Магиуса, но Хума решительно заявил: сейчас не следует перечить магу.

Магиус остался осматривать груды камней, а Хума и Кэз поехали назад. Вскоре они нашли развилку, о которой говорил маг. От основной тропы отходили две почти незаметные тропинки. Одна совсем заросла кустарником. По-видимому, по ней давным-давно никто не ходил.

Хума поехал по ней. Кэз оставил свою лошадь на развилке и пошел по другой тропинке. Рыцарь тоже вскоре убедился, что ехать верхом рискованно, и слез с коня. Привязал коня к дереву. Если дорога станет более удобной, Хума вернется за ним и продолжит путь верхом.

Рыцарю пришлось рубить кусты мечом. Заросли были такими густыми, что после каждого удара на тропу падал целый ворох веток. Наконец через несколько минут Хума сумел пробиться сквозь кустарник. И увидел: тропинка идет вверх по скале, ехать верхом невозможно, можно лишь ползком карабкаться по ней.

Неожиданно он наткнулся на отлогий склон, ведущий вниз. Казалось, тропинка изгибается как раз так, что должна за обвалом пересечься с основной тропой. Осмотревшись, Хума понял: склон ведет кратчайшим путем к вершинам. И что еще удивительно: ветра здесь почти не было.

Рыцарь, ускоряя шаг, повернул назад. Он был уверен — Кэз уже вернулся к Магиусу. А Магиусу вряд ли удалось за это время найти обходной путь. Найденная Хумой тропа окажется наилучшей и, возможно, единственной для них.

Хума вернулся к развилке и стал, спотыкаясь, спускаться по каменистой тропе.

Неожиданно тропка уперлась в скалистую стену.

«Что это? Откуда?» — Хума удивленно поднял брови.

Он дотронулся до стены рукой. Она существовала в действительности. Хума подумал, что повернул по тропе не в ту сторону. Тогда он вернулся к развилке, снова повернул, прошел несколько шагов и застыл в недоумении. Он шел по тропе верно, в нужную ему сторону. И все же скалистая стена стояла, словно она была здесь всегда. Ее даже покрывал мох. Она была иссечена давними ветрами.

Хума снова пошел по тропе назад. Спустя некоторое время тропа повернула в сторону, у Хумы появилась уверенность: он идет туда, где находится Кэз.

Однако вскоре тропа резко повернула в противоположную сторону и пошла петлять так, что голова у Хумы закружилась.

Рыцарь остановился. Тропа уводила его все дальше и дальше от цели.

Проклиная все на свете, Хума повернул назад. Хума был уверен в том, что не ошибается. Он шел очень медленно, стараясь запомнить каждую деталь.

Бьюрн и другие рыцари рассказывали, что многие ушедшие в горы не вернулись на заставу. Теперь ему было ясно почему. Путь страннику, осмелившемуся нарушить их покой, преграждали сами горы. Хума уже не сомневался в том, что это дело рук некоего могущественного

существа. Сначала он подумал о Галане Дракосе, но вскоре сообразил: тот в данном случае ни при чем. Сейчас рыцарь оказался в ловушке. Дракос давно бы уже схватил его. Нет, здесь было какое-то иное колдовство, с какой-то иной целью.

Вынув меч, Хума пошел дальше. Он не заметил ничего необычного — вокруг только глыбы камней, заросли кустов, да птица кружит высоко в небе.

Неожиданно тропа разделилась на две. Хума остановился, раздумывая, какой путь ему выбрать.

Пока он размышлял, позади послышалось легкое постукивание. Хума стремительно повернулся, выставив перед собой меч. Он ожидал встретить людоеда или воина Черной гвардии, а увидел какую-то фигуру в плаще с капюшоном, сидящую на плоской каменной глыбе. Незвестный постукивал посохом, очень похожим на тот, что был у Магнуса. А держала посох рука в серой перчатке, — рука высовывалась из-под плаща. Плащ, почти полностью закрывающий фигуру сидящего, был тоже серым.

Незнакомец тряхнул длинной седой бородой и, настороженно улыбаясь, поглядел на рыцаря.

Хума, не выпуская меч из рук, немного наклонил его острием к земле.

— Кто вы? — спросил рыцарь.

— Кто вы? — задал тот же вопрос незнакомец.

Хума нахмурился, но все-таки решил ответить:

— Я — Хума, рыцарь ордена Короны.

— Рыцарь Соламнии, — постукивая посохом, добавил за него незнакомец, словно он все знал заранее.

— Я ответил на ваш вопрос. Теперь ответьте вы.

— Я? — Незнакомец улыбнулся, обнажив пожелтевшие зубы. — Я — просто странник.

Обведя рукой вокруг себя, Хума спросил:

— Это ваша работа?

— Горы? О нет. Они существуют здесь века, и века, и века.

Поведение незнакомца стало уже раздражать Хуму.

— Я имею в виду пропавшие тропинки.

— Нет, я не двигал горы. Вполне возможно, это просто обман зрения.

Фигура в сером плаще почти полностью сливалась с окружающим фоном. Хума на мгновение отвел от незнакомца взгляд, а потом с большим трудом сумел отыскать серую фигуру взглядом. Должно быть, незнакомец сидел на камне и раньше, когда Хума проходил здесь, только рыцарь не заметил его.

— Вы — колдун? — спросил Хума.

Постукивание посохом на некоторое время прекратилось.

— Любопытный вопрос.

Незнакомец замолчал и снова стал постукивать посохом.

— И что же дальше? — Хума пытался добиться для себя хоть какой-либо ясности.

Незнакомец, казалось, задумался. Потом он показал посохом на две тропинки за спиной Хумы и спросил:

— Вы еще не выбрали путь, по какому вам следует идти? А это очень важно для вас. По одному из них вы сможете прийти туда, куда вам надо.

— Ну что же... А какой же путь выбрали бы вы сами?

После некоторого раздумья незнакомец показал посохом на левую тропинку:

— Большинство предпочитает вот этот путь.

— Спасибо.

Хума пошел к развилке. Он не хотел больше ни о чем спрашивать незнакомца. Чем скорее он отправится в путь...

— Правда, те, кто отправлялся по *правому* пути, оказывались *правы*, — добавил незнакомец.

Хума остановился и, повернувшись, внимательно посмотрел на него:

— Так по какому же пути пошли бы *вы*?

— А я никуда не иду.

Рыцарь посмотрел на обе тропинки. Они казались совершенно одинаковыми. Какую же тропинку выбрать? Он должен довериться интуиции.

Наконец Хума решительно ступил на правую тропинку и пошел по ней. Он не оглядывался назад, даже когда послышалось уже знакомое постукивание. Но прозвучавшие слова заставили его на мгновение приостановиться.

— Любопытный выбор.

Постукивание прекратилось.

Вопреки желанию, Хума обернулся. Каменная глыба и незнакомец исчезли. На их месте высился остроконечный пик.

Несколько часов Хума шел по извилистой тропинке. Солнце уже садилось. Значит, большую часть дня он провел один — без Магиуса и Кэза. Хума поначалу звал их, но вскоре понял, что кричать совершенно бесполезно.

Ветер усилился. Решив обмотать вокруг себя полы плаща, Хума убрал меч в ножны. Стало очень холодно, но рыцарь старался не думать о колдуне. Что делают Магиус и Кэз? Может быть, как всегда, ссорятся и некому сейчас примирить их...

Ему мучительно хотелось есть, и Хума терзался оттого, что он не так, как подобает настоящему рыцарю, переносит голод, — голодание было для рыцарей обрядом очищения. На кустах висели какие-то ягоды, но Хума почему-то знал, что они несъедобны.

Казалось, в горах нет ни птиц, ни зверей; только однажды он услышал крик какого-то существа. Возможно, это была большая хищная птица. Чем же она питается? Заплутавшими путниками?

Наступил вечер, и Хума надеялся, что Магиус подаст ему какой-либо сигнал. Ну, например, появится свечение. Однако ожидаемого свечения нигде не было видно.

Хума продолжал идти и тогда, когда наступила ночь. А ночь выдалась звездная. Несмотря на то что все небо закрывали облака, звезды светили ярко. Хума обрадовался, увидев, что наконец-то взошла Солинали. Теперь мир охранял бог Белой мантии. И хотя Магиус носил сейчас красную мантию, Хума надеялся, что Солинали будет оберегать не только его, Хуму, но также и его друга.

Наконец уставший и сбитый с толку рыцарь остановился на ночлег, намереваясь отдохнуть, а утром продолжить путь. Он отыскал ровную площадку под скалистым выступом и лег, закутавшись плащом.

О том, чтобы развести костер, не могло быть и речи. Ну что же, Хуме приходилось терпеть и куда больший холод... Но вот голод продолжал терзать его даже и во сне.

Услышав крик, напоминающий хлопанье больших крыльев, Хума мгновенно проснулся. Выглянув из своего укрытия, он не заметил ничего необычного и, решив, что это был просто порыв ветра, снова уснул.

Из-под другого каменного выступа на спящего рыцаря смотрели два неподвижных кроваво-красных глаза. Волкодлак долгое время сидел, лишь наблюдая за Хумой и не пытаясь напасть. Но спящий человек был совершенно беззащитен, и отвратительное чудовище, очертив пасть, начало бесшумно подкрадываться к нему. Оно уже готово было прыгнуть на лежащего рыцаря, как чья-то огромная когтистая лапа вцепилась в него и разорвала в одно мгновение. Ни один звук не нарушил ночной тишины. Рыцарь пошевелился во сне, но не проснулся.

Хума проснулся на рассвете с ощущением, что он не один. Рыцарь огляделся вокруг. Все было как вчера. Только стало теплее. Голод все еще мучил его, но несколько притупился.

Взобравшись на выступ, Хума снова стал звать своих спутников. Ветер ослаб, и можно было надеяться, что теперь они услышат его. А если на его зов явится чудовище, крик которого

он слышал вчера? Что же, пусть будет так. Но на его крики не было ответа ни от минотавра и мага, ни от неизвестного существа.

Хума снова пошел дальше по выбранной ранее тропинке, теперь он даже и не пытался запомнить путь. С удивлением и радостью он увидел: тропинка вела теперь по более ровной местности, идти стало намного легче. Ягоды, висевшие здесь на кустах, оказались вкусными, Хума ел их с жадностью. Почему-то сейчас он не боялся, что отравится. Рыцарь подумал: тот, кто сотворил эту тропу, хочет на какое-то время сохранить ему жизнь.

Наконец, когда Хума уже не верил, что путь его когда-нибудь закончится, тропинка вывела его к озерцу, окруженному великолепным садом — на деревьях висели сочные плоды.

Рыцарю не терпелось утолить жажду. Если вокруг озера такой сад, вода не могла быть ядовитой. Хума, наклонившись, зачерпнул воду ладонью. Он пил, а вода тонкой струйкой текла по подбородку. Тогда рыцарь встал на колени, решил пить прямо из озера...

Из озерной глубины на него смотрели глаза дракона. Хума отпрянул от воды, но тотчас понял: дракон — не в озере, в воде он видел только отражение дракона.

Рыцарь посмотрел вверх, от удивления глаза его расширились.

На берегу озера, на пьедестале, стоял огромный каменный дракон в шесть раз выше Хумы. На противоположной стороне виделся еще один каменный истукан — от него остались лишь пьедестал и часть головы. Этот, ближайший к не-

му, был, по-видимому, серебряным драконом, а разрушенный — золотым.

Хума долго и жадно пил воду. Напившись, внимательно осмотрелся, заметил в горе лаз, скрытый травой и кустами. Он подошел ближе.

В горе возле входа были вырезаны маленькие фигурки, большинство из них уже были разломаны на куски, но некоторые, защищенные густым навесом из веток, сохранились еще достаточно хорошо. Рыцарь попытался понять, что могли значить эти фигурки, но тщетно.

Раздвинув густые ветви, Хума заглянул внутрь. Он полагал, там крошечная тьма, однако подземелье было освещено. «Словно кто-то зажег свечи», — подумал Хума.

Казалось бы, своды подземелья должна была бы покрывать плесень. На самом же деле здесь оказалось тепло и сухо. Хума словно бы вошел в муниципальную палату в Вингаардской Башне. Стены и потолок подземного коридора были гладкими. Идя по нему, Хума настороженно смотрел вперед, туда, где мерцал слабый свет. Рыцарь вспомнил о мече и вынул его из ножен. Коридор привел его в большой, высокий зал. Как оказалось, свет и на самом деле исходит от свечей. Кто же зажег их? В зале вдоль стен стояли рыцарские доспехи. Было очень похоже — часовые спят, стоя у стен.

Хума прошел в центр зала, на полу было выгравировано изображение самого Паладайна — платиновый дракон. Хума подумал: огромная фигура дракона и в самом деле выгравирована из платины. Изображение Паладайна удивляло сложностью и красотой отделки.

У одной стены находился высокий трон, вырезанный из дерева, которого Хуме ни разу в жизни не приходилось видеть. Трон был украшен драгоценными камнями, сверкавшими в свете свечей. Само дерево, из которого был сделан трон, тоже сияло мягким переливающимся светом.

Душу Хумы наполнил почти детский восторг. Доспехи рыцарей... О, здесь были собраны все виды доспехов, которые на протяжении многих веков во многих странах носили рыцари. Он приподнимал забрала шлемов и заглядывал внутрь — там не было ничего, кроме пыли.

Обойдя зал, Хума остановился перед изображением Паладайна и поблагодарил основателя рыцарства за позволение насладиться сокровищами рыцарской истории.

Он стал молиться. Помолился он и о том, чтобы Паладайн поддержал его спутников.

Затем Хума опустился на колени и поклонился трону.

И вдруг в одном из темных коридоров, ведущих в зал, раздался металлический звон. Хума поднялся с колен и осмотрелся вокруг, пытаясь определить, откуда исходит этот звон. Но не сумел понять, ибо, когда рыцарь встал, звон сразу же прекратился.

Хума вспомнил, где он прежде слышал подобные звуки. В кузнице в Вингаардской Башне! Так били молотом по раскаленному железу.

Глава 16

то же мог означать этот звон?

Хума предполагал, что он встретит немало неожиданного, но чтобы здесь оказалась действующая кузница?! Такого даже невозможно было вообразить! Кто поднимает молот? Разве могут это сделать призраки минувших времен? Может быть, гномы еще не покинули эти места?

Рыцарь повернулся лицом к трону и увидел: на ступенях трона кто-то стоит. Вначале он подумал, что возвратился тот незнакомец в сером плаще, поскольку вошедший тоже был одет в плащ серовато-коричневого цвета. Однако вошедший был ниже ростом, чем встреченный в горах незнакомец.

— Вы пришли!

Голос был глухой, плащ скрывал почти всю фигуру, но сомнений не было: говорила женщина.

Из приподнявшихся рукавов плаща показались маленькие женские руки; женщина сбросила с головы капюшон; рыцарь увидел длинные, густые, струящиеся волосы, увидел лицо. Хума, вздрогнув, замер в изумлении, так как

и лицо и волосы были ему знакомы; он тосковал о них, именно о них.

— Гвинес!

Она улыбнулась:

— Я думала, вы меня уже и забыли...

— Как вы могли так думать?!

Гвинес улыбнулась еще ласковее, затем почти сразу посерьезнела.

— Я знала: тот, кто придет сюда, — это будете вы. Тогда, во время сражения, вы были тяжело ранены. Да, все было гораздо серьезнее, чем вам говорили. Если бы целители не успели вовремя оказать помощь, вы могли бы навсегда потерять разум, ослепнуть и оглохнуть.

— Паладайн! — прошептал Хума. — Гвинес, что это за пещера? Где мы находимся?

— Называйте это Дворцом любви и веры. Он был построен теми, кто поклонялся Паладайну. В свое время он был великолепен. — Гвинес говорила очень взволнованно, и Хума даже подумал, что в прошлые времена она бывала здесь не раз, любила приходить сюда.

— Это как раз то, что когда-то видел Магиус?

— В воображении. Ваш друг — хороший человек, но он одержим навязчивой идеей, которая может как раз и погубить его. Будущее, представшее перед ним во время испытаний, — понимает ли он сам это? — является всего лишь искусной подделкой под реальность. Ведь испытания и предназначены для того, чтобы узнать самые слабые стороны магов, и я боюсь, что Магиус прошел через них не так легко, как считает Конклав.

— Если все это было лишь в воображении Магиуса, тогда эта пещера не должна иметь никакого отношения к тому, что он ожидает найти в горах.

Гвинес посмотрела на рыцаря удивленно:

— Как раз и должна! Люди узнали об этой пещере столетия назад, еще во время первой войны с Владычицей Тьмы. Конклав прекрасно знал, какого мнения о себе был Магиус. И главная ошибка Магиуса в том, что он — подобно эльфам — воображает себя силой, которая призвана спасти мир. Разве можно было придумать для испытания Магиуса что-нибудь лучшее, чем заставить его потерпеть неудачу в том, что он считает своим главным делом?!

Хума, осмысливая услышанное, долго молчал. Наконец он спросил:

— А что вы можете сказать обо мне? Магиус, кажется, думает, во мне есть что-то, что позволит изменить его будущее.

— Да, есть, но это «что-то» предназначено для иной цели. Давно настало время для того, чтобы в одном человеке, мужчине или женщине — не важно, было воплощено все то, что стремился внушить людям Паладайн. Некоторые были близки к идеалу, но все же и они потерпели неудачу.

Видя удивление в глазах рыцаря, она с грустью сказала:

— Да, Хума, вы не первый, кто пришел сюда. Я молюсь Паладайну, чтобы вы оказались именно тем, кого так долго все ждут. Если бы страдал не сам Кринн, я бы первая посоветовала вам уйти отсюда, пока еще не поздно.

Рыцарь не замедлил с ответом:

— Даже если бы вы умоляли меня уйти, я бы не послушался вас. Я не могу уйти. Я останусь здесь. И я останусь самим собой.

— Для вас так много значит рыцарство?

— Не рыцарство, а то, чему оно учит.

Хума никогда прежде не говорил таких слов. Гвинес, казалось, была довольна его ответом, она сказала:

— Ну что же, если и отыщется идеальный человек, то только среди рыцарей.

— Гвинес, скажите, где сейчас Кэз и Магиус?

— Не беспокойтесь о них, Хума, они в безопасности. — Она помолчала, а затем произнесла решительно: — Я думаю, пора начинать.

— Начинать?

Хума недоуменно оглянулся вокруг. Он ожидал, зал вот-вот заполнят маги и священники и начнется некая официальная церемония. А вместо этого Гвинес просто сошла со ступеней трона и подошла к нему. Хума пристально посмотрел на нее. Лицо ее было спокойным. Сейчас она показалась Хуме еще более прекрасной, чем когда-либо. Прекраснее всех!

Некоторое время она, остановившись перед ним, молчала. Хума и представить себе не мог, о чем она размышляет.

Наконец Гвинес кивнула головой в сторону темных коридоров:

— Вы можете выбрать любой, какой пожелаете.

— И что дальше?

— Вы пойдете по нему. Что произойдет там, вам предстоит узнать самому. Я могу сказать

только, что вас будут испытывать трижды. Говорят, что бог — триедин, и каждое испытание будет олицетворять это триединство.

Хума внимательно осмотрел каждый из подземных коридоров. По какому бы из них ни предстояло идти, он должен верить в Паладайну и надеяться, что сделал правильный выбор. Когда Хума выбрал, по какому коридору пойдет, Гвинес взяла его за руку.

— Подождите. — Она нежно поцеловала его. — Паладайн да хранит вас. Я не хочу, чтобы вы потерпели неудачу.

Рыцарь не нашелся, что сказать в ответ; он пошел, не оглядываясь, к выбранному коридору. Хума знал, что, оглянувшись и вновь увидев ее, он может не устоять перед соблазном и остаться вместе с Гвинес. И знал также, что если бы остался с ней — никогда не простил бы себе этого.

Выбранный коридор напоминал длинную пещеру. Иногда главный проход резко сужался, и приходилось отыскивать боковые ходы.

Путь был бесконечно долгим, и вначале Хума шел почти в полной темноте. Затем в пещере стало светлее, свечение исходило от самих стен. Это заинтересовало Хуму. Рыцарю приходилось не раз слышать рассказы о подобных пещерах. Он ударил рукояткой меча по одному из светящихся камней — тот, продолжая светиться, скатился к его ногам. Хума положил камень в висящую у него на поясе сумку.

Внезапно раздался оглушительный крик, от которого задрожали стены и на пол посыпа-

лись камни. Это был тот же самый крик, который Хума и его спутники слышали в ущелье. Значит, тогда крик исходил из этой пещеры...

Взяв в руки щит и меч, Хума стал медленно продвигаться вперед. Вдруг перед ним выросла глухая каменная стена, виделся лишь узкий проход налево. Проход вывел в другую пещеру, из которой в разных направлениях шли три новых тоннеля.

Хума остановился. Ведь крик мог донестись сюда по любому из тоннелей...

Неожиданно рыцарь почувствовал: под ногами уже нет твердой земли; он с грохотом покати́лся вниз. Хума упал в небольшую темную лужицу. От нее исходила нестерпимая вонь. Хума увидел: жидкость лужицы разъедает его металлические рукавицы. Рыцарь тотчас отер рукавицы о поверхность камня.

— И-и-их-х-х, — слышался звук, напоминающий злобное хихиканье.

Рыцарь поднялся на ноги, но никак не мог определить, в каком из тоннелей раздался звук. Когда он повторился, Хума понял: это чье-то дыхание, а не смех. Поблизости скрывалось что-то невероятно огромное — если только пещера не усиливала звук.

Хума подумал, что сейчас ему лучше спрятаться в одном из тоннелей, и торопливо вошел в центральный коридор. В диаметре он был почти такой же, что и прежний. Рыцарь удивился: как огромное существо может передвигаться по этим узким коридорам?! Даже Хума с трудом протискивался в них.

Тоннель привел рыцаря к еще одному тоннелю, и Хума осознал: ему предстоит стать участником опасного состязания в лабиринте подземных пещер.

Повсюду под ногами хлюпала темная жидкость, из некоторых тоннелей веяло жаром. Пахло серой. Хума решил, что тоннели, наверное, ведут к огнедышащему центру подземелья. Не раз приходилось ему слышать о подобных вулканах. Он молился, чтобы, пока он находится внутри горы, извержения не произошло.

— Х-х-хи-и-их-х-х.

Хума прижался к стене. Неизвестное огромное чудовище где-то совсем близко — не более чем в минуте ходьбы. Чудовище, видимо, знало о присутствии рыцаря, так как оно стало бешено хохотать и пыхтеть. Когда хохот стих, послышался низкий протяжный голос:

— Эй, приятель, я чувствую тебя. Я чувствую тепло твоего тела, холод твоих металлических доспехов, чувствую твой страх.

Хума не ответил. Он молча отступил назад — в тоннель, из которого только что вышел. Рыцарь не хотел встречаться с обитателем подземелья, пока как следует не осмотрится.

— Подойди, подойди к Огнедуву, приятель. И ты увидишь, как я силен!

Огнедув громко пыхтел, Хума слышал шум и скрежет.

Рыцарь вышел на галерею, опоясывающую, как он надеялся, пещеру, в которой находился Огнедув. Галерея казалась бесконечной. Пыхтение неожиданно прекратилось. Рыцарь застыл на месте. Он несколько минут постоял, прислу-

шиваясь, но не слышал ничего, кроме биения своего сердца.

Затем скрежет стал слышен снова. Хуме показалось, Огнедув удаляется от него. Так вот почему стены в тоннелях гладкие — огромный Огнедув, протискиваясь, их отполировал! Скрежет и треск постепенно затихли, и Хума снова осторожно пошел по галерее.

Хоть бы найти выход из этого лабиринта...

Раздался дикий хохот, галерею объяло пламенем. Хуме не оставалось ничего иного, как спастись бегством.

Огнедув знал, где находится рыцарь, поэтому прятаться было бессмысленно. Хума бросился в ближайший тоннель. Но струя пламени, вырвавшаяся оттуда ему навстречу, заставила остановиться.

Как мог Огнедув перемещаться так быстро?! Как он выглядит?

Хума бежал от одного тоннеля к другому, надеясь найти подходящее укрытие, но в каждом из них его встречал хохот Огнедува, вслед за этим — обжигающий поток огня.

Наконец Хума вбежал в тоннель, который, как он понял, почему-то отличался от остальных. Злорадное пыхтение Огнедува стихло, но рыцарь все время с опаской ждал: вот-вот оно послышится вновь. Хума осторожно пошел по тоннелю. Вскоре подземный коридор привел рыцаря в большую пещеру. Стены пещеры были тоже гладкими — они тоже были отполированы огромным чудовищем.

«Где же скрывается Огнедув?» Хума внимательно осмотрел пещеру.

На разной высоте виднелись входы многочисленных тоннелей. Пол был, можно сказать, достаточно ровным, однако в нескольких местах круто поднимался и опускался.

Вдруг в одном месте пол пещеры приподнялся прямо на глазах рыцаря. Хума отпрянул назад в коридор, из которого вышел.

Огромное змееобразное чудовище, словно ствол живого дерева, поднялось с пола пещеры и резко повернулось к стене. Наконец-то рыцарю удалось увидеть хотя бы часть вездесущего Огнедува. Гигантский коготь в диаметре вдвое превышал рост Хумы. На мутно-сером теле чудовища были зеленые и голубые пятна.

Змеевидное тело убралось в один тоннель, и тут же из другого тоннеля высунулась голова чудовища. Хума был потрясен увиденным.

Оказывается, Огнедуг был драконом! По сравнению с ним все драконы, которых приходилось видеть рыцарю, казались карликами. Челюсти Огнедува за один раз запросто перекусили бы лошадь, не говоря уж о человеке. Изгибающийся раздвоенный язык мог бы накрыть Хуму целиком, с головы до ног. Язык, свисая из пасти чудовища, непрестанно шевелился. Сильно пахло серой.

Рыцарь с изумлением разглядывал огромную голову Огнедува. Она была значительно шире туловища, а туловище было необычайно длинным и больше напоминало змеиное, чем драконье. Рыцарь вспомнил статуэтку в башне Магиуса — да, да, она была копией с Огнедува. Статуэтка считалась древней даже по меркам эльфов. Мог ли Огнедуг жить так долго?

Голова дракона повернулась в сторону Хумы, и дракон, без сомнения, должен был бы увидеть рыцаря, но тем не менее чудовище словно бы не замечало человека. Увидев неподвижные, затянутые беловатой пленкой глаза Огнедува, Хума понял, что дракон слеп. Но несомненно: чудовище слышит и остро чувствует запахи.

Огнедув, втиснув голову в коридор, в котором находился рыцарь, все-таки не обнаружил его. Хума надеялся, что дракон больше не сунет сюда свою морду. Однако удлинённая морда Огнедува вскоре снова появилась перед ним, и снова дракон не обнаружил рыцаря.

Хума почему-то понял: нет, в этом тоннеле Огнедув ни за что не сможет отыскать его.

Как бы отвечая на мысли Хумы, дракон заговорил. От его голоса стены пещеры задрожали.

— Ты хитрый, приятель. Я этому рад. Мне давно уже не попадались такие изворотливые букашки.

Голова дракона поворачивалась из стороны в сторону — совсем близко от Хумы. Ноздри чудовища раздувались — оно чувствовало запах Хумы.

— Я чувствую в тебе ненавистный мне дух Паладайна и Хабакука и моего заклятого врага Кириолиса, моего тюремщика.

Хума не шелохнулся, даже дыхание задержал. Дракон говорил об одном из основателей рыцарства. О том, кто, видимо, некогда одолел его.

— Ты охотишься за моими сокровищами? У меня их больше, чем у любого дракона. Даже

из своей тюрьмы я могу добывать их. — Морда Огнедува оскалилась в усмешке. — А может быть, ты ищешь зеркало? Да, оно стоит всех моих остальных сокровищ! Всех!

Говоря это, Огнедув не переставал обнюхивать стены пещеры, пытаясь все-таки отыскать рыцаря.

Внезапно в пещеру ворвался невероятный металлический грохот. Хума инстинктивно зажал уши руками. Ему снова показалось, что это были удары молота. Грохот привел Огнедува в бешенство, он разразился потоком брани, проклятий и угроз. Выплывая пену из пасти, дракон вопил:

— Моя Владычица! Почему вы позволяете мучить меня? Меня мучат вот уже многие тысячелетия! Сколько времени я еще должен страдать?! Вы отступились от меня, великая Такхизис?

Хума увидел: один из тоннелей в стене пещеры светится ярче других. Возможно, как раз там хранятся сокровища, о которых только что говорил Огнедув. Не найдется ли среди них чего-нибудь полезного для Хумы? Нет ли там оружия — более грозного, чем меч рыцаря?

В голове Хумы родилась дерзкая мысль. Пока дракон изрыгал проклятия, рыцарь побежал по пещере. Стук сапог бегущего рыцаря был Огнедувом услышан, но, измученный ударами молота, дракон не стал преследовать Хуму. Он продолжал рычать, изрыгая время от времени клубы пламени.

Вбежав в тоннель, Хума тут же споткнулся и упал. И увидел рядом с собой скелет. Оторванная рука, как бы издеваясь, показывала пальцем

на Хуму. Часть скелета была закрыта остатками ржавых доспехов. Склонившись над останками человека, Хума стер пыль с нагрудных лат и разглядел знак ордена Розы. Когда-то пришедшего сюда рыцаря здесь ждала смерть.

У Хумы мелькнула мысль, что и его, возможно, ждет та же участь...

А удары молота прекратились так же неожиданно, как и возникли.

Рыцарь спустился вниз по тоннелю и наткнулся на огромные груды сокровищ Огнедува. Здесь были целые кучи золотых и серебряных монет, их сверкание завораживало. Вперемешку с ними лежало множество великолепных, украшенных драгоценными камнями ювелирных изделий. Ожерелья из крупных жемчужин. Браслеты, кольца, серьги из изумруда и нефрита. Доспехи, выкованные так искусно, что, казалось, их достоин носить только император. Было даже оружие, хотя оно тоже больше годилось для украшения, чем для битвы.

Хума торопливо осмотрел помещение, наполненное сокровищами. Сердце его бешено колотилось.

Все, что было сейчас перед ним, он бы с великой радостью променял на то единственное оружие, которое помогло бы ему в поединке с обитателем подземелья.

— Куда ты сбежал, приятель?

Хума замер. Огнедув был совсем рядом. Пещера в любое мгновение могла наполниться языками пламени.

— Кузнец перестал мучить меня, он больше не помогает тебе, рыцарь Соламний! Да, теперь

я тебя знаю. Я чувствую, что дух Троицы в тебе сильнее, чем он был в других. Те, кто приходил сюда, только мнили себя рыцарями. А ты — рыцарь по духу. Интересно, каким ты окажешься на вкус?

Проржавевшие боевые секиры, мечи, украшенные драгоценными камнями, — все это было непригодно для боя...

Где же зеркало, о котором говорил Огнедув?

— О, ты теперь не уйдешь от меня!

Хума услышал скольжение и скрежет, тотчас в пещеру втиснулась голова дракона.

Осматривая сокровища, Хума заметил, что одна грудa золота и драгоценностей выше всех других. Он залез на вершину этой огромной кучи и стал разгребать ее. Это было нелегким делом. Однако, когда рыцарю удалось добраться до середины груды, он неожиданно увидел, что там внизу, под этими сокровищами, есть еще одна пещера, и он заработал руками с удвоенной силой.

Хума уже глубоко зарылся в грудy сокровищ, когда до него донеслось горячее, зловонное дыхание дракона. Огнедув не выпускал огненной струи, видимо боясь опалить свои драгоценности. Выгнув шею, дракон засунул голову в грудy сокровищ. И как раз в это мгновение рыцарь провалился в нижнюю кладовую:

Огнедув замер. Огромные губы дракона искривились в злорадной усмешке, и чудовище стало выползать из пещеры.

Поначалу Хуме показалось, что в нижней кладовой совершенно темно. Ничего не видя, он неуклюже продирался через громадную кладо-

вую драконьих сокровищ. Очевидно, здесь были спрятаны главные ценности, но как разыскать их в темноте? Рыцарь почему-то был уверен: он непременно должен натолкнуться на что-то очень важное, на то, что поможет ему одолеть дракона.

Вдруг он задел рукой что-то похожее на рукоять меча, и вся комната тотчас озарилась зеленоватым светом. От неожиданности Хума отдернул руку.

Рыцарь вдруг понял: кажется, он нашел именно то, что надеялся найти. Только... Только он почему-то очень боялся дотронуться до находки. Казалось, кто-то предупреждает его не делать этого.

— Возьми меня. Владей. Сражайся мной. Я буду твоей опорой.

В ушах рыцаря явственно зазвучали мелодичные, заманчивые слова.

Они исходили от меча, рождаясь где-то внутри лезвия.

Глава 17

Хума никак не мог решиться взять меч. Он протягивал к мечу руку, но всякий раз тотчас же отдергивал ее.

Свечение в комнате не потухало, но слова, недавно доносившиеся из меча, больше не звучали.

Рыцарь был просто не в силах оторвать глаз от меча. Эфес был украшен бриллиантами, один из них, крупный зеленый камень, казалось, и являлся источником свечения. Очевидно, меч был невероятно острым.

Желание взять его в руки становилось неодолимым. С таким мечом Хума, конечно, уже может сразиться с Огнедувом. При мысли о страшном чудовище рыцарь словно бы прозрел.

Он отпрянул от меча. Хума и сам не мог объяснить, как он ощутил, что меч таит в себе зло. Но он ощутил это! Мечу нужен не рыцарь, а раб для исполнения приказаний. Приказаний, несущих миру зло.

Отвернувшись от меча, Хума увидел свет, отражающийся от какой-то полированной поверхности в углу кладовой. Через груды монет и бриллиантов рыцарь сразу же ринулся туда.

Именно это он и хотел найти!

Зеркало!

Великолепное зеркало, высотой в два роста Хумы. Рыцарь вспомнил о том, что дракон — слеп, и удивился, зачем же ему зеркало?

Да, конечно, Огнедув собирал свои сокровища веками, и когда-то он, наверное, не был слепым. Но тогда вопрос: где он взял это зеркало?

Это уже третье зеркало, которое Хума увидел за последнее время. Одно было у нимфы. Другое висело в башне Магиуса. Все они волшебные.

Может быть, их создал один мастер?

— Приятель, я хотел бы поговорить с тобой.

Голос Огнедува прервал мысли рыцаря. Сокровищница наполнилась ярким светом. Оглядевшись, Хума сразу же понял, что он — в каменном мешке. Отсюда был единственный выход — через люк в потолке.

Дракон сдвинул каменные плиты, служившие крышей для его огромной, величиной с дом, сокровищницы. Хума obeжал глазами груды драгоценностей, и его взгляд снова остановился на зловещем мече.

— Приятель. — Огнедув фыркнул, широченная улыбка появилась на его страшной морде. — Запах богатства опьяняет, не так ли?

Хума надеялся, что он сумеет добраться до меча за несколько секунд... Сумеет ли?

— Бесполезно скрываться, приятель. Я найду тебя по запаху. Мне ничего не стоит за одну минуту выместить отсюда все сокровища, поймать тебя в пустой кладовке и сожрать, но...

Рыцарь пробирался к мечу. Массивная голова Огнедува повернулась на звук его шагов.

— Но мы можем договориться, рыцарь Со-
ламнии. Окажи мне услугу в обмен на свою
жизнь и часть моих сокровищ. У меня есть не-
сколько любопытных вещей, которые оставили
в былые времена твои собратья-рыцари.

Хума вспомнил об останках рыцаря ордена
Розы. Говорил ли и ему Огнедуд то же самое?
И если да — что ответил рыцарь?

До меча оставалось не более двух метров, ко-
гда голова дракона неожиданно преградила ры-
царю путь. Хума выхватил свой обычный меч и
с сожалением взглянул на волшебное оружие, до
которого так и не успел дотянуться.

Огнедуд фыркнул:

— Ты действительно рыцарь! Игра в прятки
окончена, приятель. Или ты принимаешь мое
предложение, — огромная морда дракона снова
расплылась в улыбке, — или мне придется пого-
ворить с тобой по-другому.

— И чего ты хочешь?

Дракон от удивления поднял уши торчком.

— А! Ты заговорил! Пожалуй, триста лет не
было такого, чтобы кто-либо осмелился спраши-
вать, а не просить меня. Это начинает мне до-
ставлять удовольствие.

— Я рад за тебя, — ответил Хума, не приду-
мав сказать ничего другого.

Дракон разразился хохотом:

— Да, ты не робкого десятка, приятель. Так
что же ты ответишь на мое предложение?

— Сначала я хочу услышать его.

— Тогда слушай!

И огромное чудовище, задрав голову вверх,
поведало рыцарю свою историю.

— Я — Огнедув, преданный сын моей грозной госпожи, готовый к борьбе по ее первому слову! Я сражался за ее дело против отвратительных богов света и их лъстивых слуг и всегда побеждал! Меня никак не мог одолеть даже сам Кириолис. Мы боролись с ним больше века. Земля тряслась. Горы исчезали и рождались снова. Моря выходили из берегов. Наконец я допустил оплошность, и Кириолис одолел меня. Но только победы ему было недостаточно. Он сдвинул гору и скрыл меня в ней. Он сказал, что я буду частью этой горы и только равный ему сможет освободить меня. Вот уже сотни лет я не вижу неба и даже легкий ветерок снаружи не доходит ко мне.

Хума стал понемногу понимать, к чему клонит дракон.

Огнедув продолжал:

— Долгое время я думал, что освободить меня может только бог, подобный Кириолису. Я метался и бушевал в отчаянии. Потом я понял, что Кириолис хитрил. Он имел в виду не бога. Меня мог бы освободить стойкий и преданный Паладаину воин. Разве рыцари Соламнии не сыны Паладайны?

Хума смотрел на светящийся меч, лежащий на груди сокровищ. Его неудержимо влекло схватить меч, и он старался хоть еще немного приблизиться к нему. Но только он сделал шаг, как горячее сернистое дыхание Огнедува обожгло ему глаза.

— Освободи меня, рыцарь Соламнии, и все, что здесь есть, будет твоим! Даже зеркало, которое так хорошо служило мне, пока меня не одолела темнота.

Хума повернулся к зеркалу. Если бы он знал его тайну...

— Расскажи мне, как пользоваться зеркалом, и я, может быть, соглашусь тебе помочь, — предложил рыцарь, удивляясь собственной лжи. — Я не хочу, чтобы ты обманул меня.

— Нет! Сначала освободи меня!

В это мгновение снова раздались удары молота, и обезумевший дракон опять разразился бранью.

Хума рванулся к мечу.

Пасть Огнедува широко раскрылась, длинный раздвоенный язык вылез наружу. Рыцарь сжал в руке светящийся эфес меча. Меч сильно жег ладонь даже через рукавицу. Несмотря на боль, Хума не разжал ладонь.

Огнедув, заглатывая груды драгоценностей, стремительно придвигал свою пасть к рыцарю. И спустя мгновение Хума исчез в необъятной пасти чудовища.

Раздался дикий вопль взывшего от боли гиганта; и дракон забился в судороге. Золото, серебро, бриллианты, а вместе с ними и сильно помятый рыцарь вылетели из его пасти.

Хума упал на грудь сокожищ и почувствовал невыносимую боль в правом плече. Огнедув тряс над ним головой, пытаясь выплюнуть из пасти обжигающий меч, но сделать это ему не удалось. Меч застрял в глотке, поразив мозг чудовища. Голова дракона стала дергаться в предсмертных конвульсиях, но умирающий гигант был все еще опасен.

Вот массивная голова с огромной силой ударила по груди сокожищ рядом с Хумой, и ры-

царь вместе с ними взлетел высоко в воздух, успев в последний момент подумать о родной Соламнии.

Падая, он ударился о зеркало... и оказался в грязной луже на залитой дождем земле.

Первые пришедшие ему в голову мысли были о мече. Тот остался в пасти умирающего Огнедува. Хума должен достать его.

Осмотревшись вокруг, рыцарь понял: он в окрестностях Вингаарда. Зеркало перенесло его в Соламнию! Голова рыцаря закружилась. Он привстал и сильно сжал голову руками. Правое плечо онемело, но кости, кажется, были целы.

Оглядев свои покрытые грязью доспехи, Хума с радостью увидел: его собственный меч на месте. Правда, теперь он казался рыцарю крохотным-крохотным по сравнению с тем волшебным мечом из пещеры! С тем мечом, что дал рыцарю в то мгновение, когда он сжимал в руке его изумрудный эфес, ощущение необыкновенной силы.

Еще раз оглядев местность, Хума понял, что он находится южнее Вингаарда.

Стерев грязь с лица, рыцарь пошел на север. Ему встречались полуразрушенные, непригодные для жилья дома. Черные деревянные остовы зданий уже прогнили. Кое-где виднелись остатки покрытых соломой крыш. Стены многих каменных домов почти совсем развалились.

Измощенные лица жителей, уцелевших в этой разрушенной деревне, наполнили душу рыцаря еще большим отчаянием. Люди ютились в жалких хижинах, построенных на скорую руку.

Многие отрешенно сидели сейчас среди грязных развалин.

Хума молился, чтобы он смог снова вернуться в горы и продолжить поиск вершины. Беспокоила его также и судьба Магиуса и Кэза. Где они? Разыскивают ли они его?

Еще раз взглянув на разрушенные жилища, Хума подумал, что рыцарский орден мог бы помочь жителям восстановить дома, привезти им пищу. Но никакой помощи несчастным людям не оказывалось. А что сказал бы Ренард, если бы Хума рассказал ему, о чем он думал, проходя по этой деревне?

Жители провожали Хуму с выражением одновременно страха, уважения, гнева и отвращения на лицах.

Неожиданно пять человек преградили рыцарю путь. Чуть впереди других стоял высокий широкоплечий детина, обладавший, судя по всему, недюжинной силой. У него был мясистый нос, черная грязная борода и жидкие волосы. Поношенная, вся в заплатках, куртка, брюки в пятнах грязи. Казалось, для такой промозглой, сырой погоды одет он очень легко. В руке детина держал кузнечный молот.

— Брось свой меч, малыш, и мы не тронем тебя. Нам нужна только твоя сумка, а не ты сам.

Стоящий за ним бледнолицый парень, почти совершенно лысый, нервно хихикнул. По всей видимости, лысым он стал, переболев чумой. Лица и тела трех остальных были совершенно изможденными. Ни один из пятерых не казался бандитом с большой дороги.

Хума помолился про себя, чтобы ему не пришлось братья за оружие.

— Эй, ты что — оглох?

— Я и хотел бы, да не могу отдать вам ни драгоценностей, ни еду, если именно это вам нужно. У меня ничего нет.

— Отдавай сумку! — Вожак пригрозил Хуме молотом. — Я думаю, мы найдем в ней что-нибудь подходящее нам.

Молот вожака просвистел рядом с головой Хумы, едва не задев его. Пятеро незнакомцев тотчас окружили рыцаря со всех сторон. Одного из нападающих Хума ударил ногой в живот, тот упал, скорчившись от боли. Бледнолицего парня, бросившегося на него с кинжалом, рыцарь сбил с ног ударом кулака. Вожак и один из нападавших, державший в руках саблю, продолжали наступать на Хуму.

Рыцарь понял: к сожалению, пора братья за оружие.

Выхватив меч из ножен, он обманным движением отвлек внимание парня, размахивающего саблей, и пронзил ему грудь. Тот вскрикнул и рухнул на землю.

Но здоровенный детина с молотом в руках упрямо шел на рыцаря. Хума сначала только отбивался от его ударов. Но детина, размахивая молотом, все нападал и нападал. И тогда Хума одним ударом меча зарубил детину на смерть.

Жители деревни наблюдали за схваткой совершенно равнодушно. Хума не мог понять: одобряют ли они его поступок или же возмущаются?

Он с грустью подвел итоги: двое мертвы, двое лежали без сознания, а пятый... ну а пятый пустился наутек.

Хума вытер меч, вложил его в ножны и снова продолжил путь.

Не успел он пройти и нескольких шагов, как услышал: позади него разгорелся спор за жалкий скарб убитых.

Когда Хума впервые увидел Вингаардскую Башню, столицу рыцарей, основанную самим Винасом Соламном многие столетия назад, он ощутил себя пылинкой в чертоге богов. Да, столица всегда вызывала в его сердце восторг. Стены с бойницами для лучников, окружавшие город, были необычайно высокими. Подобных стен рыцарю не приходилось видеть ни в одном другом городе. Массивные железные ворота — единственный проход через крепостную стену — могли выдержать нападение любых драконов. На каждой из створок ворот был изображен символ триединства рыцарских орденов — величественный зимородок, полурасправивший крылья, с короной над головой, с мечом в когтистых лапах и розой под ними.

Сейчас Хуме пришлось кричать до хрипоты, пока часовой не подошел к воротам с той стороны — со стороны города. Взглянув через окошечко на фигуру в грязных доспехах — наполовину соламнийских, наполовину эрготских, — он крикнул:

— Назовите имя и объясните, что вам здесь надо?

Хума снял шлем:

— Я — Хума, рыцарь ордена Короны. Мне надо видеть государя Освала или самого Великого Магистра. Это срочно.

— Великого Магистра? — Хума сейчас не видел лица часового, но в его голосе прозвучало несомненное удивление. — Ждите!

Ответ часового Хуме показался странным.

...Наконец ворота открылись, и Хума последовал за часовым. Он заметил: рыцари, открывавшие ворота, смотрят на него с явным удивлением. Неожиданно начался дождь, и часовой, молодой рыцарь ордена Короны, укрылся под небольшим навесом у дороги.

— Я неоднократно слышал о вас. Ренард ценит вас очень высоко. Хочу предупредить, чтобы вы случайно не совершили ошибки.

— Предупредить меня? О какой ошибке вы говорите?

— Сегодня утром, — часовой огляделся по сторонам, — Великий Магистр государь Трейк скончался.

Хума чуть не вскрикнул от неожиданности. Трейк, так же как и его сын Беннет, пожалуй, с презрением относился к Хуме, но его смерть была тяжелой утратой для каждого рыцаря.

— Я не знал. Жители соседней деревни показали мне удрученными, но...

— Им еще ничего не известно! — прошептал часовой. — Государь Освал распорядился, чтобы о смерти Трейка в окрестностях города не знали до тех пор, пока не будет избран новый Великий Магистр. Если о его смерти станет известно противнику, то он может тотчас начать наступление, и тогда падут наши последние рубежи.

— Последние рубежи?! Скажите мне, пожалуйста...

— Гарвин.

— Скажите мне, Гарвин, что произошло? Где сейчас линия фронта? — Хума стиснул руку часового.

— А разве вы не переходили линию фронта? — Гарвин посмотрел на Хуму с подозрением. — Фронт, как на востоке, так и на западе, всего в двух днях езды отсюда. Черная гвардия военного министра наступает с юга. Большинство наших застав уже отрезаны от столицы. Мы в окружении.

— Дела действительно обстоят так безнадежно?

Гарвин гордо вскинул голову:

— Мы — рыцари Соламнии.

Хума кивнул ему, соглашаясь. Несомненно, они будут биться до конца. Хума вспомнил о пещере, о замечательном мече, который сейчас очень бы пригодился рыцарям. Он крушил бы темные силы Такхизис и привел бы Соламнию к победе. Хума мог бы даже завоевать для себя маленькое княжество...

Он тряхнул головой. Гарвин смотрел на него с недоумением. Хума заставил себя изгнать скверную мыслишку из головы. Тот меч не был освящен Паладайнор. При всем великолепии и мощи, что-то в мече вызывало отвращение и недоверие к нему.

Но, впрочем, что сейчас думать об этом? Пролетев сквозь зеркало, он оказался очень далеко и от меча, и от самых гор.

— Гарвин, где я могу найти государя Освала?

— Прямо сейчас? — Гарвин посмотрел из-под навеса на темное, пасмурное небо. — Пожалуй, сейчас, после ужина, он в штаб-квартире. Готовится к Совету рыцарей, который должен состояться завтра ночью.

— Они намерены ждать до завтра?! А слуги Такхизис будут у ворот города сегодня ночью! По крайней мере ее драконы.

Гарвин кивнул в знак согласия:

— Об этом государь Освал уже говорил рыцарям столицы, тем не менее Совет соберется только завтра.

— Я должен поговорить с государем Освалом немедленно.

И Хума выбежал из-под навеса.

Такого проливного дождя не было с начала войны. Чаще всего шел мелкий дождичек. А сейчас казалось, вода скоро зальет все вокруг.

Верховный воин проснулся после короткого послеобеденного сна и подумал о том, что он, видимо, действительно стареет, раз в такое время думает о дожде. Решается судьба рыцарства, а может быть, и всего мира. Как заставить этих болванов из Совета ускорить выборы нового Главы?

Сам он, после того как проявил нерешительность при отступлении, пожалуй, вряд ли будет избран Главой. Он совершил ошибку из-за внезапного поворота событий. Потери рыцарей тогда были огромными.

У племянника Освала Беннета было свое мнение о преемнике Великого Магистра. Он оставался, как всегда, верен уставу рыцарства, но

был очень честолюбив и мог попытаться повлиять на решение Совета. По уставу, один из руководителей трех орденов должен был стать преемником скончавшегося Великого Магистра. Но Беннет полагал, что именно он, и только он должен стать Великим Магистром. Трейк тоже всегда хотел этого. Сейчас на пути Беннета стоял только Освал.

— Государь!

Вошедший Ренард остановился в дверях. Государь Освал относился к Ренарду с неизменной симпатией, хотя внешне никак не выказывал этого. Государь также с большим расположением относился и к Хуме. К Хуме, который бесследно исчез во время отступления.

— В чем дело, Ренард?

— Я не знаю о ваших планах, но, думаю, было бы целесообразно...

Ренард замолчал, услышав, что стражники, стоящие при входе, с кем-то яростно спорят. Голос пришедшего показался Ренарду знакомым.

— Взгляните, Ренард, что там случилось?

Рыцарь Ренард открыл дверь и раскрыл от удивления рот. Возле часовых стоял Хума. Мокрый, в грязных, помятых доспехах. Государь Освал тоже сразу узнал рыцаря:

— Хума!

Ренард коротко приказал охранникам:

— Пропустите!

Хума, словно ураган, ворвался в комнату.

— Мой государь Освал, Ренард...

— Подождите, Хума, — остановил его Ренард, повернувшись к Верховному воину и вопросительно глядя на него.

Тот кивнул, и Ренард приказал стражникам:

— Закройте дверь. Займите свои посты. Это приказ Верховного воина.

Дверь закрылась. Государь Освал пристально смотрел на взволнованного рыцаря. Хуме многое надо было сказать государю, но сейчас он растерянно молчал.

— Успокойтесь, Хума. Садитесь. Расскажите нам о чуде, которое помогло вам воскреснуть из мертвых.

Почувствовав искреннее участие к своей судьбе, Хума успокоился.

Его рассказ полился полноводным потоком. Государь Освал и Ренард внимательно слушали. Встречи с Магиусом, бой с Черной гвардией, вездесущие волкодлаки, горы, пещера, дракон, меч...

Если бы об этом рассказывал кто-то другой, Освал и Ренард не поверили бы ни единому слову. Но Хуме оба рыцаря поверили полностью. Государя Освала до чрезвычайности заинтересовало упоминание о грохоте, напоминающем удары гигантского кузнечного молота. Он спросил, что думает Хума о причине его возникновения.

— Кузница богов. Другого объяснения я дать не могу. Если только это не Реоркс, который стучит молотом где-то в горах. Мне больше нечего добавить, кроме одного: мне следует как можно скорее снова вернуться в то подземелье. Если, конечно, Паладайн хочет этого.

— Хорошо, — выразил свое удовлетворение Верховный воин.

Ренард просто, без слов, кивнул.

Затем государь Освал спросил:

— Этот меч заинтересовал меня до крайности. Мог бы он...

Хума прервал его:

— Я боюсь, что он потерян для нас. Теперь его могила — Огнедув.

Хуме хотелось бы, чтобы все поскорее забыли о мече, и не только потому, что он опасался его силы, но еще и потому, что он чувствовал в самом себе искушение схватить его и броситься в бой.

Верховный воин понял его слова буквально.

— Нам надо все обдумать сообща. — Посмотрев на Хуму и Ренарда, он продолжал: — Мне кажется, нам действительно нельзя терять времени.

Охваченный нервным возбуждением, Хума быстро заговорил:

— Я должен поскорее туда вернуться. Мне нужен конь... А может быть, дадите мне драконов? Хотя бы одного?

Верховный воин нахмурился:

— Я ничего не могу сделать для вас, Хума... В настоящее время. Если я сейчас отправлю вас снова на поиски вершины, я, вероятно, не смогу оградить рыцарство от тех, кого интересуется больше власть и почет, чем наши принципы и устав. Вы должны подождать, пока не будет избран новый Великий Магистр.

Хума был ошеломлен.

— Но ведь, конечно, вы...

— Я знаю, кто хочет стать преемником Трейка. Возможно, именно он и станет главой.

— Но... — Хума в замешательстве замолчал.

— Я верю, что смогу победить, Хума. Но вам, к сожалению, надо подождать... Ренард, рыцарь Хума из вашего отряда. Позаботьтесь, чтобы он смог помыться, поесть и отдохнуть. Я хочу вновь встретиться с вами, Хума, завтра утром.

— Да, милорд.

Ренард дружески положил руку на плечо Хумы. Молодой рыцарь неохотно встал.

Они молча вышли.

Отчаяние Хумы возрастало. Он понял: под угрозой были не только его поиски вершины, но и судьба человека, который был для него дороже отца. Никто, кроме государя Освала, не может, не имеет права руководить сейчас рыцарством! У Беннета, при всей его доблести, нет достаточного опыта. Хума хорошо понимал это. Рыцарям Соламнии необходим опытный руководитель, именно такой, как государь Освал. Без Освала рыцарство не будет единым.

Хума вдруг ясно понял: если государь Освал не встанет во главе рыцарства, то он, Хума, никогда не сможет вернуться в горы.

Глава 18

Дождь не прекращался всю ночь. Постоянно висевшие над городом тучи, казалось, скопили в своих недрах всю воду мира.

Из-за чрезмерного переутомления Хума никак не мог уснуть. Так же как и государь Освал, он считал, что внезапная перемена погоды не случайна и таит в себе нечто важное.

Ночь была беспокойной.

Вот за окном послышался стук копыт.

«Должно быть, возвратился дозор», — подумал Хума. Всадники ехали к конюшне. Хума пытался угадать, какие новости они привезли. Рыцари все также отступают? Вот-вот линия фронта подойдет вплотную к Вингаардской Башне? И скоро клещи темных сил сомкнутся вокруг колыбели рыцарства?!

Хума тихо встал, стараясь не разбудить спящих товарищей. В казарме почти вплотную друг к другу стояли двухъярусные койки. Часть коек, как обычно, была свободна — рыцари спали посменно. Многие были сейчас за пределами соламнийской столицы. А командиры высшего ранга жили не в казарме.

В казарме было душно. Хума надеялся, что, выйдя на свежий воздух, он сможет успокоиться и рассеять мрачные мысли. Он осторожно пробрался к дверям и вышел под навес. Было прохладно, веял свежий ветерок.

Хума дышал полной грудью, мрачные думы и тревоги действительно покинули его.

Неожиданно рыцарь насторожился. Ему показалось, что позади двух стражников, стоящих у входа в дом государя Освала, возникла темная фигура. Хума протер глаза. Стражники стояли, не проявляя никакого беспокойства.

Попытавшись снова отыскать темную фигуру, Хума уже ничего не увидел. У рыцаря мелькнула мысль подойти к стражникам и рассказать им о странной темной фигуре, но понял, что те только посмеются над ним.

Постояв под навесом еще несколько минут, Хума вернулся в казарму и скоро уснул.

Следующий день пролетел очень быстро.

Хума старался уклоняться от общения с рыцарями, пока вопрос о новом Великом Магистре не будет решен. В последнее время он слишком многое испытал и передумал и не хотел высказывать вслух своего мнения о том, кто должен стать Великим Магистром. Какие-то его слова могли сказаться на отношении рыцарей к государю Освалу. Даже на их отношении к Ренарду это тоже могло бы отразиться.

Государь Освал вызвал его к себе за два часа до начала Совета рыцарей. Идя к государю, Хума неожиданно столкнулся с Беннетом. Это бы-

ла одна из тех самых встреч, которых он старался тщательно избегать.

— Мне уже сказали, Хума, что вы живы. Но я не верил, пока не увидел вас сейчас своими глазами.

Беннет был одет в темно-красный плащ. На груди по диагонали висела траурная лента. Несмотря на непогоду, он выглядел элегантным и подтянутым. Черты лица и манера держаться — все напоминало в нем его покойного отца.

— Государь Беннет...

После смерти Трейка Беннет унаследовал титул государя, а также владения, принадлежавшие отцу.

Так как у государя Освала не было наследников, Беннет со временем мог стать наследником состояния и всего рода.

— Я хотел выразить вам свои соболезнования раньше, но...

— Не считайте меня полным идиотом, безродный заморыш. Вы намеренно избегали меня, потому что мы с вами всегда с трудом переносили друг друга. А я еще по простоте душевной прославлял вас, как мне казалось — посмертно.

Хума был раздражен, но он не мог позволить себе поддаться на провокацию Беннета и на грубость ответить грубостью. Он убеждал себя: поведение Беннета объясняется его переживаниями в связи со смертью отца.

— Я никогда не был вашим врагом, милорд. Напротив, я всегда восхищался вами, несмотря на все ваши выпады по поводу моей родословной. — Слова Хумы вызвали легкое удивление на лице Беннета. — Ваша смелость и умение

вести бой всегда были для меня образцом. Пожалуй, мне никогда не удастся стать таким рыцарем, как вы.

Беннет плотно сжал губы. Покосившись на Хуму, он прошептал:

— Но может быть...

— Может быть? — Хума недоуменно поднял брови. — Что вы имеете в виду?

Но, ничего не ответив, новый государь Бакстри резко повернулся и пошел прочь.

Хума застал государя Освала вместе с Ренардом склонившимися над военной картой.

Государь приветливо улыбнулся, а Ренард слегка кивнул вошедшему рыцарю.

Свернув карту, Верховный воин спросил:

— Вы сейчас не из казармы?

— Не совсем. Мне пришлось задержаться на несколько минут, так как по дороге я встретил вашего племянника, милорд.

Государь покачал головой. Сейчас он выглядел даже более усталым, чем вчера.

— Не обращайтесь на него внимания. Он раздосадован вашим воскресением из мертвых.

— Он до сих пор презирает меня за мое происхождение.

— Значит, он глуп, — вмешался Ренард. — Вы уже доказали, что вы в десять раз более рыцарь, чем он.

— Благодарю вас, но сам я сомневаюсь в этом.

— Значит, вы тоже глупы.

— Нет ничего хуже, когда нам приходится ссориться друг с другом, — задумчиво произнес государь Освал:

Он поднес руку ко лбу и едва не опрокинул светильник, стоящий на столе. Хума ринулся к нему, но государь остановил рыцаря взмахом руки:

— Нет, нет, со мной все в порядке. Хотя и не удалось как следует выспаться.

— Вы сможете без излишних волнений выдержать заседание Совета? — спросил его Ренард.

— Я должен на нем быть, что бы со мной ни произошло. Это, конечно, только мое личное мнение, но, если мой племянник, который, должен заметить, действует из лучших побуждений, получит поддержку Совета, рыцарство перестанет существовать.

Хума был поражен. Он знал о разногласиях между Верховным воином и его племянником, но чтобы дошло до такого...

— Почему?

— Беннет, подобно многим из нас, фанатически привержен традициям рыцарства. Но он — из тех вождей, что готовы всех рыцарей Вингардской Башни немедленно бросить в бой, не думая о том, что этот бой закончится для нас всех сокрушительным поражением.

— Вы не ошибаетесь? — удивился Хума. Беннет всегда казался ему расчетливым и осмотрительным.

— Нет, вы не видели его на советах командиров. Он всегда предлагает молниеносные удары, никогда не думает о последствиях. Сейчас, я полагаю, он еще более жаждет предпринять что-либо безрассудно героическое — в память своего отца.

— Хуме трудно в это поверить, но я знаю Беннета лучше. Я разделяю ваши опасения, милорд, — сказал Ренард.

Посмотрев на Хуму, государь Освал продолжал:

— Надо учитывать еще одно обстоятельство. Беннет никогда не поверит вашим рассказам о волшебном мече, о драконе в пещере, о тайне, открывающей ключ к победе. А я верю. Называйте это верой в Паладайна, если хотите... Да, я верю.

Старый рыцарь вдруг, резко схватившись за голову руками, наклонился над столом.

— Извините, мне надо отдохнуть, — сказал Освал.

— Давайте отведем его к постели, — шепнул Ренард Хуме.

Оба рыцаря повели Верховного воина к кровати и помогли ему лечь. Государь Освал попросил Ренарда:

— Разбудите меня до начала Совета. Вы меня поняли?

Ренард повернулся к Хуме, а затем снова к Верховному воину:

— Конечно. Не беспокойтесь. Спите.

— Хорошо. — И государь Освал почти сразу же уснул.

Рыцари осторожно вышли из комнаты.

Закрыв дверь, Ренард сказал Хуме:

— Он хочет, чтобы и вы присутствовали на Совете.

— Что с ним такое? — Хуму беспокоило состояние государя Освала.

— Ему просто надо немного поспать, полагаю. Я останусь при нем. — Ренард улыбнулся: — Все будет хорошо. Вот увидите.

Хума прибыл на Совет одним из первых.

На заседаниях Совета могли присутствовать лишь представители командования и приглашенные рыцари. Хума был смущен. Совет казался ему правящим органом, а ведь выборы Великого Магистра должны быть делом всех рыцарей. Но мнение большинства рыцарей Советом не учитывалось.

Главы орденов Короны и Меча были уже на местах. Арак Снайпер, теребя свою козлиную бородку, высокомерно смотрел на командиров ордена Меча.

Хума никогда прежде не видел рыцаря, сидящего сейчас рядом с государем Снайпером. Это был новый командир ордена Меча. Прежний погиб при отступлении. Новый командир был назначен прямо во время боя. У него было угловатое лицо, словно высеченное из камня, длинные, аккуратно подстриженные усы и необыкновенно густые косматые брови.

Вошел Беннет, и по тому, как повели себя рыцари, стало ясно, кто истинный глава ордена Меча: при его появлении все тотчас замолчали.

Собрались уже все — за исключением государя Освала и Ренарда. Члены Совета терпеливо ждали их прихода, многие стали вновь оживленно беседовать друг с другом.

Беннет решительно встал и, подойдя к государю Снайперу, что-то сказал ему негромко и резко. Тот ответил ему столь же резко и негромко, и несколько минут рыцари о чем-то спорили. Как Хума ни напрягал слух, он не мог расслышать, о чем же идет спор.

И тут как раз в зал Совета вбежал запыхавшийся Ренард. По его лицу сразу было видно:

он чем-то сильно взволнован. Зная, что спокойного и невозмутимого Ренарда вывести из себя практически невозможно, рыцари поднялись со своих мест и замерли. Все понимали: сейчас они услышат скверную новость.

Ренард быстро прошептал что-то государю Снайперу.

Лицо Беннета сделалось совершенно белым, он с силой сжал рукой подлокотник кресла.

Арак Снайпер повернулся к рыцарям и громко сказал:

— Я с глубоким сожалением должен сообщить всем присутствующим, что государь Освал Бакстри, Верховный воин и глава ордена Розы, сражен болезнью, видимо той же самой, от которой скончался наш Великий Магистр. Заседание откладывается. В стране вводится карантин. Государь Освал, вероятно, не доживет до утра.

Ренард, все такой же возбужденный, подошел к Хуме:

— Я пришел разбудить государя, как он и просил, и вижу: он без сознания, его бьет дрожь, хотя он и укрыт тремя одеялами. Я тотчас распорядился вызвать к нему целителя.

Хуме еще никогда не приходилось видеть Ренарда таким взволнованным. Бледный рыцарь словно сам был вновь поражен чумой.

— Что сказал целитель?

— Ничего хорошего. Болезнь одолевает Освала.. Еще один подарок Такхизис; будь-она проклята.

— Неужели и впрямь нет надежды?

Отчаяние охватило Хуму. Государь Освал был его наставником, другом, более чем отцом. Он не должен умереть!

— Нам остается только ждать и молиться.

Отчаяние Хумы возросло. Он представил, как Такхизис, Галан Дракос и Кринас будут смеяться над ними и злорадствовать.

— Хума, — Ренард положил ему руку на плечо, — вам надо сейчас немного поспать.

Они были в храме Паладайна; туда Верховного воина перенесли в надежде, что боги могут содействовать его выздоровлению. Целителям удалось ненадолго улучшить самочувствие Освала, но затем болезнь вспыхнула с новой силой.

— Обещаю, что разбужу вас при первой же необходимости.

Хума кивнул. Он вдруг сразу почувствовал, как сильно ему хочется спать.

— Да, да. Непременно разбудите.

— Недавно я обещал это и государю Освалу, — ответил Ренард с тяжелым вздохом.

Выходя из храма, Хума услышал голос Беннета из комнаты, в которой совещались целители.

Беннет, казалось, проявляет о своем дяде не меньшую заботу, чем об отце. Узнав о болезни Верховного воина на заседании Совета, Беннет распорядился о немедленном введении карантина, а затем и о перенесении государя Освала в храм Паладайна.

Сейчас рыцарь ордена Меча умолял целителей, чтобы они сделали все возможное и невозможное для выздоровления его дяди.

По дороге в казарму Хума думал о положении на фронте.

Казалось, рыцари, укрывшиеся за стенами столицы и озабоченные тем, кто станет Великим Магистром, совсем забыли о войне.

Хума вдруг резко проснулся и вздрогнул от охватившего его ощущения ужаса. Первой его мыслью было: с государем Освалом произошло самое худшее.

Все спали.

Хума вышел на улицу и осмотрелся. В тусклом свете фонарей он различил часовых, стоящих на посту у ближайшей стены. У входа в дом Верховного воина также стояли стражники. Это были добрые знаки.

Чувствуя, что уже не сможет уснуть, Хума направился в храм. То, что Ренард не пришел его разбудить, Хуму не насторожило. Рыцарь Ренард, очевидно, решил неотлучно бодрствовать около Освала, пока не минует кризис.

Дождь все еще продолжался, на улице и во дворе — огромные грязные лужи.

Храм Паладайна показался Хуме странно мрачным. Не увидев рядом с храмом ни одного стражника, он удивился.

Поднявшись по ступеням, Хума разглядел, что дверь в храм слегка приоткрыта. Толкнув ее, он увидел, что в коридоре темно и пусто. Но ведь здесь должен был находиться или стражник, или священники!

Приглядевшись, Хума заметил рыцаря ордена Розы, который должен был постоянно нести почетный караул в храме Паладайна, а теперь охранять также и государя Освала. Рыцарь стоял в проходе неподвижно, как статуя. Хума хо-

тел было окликнуть его, но в последнюю секунду передумал.

Осторожно ступая по мраморному полу, он подошел к часовому вплотную. Казалось, рыцарь ордена Розы пристально смотрит на Хума — смотрит, но не видит его. Хума поднес ладонь к губам рыцаря. Он ощутил его дыхание. Дыхание человека, погруженного в глубокий сон.

Хума похлопал часового по щеке. Тот не шелохнулся.

Всмотревшись в его глаза, Хума увидел: они покрыты поволокой. Он знал, что такие глаза могут быть у людей, употребляющих наркотики. Хума испугался, что с остальными рыцарями, в том числе и с Ренардом, могло произойти нечто подобное.

С молитвой, обращенной к Паладаину, Хума вынул меч. Бесшумно двигаясь по залам, погруженным в темноту, рыцарь добрался до той комнаты, где должен был находиться Ренард. Однако там его не было. Дверь в зал, в котором лежал государь Освал, была приоткрыта, и Хума увидел еще двух — спящих стоя — стражников. Видимо, и государь Освал и Ренард тоже усыплены.

Хума осторожно открыл дверь пошире и вошел в зал. Здесь было очень темно, но рыцарь все-таки сумел разглядеть возле кровати Освала чей-то силуэт. Хума протер глаза. Государь Освал лежал в кровати. Кто же стоит рядом? Призрак?

Изо всех сил стараясь ступать бесшумно, Хума пошел на этот сгусток тьмы, но призрак

вдруг куда-то исчез. Хума снова протер глаза, но призрака так больше и не увидел.

Рыцарь подошел к лежащему неподвижно государю. Он услышал ровное дыхание Верховного воина и немного успокоился.

Но у кровати Освала, на полу, кто-то лежал. Наклонившись, Хума увидел целителя. Так же как и стражники, целитель спал. Его глаза с расширившимися зрачками были тоже покрыты поволокой. Хума стал тормошить его, но целитель даже не шевельнулся.

Вдруг рыцарь скорее почувствовал, чем услышал: кто-то крадется по залу.

Он не решился резко повернуться, и это едва не стоило ему жизни. Хума медленно привстал, и тут что-то металлическое ударилось о его нагрудные латы. Если бы он еще более замешкался, кинжал вонзился бы ему в горло.

Хума успел отразить еще два удара.

На миг перед ним сверкнули два красных глаза. Нападающий тотчас занес над головой Хумы кинжал.

Отпрянув в сторону, рыцарь увидел, как призрака, вынув небольшой мешочек, поднял его высоко над собой. Хума стремительно отступил. Сомнений у него больше не было. Как же он не догадался об этом раньше?! Это ведь служитель Моргиона, бога смерти и разорения. Значит, агент Моргиона проник в столицу рыцарей и уничтожил одного, а возможно, уже и двух предводителей рыцарства.

Призрак почему-то все не решался бросить в рыцаря мешочек. Хума прыгнул вперед и замахнулся на служителя Моргиона мечом. Попад в

мешочек, меч разорвал его, и часть содержимого высыпалась на призрака в плаще с капюшоном.

Хума тотчас же отскочил назад, уклоняясь от смертоносной смеси, высыпавшейся из мешочка.

Как только ядовитая смесь попала ему на лицо, призрак закашлялся. Пятясь назад, он споткнулся и упал на скамью, затем медленно-медленно поднялся на ноги.

Хума не осмеливался приблизиться к нему.

— Если вы намерены убить меня моим же собственным оружием, — голос призрака, звучащий нервно и напряженно, показался Хуме чрезвычайно знакомым, — знайте, что сам Моргион защищает своих служителей. Я не хотел вас убивать. Я всего лишь хотел вас усыпить. Но теперь мне не остается ничего иного, как только убить вас.

Хума чуть не выронил меч — он узнал призрака, стоящего перед ним в плаще с капюшоном. И когда служитель Моргиона вытащил из-под плаща кинжал, рыцарь в отчаянии отпрянул назад и замер, опустив меч.

— Достаточно одного укола этого кинжала, чтобы вы мгновенно уснули навеки. Мне остается только слегка уколоть вас.

Служитель Моргиона поднял кинжал, нацелив его острие на горло Хумы. Тот просто не мог заставить себя сопротивляться. Это невероятно. Это немыслимо. Это кошмарный сон, от которого Хума вот-вот очнется!

Агент Моргиона тихо рассмеялся и опустил кинжал. Смех прозвучал эхом в мозгу Хумы —

так, словно издевался над всем, во что рыцарь верил.

— Я пытался спасти вас, да, пытался, но, увы!

Хума не мог произнести ни слова, они застряли у него в горле. «Ренард, что это должно означать?»

Глава 19

Вам нечего сказать, рыцарь Хума? — спросил Ренард. — А у нас ведь еще есть время для беседы. Все спят, стены толстые. Нас никто не услышит.

— Во имя Паладайна, Ренард, что это должно означать?

Хума, казалось, видел лицо Ренарда, несмотря на темноту и капюшон, покрывавший его голову.

— Умирая от чумы, я молил Паладайна, Мишакаль, всех богов этого храма о спасении. Они не помогли мне. Я уже не верил, что останусь жив. Мое лицо сейчас многих пугает. Если бы они увидели меня тогда, оно показалось бы им еще более ужасным. Знаете ли вы, что такое алая чума?!

Хума знал: алая чума — самая страшная из всех болезней. Когда вспыхивала эпидемия этой чумы, приходилось сжигать целые деревни. Люди умирали в страшных мучениях, многие в отчаянии кончали жизнь самоубийством.

Название чуме было дано из-за алого оттенка кожи, который появлялся у заболевших.

— И вот когда я уже не сомневался, что смерть совсем близка, меня посетили не боги, которым я молился, а совсем другой бог, предложивший мне сделку с ним. — Ренард поднял вверх свой кинжал. — Это был Моргион. Только он ответил на мои молитвы, хотя я никогда не обращался к нему. Он обещал избавить меня от страданий, если я стану служить ему. Решиться, Хума, было нетрудно. Я согласился немедленно и с радостью.

Хума молился, чтобы наконец-то очнулся правитель Освал, чтобы рыцари и священники пришли как можно скорее в храм... Но таких чудес не произошло.

Как долго Ренард вынашивал свой план?

Хума скорее услышал, чем увидел в темноте, что Ренард внезапно выхватил меч из ножен. Рыцарю снова и снова пришлось отражать удары Ренарда. Но Хума знал, что среди рыцарей Вингаардской Башни нет равных Ренарду в искусстве фехтования.

Неожиданно Ренард перестал нападать и тихо засмеялся:

— Очень хорошо. Вы сражаетесь не хуже своего отца.

— Моего отца?

Ренард сбросил капюшон с головы, и даже в полной темноте Хума увидел его лицо — таким оно было бледным.

— Да, отца. Именно поэтому я защищал и спасал вас, как вы уже знаете. На вас — метка Моргиона, которая означает, что помеченному ей служители Моргиона не должны ни в коем случае причинять вреда.

Хума вспомнил слова, которые он слышал от слуг Моргиона тогда, в руинах. Они видели эту метку и говорили о ней.

— Однако как я был глуп и сентиментален, стараясь защитить своего родственника, — продолжал Ренард.

«Родственника?» Хума замер от предчувствия, что он вот-вот узнает мучившую его всю жизнь тайну: кто был его отцом.

— Вы так похожи, Хума, на моего брата. А мой брат — Дьюрэк, государь из Элдора. Элдор был razoren вскоре после того, как мы с братом вступили в рыцарство. Сейчас от Элдора остались уже одни руины. Я не получил в наследство ничего. Все, имевшее хоть какую-то ценность, досталось моему старшему брату, вашему отцу.

— Замолчите!

Хума яростно замахнулся мечом на человека, предавшего все, во что он верил. На человека, бывшего прежде его другом.

Ренард легко парировал его удар, и они снова опустили мечи.

— Я стал служить Моргиону еще до того, как отец послал нас с братом в столицу Соламнии. Я защитил Дьюрэка меткой, но это не спасло его. Ваш отец погиб в сражении через год после того, как стал рыцарем. Он вместе с небольшим отрядом прикрывал отступление нашей армии; необходимо было хоть на время удержать в наших руках перевал через восточные горы в Хайде — единственный путь, по которому силы Такхизис могли напасть на рыцарей с тыла. Я не попал в его отряд. Прощаясь

с ним, я хотел рассказать брату всю правду о себе, но, конечно, не решился. Если бы в то время я хоть что-то знал о его жене и ребенке...

Хума весь дрожал, ему невыносимо было слышать весь этот рассказ, и вместе с тем он жаждал узнать об отце как можно больше.

— О! У вас будет возможность на том свете расспросить государя Освала о Дьюрэке!

Ренард вновь перешел в атаку, думая, что застанет рыцаря врасплох. Они снова начали бой.

Хума видел искаженное от бешенства лицо Ренарда. Исчезла непроницаемая маска, за которой, как за щитом, Ренард прятал свое лицо.

Неожиданно Хума сам перешел в атаку.

— Как ее звали, племянник? Карина? Я видел ее лишь однажды, когда спустя годы приехал в деревню, в которой брат часто бывал перед смертью. Она была прекрасна: пшеничные волосы, точеное, как у эльфов, лицо, стройная — женщина, полная жизни. Я думал даже поухаживать за ней, но... Но увидел вас, Хума: оживший Дьюрэк, только еще ребенок. Помимо всего прочего, она избегала такого страшилища, каким я тогда был. Я был глуп и не думал ни о чем, кроме обещания, которое дал своему истинному повелителю.

Меч Ренарда со свистом рассек воздух перед лицом Хумы. Молодой рыцарь отскочил в сторону и приготовился к обороне.

— Вы убили ее, да? — В голосе Хумы был холод — холод смерти.

Он вспомнил последние дни матери на этой земле — чума унесла ее, набросившись, казалось бы, неизвестно откуда.

— Вы должны благодарить меня. Ведь я думал о вас. Я хотел, чтобы вы стали рыцарем, как и Дьюрэк. Я думал, что смогу все удержать в тайне.

Ренард нагло улыбался.

Хума, отражая его удар, вдруг воскликнул:

— Сон! Я видел сон о вашем страшном боге.

— Я думал, что смогу перетянуть вас на свою сторону, сделать своим товарищем и соучастником.

— Почему шум в храме Паладайна?

Оба противника от неожиданности замерли на месте: в зал хлынул яркий свет.

У входа стояли Беннет и два рыцаря ордена Меча.

Бросив быстрый взгляд на Беннета, Ренард осознал свою оплошность. Беннет ночевал у себя дома, и его не удалось усыпить, как остальных рыцарей в храме.

— Ренард?! Хума?!

Увидев плащ с капюшоном, покрывающий доспехи Ренарда, сын Великого Магистра сразу понял, кем в действительности является рыцарь Ренард. Беннет выхватил меч и направил его на предателя:

— Я убью вас!

— Как быстро исчезает маска величия и ей на смену приходят ничтожные страсти! — В голосе Ренарда звучала неприкрытая издевка.

Замолчав, он внезапно замахнулся мечом на Хуму. Тот отскочил в сторону, уклонившись от удара, а Ренард, перепрыгивая через скамейки, пустился наутек.

— Деться ему все равно некуда! — выкрикнул Беннет.

Он был похож на ястреба. Его сверкающие глаза следили за каждым движением бегущего Ренарда. Движения самого Беннета были спокойными, расчетливыми. Ястреб не упустит свою добычу!

Однако Ренард добежал до стены, едва видимой в темноте, и словно бы растворился в воздухе.

Хума, первым добежав до стены, увидел лишь пятно на ней. Не сразу он осознал, что Ренард, подобно Магиусу, может проходить сквозь стены.

Неожиданно Хума нащупал рукой небольшое углубление в стене, и она раздвинулась, пропуская его. Он слышал позади крики Беннета и рыцарей, бегущих вслед за ним. Затем стена вновь закрылась.

Хума остановился, прислушиваясь. Куда мог скрыться Ренард?

Наконец Хума смог уловить звук шагов Ренарда, бегущего вверх по лестнице. Нет, это не был древний, потайной ход, как сначала показалось ему. Это была самая обычная лестница. Хума стремглав побежал по ней. Она закончилась люком в потолке храма. Одной рукой он осторожно толкнул крышку люка, в другой держал меч.

Его встретили дождь и ветер. Хума ожидал, что Ренард сейчас же нападет на него, но того нигде поблизости не было. Позади слышались шаги бегущих рыцарей.

Как можно тщательней Хума осмотрел крышу — Ренарда на крыше, без сомнения, не было. Где же он?

Хума дошел до края крыши, глянул вниз. По сигналу тревоги, поданному Беннетом, около храма уже собирались рыцари.

Беннет и двое рыцарей поднялись вслед за Хумой на крышу.

— Где он? Вы не догнали его?

Хума покачал головой.

Куда же мог деться Ренард? Он исчез бесследно. И было напрасно его искать.

Беннет не хотел верить в это. Рыцари прочесали все соседние здания, а затем и всю столицу, но Ренарда не обнаружили нигде. Его личные вещи были тщательно осмотрены, но ничего, что могло бы помочь найти его, обнаружено не было.

Узнав о случившемся в храме, к повелителю Освалу тотчас пришли целители. К их удивлению, Верховный воин стал чувствовать себя лучше. Один из целителей сказал Хуме, что государь Освал оказался крепче, чем думал убийца, и тот, видимо, решил, когда все рыцари ушли из храма, дать ему новую дозу отравы.

Кто-то сзади положил Хуме руку на плечо. Он вздрогнул от неожиданности. Первой мыслью было: Ренард! Но сзади послышалось:

— Не пугайтесь. Это я — Беннет.

Хума медленно повернулся, и два рыцаря взглянули друг другу прямо в глаза. По лицу Беннета было видно, что в нем борются сразу несколько чувств. И неловкость, и чувство вины, и замешательство.

Наконец, протягивая Хуме руку, Беннет сказал:

— Благодарю вас за все, что вы сделали.

Они пожали друг другу руки, и Хума сказал с сожалением:

— Жаль, что мне не удалось поймать убийцу вашего отца.

Беннет уже полностью овладел собой, и лицо его опять было непроницаемо.

— Вы разоблачили его. Спасли моего дядю. Даже заставили предателя позорно бежать. Разве этого мало?

Рыцарь с ястребиным лицом попрощался и ушел. Улыбаясь, Хума глядел вслед удаляющемуся Беннету.

Спустя два дня государь Освал стал новым Великим Магистром. Никого из рыцарей это не удивило.

Освал еще не совсем оправился от болезни и почти никого не впускал к себе, лишь члены Совета приходили к нему для доклада. Беннет встал на сторону Освала, а кроме того, племянник нового Великого Магистра подал просьбу о вступлении в орден Розы. Никто не сомневался, что его просьба будет удовлетворена и именно он будет носить мундир Верховного воина.

Хума с нетерпением ждал, когда же будет разрешена ему встреча с Великим Магистром. Наконец аудиенция была назначена; он пошел на нее, сильно волнуясь. Для Хумы Великий Магистр был живым символом Паладайна.

Когда Хума преклонил колени, ему послышалось что-то вроде насмешливых вздохов, и он поднял голову. Окруженный с обеих сторон почетной свитой из ветеранов трех орденов, Великий Магистр сидел на троне и улыбался.

— Встаньте, Хума. К чему эти официальные церемонии? Во всяком случае, сейчас они не нужны.

Хума встал и подошел к трону ближе:

— Великий Магистр...

— Если вы не можете без церемоний, то называйте меня хотя бы государь Освал. Я пока еще не столь недоступен, как мой брат.

— Государь Освал, прошу вас, прежде всего расскажите мне о Дьюрэке из Элдора.

— Дьюрэк? Я знал двоих или троих Дьюрэков. Элдор.... Но я не уверен...

— Вы знали его. Это — брат Ренарда. Мой отец.

Великий Магистр смотрел на Хуму, раскрыв рот от удивления.

— Дьюрэк — ваш отец? Значит, Ренард...

— ...мой дядя, — Хума заставил себя произнести эти слова, хотя язык и не слушался его.

— О, Паладайн! — Государь Освал воскликнул тихо, почти шепотом. — Хума, бедный мой мальчик!

— Что вы знаете о моем отце?

Великий Магистр, кажется, смахнул слезу с глаз.

— Я бы охотно рассказал вам о вашем отце. Но я, честно говоря, многого уже не помню. Дьюрэк был хорошим рыцарем, хотя, может быть, излишне восторженным. Могучий воин, владевший мечом так же легко, как и ножом. Помню, он часто уезжал куда-то из столицы, но... но я не знал, что у него была семья. Хотя я очень хорошо помню, что он крикнул нам, когда мы оставляли его с отрядом на перева-

ле. — Государь Освал почесал подбородок. — Да, теперь я понимаю, что означали его слова. Он сказал: «Позаботьтесь о них!» Тогда я подумал, что он подразумевает рыцарей. Как же я не сообразил! Он говорил о своей семье, но никто не смог тогда правильно понять его слова.

Хотя Хума и был разочарован тем, что Великий Магистр мог так мало рассказать ему об отце, он сумел скрыть досаду.

Прервав затянувшееся молчание, государь Освал сказал:

— Рыцарь Хума, даю вам разрешение снова отправиться в Эргот. Сколько человек вам нужно для сопровождения?

— Я отправлюсь один.

— Один?! — Великий Магистр, сжав руками подлокотники трона, наклонился вперед. — Но вы сами говорили мне, что там, в горах, решается судьба всех нас. Паладайн верит во всех нас, почему же вы должны один, рискуя жизнью, раскрыть тайну вершины?

— Это должен сделать я один, — ответил Хума с горячностью. — Я не могу объяснить вам, почему я в этом убежден. Но я чувствую, что я должен это сделать один.

Освал вздохнул и снова наклонился вперед.

— Вы верите в свое предназначение. Мой разум говорит мне, что вы ошибаетесь, но сердце согласно с вами. Думаю, что я должен послушаться своего сердца, ибо вера исходит от него.

— Благодарю вас, милорд.

Государь Освал встал и обнял Хуму за плечи:

— Я всегда буду считать вас своим сыном.

Он прижал Хуму к груди, затем отвернулся и громко произнес:

— Идите. Не позволяйте мне стать совсем сентиментальным.

Хума выжидал для отъезда такого момента, когда рядом не будет никого из знакомых рыцарей. Это сделало бы его отъезд неприметным.

Какая-то часть души удерживала Хуму в столице. Ему казалось, что он не должен уезжать, пока Ренард не найден и не наказан. С другой стороны, Хуме больше не хотелось искать его. Ведь он не мог забыть о том, что долгое время они были друзьями.

Ну вот и все; пожалуй, можно отправляться в путь.

Выезжая из столицы, Хума неожиданно увидел Беннета. Племянник Великого Магистра все еще надеялся отыскать убийцу своего отца. Среди вещей Ренарда были найдены старинные карты Вингаардской Башни — эти карты считались безвозвратно утерянными. И в них были указаны два тайных хода внутри храма, о которых не знали даже священники.

Заметив Хуму, Беннет кивнул ему и тотчас отвернулся. Это и было их прощанием.

Хума подъехал к еще одной полуразрушенной деревне. Он был в пути уже около часа. Дважды ему повстречались рыцарские патрули. Он сообщил патрульным, что в Вингаардской Башне разыскивают предателя Ренарда.

Жители деревни, в которую въехал Хума, встретили его как-то странно. В каждом их дви-

жении чувствовались напряженность и страх, словно они ожидали, что в любой момент в небе появится сама Такхизис.

Люди с опаской подходили к всаднику.

Ноздри коня раздувались, как будто он видел перед собой врагов. Стараясь сдержать коня, Хума натянул поводья. Он не желал, чтобы жители деревни попали под копыта коня.

Вскоре вокруг него собралась уже небольшая толпа. Насмерть напуганные жители, окружившие Хуму, забросали его вопросами. Грязная, костлявая рука ухватила за его ногу, и хриплый голос спросил:

— Верховный Магистр убит? Это правда? Что теперь будет с нами?

— А я слышал, что Совет рыцарей принял решение сдаться в плен, — послышался сзади другой голос.

Обеспокоенные жители стали подходить все ближе. Хума пытался остановить их — ведь они запросто могли попасть под копыта его коня.

— Не подходите близко! Дайте мне проехать! Вы попадете под лошадь!

— Он удирает! — послышался тот же голос. — Видите: рыцари оставляют нас одних!

— Мы пропали! — завопила какая-то старая женщина.

Она упала в обморок, и ее никто не поднял.

— Вы не должны оставлять нас!

— Трусые, вы всегда спасаете только свою шкуру!

Люди, полные страха и отчаяния, протягивали к рыцарю руки.

— Назад!

Лошадь встала на дыбы. Люди, стоявшие перед всадником, отбежали, но стоявшие сзади подошли ближе. Какой-то старик, смятый толпой, упал. Рыцарь сумел успокоить лошадь, и тут послышались новые крики:

— Он предал нас! Он сбил старика! Держите его!

Оборванные, изможденные люди наседали на Хуму. Он вытащил меч и стал размахивать им. Люди попятились назад, но не расходились — они боялись, что рыцарь Соламнии оставит их на произвол судьбы.

Хума увидел человека, одетого в простое крестьянское платье, и почему-то вдруг догадался, что это — подстрекатель. Тот стоял в стороне и не пытался убежать. Вместо этого он вытащил меч и приготовился к бою.

Взмахами меча заставляя людей расступиться, Хума проехал через толпу. Он благодарил Паладайну за то, что ни один из жителей не попал под копыта его коня. Подъехав к подстрекателю, Хума крикнул:

— А ведь все считают, что вы еще в Вингардской Башне.

Ренард язвительно улыбнулся:

— Я был там, пока государя Освала не утвердили Великим Магистром. Потом прибыл сюда, чтобы сообщить этим несчастным людям приятную новость.

Хума соскочил с коня, не спуская глаз со своего дяди и держа меч наготове.

— Вы хотели посеять страх в их сердцах, разрушить нашу веру и заставить нас сражаться друг против друга.

— Да, мое призвание — в этом. Но меня интересует не только это. Я провел бессонную ночь...

— Они обнаружили ваши тайные ходы.

— Я знаю. Я оставил карты специально. Мне они больше не нужны.

— Вы безумец, дядя.

— Дядя! Вот уж не думал, что вы меня так назовете! Да, я — безумец. Но и весь мир сошел с ума. И я, безумец, борюсь с безумием всего мира.

Ренард показал рукой на деревенских жителей — говорил он тихо, так, чтобы они не услышали его:

— Паника в деревнях будет все расти и расти. Люди в отчаянии ринутся на столицу, рыцари будут просто вынуждены применить оружие. Не сомневайтесь: без жертв не обойдется. О рыцарях Соламнии пойдет дурная слава. Да и сами они придут в ужас от того, что сотворили. Должен ли я добавить к этому еще что-либо?

— Значит, вы здесь не случайно?

— Конечно. Я мог бы уничтожить весь Совет, но всех рыцарей я один уничтожить не могу. Поэтому я решил, переодевшись, отправиться сюда и заварить всю эту кашу.

Поигрывая мечом, Ренард приблизился к Хуме:

— Но у меня была и другая цель — это вы, Хума. Я знал, что вы поедете по этой дороге. Я не позволю вам вернуться в пещеру. Возможно, пещера просто привиделась вам в бреду, но в этом я вовсе не уверен. Поэтому я не позволю вам ехать дальше.

Ренард ринулся в атаку. Хума ответил на удар ударом.

Жители слегка расступились, в их объятых ужасом взглядах Хума прочитал: они жаждут увидеть рыцаря Соламнии мертвым. Они уже были покорными рабами Ренарда.

Наконец Хума провел удачную атаку. Острие его меча вонзилось в правый бок Ренарда и со звоном ударилось обо что-то твердое. На лице Ренарда мелькнула усмешка, Хума догадался: под крестьянской одеждой его противника — рыцарские доспехи.

Толпа, наблюдавшая за поединком, окружала Хуму и Ренарда сплошной стеной.

Хума понял: если он одолеет Ренарда, ему придется еще иметь дело и с самой толпой.

— Отлично, — крикнул Ренард, переходя в нападение. — Вы блестяще усвоили все приемы, которым я вас учил.

— Спасибо за науку, — ответил Хума.

Он был в постоянном напряжении. Ренард сражался с бешеной яростью, с обескураживающим напором.

После дождя было сыро и скользко. Вот Хума поскользнулся, и меч Ренарда, просвистев в воздухе, едва не вонзился ему в шею. Но и сам Ренард потерял равновесие; воспользовавшись этим, Хума успел ударить его мечом по ноге. Ренард не вскрикнул, но из ноги почти сразу хлынула кровь, и он, хромая, отпрянул от Хумы.

Они пристально посмотрели друг на друга. Хума был измотан, Ренард на глазах слабел от потери крови.

— Сдавайтесь, Ренард. С вами обойдутся милосердно. Я обещаю вам это.

— Нет! Человек, убивший Великого Магистра и покушавшийся на жизнь Верховного воина, не может рассчитывать на снисхождение рыцарей. Нет, племянник. Бой будет идти до конца. Сражаться будем не на жизнь, а на смерть.

Ренард с поразительной силой снова бросился в атаку. Хума отразил ее и сам перешел в наступление.

Бывший учитель Хумы, помрачнев лицом, видел: уроки, данные им, позволяют молодому рыцарю безошибочно отражать все его удары.

Уловив момент, Хума с силой ударил по руке противника, в которой тот держал меч. Ренард отдернул раненую руку и чуть было не выронил оружие. Он почти полностью открылся, и меч Хумы со свистом мелькнул у него перед самым лицом. Хума еще раз взмахнул мечом и попал Ренарду в другую ногу. Покачнувшись, Ренард рухнул на колени.

Молодой рыцарь не мог без сострадания смотреть на окровавленного, облепленного грязью противника.

— Бой окончен, Ренард. Я не стану убивать вас. Это бессердечно.

Ренард попытался встать. Стоя на одном колене, вновь готовый сражаться, он угрожающе держал меч перед собой.

— Я не вернусь в столицу. Я не желаю мучений и издевательств на суде.

Хума опустил свой меч:

— Позвольте мне помочь вам. Вы были хорошим рыцарем. Одним из лучших.

Ренард рассмеялся — смех его был похож на кашель.

— Выходит, вы еще ничего не поняли? Я никогда не был рыцарем! С того рокового дня, как я остался жив, моя жизнь стала принадлежать другому богу, и вот теперь, служа ему, я потерпел поражение. Взгляните-ка на меня!

Ренард беспомощно улыбнулся, и Хума вздрогнул от ужаса, увидев, что на обычно бледном лице появился слабый алый оттенок.

— Да, это награда за мое поражение. Я никогда не был вылечен от чумы полностью и преотлично знал, что, потерпев поражение, я вновь заболел.

— Ренард, скоро здесь появится отряд рыцарей. Среди них, вероятно, есть целитель.

— Он не поможет мне ничем.

Толпа деревенских жителей с криками ужаса разбегалась от пораженного чумой Ренарда.

— Не подходите ко мне, Хума, — предупредил Ренард. — Этой чумой заражаются при прикосновении. Скоро все кончится и от меня останется только скелет.

Где же отряд? Хума в отчаянии всматривался в окрестности.

Ренарду уже было трудно говорить, он только хрипло шептал:

— Надеюсь, что вы с успехом исполните возложенную на вас миссию, племянник.

Хума заметил вдали фигуры всадников. Они приближались, но — медленно, слишком медленно.

— Хума... — лицо Ренарда искривилось от боли.

— Помолитесь Паладайну, Ренард. Отряд приближается к деревне. Я скажу им...

— Ничего не надо говорить, кроме того, что они должны сжечь мое тело.

Ренард схватил меч двумя руками и с силой, удивительной при его состоянии, поднес его к подбородку и резко провел мечом поперек горла.

— Нет! — Только опасение, что он заразится чумой, остановило Хуму, и он не подбежал к Ренарду.

Ослабевшие руки Ренарда выпустили меч — тот упал в грязь. Вслед за ним рухнуло безжизненное тело.

Хума выронил свой меч и опустился на колени.

— Нет... — Его голос был слабее шепота.

Он закрыл лицо руками и, потрясенный, замер.

Хума слышал стук приближающихся лошадиных копыт, а потом вдруг все стихло... Кажется, он потерял сознание.

Глава 20

ишина.

Крики деревенских жителей, убегающих в панике от Ренарда, приближающийся стук конских копыт, даже ветер — все поглотила тишина.

Потом тишину нарушил грохот металла, падающего на металл.

Хума отнял ладони от лица и, не веря глазам своим, увидел, что он находится уже вовсе не в окрестностях Вингаардской Башни. Он стоял перед зеркалом, которое несколько дней назад перенесло его в Соламнию. В зеркале отражался изможденный, еле живой рыцарь. Хума снова был в пещере Огнедува.

Да и побывал ли он на самом деле в Соламнии?! Все происшедшее с ним недавно казалось невероятным — более похожим на сон, чем на реальность.

Хума чувствовал страшную усталость.

Наклонившись, он снял рукавицы и стал пристально смотреть в зеркало. Он ощущал злость и радость одновременно. Злость вызвало то, что это проклятое зеркало обращается с ним как с марионеткой, а радость — то,

что он снова может продолжить поиск вершины и встретиться с Кэзом и Магиусом. Где были они все это время?

Потрясение от предательства Ренарда и его смерти еще не прошло. Ренард мертв, и Хума будет молиться за него.

Рыцарство и весь Ансалон еще не погибли, они еще могут победить в этой жестокой войне, если все, что говорилось о ключе к разгадке тайны, является правдой.

Из глубины зеркала какой-то рыцарь пристально все смотрел и смотрел на него, и Хума не сразу понял, что он видит свое изображение. Он случайно качнулся вперед и тотчас вспомнил все, что происходило с ним в этой пещере. Хума вспомнил об Огнедуве. Если здесь прошло столько же времени, что и в Вингаардской Башне, то громадное тело Огнедува должно было бы уже полностью разложиться.

Но ничего подобного не произошло. Огромное тело Огнедува превратилось в глыбу металла. Оно казалось отлитым из чистого серебра. Хума потрогал его рукой, почувствовал твердость металла и поразился: сколько же здесь драконьего серебра! Так он сказал про себя, не подобрав другого определения.

Осматривая серебряную глыбу, рыцарь вспомнил: в пасти чудовища должен быть меч, которым он убил Огнедува. Хума почувствовал, что меч, как и прежде, неудержимо влечет его к себе. Голова погибшего титана была перевернута, и нижняя челюсть чудовища находилась над верхней. Казалось, меч, находящийся внутри серебряной глыбы, совершенно невозможно достать.

В отчаянии Хума ударил кулаком по пасти чудовища и удивился самому себе. Он понял, что не успокоится, пока не добудет меч. Рыцарь ударил по глыбе сапогом.

Раздался нежный металлический звон, и, посмотрев под ноги, Хума увидел меч, который искал.

С криком удивления он упал на колени и как зачарованный начал ласкать меч руками. Как только рыцарь дотронулся до меча, тот вновь стал светиться. Хума ощущал неземное блаженство от этого свечения, оно успокаивало рыцаря, заставляло забыть о страшных бедах прошедших дней.

С большой неохотой Хума убрал меч в ножны, затем вскарабкался на шею мертвого дракона. Ему верилось, что по ней он сможет добраться до одного из верхних тоннелей в пещере и отыскать таинственного кузнеца.

Груды золота и сверкающие холмы изумрудов не привлекали внимания рыцаря. Самое главное из сокровищ Огнедува — меч — уже было у него. Зеркало, конечно, притягивало взгляд Хумы, но взять его с собой сейчас рыцарь не мог. Он утешал себя мыслью, что вернется за ним, когда отыщет кузнеца.

Держа руку на эфесе меча, Хума, спокойный и уверенный, шел по длинной-предлинной шее Огнедува. Входы в верхние тоннели тоже светились, но в них самих было темно.

Рыцарь слез с шеи Огнедува и вошел в один из тоннелей.

Долго блуждал по нему Хума, пока наконец не понял, что попал в лабиринт.

Гвинес говорила ему, что он может выбрать три коридора. Один привел его к Огнедуву. Где же два других пути? Что ожидает его там?

Рыцарь погладил эфес чудесного меча. Может быть, не стоит уже и думать о пещере? С таким мечом можно не бояться даже целой армии! И этот меч — у него. У рыцаря Хумы! Что может быть лучше, чем оружие такой мощи?

И тут в его воображении пронеслись картины одна удивительнее другой. Он командует корпусом. За боевые заслуги государь Освал награждает его. Ведь Хума не только подарил рыцарям замечательное оружие, он также разоблачил Ренарда и спас жизнь самому государю Освалу. И вот ему доверяют уже командование целой армией!

Мечтательная улыбка озарила лицо рыцаря.

— Остановитесь, ни шагу вперед.

Хума не сразу разглядел серую фигуру, облаченную в длинный плащ, — она была почти незаметна в окружающем мраке. Незнакомец был очень похож на старика, которого он встретил в горах. Такое же серое лицо, такие же желтые зубы.

— Вы? — Хума обрадовался, встретив мага, если это и в самом деле был маг; наконец-то можно было поделиться с кем-то радостью, обуревавшей его. — Я вышел победителем из всех испытаний. И мне причитается награда!

— Конечно. Оставьте свой меч, где вы стоите сейчас, и идите вперед.

— Мой меч?

Незнакомец мог попросить выполнить все, что угодно, но только не это.

— Ваш меч! Я всегда считал, что акустика здесь превосходная. Разве в первый раз вы не расслышали, что я сказал?

Лицо мага было таким же бесстрастным, как когда-то лицо Ренарда.

— Но почему?

Нет, Хума ни за что на свете не выпустит этот меч из рук!

Старец был скорее всего слугой Владычицы Тьмы. Пожалуй, теперь, когда меч у Хумы, даже боги станут бояться мощи рыцаря. А почему бы и нет?!

— Этим оружием нельзя сражаться здесь. Его вообще не следует применять нигде.

— Таким замечательным мечом нельзя сражаться? — Рыцарь держал перед собой свое волшебное оружие и любовался ярким свечением, идущим от него. Старинный меч завораживал Хуму своей красотой и могуществом. Отказаться от меча? Нет, Хума будет бороться за него!

— Оружие, которое вы сейчас держите в руке, известно как Меч слез и страданий. Это — реликвия из века мечтаний. Именно им Такхизис подчинила своей воле людоедов. Утверждают, что именно с этим оружием в руках воин тьмы бросит вызов силам света в решающей битве. Этот меч — зло, которого надо избегать, если желаешь сделать добро.

— Вы ошибаетесь. Это ключ к нашей победе. Посмотрите сами на меч!

Незнакомец нахмурился:

— Я видел его много раз. Его свечение уже сотни лет колет мне глаза.

Хума направил меч на старца:

— Да? Может быть, вы вообще избегаете света? Я думаю, что опасен не меч, а вы.

— Если бы вы сейчас могли видеть свое лицо!

— Мое лицо? — Хума рассмеялся. — Вы сказали «Меч слез и страданий»?! Пожалуй, он оправдает свое название, когда Владычица Тьмы, оказавшись перед более могущественной силой, чем она, прольет слезы!

В глазах старика читалась досада.

— О, я вижу, что страшное оружие не теряет своей заволаживающей силы.

Хума с гордостью посмотрел на меч — никто не сможет отнять у него это прекрасное оружие!

— Мы, однако, заболтались. Позвольте мне пройти.

— С мечом — нет.

Засмеявшись, Хума ударил мечом по стене тоннеля. Лезвие вошло в скалу, словно в масло, вспыхнув к тому же изумрудным светом. Рыцарь легко вытащил меч из стены, которая сразу же осветилась в том месте, куда вонзился меч. А на его лезвии не осталось ни малейшей царапины.

Старик поморщился и сказал насмешливо:

— Ударьте-ка еще разочек. Может быть, это успокоит вас.

Хума посмотрел на старика в упор:

— Я спрашиваю последний раз: вы пропустите меня?

— С мечом — нет.

— Тогда мне придется расчищать себе путь как раз этим мечом.

— Ну что ж, если сможете.

Рыцарь поднял над головой Меч слез и страданий. Меч, как бы в предвосхищении удара, озарился ослепительно ярким изумрудным светом. Хума шагнул вперед. Старец, отступив на несколько шагов, бросил свой посох ему под ноги.

Остановившись от неожиданности, рыцарь спросил:

— Вы не намерены пропустить меня?

Старец решительно покачал головой:

— И если вы все-таки хотите пройти дальше — вам придется убить меня.

«Убей его!» — чей-то властный голос зазвучал в мозгу Хумы, и весь тоннель озарился изумрудным светом меча. Голос повторял все настойчивее: «Убей его!»

Но рыцарь все еще не решался взмахнуть мечом. В его мозгу звучал и другой голос: «Нет! Ты не должен его убивать!»

Старец сказал спокойно:

— Отбросьте меч, Хума. Только тогда вы сможете свободно пройти.

— Нет!

Возглас вырвался из уст рыцаря, но казалось, что исходит он от меча — тот настойчиво заставлял Хуму поднять руку на беззащитного старца.

Рыцарь сопротивлялся этому призыву.

— Нет! — На этот раз говорил сам рыцарь. И это было другое «нет».

Прислонившись спиной к стене тоннеля, он с внезапно охватившим его отвращением и ужасом взглянул на оружие в своей руке. Свечение меча жгло глаза, это свечение даже мага заставило отвернуться.

Властный голос все призывал: *«Возьми меня! Владей мной! Мне от века предназначено пролить кровь! Я завоюю весь мир для моей госпо-*

— Нет!

Голос рыцаря зазвучал теперь более решительно, чем минуту назад; глаза Хумы были ... Он смог стряхнуть с себя злые чары волшебного оружия. Меч требовал от него невозможного — убить человека, который не только не заслуживал смерти, но даже сопротивляться не пытался. Хума не смог убить вооруженного Ренарда, тем более не сможет он убить безоружного старика.

Мощный поток энергии вырвался из меча, рыцарь вскрикнул. Будто волной взрыва его бросило на каменные плиты пола. Ему показалось, все тело разрывается на части. Хума видел изумрудное свечение и чувствовал невыносимую боль. В его мозгу не прекращал звучать голос Меча слез и страданий. Этот голос всё еще пытался подчинить себе волю рыцаря.

— Хума!

Другой голос — такой знакомый! — зазвучал в его мозгу. Он старался помочь рыцарю.

— *Вы должны освободиться от власти меча полностью! Иначе этот демонический меч завладеет вашим телом и вашей душой.*

«Мне надо навсегда расстаться с мечом?»

Хума боролся с болью, пронизывающей все его существо. Он теперь начал понимать: меч преследует только свои собственные коварные цели и никогда не будет ему верным слугой. Осознав это, Хума воодушевился и решительно произнес:

— Я отрекаюсь от тебя!

Рыцарь держал меч в вытянутой руке и чувствовал отворачивание к нему.

— Я отрекаюсь от тебя полностью и навсегда, ты никогда не будешь властвовать надо мной!

Боль утихла, и Хума почувствовал, как он обретает новую, прекрасную силу. Он отказался от меча, проклял его и теперь был уверен, что меч потерял над ним свою власть. Он победил волшебные чары, и изумрудное свечение меча разом угасло.

— *Господин!* — голос исходил от меча. — *Вы, только вы — мой настоящий господин!*

Меч подчинился его воле.

И тут в мозгу Хумы мелькнула новая мысль: «Власть меча побеждена. Может быть, теперь я могу использовать меч, не опасаясь его власти?»

Но Хума тут же отбросил эту заманчивую мысль.

«Нет!»

По его лбу струился пот, лицо рыцаря побледнело. Хума с силой швырнул демонический меч в глубину коридора. Ему показалось, что он услышал — но он скорее почувствовал — душераздирающий крик. Меч ударился в стену и упал на пол. Свечение полностью исчезло.

— Никогда, — Хума стоял прижавшись к стене, с бешено бьющимся сердцем, — ни за какие сокровища в мире!

Старец неслышно подошел к нему, его сильная рука опустилась на плечо рыцаря.

— Теперь ничего не надо бояться. Меч слез и страданий теперь ничто, не больше чем дым на ветру. Вы меня поняли?

Хума посмотрел в глубь тоннеля. Демонический меч, колыхаясь, исчезал среди камней. Через несколько секунд от него не осталось и следа.

— Где он?

— Надеюсь, там, где был рожден. У этой вещи — собственный разум, вы сами могли убедиться в этом. Думаю, что теперь я спрятал его в надежное место. Будет весьма нелегко достать его снова.

Рыцарь посмотрел на мага:

— Вы спасли меня и мою душу.

— Я?! — Старец, казалось, удивился. — Я лишь дал вам несколько дружеских советов. *Вы сами победили в нелегком сражении с самим собой.*

— И что теперь?

Хума замер. Голова и все его тело болели. Вряд ли сейчас он способен хоть на что-то. Обессиленный, Хума вновь прислонился к стене.

— Теперь? — Голос мага выражал неподдельное удивление. Хума никак не мог понять, что это так удивляет его. — Теперь... Путь свободен. Идите и получите свою награду. Вы преодолели все три препятствия.

— Преодолею? — Рыцарь печально покачал головой. — Вы ошибаетесь, я просто спасал свою жизнь и мало заботился о спасении души.

— Да, вы остались живы. Вы боролись за жизнь. Но ведь жизнь это и есть главная цель.

— Огнедув. Меч слез и страданий. Только два испытания... Третьего не было. — Хума говорил искренне.

Лицо мага тронула печальная улыбка.

— Ваше путешествие сквозь зеркало не было случайным. На рыцарство легло пятно позора, и кто мог смыть его, кроме рыцаря? Я думаю, что многие были бы рады убить Гилеана, если бы хотели спасти его. Любовь к жизни — это то, во имя чего действительно создано рыцарство, и это ценится превыше всего.

Хума выпрямился, пристально всмотрелся в глубину казавшегося бесконечным коридора и неожиданно спросил старца:

— Вы — Паладайн?

Маг озорно улыбнулся:

— Я мог бы сказать «да», но не стану. Скажу так: равновесие между добром и злом должно сохраняться, и я — один из тех, кто избран следить за этим. Очень похоже на ту миссию, что возложена на вас, но моя по сравнению с вашей ничтожна. — Он говорил, не позволяя Хуме вставить хоть словечко. — Пора вам пройти вот через этот последний тоннель, — маг указал рукой, — и вы получите свою награду. Как я уже говорил, вы должны быть безоружны. Вашим оружием может быть только вера.

Хума взглянул на руку мага. В ней было два кинжала. Взглянув на свой пояс, он с удивлением обнаружил: двух его кинжалов там уже нет. Теперь они принадлежали магу.

Волшебник исчез, и Хума оказался один на один перед зияющим чревом тоннеля.

Рыцарь решительно шагнул в его темноту.

Идя по тоннелю, Хума обратился с молитвой сначала к Паладайну, а затем к Гилеану, богу Книги.

Рыцарь не мог бы сказать, сколько времени он был в пути — хотя чувствовал, что шел довольно долго, — пока наконец не услышал удары молота. Но откуда слышались удары? Громкость звуков не менялась. Они не были столь оглушительными, как в большой пещере, где Огнедуд испытывал от них адские муки.

Они скорее напоминали те звуки, которые Хума слышал в Вингаардской Башне. Во время учебы рыцари осваивали основы ремесел. Каждый рыцарь должен был уметь привести в порядок доспехи и подковать лошадь. Как говорили рыцарям, хороший кузнец может сделать все, если у него есть молот, наковальня и раскаленный металл.

Тот, кто сейчас стучал по наковальне, был необычайно силен.

Ритм ударов свидетельствовал о том, что молот поднимают на большую высоту. Мог ли такой кузнец быть человеком? Не сам ли Реоркс является этим кузнецом?

Хума знал: здесь — место богов и титанов.

Ему могло вот-вот открыться что-то совершенно необычное...

Погруженный в раздумья, рыцарь не заметил, как оказался в огромном арсенале. Великое множество орудий войны висело, стояло или лежало повсюду — насколько позволял видеть тусклый свет подземелья. Здесь были мечи всех форм и размеров — изогнутые и прямые, легкие и тяжелые, богато украшенные драгоценными камнями и простые, односторонние и обоюдоострые. А такого разнообразия доспехов Хуме никогда прежде не приходилось видеть. Здесь

было все, начиная с примитивных нагрудных лат до великолепных доспехов, которые мог бы с гордостью носить император Эргота. На щитах, висевших над доспехами, были представлены все геральдические знаки Ансалона, включая и рыцарей Соламнии.

Хума понимал: он вошел в огромный музей воинства. Но казалось, здесь собрано отнюдь не старое оружие. Ни один из предметов не был изъеден временем. Все, казалось, было сделано только вчера — так остры были грани мечей и так гладки были поверхности щитов. Никаких следов ржавчины. Но Хума был уверен, что эти творения были более древними, чем даже залы, которые он видел в лабиринте подземных ходов. Правда, он не смог бы объяснить, откуда у него такая уверенность.

Внезапно грохот прекратился, но Хума не сразу ощутил, что настала тишина. Он был в центре арсенала и вертел теперь головой во все стороны. Куда же идти?

Он увидел впереди мерцающий свет и услышал, что неведомый кузнец возобновил работу.

На пути рыцаря была массивная дверь. Хума хотел толкнуть ее, но она вдруг сама распахнулась перед ним. Распахнулась с почти невыносимым для человеческих ушей скрипом.

Рыцарь удивился, что кузнец не прерывает работу, словно он совсем не слышит этого жуткого скрипа.

Кузница была огромной. Для закаливания заготовок стоял массивный бак с водой. У горна — разглядел Хума с трудом — сновали неясные силуэты.

Удары молота внезапно стихли.

Хума отвел глаза от раскаленного, как солнце, горна и огляделся. Наковальня доходила Хуме до пояса и была раз в десять тяжелее всех его доспехов. Покрытая сажей фигура, стоящая рядом с ней и легко державшая над головой в одной руке огромный молот, обернулась к рыцарю. Все в кузнице тотчас прекратили работу.

Кузнец опустил молот и пошел к Хуме. Тот не сразу смог взглянуть ему в глаза, так как неотрывно смотрел на руку кузнеца, что сжимала молот. Молот сделан из сверкающего металла, напоминающего тот, в какой превратился Огнедув. Наконец, переведя взгляд на лицо кузнеца, Хума увидел: оно, как и все тело, покрыто сажей. И в этом лице причудливо переплелись черты эльфов, людей, гномов и еще каких-то неведомых существ.

Кузнец оглядел Хуму с головы до ног и спросил на удивление негромко:

— Вы пришли за Копьем Дракона?

Глава 21

ума в замешательстве посмотрел на кузнеца и спросил:

— Пришел... за чем?

— За Копьем Дракона. Ведь вы тот, кого мы давно ждем?

На лице гиганта был написан неподдельный интерес. Его глаза сузились в ожидании ответа, тонкий рот, характерный для эльфов, казался на большом лице узкой щелью. В лице кузнеца сочетались уродство и необыкновенная привлекательность. Второго такого лица не встретишь, пожалуй, на всей земле.

— Я выдержал все испытания, как сказал мне маг в сером.

— Он в самом деле так сказал? Значит, это вы одолели Огнедува? — Не дожидаясь ответа, кузнец продолжал: — В последнее время в логове дракона стало совсем тихо. Это так непривычно — не слышать его бреда! Я не могу припомнить ни дня, когда бы он мог угомониться. Ну что же, теперь с ним покончено.

Рыцарь пожал плечами и спросил — удивленно и насмешливо:

— Вы удовлетворены моим ответом?

Хуме не хотелось ни слушать вопросов, ни отвечать на них.

— Да, я удовлетворен, — прошептал кузнец скорее для себя, чем для рыцаря, — вполне.

Вдруг гигант добродушно рассмеялся:

— Великий Реоркс! Я уж и не думал, что доживу до этого дня! Наконец кто-то посторонний сможет по достоинству оценить мою работу. Знаете, как давно я ни с кем не говорил о своем творении?!

— А с ними? — Хума показал на молчаливые фигуры, стоящие позади кузнеца.

— Это — мои помощники. Они просто обязаны любить мою работу. А оценить Копье Дракона по достоинству может только рыцарь. Паладайн! Я наконец-то дождался этого часа!

Голос гиганта отдавался в глубине пещеры эхом.

— Но я увлекся. — Кузнец внезапно замолчал, и лицо его стало суровым. Хума понял, что гиганту свойственны резкие перепады настроения. — Позвольте представиться. Я — Дункан Золотые Руки, главный кузнец, оружейный мастер и ученик самого Реоркса. Я думал, что вы не придете сегодня... Многие годы мне даже казалось, что вы вообще не появитесь, но все же я надеялся...

Кузнец протянул рыцарю руку. Хума пожал ее и вдруг почувствовал: металл.

Дункан увидел, что Хума смотрит на его искусственную руку с удивлением и ухмыльнулся:

— Много лет назад, когда я был еще неопытным юнцом, мне откусил руку Огнедув. Ну, откусил и откусил, чего жалеть-то?! Я сделал себе

серебряную. Поверьте: серебряная гораздо лучше настоящей. Было бы просто отлично, если бы и все мое тело было выковано из металла. — Дункан Золотые Руки спохватился, осознав, что отклоняется от темы. — Пожалуй, не будь у меня серебряной руки — у меня не было бы той силы и твердости, которые необходимы, чтобы перекладывать огромную гору в Копье Дракона.

— А что такое это Копье Дракона? Если оно предназначено для меня, могу ли я взглянуть на него?

Дункан с досадой поморщился:

— Ну и ну, я, значит, еще не показал вам его?

Он хлопнул себя по лбу ладонью и еще больше перепачкал сажей все лицо.

— Конечно же нет! Вот дурная голова! Скорее идите. Мы посмотрим вместе на чудо, в которое заключена вся ваша отвага и все мое умение — и что-то еще сверх того.

Кузнец повел рыцаря в темноту, в глубь пещеры.

Четверо помощников, словно тени, неслышно последовали за своим господином. Казалось, что сами их тела растворились в темноте, и Хума видел только четыре пары устремленных на него глаз.

Дункан Золотые Руки, шедший впереди всех, насвистывал мелодию, которая напомнила Хуме строевую песню Соламнийских Рыцарей. Хума подумал: какое отношение к рыцарям Соламнии имеет кузнец? Сейчас Хума даже и не удивился бы, если бы снова оказался вдруг в Вингаардской Башне...

Подойдя к дальней двери, кузнец остановился и повернулся к Хуме:

— В эту дверь войдете только вы. У меня слишком много работы, я должен вернуться к наковальне. Отсюда вы сможете также выйти наружу, к вашим друзьям.

«К друзьям? Как Дункан узнал о Кэзе и Магиусе?» — подумал Хума.

— А где же Копье Дракона?

— Вы узнаете его, когда увидите, мой друг.

— Где?.. — Хума повернулся к кузнецу, но того и след простыл.

Хума сделал к двери несколько неуверенных шагов в темноте и с отвращением почувствовал, что попал в паутину, невероятно пыльную и густую. Выплывая попавшие в рот хлопья паутины и пыли, он пытался осмотреться во мраке. Здесь скопилась пыль веков. Она лежала толстым слоем на мечах, доспехах, инструментах. Все эти вещи были оставлены здесь, вероятно, столетия назад.

Рыцарь пробился сквозь толщу паутины. Наконец, смахнув ее с лица, Хума дотянулся до двери. Ручка на ней была ржавой и зазубренной. Вот дверь с трудом открылась, поднялось облако пыли.

Медленно, с внезапно охватившим его душу благоговением, рыцарь вошел в зал.

В зал, где хранилось Копье Дракона.

И было рыцарю видение.

Он увидел могучего боевого коня, покрытого попоной из чистой платины. Конь фыркал огнем и, казалось, готов был взлететь. На нем

сидел рыцарь, держащий в руке копье. Рыцарь был в доспехах из платины и в шлеме с изображением величественного дракона. На груди у него была видна эмблема Триумvirата — Короны, Меча и Розы. Из прорези забрала, закрывавшего лицо, лился свет — яркий и животворящий. Хуму осенило: это же — Паладайн!

Огромный конь вдруг высоко подпрыгнул и развернул могучие крылья. Его голова удлинилась, шея изогнулась и вытянулась.

Видение было божественно прекрасным.

Конь... конь превратился в платинового дракона.

Темный зал озарился светом, исходящим от копья... От Копья Дракона! Оно светилось столь ярко, что тьма мгновенно расступилась перед ним. Это была сама мощь, сама сила добра и света.

Дракон опустил перед Хумой, благоговейно стоявшим на коленях. Рыцарь, сидящий на драконе, протянул Копье Хуме. Тот нерешительно встал с колен и смущенно принял Копье Дракона в свои руки.

Дракон и его наездник тотчас исчезли, оставив Хуму наедине с чудесным подарком.

А он высоко поднял Копье и закричал от восторга.

Пот лил с него ручьями. Он почти обессилел. Свершилась самая заветная его мечта. Рыцарь знал, что подобного восторга в своей жизни он больше никогда не испытает.

Он лежал на полу, купаясь в белом, чистом сиянии.

Поднявшись на колени, Хума вновь почувствовал благоговейный трепет.

Над ним возвышался огромный дракон. Казалось, он только что приземлился. Глаза его были устремлены вниз, на смертного человека. Скульптура была сделана из чистой платины человеком, который своим мастерством мог соперничать с богами. Громадные расправленные крылья простирались почти на весь зал. Скульптура поистине была прекрасна. Если бы дракон вдруг ожил — Хума не удивился бы этому. Казалось, что всадник тоже вот-вот соскочит с дракона. Его доспехи были сделаны столь же тщательно, что и чешуя дракона.

Лучистое сияние струилось по залу — оно действительно исходило от Копья Дракона. Узкое, длинное и гладкое Копье превосходило Хуму по высоте примерно в три раза. Оно сужалось к концу, превращаясь в тончайшее острие. Перед иглой наконечника были два зубца. Любой удар Копьем будет стоять врагу жизни.

На другом конце Копья был защитный щиток, впаянный в шею дракона. Из пасти дракона вырывалось пламя. Рука платинового рыцаря протягивала Копье... да, да, Хуме. А Хума никак не мог решиться взять Копье. О, столь совершенна и величественна была скульптура!

Наконец он решился и залез на дракона. Но как он сможет вынуть Копье из металлических пальцев наездника? Хума слегка дотронулся до них, и пальцы статуи тотчас разжались. Рыцарь крепко сжал Копье обеими руками. Как и следовало ожидать, оно было тяжелым.

Восторг переполнял душу рыцаря. Он опустился на колени и возблагодарил Паладайна за свершившееся чудо. Копье Дракона засветилось еще ярче.

Когда благоговейный трепет стал проходить, Хума осмотрелся и увидел: у стены — еще несколько Копий. О, Паладайн, несомненно, предусмотрителен! Рыцарь насчитал двадцать Копий, девятнадцать были как две капли воды похожи на то, какое он сжимал в руках, а одно — поменьше, хотя светилось оно не слабее остальных. Рыцарь почему-то сразу же понял: это Копье — для пехотинца.

Хума внимательно рассмотрел каждое Копье. О да, это было грозное оружие. Оружие, что давало Кринну надежду на избавление от Королевы Драконов. Любой рыцарь будет рад стать копыеносцем!

Но как унести Копья из пещеры? Найти их и не суметь отдать рыцарям Соламнии?! Что может быть досаднее?!

Неужели здесь нет какого-либо выхода прямо на поверхность земли?

В поисках ответа на этот вопрос Хума снова взглянул на рыцаря, сидящего на драконе. Тот смотрел вверх, словно видел что-то в углу потолка. Хума тоже стал глядеть вверх. Вначале он ничего не заметил, потом, присмотревшись внимательнее, увидел какую-то дверцу.

Хума озабоченно посмотрел на Копья, которые он уже сложил на полу. Как ни жаль, придется оставить их здесь. Одному ему Копья сейчас не вытащить — нужна помощь Магиуса и Кэза.

Рыцарь стал осторожно карабкаться вверх. Добраться до люка оказалось не столь трудно, как думалось вначале. Однако открыть дверцу лаза оказалось делом нелегким. Рыцарь снял рукавицы и понадежнее ухватился за выступ возле дверцы. Он содрал кожу на ладонях, один раз чуть не сорвался вниз — дверца все не поддавалась.

Но, слава богам, наконец-то дверца открылась. Рыцарь перевел дух.

Он просунул в люк руку и почувствовал, что пальцы обдало холодом. Ощупав пальцами землю возле люка, Хума ощутил: ее покрывает что-то мягкое... Возможно, снег. Ухватившись за края проема, рыцарь подтянулся.

На земле был день. Ярко сияло солнце, заснеженные горы сверкали ослепительным светом.

Хума высунулся из люка по пояс и замер: он наслаждался красотой земли и солнца. Когда в последний раз видел он солнце? Хума даже не мог и припомнить! Горы, залитые солнцем, были прекрасны! Возможно, фортуна, наконец улыбнется соламнийцам?

Снег вокруг был девственно чист. На нем не было видно никаких следов. Небо — удивительно голубое. Неужели небеса и впрямь голубые?

Хума наконец ступил на землю, осмотрелся внимательнее. Надо запомнить: рядом с люком в подземелье — высокая скала...

— Я верила, что вы выдержите все испытания! Я молилась за ваш успех. Если бы вы погибли, я... я не знаю, что я с собой сделала бы!..

— Гвинес! — Из груди рыцаря вырвался радостный крик.

Она была в плаще серебристого цвета, волосы ее развевались на легком ветерке. Женщина, вошедшая в его жизнь тогда, в больничной палатке, стояла сейчас рядом как волшебное видение. Какая роль отведена ей в разгадке тайны?!

— Да, я не напрасно побывал в пещере, Гвинес! Под нами, совсем рядом, оружие, которое избавит мир от Королевы Драконов!

Она улыбнулась и подошла к рыцарю. Ее ноги, казалось, не касаются заснеженной земли. Хума видел: следов на снегу она не оставляет...

— Расскажите мне обо всем, что с вами было.

Ему и самому хотелось рассказать ей обо всем, но слова не могли выразить то, о чем он пытался рассказывать. Рассказ звучал слишком неправдоподобно. Хума даже стал сомневаться, действительно ли все это с ним происходило. Как мог Огнедув превратиться в огромную сверкающую глыбу? Было ли видение, явившееся ему в пещере, где хранились Копья Дракона, реальностью, или оно было лишь плодом его воображения?

Гвинес слушала его с неподдельным вниманием. Когда она смотрела на Хуму, ее взгляд порой становился загадочным.

Когда он закончил свой рассказ, Гвинес задумчиво кивнула и произнесла:

— Я благодарю судьбу за то, что она подарила мне встречу с вами. В вас есть то, чего не хватает многим из смертных. Вы по-настоящему

преданы народу Кринна. Многие другие хотели бы считать себя такими же, каким являетесь в действительности вы, но оказывалось, что выше всего для них всегда было их собственное честолюбие.

Хума обеими руками схватил руки Гвинес, словно пытаясь удержать ее.

— Сейчас вы исчезнете, как исчезли серый маг и кузнец?

— Да, я должна уйти. А вам надо разыскать своих друзей. Впереди вас ждет еще одно испытание. Вам надо еще встретить того, кто окажет вам необходимую для вас помощь.

— А где Кэз и Магиус?

— Поблизости. Они тоже ищут вас. — Она улыбнулась: — Я даже удивляюсь, как это они смогли столь долго терпеть друг друга.

— Я должен их обязательно найти, — решительно сказал Хума.

«О, Гвинес, Гвинес! Почему мы должны расстаться?!»

Сейчас Гвинес уйдет... Но они непременно вскоре встретятся вновь. Разве нет?

В ее глазах появилось беспокойство, она осторожно отстранила его руки, пытавшиеся удержать ее. Улыбка с ее лица еще не исчезла, но она стала едва заметной.

— Ваши друзья там. — Она показала рукой на восток. — Вам лучше всего пойти к ним сейчас же. Они очень переживают за вас.

Она отвернулась и пошла прочь быстрой и легкой походкой.

Хума чуть было не бросился вслед за ней. Его вдруг пронзила мысль, что он, может быть,

больше никогда ее не увидит! Но... но он не имел права не позволить ей уйти.

По мягкому свежему снегу Хума пошел на восток, туда, где, как сказала Гвинес, — его друзья. Он заметил: облако, появившееся на небе, скользит, не закрывая солнце.

...Через несколько минут рыцарь услышал знакомый голос. Это во всю глотку орал на кого-то Кэз.

Хума прибавил шаг. Ну да, конечно, только один человек мог до такой степени вывести минотавра из себя!

— Если бы я только мог осуществить свое желание и прервать наконец вашу жизнь...

Минотавр стоял, потрясая высоко поднятыми кулаками.

А. Магиус, совершенно спокойный и безмолвный, сидел на вершине небольшой скалы.

Хума с внезапно охватившим его волнением бесшумно подошел к ним. Первым заметил рыцаря Магиус. Лицо у него было бледное, заострившееся, волосы взлохмачены.

Взгляд удивленно расширившихся глаз Магиуса так и вонзился в рыцаря.

— Хума!

— Что? — Кэз высоко подпрыгнул от неожиданности и обернулся.

Кроваво-красный отблеск его глаз тотчас же исчез, на бычьем лице появилась широченная сияющая улыбка. Гнев, в котором он пребывал несколько секунд назад, пропал бесследно.

— Хума!

Минотавр бросился к Хуме, а Магиус, казалось, никак не мог прийти в себя. Он виновато

смотрел на Хуму, но не сделал и шага навстречу ему.

Своим могучим объятием минотавр едва не раздавил рыцаря. Кэз все смотрел и смотрел на него, не переставая улыбаться, и вдруг поднял Хуму и радостно закружился вместе с ним. В руках человекобыка рыцарь чувствовал себя ребенком.

— Где вы пропадали? Я искал вас в горах, но никак не мог найти путь, по которому вы пошли. Я продолжал, не переставая, звать вас, но ответом мне был лишь вой ветра да дьявольский хохот. Саргас! Боги! Я уже думал, вас и в живых-то нет.

Наконец он опустил Хуму на землю. Повернувшись к Магиусу, который сразу же отступил назад, Кэз продолжал:

— Когда я сказал *ему*, что вы исчезли неизвестно куда — словно под землю провалились, — он встретил мои слова чуть ли не с ликованием.

— Это правда? — Хума пристально посмотрел на Магиуса.

Друг детства не мог смотреть ему в глаза.

Кэз повернулся к рыцарю:

— Знаете для чего вы были *ему* нужны? Вы думаете, он ценил вас как друга? Его дурацкое воображение подсказывало *ему*, что здесь, в горах, хранится бесценный дар Паладайна, но сам он, мол, если попытается получить его, погибнет. И он решил послать вместо себя вас. Вы должны были выдержать то, что убило бы его. И он решил пожертвовать вами! — Минотавр был разгневан. — Вы представляете?! В своих

снах он якобы видел, как рыцарь в ослепительных доспехах отдает ему копье невообразимой мощи. Вы когда-нибудь слышали о чем-либо подобном?.. Но когда он решил, что вы погибли, то посчитал, что его предвидение почему-то не сбылось. А он был уверен, что, получив копье, сразу же раскроет великую тайну и прославится в веках.

Кэз остановился, чтобы перевести дух, и Хума, воспользовавшись моментом, подошел к Магиусу. Маг угрюмо посмотрел на него и отступил назад.

Хума протянул ему руку, но Магиус отказался подать свою.

Минотавр заговорил снова — уже за спиной рыцаря:

— Если у него и есть совесть, то она крепко спит... Но надеюсь, что я все-таки помог пробудить ее, я каждый день напоминал ему о его подлости. А вы еще говорили, что он ваш хороший друг!

Хума заговорил с Магиусом спокойным тихим тоном:

— Не терзайся. Я вовсе не осуждаю тебя за то, что ты сделал.

Тень подошедшего минотавра легла им под ноги, Магиус отвернулся.

— Что вы сказали, Хума? — поразился Кэз. — Он предал вас уже давным-давно, и с легким сердцем. Он поверил в свои бредовые видения и подчинился им.

— Ты никогда не был здесь в реальности! — Рыцарь в упор посмотрел на Магиуса, глаза его вспыхнули, и он заговорил быстро и возбужден-

но: — Мне сказали, что твои испытания были только подобием реальности и твоя воображаемая смерть была придумана магами для того, чтобы преподнести тебе урок, которого ты, по их мнению, заслуживал, Магиус! — Хума видел, что его друг совсем упал духом. — Забудь свои сновидения. Но ты был прав, когда говорил о вершине. Я нашел то, что мы искали!

Глаза Магиуса загорались и гасли, наконец он стал успокаиваться.

— Нашел? Это правда?

— Да. Я выдержал все испытания, которые выпали на мою долю.

— О чем вы говорите? — взревел минотавр. — Какие испытания?

Хума кратко рассказал о том, что с ним случилось в пещере. На Магиуса сильное впечатление произвел рассказ об Огнедуве. Магиус сказал, что потратил очень много времени, пытаясь понять, откуда взялась та статуэтка, изображающая дракона с почти змеиным телом, но так и не смог докопаться до истины, а теперь — все понятно. Предательство Ренарда потрясло и Кэза и Магиуса. Маг был рад, что Хума наконец-то узнал, кто же его отец.

— О мои предки всех поколений! Я был здесь, когда вы там, в пещере, сражались с отцом всех драконов. Какую битву я пропустил! — Минотавр от досады тряс головой.

Рыцарь улыбнулся:

— Не расстраивайтесь. Это была всего лишь борьба за спасение жизни. И мне просто повезло.

— Ну не скажите! Дело тут вовсе не в везении! Кого не охватил бы ужас при встрече с

этим чудовищем — Огнедувом? Многие минотавры сочли бы просто безумием вступить с ним в сражение.

Магиус, словно ребенок уцепившись за руку рыцаря, спросил:

— А Копье Дракона? Оно у тебя? Я должен как можно скорее увидеть его.

Могучий кулак возник перед самым носом мага.

— Вы не увидите ничего!

Хума отвел кулак минотавра от лица Магиуса. Кэз, взглянув на рыцаря, мгновенно разжал свой кулачище.

— Как раз для того, чтобы вытащить Копья наружу, мне и потребуется ваша помощь. Вас обоих, — сказал рыцарь. — Нужно как-то достать Копья из подземной кладовой. Они вдвое превышают ваш рост, Кэз. Думаю, достать их будет нелегким делом.

— Мы с вами, Хума, можем сделать все сами, но, если вы так хотите, что же, пусть и этот паразит помогает, — фыркнул Кэз.

— Я смогу сделать не меньше вас, а скорее всего гораздо больше, — тихо, но с достоинством произнес маг.

Ветер поднял гриву минотавра, придав ему свирепый вид.

— Это вам придется доказать на деле.

— Прекратите! — закричал Хума; он уже готов был проклясть себя за то, что попросил их о помощи. — Или вы оба пойдете со мной, или оба останетесь здесь!

Рыцарь решительно повернулся, вслед за ним послушно и без пререканий пошли Кэз и Магиус.

Хума, выбравшись из подземелья, постарался как можно лучше запомнить, где находится люк. Он был рядом с высокой скалой. Однако, подойдя к скале, рыцарь не обнаружил лаза в пещеру.

Кэз и Магиус с недоумением смотрели на его растерянный вид.

— Что случилось? — спросил Кэз.

— Здесь был люк, но сейчас его нет!

Все трое принялись внимательно осматривать снег возле скалы.

— Вам не надо спускаться в пещеру, — раздался вдруг чей-то голос. — Копья Дракона уже в другом месте, и они ждут вас.

Голос прозвучал откуда-то сверху.

Налетел порыв ветра, и величественный дракон, размахивая огромными крыльями, опустился рядом с ними... Серебристая драконесса?..

— Я получила приглашение явиться сюда, и вот я здесь, — сказала серебристая драконесса.

Да, это была она — их старая знакомая.

— Копья находятся в безопасном месте. — Она, как показалось Хуме, ласково посмотрела на него. — Теперь вы должны решить, что вам делать дальше.

Глава 22

то действительно вы? Это Гвинес пригласила вас сюда?

Серебристая драконесса кивнула головой:

— Здесь — родина моих предков. И я охраняю эти места. Это мой долг, моя судьба. Я уже давно жду того дня, когда Копья Дракона будут переданы в надежные руки.

— А чем закончилась битва драконов света с силами тьмы? — спросил Хума.

Ведь Хума, когда черная туча закрыла все вокруг, не видел, что стало потом с драконами, как они сражались.

— Мы потерпели поражение. — В ее голосе чувствовалась совсем человеческая боль. — Нас атаковали не только ренегаты. Против нас сражались также и маги Черной мантии, правда почему-то неохотно, и еще другие маги. Некоторые из них были агрессивны и злы. Два наших дракона погибли. Мы проиграли сражение, и Такхизис овладела уже почти всем Кринном.

Все были потрясены. Минотавр что-то бормотал про себя. Магиус качал головой, словно

не веря этому. Хума стоял с окаменевшим лицом. Владычица Тьмы захватила Кринн, значит, все напрасно? А может быть, все-таки — нет?

Хума вспомнил платинового рыцаря, который со светящимся Копьем Дракона в руках победил тьму пещеры.

Вслух он сказал — твердо и решительно:

— Не надо отчаиваться! У нас есть Копья Дракона. С ними мы сможем победить Такхизис.

Кэз недоверчиво помотал головой, но Магиус, казалось, был полностью согласен с Хумой. Драконесса посмотрела на рыцаря с одобрением.

Поднялся ветер. И Хуме, и его спутникам пора было уже уходить отсюда. Помимо всего прочего, они сильно проголодались.

Хума спросил драконессу:

— Где сейчас Копья?

— Они в предгорье, далеко отсюда. Там же — ваши лошади. Я, конечно, могла бы перевезти их сюда, но здесь, в горах, мне трудно было бы лететь с тяжелой ношей. Пожалуй, будет лучше, если я вас отвезу к ним.

Хума задумался. Потом, повернувшись к своим спутникам, сказал:

— Кэз и Магиус! Я хотел бы доверить вам обоим одно важное дело. Выполните?

Минотавр исподлобья взглянул на мага — тот, обретший снова свою прежнюю надменность, ответил ему таким же хмурым взглядом. Ну что же, они, конечно, согласны работать вместе, ибо общая цель значит для них гораздо больше, чем их мелкие распри.

Рыцаря это обрадовало, и он сказал:

— На статуе дракона в зале, где хранились Копья, я видел седло, которое позволяет надежно закрепить Копье Дракона и легко управлять им. Я хотел бы получить такое седло, — и, повернувшись к драконессе, предложил: — Тогда, если вы не будете возражать, я мог бы сражаться с врагом, сидя у вас на спине с Копьем Дракона в руках.

Она подняла голову и задумалась. Наконец драконесса кивнула:

— Неплохо придумано. Я забыла сказать вам: здесь в горах я увидела одного из волкодлаков Галана Дракоса. Я убила его. Но думаю теперь: чтобы отомстить вам, Хума, Галан Дракос пошлет своего слугу, военного министра Кринаса. — Она повернулась и выпустила длинные когти. — Не скрою; мне не очень бы хотелось еще раз сразиться с этим чудовищем по имени Уголь. Уже немало моих сородичей погибло, сражаясь с этим черным драконом и его наездником — военным министром.

Сказав это, серебристая драконесса расправила крылья и как можно осторожнее подняла их вверх, а потом наклонила шею так, чтобы она оказалась на уровне плеч Хумы.

— Садитесь. Я отвезу вас всех троих туда, где лежат Копья. Только держитесь крепче. Ветер в горах очень сильный.

Когда рыцарь и его товарищи удобно разместились на ее спине, драконесса взмахнула крыльями и взлетела. У трех седоков было такое ощущение: поначалу земля словно бы поднялась навстречу им, а потом снова опустилась и оказалась уже далеко внизу.

Хума смотрел на гору, со склона которой они взлетели.

Сколько невероятных событий произошло здесь! Но ведь он так и не побывал на самой вершине!

Огромная гора все время возвышалась над ними. Внизу лежала закрытая облаками земля. Когда они вошли в облачные толщи, висящие сейчас над всем Ансалоном, Хума стал истово молиться. Сколько испытаний ему еще предстоит?!

— Здесь. — Серебристая драконесса показала на площадку у южного склона горы.

Посмотрев вниз, Хума действительно увидел лошадей и повозку.

Драконесса стала плавно снижаться.

Когда они приземлились, Кэз сказал с недоверием:

— Да разве эти лошади смогут везти груз? Они ведь не ломовики. Это боевые кони.

— Они будут делать все, что смогут, — ответила драконесса.

А Хума приступил к работе. Он снял седло с одной из лошадей. Кинжалом, взятым у Кэза — его собственный остался где-то в горах, — он обрезал седло с обеих сторон так, чтобы его можно было удобно расположить на спине драконессы, ведь ее спина была гораздо шире, чем у любой лошади. Ремни седла были слишком коротки, чтобы охватить тело драконессы, и он удлинил их веревками. Хорошо, что кожа драконессы была гораздо более прочной и жесткой, чем у лошади, и грубые веревки с узлами не смогут причинить ей боль.

Хума долго думал, как сделать основание, на котором крепилось бы и могло поворачиваться Копье. Наконец он вырезал часть передней луки седла так, чтобы Копье могло бы по крайней мере лежать на ней, а затем ремнями привязал к ней Копье Дракона. Хума проверил, насколько удобно управлять Копьем, и показал седло серебристой драконессе. Она с интересом осмотрела работу рыцаря.

— Седло, которое я видел в пещере, — сказал Хума, — очень похоже на лошадиное, только более широкое. У того седла была подпорка — она позволяла легко поворачивать Копье. Подпорку такую не сделаешь без инструментов, да и времени сейчас нет. Поэтому все, что я смог придумать, это вырезать луку седла, чтобы можно было хоть как-то поворачивать лежащее на ней Копье.

— У вас неплохо получилось, весьма неплохо, — ответила драконесса.

Пока Хума занимался седлом, Магиус осматривал повозку. Наконец он сказал, что везти в ней Копья до Вингаардской Башни ни к чему.

— Нам не нужна повозка. Я могу переправить Копья с помощью заклинаний, на это даже не потребуется много времени. — Маг поднял руки и начал шептать заклинание.

Хума бросил седло и кинулся к нему:

— Магиус!

Но, увы, остановить колдуна было уже невозможно.

Окончив заклинание, Магиус открыл глаза и увидел: его колдовство не действует. — Копья ос-

тались лежать на том же месте, где и лежали, только светиться они стали более ярко. Магиус недоуменно смотрел то на повозку, то на свои руки.

Кэз смеялся, как умел: мычал.

— Не делай так больше никогда! — закричал Хума. — Копья Дракона не поддаются твоему колдовству. И еще неизвестно, что случилось бы с тобой, попытайся ты произнести более сильное заклинание.

Рыцарь поднял седло на спину драконессы. В седле он сделал прорези и благодаря им сумел распрямить седло и закрепить его на спине драконессы веревками. Затем он взял Копье Дракона и вместе с Кэзом закрепил его в луке седла.

Решили так: Магиус поедет на повозке, а Кэз поедет верхом, сопровождая его; Хума на драконессе будет их охранять.

Перед отправлением в путь Хума, глядя на вершину, сказал с печалью:

— Гвинес... Что будет с ней?

Серебристая драконесса повернула к нему голову и пристально посмотрела на рыцаря:

— Вы переживаете за нее?

Хума кивнул:

— Я виделся с ней всего несколько раз, но мне кажется, что никого не знал так хорошо, как ее. Она не придет хотя бы попрощаться?

Серебристая драконесса открыла рот, намереваясь ответить, но промолчала, видимо передумав. Потом сказала:

— Ей предстоит еще кое-что сделать. Верьте, что вы снова встретитесь с ней. И если будете верить — обязательно встретитесь!

Это были все-таки не те слова, которые хотелось услышать Хуме; но Копья надо было как можно скорее доставить в столицу Соламнии. Нельзя было терять времени.

— Я могу — это нам по дороге — залететь к моим сородичам, — предложила драконесса. — Тогда бы я вместе с ними смогла бы перевезти все Копья, во времени мы только бы выиграли.

Хума повертел в луке седла Копье Дракона. Оно поворачивалось легко.

— Ну, в путь, — сказал он.

У подножия горы они увидели одинокого всадника на высоком боевом коне. Издалека нельзя было понять, враг это или друг, и поэтому драконесса подлетела к нему поближе.

Всадник приветственно поднял руку.

Хума узнал Бьюрна. Тот, широко раскрыв глаза, смотрел на снижающегося крылатого гиганта, несущего на спине рыцаря с огромным светящимся Копьем.

— Хума!

— Бьюрн, почему вы здесь? — спросил Хума. — Что-нибудь случилось на заставе?

Бородатый рыцарь отрицательно покачал головой:

— Все в порядке, но я чувствовал, что кому-то надо вас здесь встретить и проводить до заставы.

Слова рыцаря глубоко тронули Хуму.

— Благодарю вас, мой друг. Но мы спешим в Соламнию. У нас слишком мало времени, и мы не можем задержаться у вас. Но, пожалуй,

нам надо было бы и впрямь заехать на заставу за провизией...

— В этом нет никакой необходимости. — Бьюрн показал на несколько тюков, привязанных к седлу его коня: — Моих запасов хватит четверым на целую неделю. Я знаю, где здесь есть хорошие луга — там мы накормим лошадей. Я знаю, где бьют родники с чистой водой — нас не будет мучить жажда.

Хума удивленно взглянул на Бьюрна:

— Вы говорите так, словно намерены ехать вместе с нами. Благодарю вас, но ведь на это надо получить разрешение командира заставы.

— Оно уже есть. Государь Тагин велел мне, если вы не поедете на заставу, ехать вместе с вами в Соламнию. Он должен узнать о планах главного командования и Великого Магистра Трейка.

— Трейк умер. Теперь Великим Магистром стал Освал.

— Как все случилось?

Хума начал рассказывать, но осекся на полуслове. Сейчас он сам был не вполне уверен в том, что все это было в действительности.

— Я расскажу вам все потом. Ну что же, давайте присоединяйтесь к нам. Думаю, мои спутники не будут возражать против этого.

— Минотавр и маг?

— Да, они мои помощники.

И тут Кэз и Магиус как раз подъехали к ним. Хума тотчас сказал обоим: у них — пополнение. Минотавр заметно оживился, а Магиус нахмурился — он посчитал это неприятностью, с которой ему придется примириться.

В тот день они прошли совсем немного. Хотя боевые кони смогли, как бы там ни было, заменить ломовиков, к вечеру они очень устали. Наконец серебристая драконесса с Хумой, подыскав место, подходящее для привала, приземлились. Вскоре подъехали Кэз, Магиус и Бьюрн.

Услышав приглушенный расстоянием уже знакомый ему звук, Хума встревоженно поднял голову. Звук был совсем слабым, еле слышным. Схватив Бьюрна за плечо, Хума спросил:

— Скажите, в этих местах водятся волки?

— В избытке. В основном там, где никто не живет. Правда, у эльфов на этот счет иное мнение. А почему вы спросили о волках?

Хума утомленно прикрыл глаза:

— Так. Просто послышалось... Очевидно, нервы.

На следующий день снова отправились в путь. Кэз и Магиус ехали верхом по обе стороны повозки.

Бьюрн, хорошо знавший местность, указывал путь. Серебристая драконесса летела довольно высоко над землей.

Когда дорога подошла к лесу, Хума забеспокоился. Сверху было невозможно рассмотреть, как идет дорога, скрытая верхушками деревьев. Что может встретиться его товарищам в лесу?

Задумавшись о безопасности своих спутников, Хума совсем забыл о своей собственной. Серебристая драконесса тоже, пытаясь разглядеть Кэза, Магиуса и Бьюрна в лесу, не смотрела по сторонам.

Тишину небесного простора разорвал свирепый, угрожающий, пронзительный крик.

Все пространство перед Хумой внезапно заполнил огромный красный дракон. Серебристая драконесса едва успела нырнуть вниз, к самым вершинам деревьев.

Взглянув вверх, Хума увидел уже двух темно-красных драконов.

Драконесса, не ожидая команды Хумы, развернулась и стремительно взмыла ввысь, навстречу нападающему противнику. Хума крепко сжал в руках Копье Дракона.

Всадники на спинах красных драконов были облачены в доспехи Черной гвардии. Красные драконы атаковали драконессу с двух сторон.

Хума похлопал ее по левому плечу, и она резко развернулась влево.

Копье пронзило красное чудовище столь внезапно и с такой силой, что дракон тотчас стал падать. Его всадник взмахнул секирой, но Хума увернулся, и красный дракон вместе с всадником, ломая деревья, упал на землю.

Второй дракон попытался напасть на Хуму со спины. Серебристая драконесса быстро подавалась назад. Нападающий, проскочив мимо них, застыл в замешательстве — он оказался почти перед самым носом серебристой драконессы. Всадник в доспехах Черной гвардии что-то крикнул, и красный дракон стал разворачиваться, но благоприятный момент для атаки был им уже упущен.

Хума на этот раз ударил недостаточно точно — Копье лишь скользнуло по коже дракона. Серебристая драконесса уцепилась когтями за

его левое крыло. Всадник на красном драконе ударил мечом по голове серебристой драконессы и сумел серьезно ранить ее.

Черный гвардеец оказался весьма опытным воином.

Красный дракон вилял из стороны в сторону — поврежденное крыло давало себя знать. Все же дракон наконец развернулся и приготовился к новой атаке.

В это время из-за тучи появились еще два дракона: один красный, а другой, самый большой из всех, — черный. Он пронзительно и угрожающе закричал, но не на Хуму, а на раненого красного дракона. Но тот не обратил никакого внимания на окрик. Его обуревала жажда мести.

Неожиданно для всех черный дракон — Хума понял, что это был Уголь — выпустил струю жидкости. Когда всадник красного дракона обернулся и увидел надвигающийся смертоносный поток — было уже поздно спастись. Жидкость поглотила и всадника и дракона: они тотчас превратились в гигантский сгусток, изъеденный кислотой.

Черного дракона тоже обуревала жажда мести. Он, Уголь, хотел сам отомстить Хуме и серебристой драконессе за свое прежнее поражение.

Хума задыхался от ядовитых испарений. Наконец дымящиеся остатки дракона и его всадника упали на землю.

Другой красный дракон замер в отдалении — он стал только наблюдать за поединком Хумы и Кринаса.

Рыцарь понимал: битва будет вестись не на жизнь, а на смерть.

Он посмотрел вниз. И увидел облаченных в доспехи воинов Черной гвардии. Но повозку и его товарищей не было видно. Хума молился, чтобы они смогли выиграть бой.

Черный дракон стремительно приближался сверху.

— Будьте начеку, — предупредила серебристая драконесса. — Если удастся, я попытаюсь обмануть врага, но помните: вся наша надежда — на ваше Копье.

Оба дракона стремились занять выгодные позиции. Они поднимались все выше и выше.

Вдруг Хума почувствовал, что драконесса задрожала и глубоко вздохнула. «Она, вероятно, устала?» — подумал Хума. Почувствовал это и Уголь — он, кажется, улыбался, предвкушая близкую победу.

Внезапно драконесса выбросила вперед конусообразную мутную струю — та тотчас же окутала противника. Черный дракон замер и начал стремительно падать вниз.

— Хума! — Голос серебристой драконессы был хриплым. — Я не смогла попасть в него точно. Мы должны еще раз напасть на него, сейчас же, пока он еще не пришел в себя.

Она стремительно спикировала.

Одной рукой Хума ухватился за седло, в другой сжал Копье, а ногами уперся в шею драконессы. Когда они настигли падающего дракона, рыцарь увидел: тот уже очнулся и замедлил падение.

Кринас что-то кричал и размахивал своей секирой. Уголь поднял голову вверх, и в этот момент оба дракона поравнялись. Копье Хумы

вонзилось Углю в плечо, из раны густо хлынула кровь.

Но Копье мешало Хуме выхватить из ножен меч. Секира Кринаса мелькнула над самой головой рыцаря, но, к счастью для Хумы, военный министр промахнулся. Шеи обоих драконов были уже ободраны, исцарапаны, порезаны. Оба дракона были измучены донельзя. Вот Уголь сумел рассечь нижнюю перепонку правого крыла серебристой драконессы. Но, раненный в плечо Копьем, черный дракон заметно ослаб, и серебристая драконесса смогла еще несколько раз полоснуть его когтями.

Копье Хумы во второй раз вонзилось в плечо Угля. Черный гигант судорожно втянул в себя воздух. Хума испугался, что драконесса не заметила этого, и сжал ногами ее бока, предупреждая об опасности. Серебристая драконесса устремилась к Углю и ударом головы о его нижнюю челюсть с силой захлопнула ему пасть.

Кислотный сгусток, который он намеревался выплюнуть, застрял у дракона в горле. Задышавшись и корчась от боли, Уголь затрясся. И вонзил когти в тело серебристой драконессы. Обожженный кислотой и теряющий сознание, Уголь перестал махать крыльями. Оба дракона, сцепившись воедино, падали вниз.

— Я постараюсь высвободиться из его когтей, и тогда мы с вами продолжим сражение, — крикнула драконесса. — Если мне удастся освободиться, я повернусь так, чтобы прикрыть вас своим телом.

Кринас, казалось, совершенно не обращал внимания на то, что он падает. Он стремился

ударить секирой по Хуме или по серебристой драконессе, но ветер мешал ему, и он все время промахивался.

Военный министр, по-видимому, не пристегнулся ремнями к седлу, и ветер наконец сдул его со спины дракона. Кринас даже не успел вскрикнуть.

Все еще не веря в случившееся, Хума проводил взглядом падающего врага.

А верхушки деревьев были уже совсем рядом... Только сейчас серебристая драконесса смогла освободиться от когтей Угля. Но было уже слишком поздно.

Ломая деревья, оба дракона рухнули на землю.

Глава 23

Когда Хума очнулся и открыл глаза, первое, что он увидел, это сваленные, сло-
манные и изогнутые деревья. Черный
дракон лежал с переломанной шеей. Се-
ребристой драконессы нигде не было
видно — лишь кровавые пятна на ство-
лах деревьев и кустах.

Хума чувствовал, что все его тело в
синяках и кровоподтеках, но серьезных ране-
ний, кажется, не было.

Где же драконесса? Где его товарищи?

В лесу царило безмолвие.

Копье Дракона и седло лежали рядом с Ху-
мой. Свечение Копья было все таким же яр-
ким, и это приободрило рыцаря.

Он вспомнил: один красный дракон и всад-
ник остались живы и невредимы. Но где они
сейчас?

Идти с Копьем по лесу будет очень неудоб-
но, ведь оно очень длинное. Его можно толь-
ко тащить за собой. Рыцарь сделал из веревок
петлю, закрепил ее вокруг защитного щита
Копья и медленно пошел, волоча за собой Ко-
пье. В свободной руке он наготове держал
меч.

Хума не успел пройти и нескольких шагов, как Копье зацепилось за ветки лежащего дерева. Он положил меч на землю и обеими руками схватился за Копье. Неожиданно оно высвободилось, рыцарь упал и ударился спиной о ствол дерева. Все тело пронзила острая боль. Хума медленно встал, раздосадованный своей неловкостью, и стал думать, как ему тащить Копье дальше.

Когда он наклонился, чтобы поднять меч, тяжелая секира со свистом врезалась в дерево рядом. Бросившись вперед и схватив меч, Хума стал скидывать с плеча мешающие ему веревки.

Он ожидал нового нападения, но его не последовало. Вместо этого раздался смех и прозвучал низкий грудной голос:

— Не спешите, рыцарь Соламнии! Я предпочитаю сражаться по-честному и дам вам время подготовиться к бою. Только это все равно не спасет вас.

Хума наконец освободился от веревок. Сжимая эфес меча, пораженный, он смотрел на своего противника. Это невероятно! Военный министр Кринас был жив, и сейчас он выдергивал секиру из ствола дерева. Его доспехи были погнуты, но сам Кринас, казалось, совершенно не пострадал. Лицо военного министра было скрыто забралом, но сквозь прорезь в шлеме ледяным холодом сверкали его глаза.

Нет, нет, упав с огромной высоты, военный министр должен был неминуемо разбиться! Насмерть!

И однако перед ним был отнюдь не призрак — живой злодей приближался к Хуме с секирой в руках.

— Я рад встрече с вами, Хума, рыцарь ордена Короны. Вам повезло в том сражении. Но подобного больше никогда не повторится. Вы заслужили, чтобы я отсек вам голову.

Кринас наступил кованым сапогом на ствол лежащего дерева, и оно треснуло под его тяжестью.

— Я — величайший из командиров ее величества Королевы Драконов. Не будь меня, она давно бы проиграла войну.

— Мне приходилось слышать нечто иное, — возразил Хума. — Многие утверждают, что величайший у нее — Галан Дракос.

Кринас угрожающе взмахнул двуострой секирой:

— Да, сейчас он служит Такхизис, но я не верю в его преданность ей. — Военный министр сделал паузу и вновь поднял секиру над головой. — Вам просто повезло при первой встрече со мной. Но, как я уже сказал, подобного больше не случится.

— Почему же?

— Сейчас вы убедитесь в этом сами! — Кринас резко взмахнул секирой.

Хума сумел увернуться от удара, и секира снова вонзилась в дерево. Мощным рывком Кринас выдернул ее, и Хуме снова пришлось отпрыгнуть назад, секира вновь просвистела над самой его головой. В следующее мгновение Хума сделал резкий выпад вперед и нанес удар Кринасу, но меч попал в нагрудные латы противника и не причинил военному министру никакого вреда.

Кринас захохотал и возобновил атаку: Хума вновь отступил. Секира вновь замелькала в не-

скольких дюймах от лица рыцаря, но на этот раз Кринас не смог удержать секиру — она выпала из его рук.

Хума моментально воспользовался оплошностью противника. Его удар был расчетливо точен. Меч пронзил шею Кринаса и уткнулся в воротник его доспехов.

Кринас пошатнулся, ухватившись за меч; он попытался вырвать его из рук рыцаря, но не смог.

Споткнувшись, безоружный и раненый, он с грохотом упал.

И вдруг холодный пот прошиб Хуму: Кринас как ни в чем не бывало встал на ноги и, засмеявшись, повернулся к нему. Смертельная рана на шее военного министра превратилась в почти незаметный шрам.

Кринас вновь воскрес из мертвых!

— Меня нельзя убить, рыцарь Соламнии. Смертельно раненный, я всякий раз мгновенно воскресаю. Недаром я сказал вам, что именно я — величайший командир моей госпожи. Моя смерть была бы для нее страшным ударом. Поэтому я потребовал от Галана Дракоса, чтобы я стал неуязвим в бою. Вначале, к моему горькому сожалению, раны заживали вовсе не мгновенно. И тот поединок с вами закончился для меня весьма плачевно. Конечно, мои люди могли бы легко разделаться с вами, но я хотел рассчитаться с вами сам! Я не мог отказать себе в удовольствии встретиться с вами еще раз.

Секира вновь была в руках Кринаса. Теперь Хума думал лишь о защите. Невозможно убить

противника, который тотчас излечивается от полученной смертельной раны! Что мог сделать рыцарь? Только обороняться.

Попытки Хумы увернуться от нападения вызвали у Кринаса лишь усмешку. Не заботясь о своей защите, Кринас неистово размахивал секирой и издевался над Хумой.

— Я ожидал от вас большего натиска, а вы разочаровываете меня, рыцарь.

Хума уперся спиной в дерево. Его противник, крикнув, изо всех сил взмахнул секирой. Но рыцарь успел броситься Кринасу под ноги. Секира опять вонзилась в дерево.

Оба противника упали и сцепились, словно два драчуна-подростка. Кринас придавил рыцаря и хотел задушить его, но, изловчившись, Хума сбросил его с себя. Оба врага мгновенно вскочили на ноги и замерли, глядя друг на друга.

У Хумы в руках был меч. Кринас был безоружным.

— Чего вы ждете? — злорадствовал Кринас. — Ну, рубите меня. А я убью вас и голыми руками.

Хума решил схитрить и выиграть время.

— Как же это ваша армия сегодня воюет без вас? Вы не боитесь, что без вас они потерпят поражение?

Кринас засмеялся:

— Дракос достаточно опытен. К тому же сейчас уже можно обойтись без моего руководства сражениями. Ведь осталось прикончить только тех, что спрятались в Вингаардской Башне. А это смогут сделать и без меня.

Секира торчала из дерева совсем близко от рыцаря. Вот Хума еще на шаг приблизился к ней. Если бы можно было заполучить ее!

Внезапно Кринас с криком бросился на рыцаря, попытался выбить меч из его рук.

Но Хума сумел вонзить меч глубоко в тело Кринаса и тотчас же бросился к секире. Кринас не смог сразу же вытащить меч из своего тела. Мгновение — и рыцарь выдернул секиру из дерева и снова повернулся лицом к своему противнику. Военный министр, по-видимому совсем не ощущая боли, еще вытаскивал меч из своего тела.

И тут Хума решительно поднял секиру. Кринас стоял прямо перед ним. Одним ударом он отсек Кринасу голову — она поплыла по воздуху, а тело военного министра рухнуло на землю.

Хума постарался как можно дальше отбросить секиру от себя. Это было не его оружие, а оружие врага.

Обезглавленное тело... поднялось с земли! От ужаса лицо Хумы побелело. Кринас наконец-то вынул меч из своего тела и отбросил его в сторону.

Хума видел, как затягиваются раны на теле министра. Даже доспехи, словно еще одна кожа Кринаса, делались целыми. Рыцарь полагал, что тело министра повернется к нему, но оно пошло к плавающей в воздухе голове.

Конечно, Хума мог бы убежать, но он знал, что военный министр отыщет его, где бы он ни был.

— Саграс!

Крик послышался с той стороны, куда шло обезглавленное тело.

Хума поднял с земли свой меч, отброшенный Кринасом.

Сомнений не было: он слышит голос Кэза. А раз минотавр поблизости, то и остальные, вероятно, где-то рядом. И Копье Дракона... Конечно! Сквозь ветви деревьев рыцарь увидел минотавра — тот сидел на коне, раскрыв рот. Магиуса и Бьюрна видно не было. Глаза минотавра округлились.

Когда минотавр увидел, что не только тело Кринаса идет к плавающей в воздухе голове, а и та тоже движется ему навстречу, глаза человека округлились еще больше.

— Кэз! Не допусти, чтобы они соединились!

Минотавр направил коня на Кринаса. Когда до министра было не более шести футов, боевой конь внезапно остановился и в страхе заржал.

Кэз не стал терять времени. Спрыгнув с напуганного коня, он побежал к телу, приближавшемуся к голове.

В это же время Хума схватил Копье Дракона и поднял его над собой.

— Ху-у-ум-м-ма-а-а! — Это сказала голова Кринаса.

Кэз едва не напоролся на копьё. В правой руке он держал голову Кринаса — та крутилась и пыталась вырваться. Позади минотавра слышался шум и треск, кто-то ломился через лес к месту боя.

— Брось ее перед Копьем! Быстрее! — крикнул Хума.

Минотавр бросил голову прямо перед накопечником Копья Дракона. В то же самое мгновение перед лицом рыцаря возникла рука Кринаса.

Но вдруг обезглавленное тело замерло, а когда Хума замахнулся на него Копьем, отпрянуло в сторону.

— Оно все видит! — удивился минотавр.

В другой руке тело Кринаса сжимало секиру.

— С ума можно сойти, — пробормотал Кэз.

— Что у вас тут за чудеса? — слышался сверху голос.

Хума и минотавр разом подняли головы и увидели парящую над ними драконессу. Одна нога у нее свисала беспомощно, но, судя по всему, серебристая драконесса уже вполне оправилась от ранений. Увидев обезглавленное туловище, она недоуменно воскликнула:

— Что это?

Туловище подошло к голове.

— Паладайн! — Увидев, что Кринас положил секиру на землю и поставил свою голову на место, драконесса глубоко вздохнула.

Огненная струя мгновенно вырвалась из пасти серебристой драконессы и полностью накрыла Кринаса. Объятое пламенем тело зашаталось, опустилось на колени и растаяло в огне. Через несколько секунд от Кринаса не осталось и мокрого места.

Выбрав удобное место, серебристая драконесса приземлилась.

— Должно быть, Кринасу действительно конец, — сказала она.

— Постойте! — закричал Кэз.

Он швырнул в огонь секиру Кринаса. Раздался взрыв, и во все стороны полетели стальные осколки. Один из них попал минотавру в плечо.

— Саргас! — проворчал Кэз. — Вас нельзя оставлять без присмотра ни на секунду, Хума.

Рыцарь и минотавр стряхнули с себя золу и мусор. Кэз осторожно потирал раненое плечо. Серебристая драконесса, выпустив струю ледяного воздуха, от которого стоявшие рядом деревья покрылись инеем, задула огонь.

— Я не знал, что вы можете творить такие чудеса! — сказал ей Хума.

Она в измождении опустила крылья.

— Заморозить, парализовать врага — это может любой из нас, драконов. А вот поражать огнем могут не все, этого не могут малодушные и холодные белые драконы. Но это отнимает у любого из нас слишком много сил. Я очень устала. Мне надо сейчас отдохнуть.

Хума сочувственно кивнул.

Оглядевшись вокруг, он спросил минотавра:

— Кэз! А где Бьюрн и Магиус? Где остальные Копья Дракона?

— Думаю, там, где я их оставил. Когда мы увидели, что вы с драконессой падаете, я помчался сюда.

— Значит, больше вы не видели их?

— Кого?

— Едем же! Быстрее!

Хума повернулся к серебристой драконессе и увидел: она неподвижно лежит на земле. Измученная, израненная, испепелившая Кринаса, она была совсем без сил.

— Мы можем оставить вас здесь? — спросил Хума.

— Не беспокойтесь за меня. Мне не потребуется ничьей помощи, мне нужен только отдых, — ответила она, открыв свои светящиеся глаза.

Кэз тронул коня, за ним тотчас поехал Хума.

Подъезжая к поляне, где находились Бьюрн и Магиус, они услышали шум битвы. Хуме тогда, когда он, сидя на спине драконессы, увидел черных гвардейцев, показалось, что они шли в атаку. На самом деле тогда они еще сидели в засаде и напали на мага и Бьюрна, только когда минотавр ушел.

Между деревьями Хума увидел яркие вспышки света и фигуры гвардейцев в черных доспехах.

Не останавливая коня, Хума на ходу соскочил с него и побежал к повозке. Кэз, вынув секиру, с криком бросился в бой.

Магиус был в повозке, и именно вспышки света от его заклинаний вынуждали нападавших прятаться за деревьями. Бьюрн стоял за повозкой, отбиваясь от гвардейцев, пытавшихся напасть на Магиуса сзади.

Хума тотчас сразил мечом первого попавшего ему гвардейца и бросился ко второму, но вдруг услышал вой. На этот раз сомнений не было — волкодлак где-то совсем рядом.

Бьюрн первым увидел, как страшное чудовище прыгнуло сзади на повозку. Рыцарь мог только крикнуть Магиусу об опасности — он сейчас отбивался сразу от двух напавших на не-

го гвардейцев. Магиус, бледный и злой, повернулся и увидел рядом волкодлака.

Маг что-то крикнул, его колдовская вспышка слабо сверкнула и исчезла, не достигнув чудовища. Силы мага были на пределе.

Волкодлак — или, пожалуй, сам Галан Дракос, поскольку это было его второе «я» — захохотал.

Убив второго гвардейца, Хума попытался прорваться к повозке. Путь ему преграждали еще два гвардейца, и он смог только увидеть горящие глаза чудовища, направляемого Галаном Дракосом.

Хума не видел, что произошло в следующее мгновение. Но когда повозка снова оказалась в поле его зрения, Магиус стоял в ней живой и невредимый. Копья Дракона каким-то образом защищали его от злой силы Дракоса. Волкодлак не осмеливался напасть на Магиуса и пятился назад. Такого поворота событий Галан Дракос не ожидал.

Волной взрыва Хуму отбросило назад, а Кэза сбросило с лошади. В воздух поднялся высокий светящийся столб. Неожиданно столб исчез, и появились ворота, достаточно широкие — как раз для того, чтобы могла проехать повозка.

Хума решительно двинулся на двух гвардейцев, преграждавших ему путь, и те попятись. Рыцарь увидел: на повозку позади Магиуса вскочил черный гвардеец. В то же мгновение маг повернулся к нему, и незадачливый гвардеец свалился с повозки. Волкодлака не было видно нигде.

Одного из гвардейцев Хуме удалось убить. Но второй продолжал отчаянно отражать атаку.

Бьюрн куда-то исчез, и двое из гвардейцев, окруживших повозку, уже влезали на нее. На этот раз колдовство Магиуса не помогло ему. Один из нападавших схватил его за руку и повалил на спину, другой стал искать вожжи. Несколько гвардейцев побежали к воротам, — вероятно, они вели в цитадель Дракоса. На повозку залез еще один гвардеец.

Хума одолел наконец гвардейца, умело сражавшегося с ним, и, бросившись к повозке, едва не столкнулся с волкодлаком. Отвратительное чудовище, очевидно, стремилось поскорее вбежать в ворота и проскочило мимо рыцаря, даже не взглянув на него. Хотя повозка находилась всего лишь в нескольких метрах от ворот, гвардеец, управлявший лошадьми, никак не мог решиться въехать — ворота мерцали, то появляясь, то исчезая. Испуганные лошади не слушались возчика.

Когда Хума подбежал к повозке, один из гвардейцев спрыгнул с нее. В это же самое мгновение Магиусу удалось шлепнуть схватившего его гвардейца ладонью по забралу. Вспышка заставила гвардейца отпрянуть назад, но она лишь напугала его, а не убила.

Магиус обессилел, сражение совсем измотало его. Он, шатаясь, добрался до гвардейца, управлявшего лошадьми, и попытался схватить его за горло. В схватке оба противника свалились на землю. Один из оставшихся у повозки гвардейцев что-то крикнул, и все оставшиеся в живых побежали к воротам. Кони тоже понеслись. Ху-

ма успел вцепиться в вожжи, но лошади не слушались его. Он кричал на них, но все было тщетно.

Кэз решительно бросился под ноги лошадям и схватил одного коня за узду. И — чудо! — сумел сдержать коней. Какое-то время они взбрыкивали, потом успокоились.

Хума благодарно кивнул минотавру.

Ворота исчезли.

За спиной Хумы послышался стон. Рыцарь резко вскочил и тотчас почувствовал острую боль в левой ноге. Только теперь он увидел, что гвардеец во время схватки поранил ему палашом ногу. Кэз первым подбежал к стонавшему человеку. Это был Бьюрн. Он лежал вниз лицом рядом с повозкой. Левая рука у него была в крови. Когда Кэз перевернул рыцаря, стала видна глубокая рана на его лице. Из-за крови, лившейся из раны, он ничего не видел.

— Вы тяжело ранены? — спросил Хума.

— Я, кажется, ослеп. — Он попытался пошутить: — Теперь, наверное, ни один художник не рискнет нарисовать мой портрет. Но сильно болит только рука. Хорошо еще, что не правая, а левая. Надеюсь, что за несколько дней я поправлюсь.

Кэз принялся перевязывать Бьюрна. У самого минотавра тоже было множество мелких ранений, но он не обращал на них внимания.

Хума вновь благодарно кивнул Кэзу и, прихрамывая, стал осматривать повозку. И тут он замер от удивления.

Где же Магиус?

Не обращая внимания на боль в ноге, он прыгнул с повозки и принялся повсюду искать

мага. Вокруг лежали только трупы черных гвардейцев. Магиуса нигде не было видно.

Осматривая убитых, Хума увидел какую-то небольшую палку. Он взял ее в руки и почувствовал, как она пульсирует. От неожиданности Хума чуть не выронил ее.

Палка на его глазах стала удлиняться. Это был посох Магиуса! Маг всегда ходил с ним. Хума поднял посох в том самом месте, где появились ворота.

Глава 24

— эз едва ли не в сотый раз повторял Хуме:

— Мы ведь даже не знаем, действительно ли он в плену у Дракоса. А если это так на самом деле — спасти его уже невозможно. Ведь тогда он в самой его цитадели.

Бьюрн тоже попытался убедить Хуму:

— Лучше всего давайте поскорее отвезем Копья Дракона в Вингаардскую Башню.

Хума согласно кивал головой. Он знал, что оба они правы. Но невозможность спасти друга, который был близок ему всю жизнь, терзала душу рыцаря.

Управлять лошадьми поручили Бьюрну. Хума сидел в повозке сбоку, рядом с Копьями. Серебристая драконесса улетела за помощью к своим сородичам.

Кринас был уничтожен, гвардейцы его пребывали в замешательстве, и сейчас трое спутников могли чувствовать себя в безопасности.

Несколько дней прошли достаточно спокойно. Иногда Хуме казалось, что он слышит вой волкодлаков, но ничего опасного за эти не-

сколько дней не произошло. Серебристая драконесса пока еще не возвратилась.

Никто не заводил разговора о том, что они едут теперь уже по территории, захваченной Такхизис, но каждый из троих постоянно помнил об этом. Хуме все время вспоминались слова Кринаса о том, что армия Соламнии уже почти полностью разбита и Вингаардская Башня окружена со всех сторон. Хотя ему не хотелось верить в это, рыцарь понимал, что слова военного министра, возможно, соответствуют действительности.

Теперь они были уже северо-западнее Каэргоса. Хума вспомнил о государе Эйвандейле. Он вовсе не был уверен, что после его внезапного исчезновения государь сейчас будет столь же доброжелателен к нему, как и прежде. Поэтому рыцарю не хотелось вновь встретиться с командующим армией Эргота. Кроме того, Хума не мог и представить, как в Эрготе отнесутся к Копьям Дракона. Не исключено, что Эйвандейл постарается оставить их у себя.

Сейчас их путь пролегал по равнине. Дальше они тоже должны были почти все время ехать по равнинам. Конечно, это лучше, чем ехать по горам, но, с другой стороны, здесь их могли легко обнаружить.

В полдень, через два дня после того, как они ступили на землю Эргота, они увидели большой отряд. Он был от них достаточно далеко, но тем не менее в отряде их тоже заметили и повернули в их сторону.

Кэз вынул секиру, Хума с мечом наготове прыгнули с повозки.

Бьюрн пока остался в повозке. Положив меч рядом с собой, он пристально вглядывался в приближающийся отряд и первым догадался, что это за воины:

— Это солдаты Эргота. Из северной армии.

Избежать встречи с приближающимися войнами не было никакой возможности.

Как солдаты Эргота отнесутся к минотавру, вооруженному секирой, и к двум рыцарям, представителям ордена, из-за которого некогда могущественная империя Эргот пришла в упадок?

Командир отряда поднял руку, его солдаты подъехали вплотную к повозке. Командир — полный, широкоплечий человек с маленькой бородкой и жидкими седыми волосами. Он внимательно посмотрел на каждого из троих, задержал взгляд на минотавре — тот из всех сил старался придать себе как можно менее грозный вид. Хуме показалось, что Кэзу это совершенно не удастся.

Командир обратился к Бьюрну:

— Вы, должно быть, с одной из южных застав?

— Да.

Бьюрн и Хума поняли, что командир чрезвычайно наблюдателен.

— А ваш спутник — нет?

— Государь, я — Хума, рыцарь ордена Кроны.

— Понятно, — произнес командир тоном, показывающим, что это для него столь же очевидно, как то, что лошади едят овес.

Затем, показав на минотавра, он спросил:

— А этот? Почему он здесь? До меня дошли слухи...

— Я — Кэз, — гордо заявил минотавр. — Я восстал против моих прежних господ. Теперь я — спутник Хумы, самого благородного и смелого из рыцарей.

Эта тирада могла бы вызвать улыбки на лицах солдат Эргота, если бы не угрожающий тон, с которым Кэз произнес ее.

— А также замечу вам, я — минотавр, а не «этот», — добавил Кэз.

— Понятно, — снова сказал командир. — Я — Фэйран, и, хотя мы с вами, Хума, никогда не встречались, я знаю, что вы знакомы с государем Эйвандейлом. В настоящее время наш отряд подчиняется ему.

От неожиданности Хума вздрогнул и инстинктивно подался назад.

— Я вижу, и вы не забыли его. Меня попросили, если я встречу вас, сопроводить вас к нему, и вот я действительно встретился с вами.

Хума взглянул на своих спутников. Можно ли что-то придумать? В отряде было несколько лучников. Спротивляться бессмысленно. Ну что ж, пока жив, всегда остается надежда...

— Мы с удовольствием позволим вам сопровождать нас.

Фэйран натянуто улыбнулся:

— Полагаю, что вам ничего другого и не остается, — он махнул рукой, и отряд, разделившись на две части, окружил повозку с двух сторон. — Ехать придется целый день. Так что не будем сейчас терять драгоценного времени.

На следующий день государь Гай Эйвандейл в своей походной палатке уже беседовал с Хумой и его товарищами.

— Признаться, я был очень удивлен, Хума, вашим внезапным исчезновением в ту ночь.

— Я уже все вам объяснил, государь.

— Да, да, конечно. — Государь Эйвандейл поставил свой бокал на столик. Он с самого начала предложил вина Хуме и его спутникам, но все они отказались. — Если бы я тогда знал, как все произошло на самом деле, я бы, конечно, с удовольствием принял помощь мага.

Потерявший терпение Кэз резко встал и громко, раздраженно зафыркал:

— Мы сидим здесь целых три часа, два из них мы ожидали вас, командир, и за прошедший час вы не сказали ничего, кроме банальных любезностей и прописных истин. Сколько можно тянуть время? Вы не намерены пропустить нас с Копьями Дракона в Соламнию?

Почувствовав угрозу в словах Кэза, в палатку вбежали охранники, но государь остановил их взмахом руки. Однако из палатки они не вышли.

Отпив глоток вина, Эйвандейл проговорил спокойным тоном:

— За прошедшие три часа и в течение всей вчерашней ночи я размышлял именно о том, как поступить с вами и с Копьями. И вот мой ответ на ваш вопрос: да, вы можете увезти Копья в Соламнию. Для чего мне отдавать их императору Эргота? Для того чтобы он сложил их у себя во дворце как почетные трофеи и только?

Государь Эйвандейл и Хума пристально посмотрели друг другу в глаза.

— Кроме нескольких командиров, большинство в нашей армии реально смотрит на положение дел. Нашего императора сейчас действительно не волнуют интересы страны, хотя, не исключая, иногда он о своем народе думает. Мы беремся за Эргот, нашу родину, за наши дома, за наши семьи. Именно за это мы сражались всегда. Императоры приходят и уходят, а народы остаются. Но нынешний император и его придворные решили, что они могут обойтись и без нас. Вам, конечно, приходилось об этом слышать.

— Тогда, — спросил Хума недоуменно, — почему вы задержали нас?

— Вы не задержаны. Вам просто надо подождать...

— Чего?

Звук горна известил о чем-то прибытии.

Государь Эйвандейл загадочно улыбнулся и коротко сказал:

— Я полагаю, это они. Идемте.

Они встали и пошли вслед за государем. Два стражника пошли следом.

Рядом с лагерем было большое ровное поле. Еще когда Хуму и его товарищей только доставили в лагерь, рыцарь ломал себе голову: для чего оно, это поле? Идя рядом с государем, он снова подумал об этом. Рыцарю также было件сно, почему государю столь хорошо известно, где они были и куда держат путь.

Теперь Хума начал догадываться.

Первой опустилась на поле серебристая драконесса. Она, казалось, совсем излечилась от не-

давних ранений. Когда она увидела рыцаря Соламнии, ее приветствие прозвучало так радостно и глаза просияли так ярко, что Хума был просто ошеломлен.

— Извините, Хума, что я заставила вас ждать. Однако ранение оказалось серьезным. Но нет худа без добра — мои сородичи, у которых я излечивалась, согласились помочь вам.

Вслед за серебристой драконессой на поле опустились еще два дракона. Они приветствовали Хуму с таким уважением, что рыцарь покраснел.

Последним прилетел бронзовый дракон — размерами он был несколько меньше серебристых. Но, уступая им в росте, он, пожалуй, превосходил их в силе и ловкости. От людей он получил кличку Стремительный и с гордостью носил ее. Хума интуитивно почувствовал: по характеру этот дракон сродни Кэзу.

— Четыре или пять Копий мы могли бы отвезти сразу сейчас, — сказала серебристая драконесса.

— А седла... — начал было Хума, но ему не дал договорить государь Эйвандейл:

— Я уже распорядился, чтобы их изготовили. Уже сделаны четыре седла. Уверю вас, они достаточно надежны и прочны.

— Вы сказали четыре седла, — сказал Хума, — а нас только трое, с нами нет Магнуса. Или вы думаете...

— Хума! — Государь взглянул в глаза рыцарю. — Именем Паладайны и всего Ансалона, я прошу вас: оставьте бесполезные попытки спасти мага! Вы сами говорили, что вся надежда

сейчас только на Копья Дракона. Сейчас нет более важной цели, чем спасти Ансалон от Владычицы Тьмы.

Душу Хумы терзали противоречивые чувства. Ему вдруг стало стыдно, что он, услышав слова Эйвандейла, вздохнул с облегчением. Он хотел бы, конечно, одновременно отправиться и на спасение своего друга, и отвезти Копья в Вингаардскую Башню...

— Кто же тогда будет четвертый? — спросил Хума.

— Я, — кратко ответил Эйвандейл.

— Вы? — Кэз фыркнул. — А вы в своем уме?

Эйвандейл ответил без улыбки:

— Здесь меня заменит Фэйран. Он опытный командир. Если придется, Фэйран сможет умело провести сражение. Я доверяю ему больше, чем другим.

— А как отнесется к этому император? — спросил молчавший до сих пор Бьюрн.

— Что пожелает сказать император, я узнаю, если останусь жив. Как я уже говорил вам, мы боремся за Эргот. Я никогда не простил бы себе, что послал кого-либо из своих людей на верную смерть. Конечно, я не сомневаюсь, что среди моих рыцарей нашлось бы много добровольцев. Кто-то должен полететь вместе с вами, чтобы представлять Эргот перед вашим Великим Магистром. И если вы не будете возражать, это сделаю я.

Хума согласился с легким сердцем. Ведь сейчас их участь зависела именно от Эйвандейла. По сути, у них не было никакого выбора. А государь Эйвандейл, несомненно, храбрый и умелый воин.

Было решено, что Хума полетит на серебристой драконессе, а Бьюрн и Эйвандейл на двух ее сородичах. Кэзу достался непоседа Стремительный. Как и ожидал Хума, минотавр и бронзовый дракон отлично сговорились друг с другом. Правда, рыцарь опасался, что они со своим темпераментом могут, если в пути придется сражаться, слишком увлечься. Он высказал свои опасения драконессе.

Она засмеялась:

— Действительно, эта пара может причинить нам излишние хлопоты, но дракон, во всяком случае, более дисциплинирован, чем Кэз. Когда мы будем в воздухе, я стану постоянно напоминать ему о военной дисциплине.

— Но Кэзу тоже не мешало бы осознать, что он не должен поступать, как пожелает его задняя нога.

— Безусловно.

Они хотели отбыть без каких-либо торжеств, но Фэйран и слышать не захотел об этом. По его указанию их уже ожидал почетный эскорт, которому было поручено сопровождать их до границы с Соламмией.

Особый интерес проявлял к Копьям Стремительный. Он все время твердил, что уже один вид драконов и всадников с такими Копьями вызовет в небесах переполох. Серебристая драконесса встречала его слова с неизменной улыбкой — она смотрела на него словно на шаловливого мальчишку. Но Хуме казалось, что слова бронзового дракона, пожалуй, не являются слишком уж большим преувеличением. Эти Копья действительно грозная сила.

Наконец драконы взлетели; впереди были Хума и серебристая драконесса, последними Кэз и Стремительный.

На драконах можно было долететь до столицы Соламнии менее чем за сутки.

Когда они пересекли границу Соламнии, была уже ночь. Небо затянули тучи. Драконам в беззвездной тьме пришлось лететь медленно, к тому же пошел дождь — даже не дождь, а настоящий ливень. Вскоре все были совершенно мокрыми.

Бронзовому дракону, казалось, огромное удовольствие доставляли молнии, хотя дважды они едва не поразили его.

По настоянию Хумы драконы прервали полет и приземлились на лесной поляне. Может быть, к утру дождь кончится? Драконы образовали вокруг воинов защитное кольцо, и те легли спать в палатке, которую взял с собой Эйвандейл. Палатка надежно защищала от дождя. Воины спали не раздеваясь, накрывшись одеялами, но Хума долго не мог уснуть — очень уж воняло от мокрой шерсти минотавра.

Дождь все не прекращался.

До Вингаардской Башни они долетят скорее всего за два дня. Лететь надо будет над территорией, занятой противником.

Армия Дракоса окружила столицу Соламнии с севера и юга. Запасы продовольствия в городе истощались. Положение защитников Вингаардской Башни иначе как критическим не назовешь; даже у драконов было мрачное настроение.

Только серебристая драконесса верила, что Копья Дракона без сомнения помогут изменить ход войны и рыцари Соламнии одержат победу.

Днем группа перестроилась, теперь впереди вместо серебристой драконессы полетел один из ее сородичей. Вдруг он почувствовал, что кто-то находится рядом и с помощью магии наблюдает за ними.

— Назад! Опасность! — крикнул дракон, оставившая группу.

Все четыре дракона развернулись и некоторое время летели назад, решая, как быть дальше?

— Что вы почувствовали, когда уловили сигналы? — спросила серебристая драконесса у своего сородича.

— Это — разум, но не драконий, а человеческий. И слишком недисциплинированный. Поэтому я думаю, сигналы не от какого-либо мага. Это, несомненно, ренегат.

Хума беспокоился.

— Он может представлять какую-то угрозу для вас? — спросил он драконессу.

— Физически — нет, — ответила та. — Но он может предупредить других о нашем полете, если уже не сделал этого, и тогда, возможно, нам придется нелегко. Видимо, его главная задача — наблюдение за небом.

— Позвольте нам схватить его! — воскликнул Стремительный.

— А что вы сможете сделать, чтобы он не успел передать сообщение до того, как вы на него нападете? — спросила драконесса.

Бронзовый дракон молчал, не зная, что сказать.

— Думаю, — сказал второй серебряный дракон, — что нас еще не обнаружили. Это был, несомненно, человек. Я попытаюсь подняться как можно выше. И пойму, может ли он обнаружить нас на такой высоте. Мы, разумеется, сильно рискуем, но другого выхода у нас нет... Итак, я полечу, если, конечно, у моего седока, рыцаря Бьюрна, нет возражений, — добавил дракон.

Бьюрн только крепче сжал переднюю луку седла.

— Значит, никто не возражает?

Все промолчали.

Расценив, что молчание — знак согласия, дракон с Бьюрном на спине стал набирать высоту. Он поднимался все выше и выше, пока не исчез за облаками. Несколько минут прошло в тревожном ожидании.

Первым снижающегося дракона увидел Хума. Лицо Бьюрна после полета на большой высоте было бледным, но держался он молодцом. А его дракон — тот вообще находился в приподнятом настроении.

— Я был прав. Да, это разум земного существа. Он может обнаружить нас только ниже облаков. Все, что за облаками, он уже не чувствует.

— За облаками мы будем чувствовать себя в полной безопасности! Это ясно, как божий день, — добавил Бьюрн.

— Вот как? Но ведь это не могло быть вам ясно до вашего полета, — возразила серебристая драконесса. — Ваши слова о полной безопасности меня просто удивляют. Хотя возможности

человеческого разума весьма ограничены, все же он, пожалуй, сможет обнаружить нас и за облаками. Поэтому предлагаю: пробившись сквозь облака, побыстрее улететь отсюда.

Хума на серебристой драконессе, а вслед за ними все остальные поднялись вверх. Они достигли облаков, прошли через их толщу и, сориентировавшись, взяли курс на Вингаардскую Башню.

Драконы решили лететь без остановки и всю ночь; всадники спали на их спинах.

Хуму разбудил голос Кэза — он убеждал драконов приземлиться. Минотавр боялся полетов, а тем более ночных, и к тому же устал. Сами драконы тоже явно устали и, поразмыслив, решили приземлиться.

Первым начал снижение Стремительный, за ним все остальные драконы. Вот бронзовый дракон окунулся в молочное море облаков, затем — серебристая драконесса.

Холодная мгла окружила рыцаря — он не видел даже голову своей драконессы. Где-то внизу слышались резкие скрежещащие звуки. Хуме показалось — бушует гроза. Вскоре они вырвались из облачной пелены и полетели над землей.

Они ошиблись, полагая, что находятся уже за пределами вражеской территории.

То, что драконы и их всадники увидели на земле, не могло привидеться и в страшном сне.

Внизу шла жестокая битва. Люди и людоеды бились насмерть. Уже вся земля была сплошь усеяна трупами. Это было жуткое зрелище. Повсюду, насколько хватало глаз, сверкали мечи и секиры. Драконы Такхизис постоянно атаковали

ряды рыцарей Соламнии — они не щадили даже людоедов, если те оказывались слишком близко от рыцарей.

Казалось, что драконы зла вот-вот одержат победу и даже отчаянная смелость рыцарей и драконов добра не может ничего изменить.

Глядя сверху на поле битвы, Хума ощутил, что надежды на успех в его душе гаснут.

— Здесь — сама Такхизис, — тихо сказала драконесса. — Она захватила уже почти весь Кринн. Я и не думала, что она настолько сильна. Ее сила намного превосходит нашу.

Да, именно так все и было. Хума в отчаянии закрыл лицо руками, его зазнобило.

— Посмотрите вперед, Хума. Видите?

Он попытался рассмотреть что-либо в туманной мгле и наконец сумел разглядеть очертания города.

— Вингаардская Башня! — завопил впереди Кэз.

Да, битва шла у самых стен столицы Соламнии. Государь Эйвандейл, громко крикнув, показал рукой направо. Золотой дракон сражался с двумя красными. Схватка была отчаянной.

Поняв, что золотой дракон вот-вот погибнет, Стремительный вместе с Кэзом, сжимавшим могущественное Копье, бросился в бой.

Вокруг маленького отряда Хумы сразу же оказалось множество драконов, в основном вражеских. Мелькали когти и зубы, слышались крики и стоны, лилась кровь, падали мертвые.

Драконы тьмы еще ничего не знали о Копьях. Возможно, Дракос не пожелал рассказать о них, чтобы не вызвать панику в рядах своей ар-

мин. Копья поражали растерявшихся вражеских драконов одного за другим.

Как ни странно, на Копьях не оставалось ни следов крови, ни царапин. Они продолжали все так же ярко светиться.

Драконы Такхизис стали в панике удирать прочь — свечение Копий они приняли за свет, исходящий от самого Паладайна.

Позорное бегство драконов тьмы вызвало замешательство во всем лагере противника. Замешательство очень быстро переросло в настоящую панику.

А появление драконов Паладайна, одолевших своих противников, придало новые силы рыцарям, и те бросились в атаку.

Ряды противника дрогнули. Оказавшись без поддержки своих драконов, людоеды растерялись. Многие, бросив оружие, бежали с поля боя.

Сражение заканчивалось. В небе сверкали молнии, зловеще грохотал гром.

Победа была необходима рыцарям как воздух, и она пришла к ним. Правда, никто еще не понимал, почему она пришла.

Все благодарили Паладайна и взволнованно обсуждали, что же будет дальше.

После полудня четыре обессиленных дракона приземлились в столице Соламнии. Их всадники тоже устали донельзя. Прибывших озаряло серебристое свечение. Оно исходило от Копий Дракона.

По городу уже стремительно распространялись слухи о волшебных Копьях.

Глава 25

ума и его спутники слезли с драконов. Их сразу же окружили рыцари, оборонявшие Вингаардскую Башню, — руководил ими государь Грендал.

В сопровождении ветеранов появился вскоре и Великий Магистр.

— Мне сказали, что это прилетели вы, Хума, а я все никак не мог поверить. После всех тех рассказов о вас... — сказал Освал.

— Каких рассказов? — удивился Хума.

— Ну, например, о вашем поединке с демоном. С тем демоном, что заражал всех чумой и сеял панику по всей земле.

— С Ренардом?

— Да. Удивительно, как быстро люди могут менять свое мнение о ком-либо. Когда выяснилось, кем Ренард является на самом деле; и когда вы победили его, люди тотчас забыли, как слепо верили всем слухам, которые он распространял. Они стали называть его демоном или проповедником зла, уж не помню точно... Так вот, по слухам, вы на глазах у всех растворились в воздухе, подобно самому Паладайну.

Хума покраснел:

— Это верно, но я заверяю вас, мой государь, что это было сделано не по моей собственной воле.

— Не сомневаюсь. — Освал обернулся и посмотрел на Копья Дракона: — Это именно то, что вы и искали? То, что спасет рыцарей?

— Да, милорд. Это Копья Дракона. Мы могли бы прилететь раньше, но нам пришлось вступить в бой.

— О, я уже слышал о том, как невеста откуда появились четверо всадников на серебряных драконах и победили слуг Такхизис. Возможно, люди не совсем не правы, создавая о вас легенды? Возможно, вы — Паладайн в облике простого смертного, явившийся для спасения Кринна?

— Государь Освал! Государь!

Великий Магистр лукаво улыбнулся:

— Сам я пока считаю это только легендой. Но учтите: только пока.

Несмотря на большое желание поскорее рассмотреть Копья Дракона, Освал первым делом подошел к спутникам Хумы, чтобы поблагодарить их.

— Ну что же, минотавр, я очень рад, что не ошибся в вас. Вы истинно преданны идеалам добра. Благодарю вас за помощь рыцарям.

Кэз, казалось, выслушал Великого Магистра с полным равнодушием.

— Я сделал только то, что должен был сделать. Я поклялся в верности Хуме.

— Вы очень скромны.

Великий Магистр вновь улыбнулся.

А когда он подошел к государю Эйвандейлу и заговорил с ним, в его тоне почувствовалась холодность.

— Как дружественный вам рыцарь, я рад приветствовать командующего армией Эргота. Надеюсь, что вы прибыли не вместе со всей армией?

— Когда мы встречались с вами, Великий Магистр, в последний раз, я знал, что вы со временем будете удостоены этого титула. Но я полагал, что вы станете менее язвительным.

Государь Освал, улыбнувшись как можно приветливей, решил сгладить невольную обиду:

— Простите меня, если я иногда забываю, что вы тоже проповедник Паладайна.

Хума, Кэз и Бьюрн переглянулись между собой. Они, несомненно, уважали государя Эйвандейла, но никогда и не задумывались о том, что он может быть проповедником Паладайна. Но впрочем, кто сказал, что проповедника можно узнать только по его виду?

— Вы раскрыли мою тайну, но, возможно, это и к лучшему. Вероятно, Хума не понимал, почему именно я хотел сопровождать его в Ка-эргос. Когда я увидел на нем метку Моргиона, я решил сперва, что он помечен для какого-то злого деяния. Я рад, что ошибся.

Эйвандейл повернулся к Хуме и улыбнулся.

Подойдя к Бьюрну, государь Освал взглянул на него с удивлением.

Бородатый рыцарь внутренне весь сжался.

— А вы кто?

Рыцарь несколько секунд молчал, только моргая глазами, и наконец произнес:

— Бьюрн, милорд!
— Вы с одной из наших застав в Эрготе?
— Да, милорд! — Бьюрн совсем побледнел.
— Вы — настоящий рыцарь. — Государь Освал ободряюще похлопал его по плечу и снова подошел к Хуме.

Бьюрн с облегчением вздохнул.

— Теперь, Хума, будьте так добры вместе со своими спутниками прийти ко мне. Я хочу, чтобы вы подробно рассказали мне обо всем, что с вами было.

— Хорошо, милорд. Но Копья Дракона...

— О них позаботятся и спрячут их в надежном месте, пока мы не решим, как будем использовать их. А теперь идемте. Наверное, после всего случившегося вас мучат голод и жажда...

Рассказ Хумы прерывали раскаты грома и вспышки молний. В горах на западе бушевала гроза. Это или Такхизис обрушила свой гнев на позорно бежавших слуг, или Галан Дракос метал в них громы и молнии. Так по крайней мере считал Кээ.

Государь Освал, слушая рассказ Хумы, задумчиво постукивал пальцами по столу.

— Паладайн! Я никогда бы не поверил во все это, если бы услышал от кого-либо другого, а не от вас. Вы видели действительно *его*! Вы заставляете старика гордиться вами, Хума. Дьюрэк тоже гордился бы вами, я уверен.

— Спасибо, милорд.

О, что значили для Хумы эти слова Великого Магистра!

Неожиданно государь Освал произнес:

— А Копья изготовлены из серебряного дракона кузнецом с серебряной рукой, держащим в ней молот, сделанный богами.

Хума был ошеломлен.

— Но я даже не упомянул об этом.

Великий Магистр улыбнулся:

— Я прочитал все, что написано о Паладаине, Хума. Именно поэтому я верю каждому вашему слову. Если это, как я думал, тот самый кузнец — он непременно должен был держать молот, выкованный Реорксом. Я благодарю наших летописцев за то, что они написали правду, а вас за то, что вы принесли эти Копья нам.

Хума встал:

— Милорд, простите меня. Я очень признателен вам за все, что вы мне сказали, и знаю, что я сам должен вам еще многое рассказать, но... Мы привезли Копья Дракона в целости и сохранности. Двадцать одно Копье. Дайте мне только одно из них и позвольте отправиться в чертог Дракоса и Такхизис. Я должен спасти Магиуса!

— Рыцарь Хума. — Голос Великого Магистра стал совсем бесстрастным; странно похожим на голос Ренарда. Освал пристально смотрел на Хуму, пока тот не сел. — Когда речь идет о спасении тысяч людей, можно принести в жертву жизнь одного человека — пусть это даже друг или близкий родственник. Я сказал бы то же самое, если бы человеком, которого приносят в жертву, оказался я сам. Вы можете не соглашаться со мной, это ваше дело. Сейчас мы боре́мся за спасение Соламнии, всего Ансалона.

И даже всего Кринна. Я не могу дать вам своего разрешения.

— Его схватили, когда он защищал Копья от черных гвардейцев, — с горечью в голосе сказал Хума.

— Я вас понимаю, рыцарь Хума, но я слишком хорошо представляю ту опасность, какой вы будете подвергать себя. Мой ответ остается неизменным. Вам все ясно?

Хума промолчал.

Тогда государь Освал заговорил снова:

— Сейчас у нас двадцать одно Копье. Одно из них, как вы сказали, предназначено для пехотинцев.

— Да.

— Двадцать Копий — много ли это? Что же, в первый раз нам всем повезло. Драконы зла не ожидали вашего нападения и покинули поле боя.

— Они удрали, поджав хвост, — вставил словечко Кэз.

— На этот раз. Но когда они появятся снова — а они возобновят свои атаки, можете в этом не сомневаться, — то будут действовать более коварно и напористо, чем раньше, и даже все двадцать Копий не принесут нам победу.

— Вы хотите сказать, что война рыцарями все-таки уже проиграна? Такого я не ожидал услышать от Великого Магистра, главы рыцарей Соламнии, — возмущенно воскликнул государь Эйвандейл.

Великий Магистр не обратил никакого внимания на его слова и снова повернулся к Хуме:

— Некоторым может показаться, что я готов смириться с поражением. Но только потому, что эти некоторые слишком нетерпеливы и не хотят дослушать до конца. Так вот, я считаю, что нам необходимо изготовить как можно быстрее и как можно больше копий, подобных Копьям Дракона.

Глаза Эйвандейла сузились, губы сжались в едва заметной улыбке. Кэз и Бьюрн обменялись удивленными взглядами.

А Хума наконец стал понимать, к чему клонит Великий Магистр.

— Мы их обманем! — Государь Освал возбужденно сверкнул глазами. — Мы уже научились хорошо делать обычные копья. Теперь мы должны сделать как можно больше подделок под Копья Дракона.

— Но сколько времени займет эта работа? — спросил Эйвандейл. — Вы сами сказали, что драконы могут вот-вот напасть снова.

— Работы по металлу — это искусство, которым мы владеем в совершенстве, государь Эйвандейл. В бой ведь не пойдешь безоружным. Нет хорошей армии без хорошего оружия — так говорится в нашем уставе. Через два дня мы сможем изготовить уже сотню копий. Это, как я сказал, будут подделки под настоящие Копья Дракона. Не сомневайтесь, что слухи о волшебных Копьях уже стремительно растут в армии врага. Когда мы в следующий раз вступим с драконами и людоедами в бой, у нас будет добрая сотня копий. Драконов Такхизис будет ждать сокрушительный атакующий удар. Да, неожиданно для них мы перейдем в атаку. Я ду-

маю, что эти копыя вызовут в рядах врага настоящую панику. А победив, мы вступим в бой и с людоедами.

— Ну что же, хитро придумано. Любопытно, — задумчиво сказал Эйвандейл и тотчас спросил: — Вы верите, что победите?

— Как проповедник Паладайна, вы должны хорошо знать: верю. Добавлю, что больше всего верю я в самих рыцарей. В рыцарей Соламнии.

— Хума!

Рыцарь неторопливо шел по столице Соламнии. Вечерело.

Магиус, Копья Дракона, Галан Дракос, Гвинес...

Гвинес... Он повернулся, услышав знакомый голос.

Она стояла неподалеку. На ней была развевающаяся мантия, светящаяся серебристо-голубым сиянием.

Изящная, стройная, живая! Это она, она подходит к нему!

Хума замер, от изумления раскрыв рот.

— Гвинес?!

Она улыбнулась:

— А вы ожидали встретить кого-либо иного?

— Да что вы!

— Я хотела прийти к вам раньше, но не смогла. Кое-какие весьма срочные дела помешали... Вы не будете возражать, если я немного пройду вместе с вами?

— Нет! Конечно же нет!

Гвинес взяла его под руку, и они медленно пошли по улице.

Вечер был едва ли не прекрасен — за долгое время первый спокойный вечер. Тучи еще висели над городом, но местами проглядывало совсем чистое небо. Хума подумал о том, что, когда Такхизис пойдет в новую атаку, тучи снова закроют все небо — от горизонта до горизонта.

Повернувшись к Гвинес, он спросил:

— Как вы оказались здесь?

Она отвернулась:

— Пожалуйста, не спрашивайте меня об этом сейчас. Я все расскажу вам позже.

— Если бы вы знали, как я рад видеть вас!

Она пристально посмотрела на него:

— Я тоже рада.

Лицо Гвинес вдруг стало печальным.

— Я слышала, вы хотите отправиться в чертог Дракоса.

— Великий Магистр запретил мне.

— И как вы теперь поступите?

— Я должен повиноваться Великому Магистру. Это мой военный долг.

Некоторое время они молчали. Гвинес положила руку на плечо Хумы. Рыцарь и не ожидал, что столь нежная рука может быть столь сильной. Он многого не знал о Гвинес, не знал он и о том, какое отношение имеет она к Копьям Дракона. Может быть, и она — проповедник Паладайна?

Гвинес вдруг посмотрела вдаль и насторожилась. Вглядевшись, Хума увидел неизвестного ему мужчину, примерно того же возраста, что и он сам. Незнакомец был одет в обычную гражданскую одежду; немало окрестных жителей оказалось сейчас в столице, но неизвестный яв-

но не был крестьянином. Лица его в темноте Хума не смог внимательно рассмотреть, но рыцарь готов был поклясться, что глаза незнакомца странно сверкнули.

Бросив на Хуму и Гвинес быстрый взгляд, он скрылся за углом.

— Кто это? — Хума схватился за эфес меча.

Если кто-то угрожает Гвинес...

— Никто, — ответила Гвинес.

Она высвободилась из-под руки Хумы.

— Сейчас я должна уйти. Мы обязательно увидимся снова, обязательно.

Она повернулась назад и быстро пошла прочь. Хума хотел было пойти за ней, но почти мгновенно она исчезла из виду. Рыцарь несколько раз моргнул. Куда же она могла деться?

Рыцари приняли волшебное оружие совсем не так, как ожидал Хума. Он предложил им показать действие Копий Дракона, и, к его удивлению, желающих оказалось совсем немного.

Один из рыцарей сказал Хуме, что им все равно — волшебные Копья или нет.

Хума поведал о настроениях рыцарей друзьям и государю Освалу. Поведал, пытаясь разобраться, чем вызваны такие настроения.

— Ну что ж, время чудес, видимо, прошло, — говорил Хума. — Рыцари не верят в магию Копий Дракона. И кто может осуждать их за это? Мы ставим на карту их жизнь. Те, кто будет воевать с Копьями Дракона, примут на себя главный удар противника. Кроме того, перед ними будет поставлена задача: пробиться к самому сердцу зла — к Галану Дракосу и его

госпоже. Но устав рыцарей не призывает к падению и к убийству. Лишь немногие самозабвенно преданы Паладаину. Мне уже сказали, что рыцари считают: эти Копья сделал я сам. Рыцари хотят знать, во имя чего они будут рисковать своей жизнью. Они говорят, что лучше останутся здесь со своими товарищами и будут сражаться с врагом, как и прежде, защищаясь. Они не верят в Копья Дракона. Это мне пришлось слышать уже неоднократно от них самих.

Государь Освал поднялся и подошел к Хуме:

— Они пойдут в атаку! Они — рыцари, а не жалкий сброд. Я прикажу им взять Копья и идти в бой.

— И они погибнут, — сказал государь Эйвандейл.

— Да, многие погибнут.

Оба командира посмотрели прямо в глаза друг другу. Эйвандейл воскликнул:

— Они погибнут, Великий Магистр. Да, Копья Дракона — дух Паладайны. Но направляющий это оружие должен верить, иначе зачем ему волшебное оружие. Рыцари должны верить в могущество Копий, в свое предназначение, как верим мы. Иначе они не победят. Они будут видеть в Копьях Дракона лишь обычные копия. Те копия, что гнутся и ломаются в бою.

— Но Копья Дракона...

Проповедник из Эргота поднял руку, призывая всех к тишине, и продолжил:

— У нас двадцать Копий, верно?

— И еще одно, предназначенное для пехотинцев, — добавил Хума.

— Двадцать Копий. Двадцать добровольцев — это все, что нам необходимо. Я думаю, что сам Паладайн сейчас смотрит на нас. Если изготовлено всего двадцать Копий Дракона, то для этого, видимо, были веские причины. Если наша вера сильна, то и всего с двадцатью Копьями мы победим.

Взглянув на Хуму, государь Освал сказал:

— Эйвандейл прав.

Хума посмотрел на собравшихся. Кэз, Бьюрн и Эйвандейл, без сомнения, пойдут с ним в бой. Остается найти еще шестнадцать добровольцев.

— Ну что же, пусть будет всего двадцать Копий, — задумчиво сказал Великий Магистр.

Кое-кто удивленно поднял брови. Хума, не дожидаясь вопросов, громко воскликнул:

— Бьюрн, Кэз, милорд Эйвандейл. Я знаю, что вы трое пойдете вместе со мной. Вы уже видели сами, что могут делать Копья Дракона. Если двадцать Копий — это все, что дано нам для победы над Владычицей Тьмы, мы должны возблагодарить Паладайну за это, должны приложить все силы, чтобы как можно лучше сражаться данным нам свыше оружием.

— Вам надо было бы стать проповедником Паладайны, Хума. Ваша вера сильнее, чем у кого-либо, кого мне приходилось встречать. — Государь Эйвандейл говорил совершенно серьезно.

В это время дверь в зал отворилась и вошел начальник охраны Великого Магистра — рыцарь ордена Розы.

— Государь Освал, рыцарь Беннет просит у вас аудиенции.

— Я уже давно сам посылал за ним. Где он был?

— Этого он мне не сказал, милорд.

Государь Освал испытующе взглянул на Хуму и кивнул:

— Пусть войдет.

— Есть, милорд. — Охранник вышел, и вскоре вошел Беннет.

Хуме показалось, что Беннет еще более стал походить на своего отца. Вошел он решительно. Поприветствовав Великого Магистра, он затем вежливо поклонился всем присутствующим. Взгляд его на несколько секунд задержался на государе Эйвандейле.

— Что случилось, Беннет? Где вы были?

— Дя... Великий Магистр, я ходил осматривать Копья Дракона.

Лицо Освала стало суровым.

— Кто дал вам разрешение на это?

Беннет растерялся:

— Я сделал это без разрешения. Я ничего не мог поделать с собой, я должен был увидеть оружие, привезенное рыцарем Хумой.

Говоря это, Беннет смотрел на Хуму, но тот ничего не мог прочесть в жестких, ястребиных, бесстрастных чертах его лица.

— И что же?

Глаза племянника Великого Магистра расширились, маска надменности исчезла.

Хума и государь Освал были просто ошеломлены, увидев восхищение, появившееся на лице Беннета.

— Они гладкие, такие гладкие, что пронзят все, что угодно. Я никогда не встречал таких

острых копий. Ни один металл не светится таким живым сиянием. Я слышал, что многие сомневаются в подлинности этих Копий. Но лично я ни секунды не сомневаюсь, что именно эти Копья переданы нам Паладайном через выбранного им рыцаря.

Впервые за все время их общения Хума почувствовал глубокое уважение племянника Великого Магистра, которое он питает к нему, к рыцарю Хуме.

Государь Освал был удивлен словами Беннета не менее Хумы.

Кэз насмешливо фыркнул, но взгляд, брошенный на него Беннетом, заставил минотавра тотчас прикусить язык.

— Я хочу быть вместе с ними, Великий Магистр. Я насчитал только двадцать Копий и не знаю, будет ли у нас больше, но я хочу быть одним из рыцарей, идущим в бой с Копьем Дракона. Ради этого я и стал рыцарем — ради того, чтобы посвятить себя службе Триумvirату и Паладаину. Если требуется, чтобы я доказал, что достоин быть среди рыцарей, сражающихся с Копьями Дракона, я готов выдержать любые испытания.

Беннет выпалил все это на едином дыхании. Когда он замолчал, его плечи опустились. Рыцарь высказал свое заветное желание и теперь покорно ждал ответа.

Великий Магистр посмотрел на Хуму и Эйвандейла, а затем снова на своего племянника.

— Рыцарь Беннет, я вижу вы — сын моего брата. Моего брата той поры, когда бремя вождя еще не отяготило его. Если вы сможете,

будьте таким, как теперь, всегда. Я верю в вас. Вы будете среди первых и лучших из рыцарей Соламнии.

Плечи Беннета расправились, он не скрывал своей радости. Государь Освал продолжал:

— Если вы хотите быть истинно преданным делу, за которое мы боремся, то берите пример с этого рыцаря. — Великий Магистр указал на Хуму. — Именно он — олицетворение нашего учения, независимо от того, считает ли он сам себя таковым или нет.

— Тогда я

— Да, вы будете в числе двадцати. И у меня есть уже для вас задание. Подберите себе рыцарей из трех орденов, всего пятнадцать человек. Рыцарей, истинно верящих в силу и волю Паладайна, тех, что будут готовы пойти в бой с Копьями Дракона в руках.

Беннет поспешно пошел к двери; уже выходя, он резко повернулся и взглянул на своего дядю.

Государь Освал кивнул ему ободряюще.

Данное ему поручение Беннет выполнил быстро. Критериями при отборе были храбрость рыцаря, знание военной науки, его преданность именно делу Паладайна, а не лично Беннету, как обычно бывало прежде, при жизни его отца.

Среди добровольцев оказались и ветераны, и новички. Странно, но Беннет включил в свой отряд даже безногих или безруких рыцарей. В мирное время государь Освал освободил бы их от службы в армии, но сейчас все они участвовали в боях. Рыцарь, потерявший ногу, сражался верхом на коне. Потерявший руку научился

сражаться одной рукой. Такие рыцари-инвалиды составляли около четверти от общего количества воинов.

После отступления войск Такхизис от стен Вингаардской Башни жизнь в столице стала налаживаться. Рыцари привозили из южных предместий продукты. Это было отнюдь не безопасно, так как людоеды или драконы могли в любой момент напасть на одиноких всадников, и не только могли, но и нападали, и подчас уехавшие за продуктами не возвращались назад.

От гор на западе не доносилось ни единого звука. Хума настороженно смотрел на западные горы и думал: что там сейчас?

Магиус все еще был в руках Дракоса, и Хуму неотступно терзала мысль, как же спасти его.

Хума чувствовал, что Дракос и его госпожа готовят против рыцарей Соламнии какие-то новые козни. Он был бы более спокойным, если бы Гвинес была рядом с ним, но она после того вечера больше не появлялась...

Рыцарь решил рассказать откровенно о своих сердечных страданиях серебристой драконессе. Разговаривали они только тогда, когда оставались вдвоем, наедине, — посторонние мешали им поговорить по душам.

Она внимательно выслушала рыцаря и откровенно ответила на все его вопросы, на какие смогла. В то же время ему показалось: что-то печалит ее — только вот он никак не мог понять, что именно.

Однажды он стал настойчиво спрашивать ее, почему она столь грустна? Драконесса отверну-

лась и ушла, не сказав ни слова. Хума, сам не зная почему, понял: печаль драконессы имеет какое-то отношение к нему. После этого случая он больше не стал спрашивать ее ни о чем.

...После того как Хума привез в столицу Соламнии Копья Дракона, прошло три дня, а на четвертый словно сами небеса исчезли. Рыцари недоумевающе смотрели на небо.

По столице прошел глухой ропот.

Хотя рыцари пытались скрыть страх, многие, увидев надвигающуюся тьму, побледнели. Хума бросился к городской стене, за ним — Кэз и Бьюрн. Бородатому рыцарю, служившему на юго-западной заставе, никогда прежде не приходилось видеть ничего подобного. Расширившиеся глазами он смотрел в небо:

— Что это означает? Откуда эта сплошная тьма?

Зловещие силы тьмы, которые едва не одолели рыцарей в последнем сражении, медленно надвигались на них снова.

Ветер усиливался.

Глава 26

Мы полетим сейчас же! — подал команду собравшимся рыцарям Хума.

Они были на большом поле соламнийской столицы.

Беннет смотрел на Хуму как адъютант на своего командира.

Драконы света были здесь же, поблизости. В главный отряд их тоже отбирали — как и рыцарей: в отличие от людей, все драконы сразу выразили готовность сражаться с Такхизис. Отбором руководила серебристая драконесса. Отбирали драконов прежде всего по их силе и выносливости. В отряд попали несколько серебряных, бронзовых — среди них Стремительный — и один золотой дракон. Для них были изготовлены специальные седла, и рыцари уже опробовали их.

Кто-то предложил, чтобы короткое Копье для пехотинцев отдали серебристой драконессе, на которой предстояло лететь Хуме.

Когда рыцари уже сидели на спинах своих драконов, Хума почувствовал: все чего-то ждут. Оказалось, ожидали его команды. Даже государь Эйвандейл почтительно смотрел на него.

Хума наклонился вперед, слегка сжал ногами бока серебристой драконессы и взмахом руки подал сигнал к полету.

«Впечатляющая картина», — подумал он, оглянувшись на поднимающуюся в небо группу.

Двадцать драконов выстроились в форме клина, с серебристой драконессой и Хумой впереди.

Кэз на Стремительном летел слева, Бьюри — справа. Государя Эйвандейла Хума не видел — тот летел в последнем ряду.

Серебристая драконесса повернула голову к своему всаднику:

— Хума, я... — рыцарь смотрел вперед, туда, где был противник. — ...я просто хочу еще раз повторить, что вы во всем можете на меня полагаться.

— Я буду всегда благодарен вам, — крикнул он.

Ветер резко усилился, поднялся шум и свист, заложило уши.

Драконесса тоже смотрела уже только вперед.

Они вошли в темную завесу, воздвигнутую над землей магами Такхизис. Ветер свирепствовал. Всадники пристегнулись к седлам ремнями, надежно закрепили Копья. Хума и серебристая драконесса окунулись в черную тучу первыми. Земля и небо для них тотчас исчезли. Казалось, в крошечной тьме были только рыцарь, его дракон и Копье.

Оглянувшись назад, Хума увидел свечение, исходящее от Копий его товарищей. Вначале он с тревогой подумал: это поможет противнику обнаружить их. Но вскоре понял: Копья выте-

няют тьму и уничтожают заклинание. А значит, так ли уж важно, видны ли они врагу или нет? Тьма утратила свою зловещую власть.

— Мы вырвались из мрака! — крикнула драконесса.

Мир снова стал существовать. Прежде, когда Хума попадал во тьму, созданную магами Такхизис, она казалась невероятно огромной, бесконечной, в ней скрывались и ждали свою жертву беспощадные призраки. Теперь тьмы как бы и вовсе не существовало.

Впереди появилась стая вражеских драконов. Увидев Хуму и серебристую драконессу, два красных дракона оторвались от стаи и бросились на них. Нападающие, видно, рассчитывали, что серебристая драконесса — легкая добыча. Но вслед за Хумой из облачной тьмы возникли Стремительный и другие драконы света; легкая добыча превратилась тотчас в стаю опасных охотников.

Не успев понять, что к чему, оба самоуверенных красных гиганта были уничтожены светящимися Копьями. Остальные вражеские драконы — голубые, черные и красные — стали нападать уже с опаской. Хуме показалось, они нападают только из страха перед своей госпожой — этот страх был сильнее страха перед Копьями Дракона. Один из двадцати всадников, Хэллерин, рыцарь ордена Короны, попал в мощную струю кислоты, выброшенную вражеским драконом, загорелся и рухнул вниз. Но драконы тьмы тотчас дорого заплатили за его смерть — рыцари уничтожили сразу четырех, остальные поспешно отступили. Некоторые рыцари хотели

погнаться за отступающим врагом, но Хума подал сигнал: следовать, не отклоняясь от курса.

Сейчас Хума направлял отряд к огромному движущемуся темному облаку. Когда они подлетели к нему, из облака мгновенно вынырнуло несколько десятков крылатых чудовищ. Здесь были драконы всевозможных цветов.

Одно из существ напоминало птицу с головой льва и тремя парами лап. В схватке с этим чудовищем, которое могло быть только плодом необузданной фантазии Дракоса, погиб еще один рыцарь — Марк Огрэйн, ветеран из ордена Розы. Этот рыцарь был инвалидом — в одном из сражений он потерял ногу.

Теперь в отряде осталось восемнадцать воинов. Хума старался поточнее запомнить, как и где погибли его товарищи. Он верил, что позднее их подвиг будет воспет в поэмах и гимнах. Хума чувствовал: они уже совсем близко от места, откуда исходят колдовские заклинания.

— Я кое-что заметила, — сказала ему серебристая драконесса.

— Где?

— Прямо под нами.

Он посмотрел туда, куда указывала драконесса, но увидел лишь холм, на котором стояло несколько согнутых, с голыми ветвями, деревьев; деревья были расположены по сторонам правильного пятиугольника. Это было совсем не то, что он думал увидеть.

Оглянувшись на рыцаря, драконесса понимающе улыбнулась и сказала:

— Хума, посмотрите на холм глазами мудрого Паладайна. Вы когда-нибудь видели, чтобы

деревья располагались точно по сторонам правильного пятиугольника?

Рыцарь снова взглянул и убедился: деревья были расположены удивительно симметрично.

Вдруг деревья зашевелились, словно были живыми, и мгновенно превратились в существа, облаченные в коричневые мантии. Все они были похожи на того мага, что напал на Хуму в лесу возле рыцарского лагеря. «Как давно это было!» — подумал рыцарь.

Он присмотрелся к ним повнимательней. Около дюжины фигур, сидящих на корточках в грязи, наклонив к земле головы, вытянули руки к центру пятиугольника — там находилась еще одна такая же фигура с высоко воздетыми руками.

— В атаку! Они, кажется, не ожидают нас! — крикнул сзади Кэз.

Стремительный поддержал его:

— Я возьму их живьем, если это будет только возможно.

— Но будет ли возможно?

Стремительный бросился вперед и почти тотчас был ранен. Сверкнула вспышка молнии, и с земли, сотрясая воздух, что-то взлетело. Кэз и Стремительный сделали над холмом еще один круг. От новой вспышки молнии Стремительный успел вовремя увернуться.

Мощная огненная струя вырвалась из его пасти и вонзилась в холм. Когда дым рассеялся, все увидели: на холме появился небольшой кратер.

Серебристая драконесса засмеялась.

— Стремительный оправдывает свое прозвище. Все бронзовые драконы умеют выпускать

огненную струю, но мало кто может выпустить ее столь быстро, как он.

Осознав, что их защита пробита, маги Дракоса подняли вверх головы и стали пристально смотреть на серебристую драконессу и Хуму. Рыцарю показалось, что колдуны похожи друг на друга, словно близнецы. А точнее, они были как одно существо. Единое существо, которое сконцентрировало всю свою волю и, шепча заклинание, направило ее на Хуму и серебристую драконессу.

— Скорее в сторону! — крикнул Хума, но она уже и сама стала делать крутой вираж.

Маги поворачивали головы вслед за ней, следя за всеми ее движениями.

Воспользовавшись тем, что внимание магов сосредоточено на серебристой драконессе, остальные драконы подлетели к ним как можно ближе. «Сколь долго будут ренегаты защищаться?» — подумал Хума.

— Хума, посмотрите!

За холмом, приближаясь к нему, двигалась огромная вражеская армия. Там были людоеды, люди, гоблины и какие-то необычные существа, несомненно сотворенные магами; — многоногие, многорукие, с несколькими головами и туловищами.

Хума содрогнулся. То, что он увидел, было уже хорошо знакомо ему — все это он видел в ночных кошмарах.

Надвигающаяся тьма была невообразимо огромной, она готова была поглотить весь мир. В земле образовалась гигантская щель, она все более и более расширялась.

Когда драконы из отряда Хумы бросились в атаку на магов тьмы, сила, поддерживающая гигантскую щель, ослабла. Колдуны уже не выдерживали огромного напряжения, несколько магов упали на землю замертво, но остальные продолжали сопротивляться.

Наконец тьма, поднимавшаяся над холмом, стала рассеиваться. Вышедшие из гигантской щели чудовища кричали и корчились от ужаса. Они были порождены тьмой, возможно самим адом. Свет нес им гибель, они могли существовать только под покровом тьмы. Чудовища исчезали, словно роса под лучами солнца, и через недолгое время от них не осталось и следа.

Но огромная армия противника все продолжала и продолжала двигаться к холму. Армия Такхизис, лишившаяся опытного командира Кринаса, сейчас шла просто напролом.

Серебристая драконесса, повернувшись к Хуме, сказала:

— Они напуганы, они боятся Дракоса и Такхизис больше, чем нас.

— Что же будем делать?

— Хума, сражение может кончиться для вас гибелью.

За спиной Хумы послышались крики его товарищей. Перед его лицом кто-то возник — словно бы из ничего. Этот кто-то был одет в коричневый плащ и самодовольно улыбался из-под капюшона, надвинутого на лоб. Высокий и стройный, он напоминал смелого и ловкого рыцаря. Несмотря на улыбку, лицо летящего колдуна было мрачным.

— Галан Дракос! — прошептал чуть слышно Хума.

Маг, очевидно, понял, что рыцарь узнал его. Он приподнял голову, как бы выражая удовлетворение тем, что его узнали.

— А вы — Хума. Вы выглядите совсем по-другому, когда вас видишь своими собственными, а не чужими глазами. Если смотришь глазами волкодлака, видишь лишь то, что видит он.

Хума готов был в любую секунду броситься в атаку на Дракоса. Тот являлся для него живым воплощением зла.

Колдун широко улыбнулся:

— Вы напрасно тратите время, отважный рыцарь. Да, эти Копья в бою с драконами дают вам большое преимущество. Но у вас их всего двадцать, а драконов гораздо больше. Гораздо больше. Посмотрите сами. — Дракос показал рукой на запад.

Повернув голову, Хума увидел на горизонте огромную темную массу. Вначале он подумал, что это — тьма, вызванная заклинанием колдуна. Но вскоре он понял: это — стая драконов. Их было несколько сотен.

Когда Хума повернулся к Дракосу, колдун все также улыбался.

— По приказу моей госпожи я собрал их со всего Кринна. Черные, красные, белые, зеленые — здесь драконы всех цветов. Некоторые летели сюда несколько дней и вот теперь все они здесь.

«Двадцать Копий... Теперь уже восемнадцать. Восемнадцать против сотен драконов. Если бы

у нас было больше Копий...» — пронеслось в голове Хумы.

— Если вы сдадитесь, вам будет сохранена жизнь. Моя госпожа поражена вашей изумительной способностью выживать в самых безнадёжных ситуациях. Если вы станете служить ей, она достойно отблагодарит вас. Вам приходилось видеть только, как она умеет воевать, но вы сами убедитесь: она обладает и рядом других чудесных качеств.

С яростным шипением серебристая драконесса бросилась в атаку на колдуна. А Дракос... Тот, не переставая улыбаться, спокойно смотрел на драконессу, летящую на него с раскрытой пастью, готовый поглотить его, и с когтями, готовыми вонзиться в его тело. Да, налетела она на Дракоса со всего размаха, но челюсти драконессы сомкнулись, не причинив колдуну никакого вреда.

— Призрак, — прошептал Хума.

Раскаты издевательского смеха сотрясли воздух.

Драконы света кружили, ожидая приказов Хумы. А рыцарь все никак не мог оторвать глаз от покачивающегося перед ним привидения.

В отчаянии кто-то из рыцарей за спиной Хумы крикнул:

— Мы погибли!

— Мы будем продолжать борьбу, Дерек! До тех пор, пока будет жив хоть один рыцарь, — ответил ему Беннет.

На своем золотом драконе он подлетел к Хуме и спросил:

— Каков будет ваш приказ?

Беннет ждет от него приказа?! Если бы положение было не столь трагическим, Хума, вероятно, улыбнулся бы.

— Поворачивайте назад. Нам надо предупредить об опасности рыцарей в столице. У нас слишком мало Копий. И надо успеть подготовиться к обороне.

— Вы отказываетесь от сражения?!

— Вовсе нет. Но с этой минуты наша главная задача — оборона столицы. — Хума повернулся ко всем остальным: — Назад, в Вингаардскую Башню!

Хума пытался бодриться. Но ему было невыносимо тяжело убегать от надвигающейся на них армады. Положение рыцарей снова казалось совершенно безнадежным.

...Что-то блеснуло перед его глазами. Хуме показалось, что это луч солнца. Однако, как он вскоре убедился, свет не был солнечным, и вообще никакого источника света нигде видно не было. Присмотревшись пристальней, Хума наконец заметил внизу мерцающий огонек. От него шел слабый зеленоватый свет, напомнивший Хуме свечение Меча слез и страданий.

Хума показал на огонек драконессе:

— Что это такое?

— Передают какое-то сообщение. Думаю, сигналы исходят от наших врагов. Не станем обращать внимания на огонек и поскорее вернемся в Вингаардскую Башню. Мне этот огонек очень не нравится.

Она вела себя в последние минуты как-то необычно. После неудачной атаки на Дракоса ста-

ла мрачной и молчаливой. Кажется, эта перемена произошла в ней после того, как Дракос упомянул о чарах своей госпожи... Как странно! Хума глубоко вздохнул и приказал:

— Следуйте на свет огонька.

— Хума...

— Делайте то, что я приказываю. — Хума никогда прежде не разговаривал со своей драконессой в таком тоне, но он посчитал, что сейчас он должен говорить решительно и жестко. И приказы его должны выполняться беспрекословно.

— Хума! — послышался сверху голос Кэза.

Рыцарь, поняв, что хотел сказать минотавр, отрицательно покачал головой и показал Кэзу рукой в сторону Вингаардской Башни. Минотавр что-то шепнул Стремительному, тот подлетел к своим товарищам. Кэз что-то крикнул им, Хума не расслышал, но ему и без слов было ясно: минотавр будет ждать здесь, пока рыцарь не вернется.

Серебристая драконесса летела к источнику света с неохотой. Когда она подлетела к основанию холма, свет исчез. Драконесса приземлилась, Хума осмотрелся вокруг.

— Я пришел с миром, рыцарь Соламнии. — Низкий скрипучий голос неприятно резал слух. Говорил маленький человек с непропорционально большой и совершенно лысой головой. Одет он был в черную мантию.

— Он лжет! Это — враг! — Серебристая драконесса зарычала, готовая защищать рыцаря.

Незнакомец в черной мантии послушно отступил назад, хотя на его лице не было заметно

и малейшего следа страха. Хуме с трудом удалось заставить драконессу замолчать.

— Выслушайте меня, — сказал маг.

Хума спросил ледяным тоном:

— Что вы хотите мне сказать? Я уже говорил с вашим господином.

— Вы затронули как раз предмет нашего разговора. Да, речь пойдет о том, кто стал моим господином, об этом чудовище, которого я ненавижу.

— Но все равно вы с ним оба служите одной и той же госпоже, разве нет?

— Выслушайте меня и поймите, рыцарь Соламнии. У меня очень мало времени — Дракос в любой момент может обнаружить, что я куда-то исчез. Нам необходимо ваше согласие.

— Вам? Мое? — Хума не верил своим ушам.

— Мы знаем о вас по рассказам одного из наших магов. За свою жизнь он сменил много мантий, и даже сейчас носит одну из них, правда не на теле, а в душе...

— Магиус! — Рыцарь не сомневался, что речь идет именно о его друге. — Где он?

Колдун поднял руку, прерывая его:

— Сейчас не время говорить о Магиусе. Послушайте меня. Мы знаем: если победит Такхизис — мы окажемся для нее такими же врагами, как сейчас вы. Дракос — ее фаворит, ее мир — это чудовища бездны. Вы уже столкнулись с ними, верно? Ну, что скажете, вам хотелось бы общаться с ними постоянно? Мы хотим объединиться с вами. Лучше умереть сражаясь, чем жить ее рабами. Она вынашивает планы, как — после победы — расправиться с двумя нашими орденами.

«Он предлагает нам, рыцарям, объединиться с Черной мантией?!» — изумился Хума.

— Но как я могу доверять вам, одному из ее слуг?

Колдун выпрямился, гордо подняв голову:

— Я прежде всего верен Нутари, государю Черной магии. Мы ошиблись, полагая, что служим ему, когда стали служить той, что родила его, — я не желаю называть ее его матерью. Нутари хочет, чтобы в мире было больше добра, а не зла. Поэтому он, Лунитари и... — колдун не сразу решился назвать имя, — ...и даже Солинари, государь света, создали орден Волшебства, цель которого — совершенствование магии во всем мире. Если Такхизис одержит победу, мечта моего государя не осуществится. Мы не можем допустить этого. И мы не хотим участвовать в завоевании Кринна.

— А что вы хотите?

— Мы хотим не так уж и много по сравнению с тем, что можем дать миру.

— Дать? — воскликнула серебристая драконесса, молчавшая до сих пор. Она сузила свои светящиеся глаза и рассмеялась: — Черная мантия не дает ничего, она способна только все отнимать, в том числе и жизнь. Всему живому вы несете гибель!

— Это ложь! Однако в данном случае гибель будет ожидать Дракоса и весь его сброд. Нам надо только, чтобы начали вы.

— Что вы хотите этим сказать?

— Возьмите вот это. — Колдун протянул Хуме маленький зеленый шарик. — Убежище Галана Дракоса можно увидеть только с помощью

магии. Оно расположено между нашей равниной и адской бездной. И с помощью этого шара вы сможете обнаружить его.

Серебристая драконесса спросила с издевкой:

— А ваша прежняя госпожа, Владычица Тьмы? Она что же, будет спокойно наблюдать, как мы нападаем на ее самого преданного слугу?

Колдун ткнул пальцем в Копье Дракона:

— Мне известно, что эти Копья сейчас не дают ей покоя. Она боится их мощи и поэтому прячется в крепости Дракоса на краю адской бездны.

— Это ловушка, Хума! Я не позволяю вам... — Драконесса повернулась к рыцарю и вздрогнула, увидев выражение его лица. — Хума, вы не должны верить этому магу.

Рыцарь словно и не слышал ее.

— А что будете делать *вы*, если мы примем ваше предложение и нападём на Дракоса?

— В крепости — войска Черной гвардии и ренегаты, покорные Дракосу. Они для вас — главная угроза. Мы постараемся ослабить их силу. А также попытаемся увести тьму.

— Чушь! — зашипела драконесса.

Над ними пролетел какой-то дракон, все трое одновременно подняли головы вверх. Это был Стремительный. Минотавр громко крикнул:

— Скорее! Я вижу драконов-разведчиков.

Колдун быстро повернулся к Хуме:

— Я, Гунтер, клянусь именем Нутари, что и вы можете доверять мне. Возьмите же это!

Маг Черной мантии поклялся именем своего господина! Для слуг Нутари нарушение клятвы, данной их господину, каралось смертью...

Рыцарь протянул руку и решительно взял маленький зеленый шарик.

— Мы с вами! — И колдун внезапно исчез.

Хума слегка пришпорил драконессу. Она расправила крылья и стала подниматься ввысь. Рыцарь ощутил: она с облегчением вздохнула.

— Что это? — спросил Кэз, увидев, что Хума внимательно рассматривает что-то лежащее у него на ладони.

— Возможно, наша надежда, — ответил рыцарь, зажав в кулаке зеленый шарик.

Он посмотрел на приближающуюся черную тучу и почувствовал, что зловещая тьма больше не страшит его.

Глава 27

Паладайн, сколько же еще зла обрушится на нас?!

Гай Эйвандейл покачал головой:

— Зло, если ему удастся пустить корни, растет стремительно. Конечно, банальное утверждение, но, к сожалению, верное.

Великий Магистр и государь Эйвандейл прямо в поле встречали приземляющихся драконов. Узнав о гибели двух рыцарей и о приближении новой тьмы, сотворенной Такхизис, государь Освал помрачнел.

— Хума, а что вы скажете по поводу предложения магов Нутари? Вы полагаете, им можно доверять? — спросил Беннет.

После долгого раздумья рыцарь наконец ответил:

— Мне кажется, можно.

Хума держал на раскрытой ладони крошечный изумрудный шар и чувствовал, как он пульсирует.

— Его они дали нам. Не спору, возможно, с помощью него они попытаются поймать нас в ловушку. Однако колдун поклялся именем самого бога Черной магии. Никто из Черной

мантии, если он нарушает клятву, данную Нутари, не остается в живых.

— Я согласен с Хумой, — поддержал рыцаря государь Освал. Он тяжело вздохнул: — Мы оказались в очень трудном положении. Возможно, если осада продлится долго, мы не сможем удержать в своих руках столицу. Встретить врага в чистом поле?.. Принять бой... Сейчас это означало бы — всем погибнуть. Пусть и со славой, но погибнуть.

Государь Освал замолчал. Лицо его еще более помрачнело. Затем он продолжил:

— Я сказал драконам света, что, если они считают наше положение безнадежным, они вправе оставить нас. — Великий Магистр поднял руку, призывая рыцарей успокоиться. — Однако надеюсь, что они будут сражаться вместе с нами до конца. Поживем-увидим... Что же я еще хотел сказать? А, вот что. Мы до сих пор не знаем точно, как обстоят дела на востоке. Говорят, там продвижение войск людоедов остановлено, но это только слухи. С юга от эльфов мы не можем ожидать помощи, ну а на севере дела совсем плохи.

— Но мы знаем, какой страх наводят Копья Дракона на армию Такхизис. Давайте нанесем из столицы решительный атакующий удар, — предложил Беннет. — Такхизис придется оттянуть сюда войска с других фронтов, и там хотя бы получат передышку.

Государь Освал внимательно посмотрел на Копья Дракона:

— Кажется, все посходили с ума, но, если нет других предложений, что же, мы одновременно

начнем атаку, к которой постоянно призывает рыцарей мой племянник, и поиск убежища Галана Дракоса. А затем — нападём на него.

Он посмотрел на рыцарей. Никто из них, даже государь Эйвандейл, проповедник и воин, не произнес ни слова против такой, едва ли не самоубийственной, военной операции. Освал покачал головой:

— Историки, вероятно, потом напишут, что Великий Магистр послал своих людей на верную смерть.

Затрубил горн. Раздался чей-то тревожный голос:

— Они уже у самых наших стен!

Мгновение — и рыцари вскочили на лошадей и стали строиться. Ряд за рядом становились лучники, рыцари с мечами, копьями и пиками. Никакой паники и в помине не было.

— Пехотинцам с пиками приготовиться к атаке! — крикнул Великий Магистр одному из своих адъютантов.

Тот торопливо отсалютовал и пошел передать приказ.

Хума предложил усилить атакующий отряд Копьями Дракона, но государь Освал возразил:

— Нет. Если вы хотите отыскать логово Дакоса, то вашему отряду потребуются все Копья.

— Но пехотинцы...

— Они получают надежную поддержку от драконов. Я...

Вновь раздался звук горна. Это был какой-то непонятный сигнал.

— О, Кириолис! Что это значит?

Великий Магистр и другие рыцари поспешили на линию фронта, туда, где командовал государь Снайпер.

— Великий Магистр, — отсалютовал рыцарь ордена Короны. — Внезапно они остановились. Прямо перед нами. Даже драконы прекратили свои полеты. Такое впечатление, что они ждут чего-то.

— Очень хорошо.

Хума, замерев, смотрел на Великого Магистра. Обеспокоенность и напряжение с его лица исчезли.

— Они считают нас полными дураками и ждут, когда мы пойдем в атаку. Мы не должны купиться на эту уловку! Пусть же они подождут, пусть подождут. А вот когда Галан Дракос и его госпожа потеряют терпение, тогда мы и начнем.

На поле опустился золотой дракон. Он был старым — даже для дракона; все его тело было в трещинах и шрамах. Но все же ветеран был еще вполне бодрым и сильным.

— Я передал драконам ваши слова о том, что они вправе оставить вас. — Голос дракона звучал глухо.

Он напомнил Хуме голос робота в цитадели Магиуса.

Государь Освал спросил взволнованно:

— И что же они ответили?

Дракон посмотрел на него с выражением, показывающим, что ответ мог быть только один. — И ясно какой.

— Мы не оставим вас. Падет столица, тогда и заставы не продержатся долго. Здесь решается

судьба всех нас. Если падет столица, падет и Эргот. Канут в небытие эльфы и гномы. Такхизис завладеет всей землей. А если нам суждено погибнуть, ну что же, только бы дело Паладай-на продолжало жить.

— Дело добра будет жить вечно. Даже Такхизис бессильна убить его.

Все замолчали.

Неожиданно для всех Великий Магистр опустился на колени и сказал дракону:

— Благодарю. Я верил в вас.

Золотой дракон величественно поклонился и, расправив свои длинные крылья, поднялся в небо.

И тут Хума увидел: к ним идут рыцари с Копьями Дракона для пехотинцев, изготовленными в кузнице столицы. Копья светились, словно настоящие.

— Милорд! — воскликнул Хума.

— Да, рыцарь Хума?

— Я прошу извинить меня, но мне необходимо вас покинуть.

— Вы можете быть свободны.

— Кэз, — Хума подошел к минотавру, — возьмите одно из Копий Дракона, сделанных в столичной кузнице, и сравните его с настоящим.

— Что... — Минотавр не успел договорить, Хума быстро прервал его:

— Для чего — я объясню вам, когда вернусь.

Хума быстро ушел, оставив Кэза в совершенном недоумении.

Рыцарь спешил в кузницу — она была рядом. Как только Хума подошел к двери кузницы, та открылась, и рыцарь едва не столкнулся с выхо-

дящим из нее человеком. Тот, взглянув на Хуму, сказал:

— Если не хотите, чтобы вас ударили, не следует стоять так близко от двери.

У человека было узкое длинное лицо и черные волосы с серебристой сединой. Его глаза, казалось, сверкнули, и Хума тотчас вспомнил о незнакомце, которого они однажды встретили с Гвинес. Тогда она испугалась этого человека. Хотя, возможно, Хума и ошибался. Стоящий сейчас у кузницы, пожалуй, выше и стройнее, чем тот. Но глаза...

— Вы — Хума-Копьеносец, — сказал незнакомец, пронизывая рыцаря взглядом.

— Я — просто Хума.

Рыцаря чрезвычайно смутило добавление к его имени титула легендарного героя.

— Главный кузнец сейчас занят, но, полагаю, он все-таки сможет уделить вам время. — На лице незнакомца появилась странная, отчужденная улыбка.

Кого же он напоминал Хуме?

Из кузницы донеслись голоса. Они показались Хуме знакомыми, а один даже заставил рыцаря вздрогнуть.

Итак, в кузнице шел разговор.

— Значит, вы не можете ничего посоветовать мне?

— Я слишком долго находился вдали от людей, и мое пребывание на Кринне очень скоро закончится. Вам лучше обратиться к кому-нибудь из свих собратьев.

— Меня никто не поймет. Ну как я скажу ему, что я совсем не та, какой он меня представ-

ляет? Почему я летала с ним несколько дней и ничего ему не объяснила... Вы думаете, он смог бы любить меня, если бы узнал, что я... что мы...

Сквозь приоткрытую дверь в полумраке Хуме были смутно видны два силуэта.

— Гвинес?

Женщина обернулась на его голос и, вскрикнув, бросилась к задней двери.

Хума пошел было следом, но какой-то мужчина преградил ему путь, послышался радостный приветственный возглас:

— Хума! Как я рад увидеть вас снова!

Дункан Золотые Руки высоко поднял рыцаря, держа над головой, покачал, как младенца, и затем осторожно поставил на землю.

Хума пытался разглядеть за его спиной Гвинес, но ее уже нигде не было видно.

— Вы действительно подумали, что я одарил рыцарей только двадцатью Копьями? Ну, вы удивляете меня!

— Значит, все они настоящие?

— Разумеется. У меня их было гораздо больше, чем двадцать, но они были спрятаны очень далеко. К тому же вы не смогли бы доставить все Копья в Вингаардскую Башню. Слишком много вражеских глаз вокруг. — Он улыбнулся. — Признаться, мне самому было необходимо совершить это путешествие. В здешней кузнице нет хорошего оружейного мастера. Я немного схитрил, сказав своим повелителям, что меня настойчиво зовут в Вингаардскую Башню, но, по сути, так оно и было на самом деле. И мне разрешили перебраться сюда вместе с помощниками.

— Это... Это невероятно!

Хуму охватил восторг: здесь, в кузнице, делаются настоящие Копья Дракона! Настоящие, а не подделки!

Огромный детина похлопал рыцаря по груди:

— Вы доказали Такхизис, что Копья Дракона — грозное оружие. Навряд ли даже ваш Великий Магистр догадывается, как много рыцарей благодаря вам уже поверило в Копья Дракона.

— А седла! Нам нужно много седел.

— Хилдис!

Человек, похожий на эльфа или гнома — это очевидно и был Хилдис; — подошел к кузнецу.

— Седла готовы?

На лице Хилдиса расплылась широкая улыбка. Хотя он выглядел весьма старым, в его движениях чувствовалась стремительность и легкость, словно он был юноша в расцвете сил.

— Более чем достаточно. Хватит на всех.

— Отлично.

Дункан Золотые Руки подошел к Хуме и положил руку ему на плечо. Это означало, что кузнец должен вернуться к работе.

— Дункан, пожалуйста, только один вопрос. Гвинес...

— Это касается лишь вас двоих. — Дункан решительно прервал рыцаря. — А я скажу лишь одно: помните, что у вас теперь не будет недостатка в Копьях Дракона.

Хума пошел к двери.

Дункан, согнув в локте свою механическую руку, крикнул вслед уходящему рыцарю:

— Паладайн с вами! И не забывайте: никакие копья не помогут, если вера ваша не будет истинно крепкой.

Снова призывно зазвучал горн. Хума ускорил шаг.

Кэз встретил его с Копьем пехотинцев в руке.

— Вы сомневаетесь, что оно настоящее, Хума? Клянусь вам...

— Я знаю: они все настоящие! Настоящие! А где государь Освал?

Минотавр показал Копьем:

— Там, на городской стене. Он решил сам наблюдать за противником.

Повернувшись, Хума увидел Беннета, командовавшего отрядом всадников, и окликнул его. Тот сделал еще несколько распоряжений и только тогда подошел к Хуме. Лицо племянника Великого Магистра было необычайно оживленным. Чувствовалось, что он сейчас — в своей стихии.

— Что случилось, Хума?

— Все Копья Дракона действительно настоящие!

Беннет лукаво посмотрел на молодого рыцаря:

— Конечно, настоящие. А разве хоть кто-то сомневался?

Хума не знал, как начать свой рассказ. Беннет, конечно, знал о планах Великого Магистра. Но он, да и никто не знал о том, что Дункан Золотые Руки здесь.

Племянник Великого Магистра терпеливо ждал, что скажет Хума, и тот наконец решился. Как только Хума начал свой рассказ, лицо Беннета стало непроницаемым. А когда Хума закончил рассказ, оба рыцаря молча посмотрели друг на друга.

Потом Беннет обернулся к всадникам, ожидавшим его команды, и снова посмотрел на Хуму:

— Вы еще хотите что-то сказать мне? У меня очень мало времени. Мне необходимо отдать своим людям срочные распоряжения.

Ровный, безразличный тон Беннета изумил Хуму. Он ожидал увидеть на его лице восторг или удивление, хоть какое-то чувство, но только не полное равнодушие.

— Беннет...

Но когда Хума вновь встретил холодный немигающий взгляд рыцаря, слова застряли у него в горле. Беннет, показывая на всадников, стоящих неподалеку, сказал:

— Настоящие Копья Дракона или нет — какое это имеет значение? Хума, вот эти люди готовы к сражению, независимо от его исхода. Я буду первым среди них, и вы тоже, несомненно. Мы дорого продадим свою жизнь. И даже если мы потерпим поражение, наши жертвы будут ненеправильными. — Он перевел дыхание. — Меня радует то, что вы сейчас сообщили, радует, что мы не лезем безоружными в пасть чудовища — вот и все. Но даже если рыцари будут знать, что в Копьях Дракона не таится магической силы, они пойдут в смертный бой. Разве вы сами поступили бы как-то иначе?

Хладнокровие Беннета всегда производило на Хуму сильное впечатление, поразило оно его и сейчас. Ну что ж, Беннет совершенно прав, и особенно в том, что касалось самого Хумы. Какие бы тяжелые испытания ни ожидали рыцарей, Хума будет в их первых рядах.

— Я прошу извинить меня, но у меня действительно еще много дел. Вам надо все рассказать дяде. — Беннет показал рукой на городскую стену. — Думаю, он будет очень рад услышать ваш рассказ.

Беннет пошел к всадникам. Его команды звучали сейчас так же уверенно и спокойно, как и до разговора с Хумой, словно никакого разговора не было и в помине.

Хума поднялся на крепостную стену. У одной из амбразур была оборудована площадка для наблюдения, на ней стоял Великий Магистр.

Увидев Хуму, он сказал озабоченно:

— Противник что-то задумал. Видимо, они готовятся к воздушному бою.

Из надвигающейся тучи сверкнула молния, вспышка возникла далеко за расположением армии Такхизис. Она приковала взоры всех рыцарей. А Хуме показалось, словно душа его вырвалась из тела и устремилась к ней. У него перехватило дыхание.

Придя немного в себя, он спросил:

— Что это было?

Великий Магистр недоуменно покачал головой:

— Не знаю. Но я полагаю, что теперь на нас ринутся драконы и людоеды.

Хума вспомнил, для чего он поднялся на крепостную стену, и рассказал государю Освалу о Копьях Дракона.

Рыцарь еще не успел закончить рассказ, а Великий Магистр отдавал распоряжения своим адъютантам:

— Передайте всем: общая готовность!

Повернувшись снова к надвигающимся ордам Такхизис, государь Освал тяжело вздохнул.

Драконы тьмы приближались стремительно. Очень скоро они будут над столицей.

— Милорд! — воскликнул Хума. — Позвольте мне вместе с моим отрядом полететь им навстречу. Мы задержим противника, а рыцари за это время успеют подготовиться к бою. Надо создать боевые отряды по двадцать всадников в каждом, и пусть они все возьмут себе Копья. Затем пойдут в атаку, вслед за ними двинется пехота. Если мы добьемся преимущества в воздухе, то добьемся успеха и на земле.

— Вы идете на верную смерть!

Хума не колебался ни секунды, как ответить:

— Я отдам жизнь за Паладайну! Так на моем месте поступил бы любой рыцарь.

Освал устало кивнул головой.

Хума поспешил вниз, к своему отряду.

К его удивлению, все уже были в сборе, всадники сидели на драконах. И серебристая драконесса, конечно, тоже была здесь.

Хума рассказал, что они должны сделать, и предупредил о смертельной опасности для них. Замолчав, он уже приготовился услышать возгласы протеста, но оказалось, все согласны с его планом и готовы пожертвовать собой. Беннет одобрительно кивнул Хуме.

Как ни странно, его драконесса ничего ему не сказала. Она словно отсутствовала. Когда он забрался ей на спину и дал сигнал к взлету, она повиновалась ему тотчас.

Вскоре к ним на Стремительном подлетел минотавр.

— Мы дорого продадим свою жизнь. Враги еще долго будут вспоминать нас.

— Нам надо найти убежище Дракоса, — сказал в ответ Хума. — Именно он направляет всю эту армию.

— Он и его госпожа.

Хума кивнул.

Государь Эйвандейл, повернув голову на юго-восток, крикнул:

— Посмотрите! Что там такое?

Первым ответил Стремительный:

— Там еще одна армия! Значит, враг стал еще сильнее!

Но оказалось, это северная армия Эргота. Понимая, что если рыцари Соламнии будут побеждены; то и их ожидает рабство и гибель, рыцари Эргота решили нанести внезапный удар противнику с тыла.

— Долго ли нам предстоит лететь? — спросил Эйвандейл.

— Скоро будем уже снижаться, — ответил Беннет.

Хума с благодарностью посмотрел на Беннета. Сам он сейчас предпочитал не говорить ничего.

Впереди показалась группа вражеских драконов-разведчиков. Чтобы перехватить ее, драконы света перестроились и, едва ли не касаясь друг друга крыльями, полетели на врага. Драконы тьмы, очевидно, поняли их намерение и тоже сбились в тесную кучу. Однако некоторые драконы противника явно хотели продемонстрировать свое пренебрежение к опасности. Они оторвались от группы и полетели навстречу рыцарям.

Хума не мог сдержать усмешки. Если, раскрыв пасть и выпустив когти, вражеские драконы ринулись на них в атаку, значит, они не верят в могущество светящихся Копий.

Несколько драконов тотчас были сражены Копьями Хумы и его товарищей. Остальные повернули назад. Хума дал команду не преследовать их. Пусть уцелевшие драконы вернутся в свою группу и принесут с собой страх и панику.

Хума посмотрел на своих друзей. Глаза Кэза горели от возбуждения, Стремительный едва сдерживал себя, чтобы не броситься в погоню за удирающим врагом. Государь Эйвандейл смотрел вниз на своих соотечественников — на рыцарей Эргота. Лицо Беннета было спокойным, почти бесстрастным. Его рука уже зажила, и он крепко сжимал свое Копье.

Теперь навстречу рыцарям летела большая группа красных, черных, зеленых и голубых драконов. Были там и белые драконы — но без всадников. Хума полагал, что они просто служат для Такхизис пушечным мясом, ведь это были существа скорее хитрые, чем умные, и к тому же необученные ведению боя. Правда, они во время сражения были менее уязвимы, чем другие драконы.

На земле уже все пришло в движение. Армия Эргота вытянулась длинной широкой цепью; южный фланг людоедов развернулся навстречу ей, но северный, еще не знавший, что армия Эргота, находящаяся в их тылу, перешла в атаку, продолжал продвигаться вперед. Таким образом, в центре образовалась брешь.

Хуму мгновенно осенило: «Мы немедленно должны их атаковать!»

Конечно, рыцари, находящиеся в столице, еще не могли видеть армию Эргота, но они должны были уже заметить, что армия людоедов распалась на две части. «Более выгодного момента для атаки и не придумать. Что же они тянут?»

По сигналу Хумы крошечная группа рыцарей с Копьями полетела на кажущуюся бесконечной армию людоедов. Началось сражение.

Вдруг стало темно, словно все вокруг поглотила адская бездна.

Потом вспышки света — яркие, как солнце — разорвали тьму. Значит, в бой вступили маги противника.

Серебристая драконесса увернулась от нападения вражеского дракона, в то же мгновение Хума увидел, что один из рыцарей с Копьем и его дракон окружены шестью черными драконами. Рыцарь и дракон света были тотчас убиты. В хаосе и мраке Хума не смог увидеть, кто же погиб.

Группа Хумы раскололась на части. Поблизости от Хумы были Кэз и Стремительный. Где-то недалеко слышался голос Эйвандейла.

Свирепый черный дракон, управляемый всадником Черной гвардии, обрушился на Хуму сверху. Хума крикнул серебристой драконессе об опасности, но она не смогла вытащить когти из спины красного дракона, с которым сражалась; Копье Хумы тоже торчало в спине красного дракона. Рыцарь выхватил меч и приготовился к схватке с черным гигантом. Неожидан-

но появился серебряный дракон и вступил в бой с черным. Хума узнал всадника. Это был Бьюрн, уже весь израненный. Кровь заливала его доспехи и спину серебряного дракона.

Внезапно Хума почувствовал острую боль в левой ноге и повалился на спину. Из глубокой раны хлынула кровь. Боль пронизывала все тело. Затуманенными глазами рыцарь увидел перед собой людоеда, сидящего на драконе. Людоед с огромной силой, во много раз превосходящей человеческую, нанес рыцарю прицельный удар секирой. Хума смог отразить удар, но почувствовал, что совсем обессилел. Боль становилась невыносимой. На его счастье, серебристой драконессе удалось наконец вытащить когти из красного дракона. Тот рухнул на землю вместе с людоедом.

— Хума!

Он не сразу понял, что зовет его драконесса. Она повернула к рыцарю голову и смотрела на него с тревогой и состраданием. Не раз он видел такие же глаза, но...

Вдруг одновременно с разных сторон раздались громкие крики. Хуме вначале показалось: новая стая драконов тьмы летит на помощь своим сородичам. Но он ошибся. Это летели золотые и серебряные драконы. Их было больше сотни, на каждом — рыцарь со светящимся Копьем.

Драконов тьмы охватила паника. Они, начиная бой, рассчитывали, что будут иметь дело лишь с небольшой группой, и вдруг!..

Красный дракон, приготовившийся напасть на Хуму, был мгновенно уничтожен. Он даже не успел выпустить когти для обороны.

Противник понял, что обречен на гибель.

Хума дотронулся рукой до лба и почувствовал: рука стала липкой от крови. Он попытался вспомнить, когда и как его ранили в голову. Взглянув на беспомощно висевшую ногу, увидел: рана на ней все еще кровоточит. Кровь надо было срочно остановить.

Серебристая драконесса, выходя из боя, рванулась в сторону.

Из столицы все летели и летели новые отряды драконов света. «Сколько же Копий успел изготовить Дункан?» — подумал Хума.

Серебристая драконесса мчалась так, словно ее преследовала сама Владычица Тьмы. Когда она поворачивала голову к нему, Хума неизменно встречал ее полный отчаяния взгляд. Пытаясь остановить кровь, он крепко сжимал рану на ноге.

Наконец они перелетели через городскую стену столицы и опустились на поле, где оказывалась помощь раненым.

— Скорее снимите его! — Голос драконессы был хриплым и повелительным, и ее приказание было незамедлительно исполнено.

Хума уже не видел ни драконессы, ни кого-либо из санитаров.

Придя в себя, Хума увидел склонившуюся над ним Гвинес. Она промывала ему рану. Когда Гвинес дотрагивалась до рыцаря, боль сразу же стихала. Он ощущал живительный поток энергии, стекающий с ее пальцев. Лицо ее было бледным.

Хума осмотрелся вокруг. Они были на холме, далеко от поля боя, но звуки битвы доносились

и сюда. Рыцарь увидел Эйвандейла: вместо левого бока было кровавое месиво. Беннет вроде бы не был ранен, но вид у него был такой, словно его в доспехах долго волокли по камням. Кэза поблизости не было.

Беннет смотрел на Гвинес, на его лице были написаны одновременно и восхищение, и отвращение. Он увидел, что Хума пришел в себя, и, встретившись с ним глазами, отвел свой взгляд.

— Бьюрн погиб, Хума, — наконец сказал племянник Освала и снова посмотрел на Гвинес. — Последнее, что я видел: он и его дракон бросились наперерез тому черному, что напал на вас... В общем, Бьюрн и его дракон погибли.

Это потрясло не только Хуму, но и Гвинес. Закрыв лицо руками, она заплакала.

Хума осторожно дотронулся до ее плеча.

— Она плачет не по Бьюрну, а... — Беннет осекся.

— Помолчите, Беннет, — сказал государь Эйвандейл. Он попытался и не смог встать.

— Хума! — Неожиданно на Стремительном к нему подлетел Кэз и, подняв секиру над головой, радостно приветствовал своего друга.

У Стремительного и у минотавра было множество мелких ран, но оба они выглядели бодрыми.

Хума только взглянул на них и тотчас снова повернулся к Гвинес. Она смотрела в сторону. Обернувшись к Беннету, Хума спросил:

— Что вы имели в виду? Что хотели сказать?

Беннет взглянул на Эйвандейла:

— Это видели все. Какой смысл скрывать? Если она сама не может сказать ему, кто-то все

равно должен будет это сделать. Он должен все знать. Я ведь знаю, как он к ней относится.

— Это их личное дело! — Эйвандейл был разъярен не на шутку.

— Прекратите сейчас же, — неожиданно резко сказала Гвинес.

Она встала, глядя на Хуму и беспомощно опустив руки.

Эйвандейл снова хотел подняться с топчана и снова не смог. Обратившись к Беннету и Кэзу, он попросил:

— Помогите, пожалуйста, мне встать. Меня здесь, на холме, знобит, мне нужно найти местечко потеплей.

Кэз и Беннет подхватили его под руки и ушли все втроем.

Наконец Гвинес сказала:

— Я плачу по Бьюрну и по каждому, кто пал, сражаясь с Такхизис.

— Как и я.

Она попыталась улыбнуться.

— И особенно я скорблю о драконе, на котором летел Бьюрн, о большом серебряном драконе.

«Это брат моей серебристой драконессы, — тотчас вспомнил Хума. — Почему Гвинес так страдает из-за его гибели?» Она печально посмотрела вокруг. Они абсолютно одни...

Встретившись взглядом с недоумевающим взглядом Хумы, она тихо произнесла:

— Прежде, чем я расскажу вам обо всем, знайте, что я люблю вас, Хума. Я никогда не сделала бы ничего вам во вред.

— Я тоже люблю вас. — Слова вырвались из груди рыцаря неожиданно легко.

— Боюсь, что скоро вы будете ко мне относиться по-другому, — сказала она грустно.

Хума не успел спросить ее о том, что она имеет в виду, — Гвинес вдруг засветилась почти так же, как светились Копья Дракона. Объятый ужасом и очарованием, рыцарь увидел, как ее лицо удлинилось, а нос и рот стали расти и превратились в зубастую пасть. Хума решил, что это чье-то колдовство, и встал, чтобы помочь ей рассеять злые чары, но нога еще не слушалась его, раненая голова болела. Он тотчас упал. Ее длинные тонкие руки становились все длиннее и длиннее. Небольшие ладони искривились, став когтистыми лапами. Она опустилась на четыре лапы и все росла и росла. Это было уже существо, даже отдаленно не напоминающее человека, и, глядя на нее, Хума в ужасе лишь качал головой. Ее одежда куда-то исчезла — только Паладайн знал, куда, — но в одежде больше не было никакой необходимости. На спине выросли крылья; вот она расправила их.

Превращение завершилось — перед Хумой стояла серебристая драконесса.

Глава 28

Потупив взор, серебристая драконесса тихо попросила:

— Хума, ради Паладайна, скажите мне что-нибудь!

Голос принадлежал именно Гвинес.

Он смотрел на драконессу и видел, что она боится — боится того, что он может отвергнуть ее.

Хума не мог понять, что происходит с ним самим. Ему казалось: весь мир перевернулся. Это не могла быть Гвинес! Разве такое возможно?!

— Тогда, вечером, вы видели моего брата и именно его встретили также тогда, когда заходили к Дункану Золотые Руки. Мы с ним — драконы, но мы оба можем существовать и в человеческом облике. Мы так восхищаемся вами, Хума, вами и вашим родом. За свою короткую жизнь вам удастся свершить так много!

Хума ничего не сказал. Он вдруг отпрянул от нее. Это произошло не от страха, движение было чисто инстинктивным.

Она поняла, что должна немедленно снова принять человеческий облик. Крылья начали

свертываться. Лапы стали гладкими и приобрели форму человеческих ног и рук. Вот она встала на ноги, и огромное тело стало сжиматься. Морда уменьшилась и округлилась, громадная пасть сузилась и превратилась в маленький рот с пухлыми, нежными губами. На голове стали, сверкая серебристым блеском, снова расти волосы.

Потрясенный рыцарь не мог и поверить, что все это — реальность.

— Мой брат говорил мне — но я вначале этому не верила, — что я стала жертвой своей страсти. Это происходит с очень немногими драконами. Я полюбила вас.

— Почему?

Она нахмурилась, не понимая, что он хочет узнать, и тихо произнесла:

— Вы олицетворяете дух Паладайна. Вы — сильный, добрый, храбрый рыцарь. Я люблю вас за то, что вы — это вы, вот и все.

— А, счастливые любовники! — Злой торжествующий голос вывел Хуму из оцепенения.

Галан Дракос, выглядевший так же, как при первой встрече, появился вдруг неизвестно откуда и, улыбаясь, смотрел на Хуму и Гвинес.

— Я дал бы знать о своем присутствии еще раньше, но мне не хотелось прерывать такую замечательную сцену!

Гвинес издала крик, который не мог вырваться ни из одной человеческой груди, и была уже готова броситься на колдуна, но Хума преградил ей путь. Рыцарь сделал только несколько шагов и от острой боли, пронзившей все тело, упал. Только тогда он понял, что перед

ним, как и прежде, призрак. Хума мысленно ругал себя за несообразительность. Ренегат хохотал.

— Я пришел к вам, Хума, не из добрых побуждений. Я пришел расплатиться за смерть Кринаса. Конечно, он был азартен, но он был самым лучшим командиром в моей армии, и мне, к сожалению, без него нелегко руководить войсками.

Встревоженные Кэз и Беннет уже спешили к ним. Дракос поднял руку, и они остановились, словно натолкнулись на стену.

— Как говорится, око за око. — Дракос поднял руки над головой, и перед ним что-то возникло.

Неясный силуэт становился все более отчетливым, и Хума наконец узнал его.

— Магиус!

Его, должно быть, пытали. Вместо лица — кровавое месиво, один глаз распух, мантия разорвана в клочья. Хума удивился, что она белая, а не красная. Он еле держался на ногах. Магиус упал, но, упершись здоровой рукой в землю, поднялся снова.

— Ху... Хума. — Несколько зубов у Магиуса были выбиты. — Я был прав...

Дракос, издеваясь, улыбнулся:

— Вы уж извините, так получилось, что у него теперь плохая дикция.

Сжав губы от боли, Магиус повернулся к Дракосу и плюнул на мантию ренегата. Тот рассвирепел и поднес ладонь к своему пленнику. Тело Магиуса затряслось, он застонал от боли.

Гвинес шагнула вперед и крикнула:

— Проверьте-ка свои заклинания на мне, Дракос.

Призрак угрожающе усмехнулся:

— У меня намного больше сил, чем вы думаете. Но я не намерен сейчас их использовать. Я пришел только для того, чтобы показать Хуме бессмысленность его упований на победу.

Хума сделал отчаянную попытку дотянуться до Магиуса. Но тот покачал головой:

— Нет, Хума. Мне уже не pomoжешь. Одолей Дракоса. Это все, о чем я тебя прошу.

Дракос поднял руки над головой Магиуса:

— Твое время закончилось, мой друг.

Взмахнув руками, ренегат направил на своего пленника вспышки зеленого света. Они пронзили тело Магиуса, тот вскрикнул, словно это были острые стальные пики. Он покачнулся и, наклонившись вперед, рухнул к ногам Хумы.

Перед рыцарем лежало неподвижное тело Магиуса — совершенно реальное, осязаемое. Его смерть не была иллюзорной. Хума закричал и бросился на ренегата, но Дракоса уже нигде не было видно. Только послышался голос:

— Это вам расплата за неповиновение, рыцарь Соламнии. Так будет до тех пор, пока вы не подчинитесь моей госпоже.

— Никогда! — крикнул Хума. — Если кто-нибудь и будет расплачиваться за все, то это будешь ты.

Беннет и Кэз стремглав подбежали к Хуме. Минотавр спросил:

— Хума! Я вам хоть чем-то могу помочь?

Рыцарь молчал, не отрывая глаз от безжизненного тела Магиуса.

— Я помогу вам отомстить за него, — сказал минотавр.

Кэз никогда не скрывал своей неприязни к магу, но сейчас...

Хума покачал головой:

— Мсть — это совсем не то. — Он поднял руку. — Помогите мне перенести его.

Тело Магиуса положили на небольшое возвышение.

Склонившись над своим другом, Хума поразился выражению умиротворенности на его лице. Он никогда не видел Магиуса таким при жизни.

Сжав зубы от боли, Хума стал подниматься с колен. Кэз и Беннет хотели помочь ему, но он отстранил их. Встав на ноги, Хума сказал:

— Мне нужна помощь вас всех. Пришло время восстановить в мире равновесие. Пришло время, когда Дракосу и его госпоже придется узнать, что зло должно уравновеситься добром. Магиус жил, утверждая это. Он сменил мантии всех трех орденов, и последней надел белую мантию Солинали. Между добром и злом маятник проходит дважды. Сейчас он движется в нашу сторону.

— Вы хотите отыскать убежище Дракоса? — спросил Беннет.

— Да. Я прошу вашей помощи и помощи всех, кто остался жив в нашем отряде. Если вы откажетесь пойти со мной, я пойму вас, ведь это — почти самоубийство.

Кэз возмутился:

— Если вы полагаете, что я когда-либо мог бы покинуть поле боя, то значит, вы ничего не

знаете о минотаврах. Можно не быть рыцарем Соламнии, — он словно и не заметил брошенного на него взгляда Беннета, — и быть настоящим бойцом. Я буду с вами, Хума, всегда.

Беннет тотчас кивнул в знак согласия:

— Я тоже. Убежден, что все, кто еще может держаться в седле, скажут то же самое.

— Оставьте тогда меня на несколько минут одного. Беннет, пожалуйста, расскажите Великому Магистру о том, что только что здесь произошло. Я хотел бы, чтобы он распорядился похоронить Магнуса с почестями.

— Я исполню ваше приказание.

Кэз и Беннет ушли.

Хума смотрел на тело своего друга.

Мысли его прервал грустный женский голос:

— А что бы скажете мне? Наш разговор оборвали Дракос и смерть вашего друга. Я не надеюсь, что ваша любовь ко мне может воскреснуть в вас. Я хочу только сказать вам: я всегда буду на вашей стороне. Когда вы полетите в логово Такхизис, вас туда понесу на своей спине я. Вы согласны?

Она замолчала. Хума не мог вымолвить ни слова.

— Не забудьте: я буду ждать вашего ответа.

Хума услышал удаляющиеся шаги. Вскоре все стихло. Он не двинулся с места, пока не появились священники из храма Паладайна, чтобы перенести тело Магнуса туда, где оно отныне будет покоем.

Прихрамывая, Хума пошел к рыцарям своего отряда. Все, кто еще мог сражаться, были в полной боевой готовности. Их осталось всего

восемь человек и восемь драконов. Государь Эйвандейл из-за серьезного ранения не смог бы отправиться вместе с ними, но он был здесь, желая хотя бы проводить своих друзей.

Хума спросил его:

— Что сейчас с вашей армией?

— Она окружена, но продолжает сражаться. Ваш Великий Магистр направил на помощь ей несколько рыцарских отрядов. Людоеды уже остановлены.

Хума вяло кивнул. Он расслышал только часть того, что сказал государь Эйвандейл. Убийство Магиуса на глазах рыцаря было задумано Дракосом в надежде сломить дух Хумы. Отчасти это ему удалось. Рыцарь чувствовал себя разбитым.

— Пожелайте нам удачи, милорд.

— Я хочу благословить вас и подарить вам вот это. — Эйвандейл снял с груди медальон. — Наклонитесь.

Эйвандейл надел на шею рыцаря свой подарок.

— Вы заслужили его больше, чем я.

Хума приподнял медальон на ладони и посмотрел на него.

— Благодарю вас, милорд.

— Меня не за что благодарить. Отыщите Дракоса.

Рыцарь кивнул и встал. Все были уже на драконах.

Хума подошел к серебристой драконессе. Он хотел ей что-то сказать, но передумал и молча, с трудом взобрался ей на спину. Затем ему передали большое Копье Дракона. Хума увидел:

короткое Копье Дракона, предназначавшееся для пехотинцев, снова прикреплено ремнем к боку серебристой драконессы.

По его сигналу все взмыли ввысь.

Тотчас Хума достал маленький зеленый шарик.

Он изо всех сил пожелал, чтобы их полет был направлен прямо к цитадели Дракоса. Шарик ярко засветился и, скатившись с его ладони, полетел на запад, к горам. Восемь драконов с наездниками последовали за ним.

Кровопролитная битва между рыцарями и людоедами еще продолжалась. Драконы зла, боявшиеся гнева своей госпожи, вновь и вновь бросались в атаку. Их встречали рыцари, вооруженные светящимися Копьями. Рыцари сражались не на жизнь, а на смерть. Уже каждый пятый рыцарь и каждый пятый дракон света погибли. Среди пехотинцев и конных рыцарей потери были тоже большие.

Отряд Хумы, следуя за светящимся шариком, пролетел над полем боя. Драконы постоянно снижались до самой земли — оказать помощь рыцарям, попавшим в отчаянное положение.

Противник еще не был сломлен. Нескольким группам вражеских драконов удалось прорваться через оборонительные рубежи рыцарей, и они полетели к Вингаардской Башне. Хума знал, что там их ожидает неприятный для них сюрприз. Их встретят более полусотни драконов, находящихся в резерве Великого Магистра.

Сверху было хорошо видно, что людоедам приходится вести войну сразу на два фронта.

Армия Эргота перешла в наступление и на южном фланге стала теснить людоедов.

Вдруг все небо потемнело. Ослепительные вспышки молний стали с поразительной точностью попадать в рыцарей с Копьями и в их драконов. Многие рыцари, находившиеся в первых рядах, повернули назад.

Хума лихорадочно пытался что-либо придумать. «Можно ли бороться с тучей? То, что материально, можно пронзить копьем. Но для чего пронзать просто пустой воздух?»

Рыцарь на серебристой драконессе ворвался в самый центр грозовой тучи.

Ощущение нависшего зла было таким сильным, что в воображении Хумы возник образ Такхизис, находящейся прямо перед ним и драконессой и бросающей в них стрелы молний.

Вот позади них сверкнула молния, кто-то вскрикнул. Копье Дракона в руке рыцаря вдруг вспыхнуло так ярко, что Хуме пришлось зажмуриться. Со всех сторон раздались крики, и Хума понял: то же самое, что с его Копьем, произошло и с Копьями его товарищей.

Открыв глаза, он увидел, что грозовые облака быстро рассеиваются. Удивленный Хума увидел солнце — его лучи весело играли на рыцарских доспехах. Он думал, что уже наступил вечер, что солнце уже закатилось. А оказывается, оно все еще светит высоко в небе.

Худшего для драконов тьмы и представить было невозможно! Они поворачивали назад и покидали поле битвы. Даже страх перед госпожой не останавливал их. Великий Паладайн снова владел небом.

Однако на земле людоеды продолжали сражаться с неистовым упорством. Драконы могли вновь начать бой на следующий день, но у людоедов и их союзников такой возможности не было. Они не могли нигде укрыться от преследующих их рыцарей. В бой людоеды уходили с одной мыслью: победа или смерть.

Кэз и Беннет летели по обе стороны от Хумы, за его спиной.

Хума дотронулся рукой до медальона, подаренного государем Эйвандейлом. Он был едва ли не раскаленным. Хума наклонился вперед, и висящий на цепочке медальон коснулся Копья Дракона. Рыцарь почувствовал — словно ток прошел по всему его телу.

Перед ними уже были горы. Зеленый светящийся шарик продолжал свой полет, прошедшая гроза никак не повлияла на него. Хума вертел головой во все стороны, но убежища Дракоса по-прежнему нигде не было видно. Было неясно, близко ли, далеко ли находятся они сейчас от цитадели Дракоса. И скорее всего она надежно охраняется.

Вдруг на небольшой вершине, находящейся юго-западнее отряда рыцарей, взметнулось вверх темное облако, прогремел взрыв. Хума направил туда Копье Дракона, надеясь, что оно способно рассеять движущийся на них темный сгусток.

Но вслед за первым взрывом тотчас прогремел второй. Два темных облака столкнулись и уничтожили друг друга.

Хума пытался понять, где прогремел второй взрыв.

И тут взрывы стали греметь один за другим — они раздавались с близлежащих вершин.

Неожиданно Хуму осенило. Он, улыбаясь, повернулся к Кэзу:

— В бой вступила Черная мантия. Ее маги атакуют ренегатов Дракоса.

Кэз крикнул это Беннету, тот — остальным рыцарям.

В небе появилась дюжина красных драконов со всадниками. Присмотревшись, рыцари с удивлением и ужасом увидели: всадники в черных доспехах вооружены... Копьями Дракона. Несомненно, они забрали их у убитых. «Нам надо было предвидеть это, — сказал себе Хума. — Копье смертельно опасно, ему все равно, чья рука его направляет».

По численности противник почти вдвое превосходил отряд Хумы. Командир в развевающемся на ветру плаще и в шлеме с опущенным забралом, с двумя торчащими над ним рогами, что-то кричал своим подчиненным. Красные драконы летели в два этажа. Их замысел был понятен: когда рыцари вступят в бой с одной половиной группы — вторая тотчас пойдет в атаку.

Хума расставил руки в стороны, и его отряд разделился на две части — слева и справа от него. Это оказалось неожиданным для противника. Обе вражеские группы теперь вынуждены будут защищать свои фланги сразу. Противник решил лететь снова одной группой.

Один из красных драконов оказался совсем близко от Хумы, и тот пронзил врага Копьем. Несколько красных драконов бросилось на по-

мощь пострадавшему. Один из них выпустил огненную струю. Уклоняясь от нее, серебристая драконесса нырнула вниз, и Хума успел воткнуть Копье в брюхо этого дракона. Копье вошло в него, словно в масло; красный дракон судорожно забился. Его всадник схватился за лук, висевший у него за спиной, но не успел воспользоваться им. Содрогавшийся в конвульсиях дракон мгновенно загорелся и рухнул вниз.

Хума увидел: командир черных гвардейцев ударил копьем в шею золотого дракона из рыцарского отряда. Неистово мотая головой, раненый дракон сумел освободиться от копья. Рана была глубокой: Дракон, дергаясь от боли, сбросил своего седока. Хума и хотел бы, но ничем не мог помочь рыцарю — командир гвардейцев напал и на него самого. Кровь золотого дракона капала с острия копья, и все копье, которое держал в руках командир гвардейцев, было в крови — прежде такого никогда не случалось.

Серебристая драконесса не смогла вовремя увернуться от приближающегося к ней красного дракона. Хума и его противник крепко сжали свои копья. Рыцарь содрогнулся от мысли, что может погибнуть также и Гвинес — он теперь мысленно именно так называл драконессу, — и в отчаянии воззвал к Паладаину. Острие копья, направляемое гвардейцем, коснулось груди драконессы и, проколов нижнюю мембрану крыла, соскользнуло вбок.

Тотчас Копье Хумы пронзило красного гиганта насквозь — снизу вверх. Гвинес вцепилась в раненого врага.

Было ясно, что он уже обречен.

Всадник в черных доспехах отстегнулся от седла, пополз по дракону к шее, а оттуда перепрыгнул на спину серебристой драконессы сзади Хумы.

Сейчас драконесса уже ничем не могла помочь своему рыцарю. Гвардеец вынул из ножен огромный меч с острыми зубинами по краям. По сравнению с этим мечом меч Хумы казался игрушкой, но Хума, ни секунды не колеблясь, поднял его высоко над головой. Мечи скрестились. Хума едва-едва сдерживал натиск черного гвардейца.

Драконессе удалось наконец освободиться от когтей красного дракона, и она стала придумывать, как сбросить с себя гвардейца. Хума, пристегнутый к седлу, чувствовал себя уверенней, чем его противник. Гвардеец, сидевший на спине драконессы, боясь свалиться, вцепился в нее одной рукой.

Неожиданно для драконессы рыцарь отстегнул ремни, крепко державшие его в седле, и продвинулся вперед к шее драконессы — он хотел занять удобную для него позицию. Гвардеец тотчас попытался ударить его мечом, но промахнулся. Повернувшись лицом к противнику, Хума взмахнул мечом. Гвардеец парировал удар — меч Хумы застрял между зубцами его меча. Противники судорожно старались вырвать друг у друга оружие из рук.

Хума держал меч обеими руками, его противник — только одной. Потом гвардеец ухватился за эфес своего меча второй рукой, однако, потеряв равновесие, соскользнул со спины драконессы. Он отчаянно пытался схватиться за крыло,

но драконесса, подняв крыло, резко наклонилась. Гвардеец вскрикнул и полетел вниз.

Кэз и Стремительный кричали от радости.

Этот бой закончился для рыцарей на удивление благополучно. Они потеряли только одного золотого дракона и одного рыцаря. Хума возблагодарил Паладайна, что остальные остались живы, и подумал, что же ждет их дальше.

Неожиданно все вокруг стало мерцать, рыцарей зазнобило.

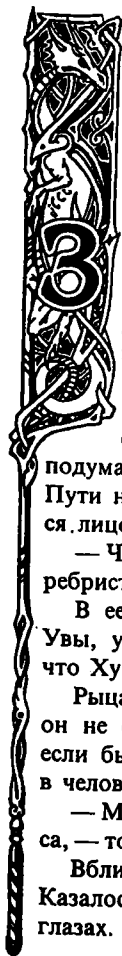
Ожидая нового нападения, Хума снова пристегнулся к седлу. В мерцающем свете ему казалось: горы начали беспорядочно двигаться, они словно бы разлетелись сразу во все стороны. Хуме не оставалось ничего иного, как ухватиться за седло и шептать молитвы, чтобы новая опасность скорее миновала. Или Паладайн слышал его молитвы, или они наконец достигли места, где заклинания Дракоса теряли силу, но пляска гор прекратилась.

Когда вскоре Хума снова взглянул на горы, на одной из вершин он увидел огромный черный замок.

Это была цитадель Галана Дракоса, ренегата и слуги Такхизис.

Что ждало рыцарей там — победа или смерть?

Глава 29

Замок располагался на северном склоне мрачной, голой горы. Он был воплощением зла. Он был чернее ночи и чернее доспехов гвардейцев. Хуме он напомнил замок из его ночного кошмара, — замок, стоявший на краю адской бездны.

«Может быть, вернуться в Вингаардскую Башню и попросить помощи? — подумал Хума и тотчас отбросил эту мысль. — Пути назад нам нет. Настало время встретиться лицом к лицу с Такхизис».

— Что будем делать, Хума? — спросила се-ребристая драконесса.

В ее глазах он прочитал отчаяние и муку. Увы, у нее не было больше надежды на то, что Хума полюбит ее.

Рыцарю хотелось как-то успокоить ее, но он не смог ничем подбодрить драконессу. О, если бы в эту минуту перед ним была Гвинес в человеческом облике!

— Мы проникнем в замок и найдем Драко-са, — только и сказал он.

Вблизи замок показался еще более жутким. Казалось, он словно бы рассыпается прямо на глазах. Отовсюду падали куски известки.

Стены были обвиты виноградными лозами. Хума вначале удивился, как они могут расти на таком холоде? Но вскоре понял: они уже давно мертвы. На стене стояли какие-то отвратительные чудовища. Присмотревшись, Хума догадался: это не живые существа, а творения какого-то безумного скульптора. Над стеной — две башни. Одна, высоченная, должно быть, наблюдательная вышка. Другая башня выглядела здесь чем-то чужеродным. Она была очень широкой и невысокой. Сам замок выглядел сейчас ветхим, а эта башня, казалось, была сооружена совсем недавно.

Хума почему-то ни секунды не сомневался: ренегата надо искать именно здесь.

— Крепость не защищает никто! — крикнул Беннет.

Да, стражи нигде не было видно. Никого не было и на наблюдательной вышке, и во дворе за стеной. Все говорило о том, что замок совершенно пуст, но Хума не сомневался: Галан Дракос ждет их здесь, в своем логове.

Подняв руку вверх, Хума скомандовал:

— Оставайтесь тут! Я пойду в замок один.

Сидя на серебристой драконессе, Хума почувствовал: она вся затрепетала, хотя и не взглянула на него.

Кэз не сдержал возгласа удивления:

— Нам оставаться тут? Хума, вы сошли с ума? Или вы думаете, что мы оставим вас одного?

— Дракос хочет встретиться именно со мной. Пусть так и будет.

К Хуме на своем драконе подлетел Беннет:

— Я не позволяю вам идти одному!

— Это настоящее безумие, Хума, — добавил и золотой дракон Беннета.

Серебристая драконесса вместе с Хумой неожиданно и стремительно полетела к замку. Все, застыв, смотрели им вслед. Теперь рыцари не могли ничего изменить.

Хума увидел внутренний двор замка, огороженный крепостной стеной. Размеры крепости поразили рыцаря.

Неужели Галан Дракос был столь могущественным, чтобы не только командовать армией и руководить колдунами, но и укрывать от глаз людских огромную цитадель?!

Вдруг что-то большое стремительно напало на Хуму и Гвинес. Чья-то гигантская рука вырвала рыцаря из седла. Мир для него исчез.

Когда Хума пришел в себя, он увидел длинный узкий коридор. В коридоре царил полумрак, в глубине горел всего лишь один факел. Пахло сыростью, стены были холодные, каменные.

Почему он здесь? Если его пленил Дракос, то почему у него не отобрали оружие? А Хума, ощупав себя, уже убедился, что меч и кинжалы при нем. Кто и с какой целью похитил его?

Услышав бряцанье металла, Хума догадался: по боковому коридору идет кто-то в доспехах. Вынув меч, рыцарь осторожно пошел туда, откуда доносился звук. Коридор напоминал подземные тоннели, в которых обитал Огнедув.

Добравшись до места, где этот коридор пересекался с другим, Хума притаился у правой сте-

ны тоннеля. Вот показался ботинок, а затем стал виден весь гвардеец в черных доспехах. Хума затаил дыхание. Не заметив рыцаря, гвардеец спокойно прошел по боковому коридору. Вслед за первым появился второй. Этот второй сразу же увидел Хуму и выхватил зазубренный меч, похожий на тот, что был у командира гвардейцев. Молниеносным ударом своего меча Хума тут же сразил гвардейца.

Услышав шум, первый гвардеец повернулся к Хуме и тоже выхватил меч. Рыцарь сумел увернуться, и меч гвардейца со звоном глубоко вошел в камень стены, но гвардеец с легкостью вынул его из стены. Отразив второй удар гвардейца, Хума стал наступать. Противник хорошо владел своим оружием, но все-таки в искусстве фехтования уступал рыцарю. Вскоре и гвардейцу стало ясно, что он не сможет одолеть рыцаря. Оттолкнув своим мечом меч гвардейца, Хума ударил противника ногой. Тот упал на каменный пол. Подняться ему уже было не суждено — удар рыцарского меча был точным.

Хума посмотрел вокруг. На шум могли прибежать другие гвардейцы. Но оба коридора были пустыми.

Рыцарь решил пойти назад по первому коридору. Было темно, и он шел медленно.

«Что случилось с серебрястой драконесой?» — подумал рыцарь. — «Где Гвинес?» — поправил он себя. В каком бы облике она ни была, она все равно — Гвинес. «Она где-нибудь здесь. Возможно, тоже бредет где-то в темноте, ищет меня». Вспомнив о медальоне Эйвандейла,

он достал его и ощутил пальцами тепло. Медальон засветился подобно Копью Дракона.

Вдруг в глубине коридора послышались голоса. Хума почему-то решил, что это говорят не гвардейцы. «Маги? — подумал Хума. — Но какие? Ренегаты или союзники?»

Рыцарь сжал эфес меча. Магам в темноте привольно, как рыбе в воде.

— Он должен быть здесь!

— Но зачем вы сделали это?

— Ренегат схватил бы их обоих. Он... Ах!

Один из магов вздрогнул, увидев острие меча у своего горла. Его спутник и не пытался напасть на Хуму.

— Не двигаться! — прошептал рыцарь.

— Это он! — вырвалось у мага, стоящего к Хуме не совсем вплотную.

— Мы — союзники! — сказал первый маг, тот, к чьей шее был приставлен меч Хумы. — Разве Гунтер не сказал вам?

Лицо мага в темноте рассмотреть было трудно, но Хума чувствовал, что тот напуган.

— Гунтер? — переспросил рыцарь.

— Маленький, лысый.

Да, маг знал Гунтера. Но был ли он Гунтеру союзником?

— Он дал вам маленький изумрудный шарик.

— Верно. — Хума опустил меч.

Маги вздохнули с облегчением. Оба они были среднего роста, один грузнее и шире в плечах, чем другой.

— При иных обстоятельствах мы хорошенько бы проучили вас, чтобы вы знали, как угрожать магам ордена Нутари, — сказал широкопле-

чий. — Но сейчас обстоятельства вынуждают нас помогать вам.

— Я мог бы ответить вам почти теми же словами.

— Дракос знал, что вы, увидев пустой двор его замка, сочтете это за приглашение приземлиться на нем. У нас, к сожалению, не было времени утащить вас обоих, и нам пришлось утащить только вас одного. Кроме того, мы были вынуждены спрятать вас в первом попавшемся темном месте.

— Я лично очень хорошо представлял, где вы приземлитесь. И не беспокоился, — самоуверенно заявил узкоплечий маг.

— Некоторым из нас здорово везет. — Замечание коренастого мага относилось к его товарищу. А обратившись к рыцарю, маг нахмурился и сказал: — Будьте предельно осторожны. Мы хотим...

— Вы хотите? — Хума взмахнул мечом перед лицом мага. — Я отказываюсь от помощи Черной мантии. Да, мы сейчас вместе, но как равные.

Хума мог бы вообще обойтись в данную минуту без союзников, но Черная мантия однажды уже спасла ему жизнь.

— Что с драконессой, на которой я прилетел?

— С драконессой? — переспросил коренастый. — Она заморожена Галаном Дракосом. Ему она не нужна.

— Что это значит?

Мысль о том, что с Гвинес могло случиться что-то страшное, испугала Хуму. Поняв это, маг поспешил успокоить его:

— Ничего! Сейчас он слишком занят. Он работает над великим заклинанием, которое могло бы воздействовать на весь Кринн. И на драконессу у него совсем нет времени.

Хума глубоко вздохнул и несколько успокоился.

— Вы оказали мне, конечно, неоценимую услугу. Но я думаю, что теперь Дракос будет подозревать всех магов Черной мантии.

Худощавый маг воскликнул:

— Он даже и не подозревает, как много у него противников! Он думает, что против него восстали лишь несколько членов нашего ордена. Нет, он и не подозревает, что это бунт масс. Мы больше не рабы ренегата и его госпожи.

— Тише, — зашипел его собрат. — Он может нас услышать, и тогда нам не поздоровится!

— А вы боитесь, что не поздоровится? — Хума посмотрел на магов с презрением и постарался, чтобы это его презрение они заметили. — И вы, трусы, еще хотите, чтобы я — вместо вас — одолел его? Прекрасно устроились. Где Галан Дракос?

— Не сходите с ума! — сказал один из магов.

— Где Дракос?

— Мы с тобой доставили рыцаря сюда, — сказал один маг другому. — Мы можем также и убрать его отсюда.

— Это не совсем то, на что мы рассчитывали.

— Разве что-нибудь из того, что мы хотели сделать, осуществилось? Сагатанус умер. Он первым же восстал против ренегатов, а ведь он

обещал им, что мы договоримся с ними! Обещал, что, если они не будут вступать в орден и подчиняться Конклаву, их больше не будут преследовать!

— Да, это была наша ошибка. Мы разрешили им продолжать их эксперименты, которые переходят все границы дозволенного...

Хума прервал спор тем, что приставил острие меча к подбородку коренастого мага. Они оба мгновенно замолчали.

— Последний раз спрашиваю: где Галан Дракос? — требовал ответа Хума.

Коренастый маг тотчас подробно объяснил рыцарю, как найти Дракоса.

— Если сможем, мы постараемся освободить драконессу. Если же это не удастся... — Маг замолчал.

— А где мои друзья? Вы что-нибудь знаете о них?

— Они улетели. Не уверен, что они придут вам на помощь. Возможно, они улетели в Вингаардскую Башню.

Хума пропустил мимо ушей эти слова мага. Он не сомневался, что рыцари поблизости и придут ему на помощь.

Надо прежде всего найти Дракоса.

Послышался звук шагов, и оба мага насторожились.

— Уходите, — прошептал худощавый.

Хума стремглав кинулся прочь.

Впереди он увидел силуэты гвардейцев в доспехах. Хума нырнул в боковой коридор и затаился в нем. Мимо него, оживленно разговаривая, прошли шестеро гвардейцев. Если Хума

правильно их понял, гвардейцы были посланы схватить двух магов или даже убить их. Видимо, рыцарю действительно придется действовать в одиночку.

Вскоре Хума увидел три ярко освещенных прохода. Услышав голоса, он осторожно подкрался ближе.

Один голос был явно знаком рыцарю.

— А куда вы спрячете самоцвет, Гарис?

— Место уже приготовлено. И мы ждем только вашего сигнала, господин Дракос.

— Это просто мера предосторожности, Гарис. Она хотела забрать его себе, но вы должны подчиняться только мне. Ясно?

Гарис что-то пробормотал в ответ. Хума подумал: Дракосу не обязательно говорить что-либо вслух, он умеет разговаривать также и мысленно. Убедившись, что его поняли, Галан Дракос отпустил Гариса. Хума отпрянул назад в тоннель, но Гарис пошел в другую от него сторону. Видимо, так же как и его господин, это был ренегат. На нем была не черная мантия, а коричневый плащ. Звук шагов Гариса затих.

Хума пошел по переходу, ведущему в зал, где должен был находиться Дракос. Неслышно подкравшись, рыцарь заглянул в зал. Здесь больше, чем где-либо в замке, сказалась бредовая фантазия его создателей. Вдоль стен стояли демонические чудовища, готовые наброситься на незваного гостя. Хума увидел также большую четырехъярусную платформу из черного камня. На самом верху платформы стоял светящийся изумрудный шар.

Внезапно Хума инстинктивно отпрянул назад, хотя он и ожидал увидеть в зале Дракоса. Ренегат стоял перед шаром, спиной к Хуме. В зале, кроме Дракоса, был еще зеленый дракон — он сидел позади шара и был втрое выше ренегата. Хуме прежде не приходилось так близко видеть зеленых драконов.

— Теперь вы понимаете, мой юный друг, почему победа всегда на моей стороне?

— Вы — великий маг, господин Галан, — ответил молодой дракон.

У него был очень низкий, грубый голос — необычный даже для драконов. Хуме не раз приходилось слышать, что зеленые драконы — самые злые, хитрые и коварные из всех. Они не принимали вызова на честный поединок и предпочитали обман и предательство.

— Циин Кровавый Губитель многому научится у господина Галана.

Ренегат засмеялся:

— Циин Кровавый Губитель не узнает многого, если не будет во всем слушаться своего господина. Вы, Циин, — участник уникального эксперимента. С моей помощью вы уже проникаете в умы людей, эльфов, гномов и всех мыслящих существ. Вы делаете то, что недоступно никому из драконов. Когда вы достигнете высот магии, настоящего мастерства, одно ваше имя будет наводить на всех ужас. Даже во сне. Так оно и будет, если, конечно, вы не будете мне перечить.

Кто-то в зале начал метаться, хрипя от удущья. Хума снова подумал, что, возможно, дракон решил как-то повлиять на волю самонаде-

янного мага. Но тут же услышал, как Циин стал умолять Дракоса:

— Всемогущий Господин! Не надо больше! Пожалуйста!

— От вас за версту несет хлором. Просто невозможно дышать. Убирайтесь! Я приглашу вас, когда захочу видеть снова.

— Господин!

Послышалось хлопанье крыльев, Хума понял: дракон взлетел, значит, в потолке зала есть еще один выход.

Раздавшийся вслед за этим звук шагов заставил Хуму насторожиться. Выглянув из-за угла, Хума увидел спину мага — тот исчез в соседнем проходе. Свет в зале сразу после ухода Дракоса потускнел. Опасаясь возможной ловушки, Хума осторожно вошел в зал. Прокравшись к черной каменной платформе, рыцарь стал рассматривать стоящий на ней изумрудный шар. Рыцарь подумал: наверное, именно этот шар и притягивал к себе тот крошечный шарик, что привел их в цитадель Дракоса. Может быть, как раз с его помощью Дракосу удавалось скрывать замок от глаз людских, или...

Рыцарь вдруг почувствовал отвращение: ощущение чего-то омерзительного было настолько сильным, что он вздрогнул. Это ощущение, как догадался Хума, было связано с изумрудным шаром.

Хума на мгновение закрыл глаза и почувствовал чью-то презрительную ухмылку, словно кто-то, глядя на него, над ним насмехается.

С огромным трудом Хума заставил себя открыть глаза.

Она была здесь, и она глядела на него через изумрудный шар. Глядела откуда-то. Такхизис! В голове Хумы мелькнуло: «Знает ли Галан Дракос, что она может проникать в зал таким способом?»

Хума еще тогда, когда услышал разговор Дракоса с магом Гарисом, понял, что Дракос что-то замышляет против Такхизис. Знает ли она сама об этом? Несомненно, она должна была задумываться о том, что честолубивый ренегат не успокоится, пока все и вся не подчинит своей власти. Может быть, поэтому она и усмехнулась?

Вначале рыцарь только чувствовал присутствие Такхизис. Постепенно ему стали видны ее глаза, нос, рот... Это было прекрасное женское лицо, хотя, конечно, она могла явиться в любом облике, например воина или дерева; все зависело от ее прихоти.

Чем больше смотрел на нее Хума, тем больше убеждался, что никогда не видел такой совершенной красоты. Это было лицо Королевы среди королей — божественно прекрасное, неземное. Ради нее можно было пойти на все!

В самом деле, ну что, кроме несчастий, дало Хуме рыцарство? Рыцарь Хума потерял родителей, Ренарда, друзей — в том числе Бьюрна. Даже любимая была отнята у него...

«Нет, все не так!» Сознание его стало проясняться. Ренард был погублен еще до того, как стал рыцарем. По вине Ренарда погибла мать Хумы. Отец Хумы, Дьюрэк, погиб, сражаясь за то, во что он свято верил. А что касается Гвинес... еще не известно, утратил ли он ее...

Владычица Тьмы насмешливо улыбнулась.

Ее лицо внезапно исчезло. Только сила зла, олицетворением которого была Такхизис, продолжала ощущаться рыцарем.

— Я думаю, что нам пора уже прекратить эту игру, — вдруг послышался голос Галана Дракоса.

Глава 30

Дракос стоял перед рыцарем, сложив руки на груди. Его тонкие губы были искривлены в отвратительной усмешке. Вот ренегат поднял руку и отбросил назад капюшон, закрывавший его лицо. Его жидкие волосы казались приклеенными к черепу, одна прядь свисала на лоб. Сама голова была необыкновенно узкой, словно она не была человеческой головой.

Дракос протянул руку и постучал пальцем по бледной костлявой морде одного из волкодлаков, стоящих возле него по обе стороны.

— Итак, пора кончать. Я не хочу больше тянуть время. Вы здесь только для того, чтобы увидеть мой триумф.

— Вы знали, что я здесь?

— Маги Нутари — просто ничтожества. Они даже не могут и представить, на что способен маг, не ограниченный никакими правилами. Я никогда не уповал на их поддержку.

Пока Дракос говорил, Хума обдумывал, что же ему делать.

Отчаяние овладело Хумой. И вдруг его осенило! Рыцарь сделал шаг назад и положил ру-

ку на шар, в котором он только что видел изображение Такхизис.

— Одно ваше движение в мою сторону — и я разобью этот шар. Как вы тогда будете себя чувствовать?

— Я буду беспомощен, как младенец. Если, конечно, вам удастся на самом деле разбить этот шар. Ну, попробуйте-ка.

Хума изо всех сил ударил по изумрудному шару. Его рука в железной рукавице отскочила, не оставив даже царапины на нем.

— Убедились?

Хума кивнул и выхватил кинжал, висевший на поясе.

— Я думаю... — начал Галан Дракос, но рыцарь уже запустил в него кинжалом.

Тот летел точно в цель; но стоило ренегату поднять палец — оружие замедлило свой полет, затем, описав дугу, повернуло назад. Уклоняясь от своего кинжала, Хума бросился вперед и тут же свалился со ступеней многоярусной каменной платформы. Кинжал попал в изумрудный шар и, отскочив от него, упал на пол.

— Вы разочаровываете меня. Признаться, я ожидал от вас большего.

Прежде чем Хума успел встать, Дракос щелкнул пальцами. Рыцарь сразу же почувствовал: его сжали чьи-то могучие каменные объятия. Хума пытался вырваться из этих тисков, но — тщетно. Ему удалось лишь увидеть толстые пальцы монстра, цепко держащего его сзади. Под этими пальцами даже доспехи рыцаря прогнулись...

— На стену его, — скомандовал Дракос.

В руках чудовища, поднимавшего его вверх, Хума мог только бессильно извиваться. Что-то холодное и твердое, как камень, сдавило его запястья и лодыжки. С ужасом рыцарь осознал: его схватил один из монстров, стоящих вдоль стены. Теперь этот монстр вместе с Хумой неторопливо встал на свое прежнее место. Другой монстр прижал его плечи к стене.

— Я вижу, вы восхищены моими творениями.

Дракос подошел к рыцарю, и Хума увидел, что почти все лицо колдуна покрыто чешуйками. Ренегат был похож на дракона! Хума подумал: это он сделал для того, чтобы усилить свою мощь.

— Скажу вам откровенно: вначале я недооценивал вас. Я думал, что вы лишь пешка в руках Магиуса. Представьте мое удивление, когда я понял, что вы не только не были для него пешкой, но что наш общий с вами друг истово верит в ваше предназначение.

Упоминание о Магиусе придало рыцарю сил, он снова попытался вырваться из каменного плена, но лапы монстра держали его мертвой хваткой. Хума взглянул на ренегата — тот сиял от удовольствия.

— Перед смертью он отказался от всего, что совершил при жизни. Сомневаюсь, что во всем Кринне нашлась бы мантия белее, чем у него перед смертью. Жаль, что он умер. Сейчас вы могли бы услышать его вопли. Мои помощники — мастера заплочных дел, они отличаются богатым воображением! Мне пришлось даже наказать одного за лишнее усердие: он чуть не убил раньше времени нашего с вами друга. —

Ренегат захохотал. — Правда, боюсь, что Магнус после всех этих пыток свихнулся. Он разговаривал сам с собой, нес всякий бред. Это раздражало моих слуг... Несомненно, он был мужественным. По сути, пока я сам не вмешался, он так и не сказал им ничего. Вы, должно быть, значили для него очень много, ибо в своих грезах, в которые он погружался, спасаясь от действительности, он всегда обращался к вам.

Дракос прервал себя сам:

— Но хватит о прошлом. Давайте лучше поговорим о будущем того из нас, кому досталось его ничтожно мало.

Хума улыбнулся, стараясь скрыть охватившее его отчаяние, и сказал:

— Ваши драконы бежали с поля боя, колдуны потерпели поражение, Кринас и почти вся Черная гвардия уничтожены. Людоеды продержатся не более суток. Вы проиграли. Через несколько дней война станет просто воспоминанием.

Глаза Дракоса вспыхнули, и рыцарь понял, что его слова задела ренегата за живое.

Тот заговорил, едва сдерживая раздражение:

— Но вы не учли одного. Да, людоеды отступают, они по самой своей природе — хвастуны и трусы. Они лишь пушечное мясо, и ничего более. Когда станет ясно, что в моем мире они уже ничего не значат, от них не останется и мокрого места.

— В вашем мире?

— Конечно. Мой мир — это мир моей госпожи, Такхизис.

Дракос величаво и изысканно поклонился изумрудному шару.

— Но вы уже остались без армии.

— Армией руководил Кринас. Поля земли были для него только полями сражений. Прибегая к моей помощи, Кринас использовал мое могущество лишь как средство для достижения своих военных целей, вот и все.

Дракос поднялся по ступеням платформы и дотронулся рукой до изумрудного шара; в его зеленоватом свете он стал похож на покойника. Хума невольно содрогнулся.

— Мое могущество держится на магах, служащих мне добровольно или просто послушных мне. Познакомившись со мной, Сагатанус из Черной мантии удивился моей мощи. Но тогда я еще был недостаточно могущественным и мог держать под своим контролем лишь небольшую группу магов. Эти маги были из провинции, к которой я всегда относился с особым чувством, так как там я родился. — Он взглянул на Хуму: — Слышали вы когда-нибудь о Колсере? Нет? Ничего удивительного. Это крохотное местечко в Истаре. Представьте себе! Величайший в мире маг родился в безвестной провинции!

— Должно быть, это льстит вашему самолюбию, — заметил Хума.

Лицо Дракоса расплылось в отвратительной улыбке.

— До чего же верно! Никто, кроме вас, не сумел этого понять. Полагаю, что вы меня поняли потому, что сами выросли в такой же дыре.

Оказывается, Дракос многое знает о нем! Хума был ошарашен. «Кто ему мог рассказать обо мне? Ведь сам он не мог узнать всего этого... Магиус? Что еще Дракос узнал от него?»

Что-то почуяв, один из волкодлаков фыркнул и подбежал к Дракосу; тот, глядя в изумрудный шар, тоже заметил нечто необычное. Хуму обдало зловонием, от него рыцаря затошнило.

Послышавшееся хлопанье крыльев заставило Дракоса и волкодлака взглянуть вверх. Циин Кровавый Губитель вернулся без разрешения своего господина!.. Было видно, что молодой дракон очень напуган.

— Господин Галан! Людоеды разбиты! Мои собратья позорно бежали с поля боя! Что делать?

Дракос возликовал:

— Пришло мое время! Наступает время хаоса, которого история не знала с века Мечтаний.

А перепуганному дракону крикнул с гневом:

— Вон отсюда! Как вы только посмели без разрешения явиться сюда, зловонное создание?!

Циин улетел, не дожидаясь второго окрика.

Дракос подозвал к себе дрожащих от страха волкодлаков. Хума с отвращением и удивлением увидел, что похожие на вурдалаков чудовища сейчас просто помертвели от ужаса. Они даже не пытались сопротивляться воле своего господина. Галан Дракос поднял обе руки. От двух волкодлаков осталась лишь кучка пепла...

— Страх — это хаос. Война — хаос. Хаос дает неограниченное могущество, с которым даже боги должны считаться. Вы согласны со мной?

Хума зажмурился. Он старался не слушать Дракоса.

— Что вы намерены делать?

— Это... — маг погладил рукой шар, — ...это ключ к созданию тоннеля из нашего мира в адскую бездну. Это ворота для ухода из земных владений Такхизис. Поймите простую истину: когда боги приходят в наш мир — приходят в буквальном смысле, — они оказываются тенью самих себя. Не могу сказать, что они становятся совсем слабыми, но это только их бледные копии, лишённые всемогущества, свойственного богам.

Рыцаря словно бы осенило:

— Поэтому Такхизис и старается быть как можно ближе к воротам, которые она создала на земле. Она боится, что Паладайн может в том мире застигнуть ее врасплох. Однако теперь вы сделали так, чтобы она, даже находясь в нашем мире, могла действовать в полную силу.

Казалось, вся цитадель покачнулась, но Дракос не обратил на это никакого внимания. Он прищурился:

— Вы более проницательны, чем я думал. Однако скоро вы будете уже бессильны что-либо сделать.

Какой-то неясный образ, то появляясь, то исчезая, мелькал в сознании Хумы.

— Гордитесь! Сейчас вы станете свидетелем события, которое потрясет весь Криин!

После этих слов изумрудный шар засветился еще более ярко. Галан Дракос снова надвинул на голову капюшон и взял появившийся в воз-

духе похожий на кость посох. Хума не отрываясь смотрел на посох ренегата.

В голове рыцаря мелькнуло: «Магиус, когда его схватили черные гвардейцы, не выронил свой посох, нет... Скорее всего он сознательно оставил его. Он ведь, как и Дракос, в любой момент мог вызвать его к себе. Что же задумал тогда Магиус? Где теперь его посох?»

Дракос высоко поднял свой посох, и пламя светильников, наклоняясь в сторону посоха, заколыхалось. В зале потемнело.

— Такхизис, великая Владычица Тьмы, пришло время открыть портал! Пришло время пропустить через него из адской бездны весь поток вашей мощи!

Хума уже не думал о посохе Магиуса. С ужасом он увидел, что стена за шаром словно в каком-то кошмарном сне стала изгибаться. Затем часть здания рухнула, и за бывшей стеной возникла огромная темная дыра. Было темно, как беззвездной ночью. Вот наконец из тьмы проступили леса, но деревья в них были мертвы. Вслед за этим возникла пустыня, усеянная костями мертвецов. Насколько хватало глаз — одни кости.

— Что это? — спросил Хума.

Рыцарю подумалось, он сам знает, что это такое. Но он надеялся, что Дракос скажет что-либо иное.

Галан Дракос повернулся к Хуме и, прищурившись, посмотрел на него:

— Это владение моей госпожи — адская бездна. — Ренегат улыбнулся.

— Она изменчива.

— Все это происходит в вашем воображении. Адская бездна воспринимается каждым такой, какой он ее себе представляет. Сейчас вы воспринимаете ее такой — такой ее и видите. Я научился воздействовать на подсознание.

Дракос вплотную подошел к Хуме. Рыцарь безуспешно пытался поднять руку. Цитадель снова затрясло, но Дракос опять словно ничего не замечал. Он поднес свои когтистые пальцы ко лбу Хумы.

— Не бойтесь, — повелительно сказал ренегат. — Я не буду тратить на вас ни свое время, ни свои силы. Я просто повлияю на ваше подсознание. Сейчас возникнет что-то вроде стены.

Хума почувствовал — в голову словно гвоздь вбили. На мгновение рыцарь потерял сознание.

Открыв глаза, он увидел Дракоса — тот снова стоял на платформе.

Дракос дважды стукнул своим посохом и стал произносить какое-то заклинание.

Изумрудный шар сиял как солнце.

Цитадель снова задрожала.

— Связь с адской бездной отныне крепка и надежна! — торжествующе крикнул ренегат.

Внутри изумрудного шара что-то мерцало. Посох Дракоса исчез, ренегат положил обе руки на светящийся шар. Он смотрел внутрь шара, не видя слепящего света. И стал что-то шептать.

Неожиданно Хума снова вспомнил о посохе Магиуса. Рыцарь не смог бы сказать, самому ли ему пришло это в голову, или подсказал ему дух Магиуса, но теперь он знал: он должен вы-

звать посох погибшего мага. И это надо сделать именно сейчас, немедленно.

Мгновение назад его руки были пустыми, но вот он уже сжимает левой рукой посох. Рыцарь почувствовал: волшебный посох в его руке дрожит.

Словно живой, посох повернулся и стукнул по каменной клешне, державшей рыцаря за запястье. Монстр отпустил левую руку Хумы.

Галан Дракос продолжал стоять перед шаром — он словно бы обращался с молитвой к богу.

Правую руку Хума освободил сам.

Освещенный ослепляющим сиянием изумрудного шара, Дракос что-то кричал. Казалось, он стал выше ростом.

Внутри шара клокотал какой-то неистовый смерч, вокруг все затряслось.

— О нет! — крикнул Дракос, глядя внутрь шара. — Поток слишком сильный! Мне не сдержать его! Он может меня захлестнуть!

Хума понимал: необходимо немедленно разрушить тоннель, связывающий землю с адской бездной. Если Такхизис устремила по нему с таким напором...

Теперь замок трясло так, что несколько монстров, стоявших у стены, упали и разбились.

Дракос даже не удивился, когда он увидел, что Хума — на свободе. Ткнув пальцем в рыцаря, ренегат пробормотал что-то и снова повернулся лицом к шару.

Неразбившиеся монстры отошли от стены и ринулись на Хуму. Посох в его руках стал расти, рыцарь решил воспользоваться им как шпа-

гой. Каждый выпад сопровождался искрящейся вспышкой, и посох вонзался в монстров, как нож в масло. Однако, даже пронзенные, монстры продолжали со всех сторон насаждать на Хуму; тот сражался с отчаянной решимостью и с верой в Паладайна.

Рыцарь понимал, что должен нанести хотя бы один удар по самому Дракосу, но монстры плотно обступили Хуму со всех сторон. Посох стал почти бесполезен — кольцо вокруг рыцаря сужалось. Еще несколько секунд — и каменные чудовища раздавят его.

— Ху-у-ум-ма-а-а!

Голос донесся сверху и эхом отозвался во всей цитадели. «Неужели Дракос решил обрушить на меня всю гору?» — мелькнуло в голове рыцаря.

— Ху-у-ум-ма-а-а!

И тут Хума увидел: к нему летит серебристая драконесса.

— Гвинес!

Она ринулась вниз как раз в то мгновение, когда одному из монстров удалось выбить посох из руки рыцаря. Драконесса с яростью набросилась на ближайших к Хуме монстров; несколько из них тотчас превратились в песок.

Взмыв вверх и сделав круг, она атаковала монстров еще раз.

Четыре монстра успели ухватиться за ее лапы. В зале она не смогла сбросить их с себя. Поднявшись вверх, драконесса вылетела из зала.

Хума подобрал посох Магиуса и уничтожил еще одного монстра. Остальные снова стали окружать его.

В зал вбежали несколько гвардейцев в черных доспехах и остановились в нерешительности. Дракос с безумным блеском в глазах обернулся к своим воинам. Он произнес лишь одно слово, и из шара вырвался узкий зеленоватый шнур огня. Шнур расщепился сначала на две, а затем на четыре светящиеся нити. Нити устремились на гвардейцев. И тотчас какая-то неведомая сила, таящаяся в шнуре, потащила по залу четверых гвардейцев, словно рыбу, в которую вонзился гарпун. Хума содрогнулся. Казалось, что огненный шнур был частью самого Дракоса. Рыцарь подумал, что ренегат даже не сознает, что творит. Он сам во власти какой-то могущественной силы.

Еще дважды Дракос с помощью огненного шнура подтаскивал к себе гвардейцев.

На четвертый раз Дракос зеленый шнур нацелил на Хуму. Рыцарь почувствовал: молния ударила его в грудь и буквально высосала из него все силы, но затем кто-то вдруг дернул за шнур, и он отскочил от Хумы и, извиваясь, вполз в изумрудный шар.

Дотронувшись до груди, рыцарь нащупал подаренный ему Эйвандейлом медальон проповедника Паладайны.

— Хума! Замок рушится! — раздался сверху голос серебристой драконессы.

Монстры, один за другим, падали на пол.

Рыцарь посмотрел на Дракоса, лицо ренегата было безумно.

— Я... Я все подчиню своей воле! Я — величайший маг всех времен!

Дракос поднял посох и трижды стукнул им.

— Шурра! Джеста Шурра! Мурра!

Монстры не шевелились, но Дракос даже не взглянул на них.

Серебристая драконесса опустилась рядом с Хумой.

Дракос захохотал:

— Я сделал это, госпожа! Я показал всю свою мощь!

Торжествующий ренегат не видел лица, возникшего внутри изумрудного шара. Это не было человеческое лицо. Вот оно раздвоилось, потом появилось третье, четвертое, пятое. Лица стали превращаться в драконьи морды, и вскоре из изумрудного шара на мир глядело пятиглавое чудовище.

— Хума, скорее отсюда!

— Нет, Гвинес!

Хума посмотрел на Копья Драконов, которые были у Гвинес. Они показались ему слишком большими, даже небольшое Копье для пехотинцев не подходило для того, чтобы осуществить задуманное.

Взглянув на посох Магиуса, Хума сразу понял, что именно ему необходимо.

Рыцарь крепко сжал посох. Слова, смысл которых Хуме был совершенно непонятен, сами слетели с его уст. Посох засверкал ярким светом. Рыцарь изо всех сил метнул посох, словно копье. Тот пролетел мимо Дракоса, но Хума и не целился в ренегата. Посох, ставший копьем, попал точно в самый центр изумрудного шара.

Ударившись о поверхность, посох стал медленно вонзаться в шар.

— Не смотрите на шар! — крикнул Хума Гвинес.

С чудовищным грохотом изумрудный шар взорвался. Замок покачнулся, стены зала наклонились. Схватившись за крыло драконессы, Хума едва удержался на ногах. Серебристая драконесса закричала:

— Хума! Скорее летим отсюда!

Рыцарь взглянул на место взрыва — туда, где был шар — и увидел, что каменная платформа проваливается в огромную дыру, из которой исходит слабое зеленоватое свечение.

Из глубины пропасти послышалось жуткое рычание.

— Паладайн! — прошептал Хума.

Такого рычания невозможно было себе и вообразить! Только одно существо могло издавать способное потрясти всю землю рычание — Такхизис.

— Вы-ы-ы-ы-ы! — послышался чей-то крик, и возникло яркое изумрудное пламя.

Из пламени вышла какая-то неуклюжая фигура. Она была окружена зеленоватым свечением, но не горела. Это было двуногое существо, напоминавшее человека, с поднятой вверх когтистой лапой, которая когда-то была рукой. Лицо, похожее на змеиное, глядело из-под лохмотьев, оставшихся от капюшона.

— Ху-у-ум-м-ма-а-а!

Это был Дракос.

— Я убью вас!

Что-то непонятное с торчащими во все стороны иглами бросилось навстречу ренегату и угрожающе остановилось перед ним.

Дракос попятился:

— У вас есть... есть защитник. Только это все равно поздно... для Кринна.

Хума сделал шаг вперед. Гвинес попыталась остановить его, но он, не слушая ее, медленно подошел к служителю зла:

— Слишком много людей погибло по вашей вине, Дракос. Вас будут судить как преступника. И это будет ваш конец.

Когда Дракос заговорил, голос его звучал совершенно спокойно. Глядя куда-то вдаль, он сказал:

— Да, это — мой конец. Но я умру непобежденным. Что же, я рисковал и я проиграл.

Дракос повернулся спиной к Хуме и, казалось, пожал плечами.

Ренегат подошел к краю гигантской дыры. Ноги его заплетались, он опирался о посох.

Хума решительно двинулся вслед за ним.

— Нет, я не позволю вам уйти безнаказанно.

Дракос засмеялся, его глаза были похожи на две узкие светящиеся щели.

— Я не стану ждать ни вашего суда, ни суда Такхизис. Я предпочту забвение. Нет, она не получит мою бессмертную душу.

Едва Дракос произнес последнее слово, как зеленое пламя охватило его; с каждой секундой оно становилось все ярче и ярче. Хума невольно зажмурился.

Открыв глаза снова, он мага уже нигде не увидел.

— Дракос сгорел.

— Нет. — Серебристая драконесса покачала головой. — Он перестал существовать. Словно

его никогда и не было. Скоро никто, за исключением его бывшей госпожи, не будет даже вспоминать о нем. Так мне кажется.

Она задумалась.

— Ему и в самом деле удалось уйти от Такхизис. Поразительно!

Цитадель снова задрожала.

— Хума! — Почувствовав опасность, драконесса подняла голову. — Нам надо как можно скорее улетать!

— Да! — Хума был согласен, что им надо поскорее улетать, но вдруг воскликнул: — Подождите. Я ведь должен найти посох Магиуса!

— Вот эту маленькую палочку, что у вас на поясе?

Хума посмотрел на пояс. На правом боку как ни в чем не бывало висел посох.

— Как... Как он оказался здесь?

Гвинес нервничала, торопила рыцаря:

— Потом... когда-нибудь потом, Хума, я открою вам некоторые тайны магии. Паладайн свидетель, я люблю вас! И я не дам вам погибнуть — только слушайте меня. А сейчас нам надо улетать как можно скорее!

Хума неуклюже взобрался на спину драконессы. Она каждую минуту рисковала своей жизнью... Во имя чего? Во имя своей любви. Да, она любит его! И он еще мог сомневаться в этом?!

Серебристая драконесса взмахнула огромными крыльями.

— Прижмитесь плотнее ко мне и держите Копье прямо! — крикнула она.

Цитадель рушилась на глазах.

Огромные каменные монстры разваливались на куски. Часть стены упала. Ниша в потолке стала узкой. Теперь серебристая драконесса не могла пролететь через сузившееся отверстие на волю.

Хума услышал: она шепчет заклинания. Он с удивлением увидел, как огромные камни, закрывающие отверстие, отлетают в сторону.

— Держите Копье крепче! Как можно крепче! В нем — наша надежда!

Копье несколько раз вонзилось в толстую каменную стену, отверстие увеличилось еще больше.

Гвинес подняла крылья к спине и, словно стрела из лука, пролетела сквозь отверстие. Хума понял: она подняла крылья, чтобы защитить его от камней.

Наконец-то они вырвались на свободу!

Хума вздохнул полной грудью. Серебристая драконесса поднималась все выше и выше в небо. С высоты стало видно, что зеленое пламя уже охватило большую часть замка. Одна башня пока еще стояла — стояла на самом краю пропасти. Но вот она вздрогнула и стала медленно, но неудержимо наклоняться. А затем рухнула в бездну...

Хума, подняв голову к небу, прошептал:

— Паладайн!

Внезапно вокруг них стало темно.

— Хума... — В голосе серебристой драконессы звучала тревога.

Она смотрела на вершину горы, где только что стояла цитадель Дракоса. Рыцарь тоже повернул голову к горе.

Что-то огромное, многоголовое, злое глядело на них с вершины и звало рыцаря:

— Хума, герой Паладайна, иди ко мне, иди в мои объятия.

— Такхизис! — прошептал Хума.

Глава 31

з полузабытья, вызванного звучавшими в его сознании словами Владычицы Тьмы, рыцаря вывел знакомый голос:

— Хума! Слава богам! А мы, когда рухнула крепость, уже решили, что вы погибли.

Повернувшись, он увидел, что рядом с ним летят Кэз и Беннет. Кэз начал объяснять:

— Мы искали вас повсюду... О, Саргас! Что это?!

Беннет ответил совершенно спокойно:

— Это — Владычица Тьмы.

Хума кивнул.

Он снова взглянул на призрачное чудовище. Портал, через который прошла Владычица Тьмы, становился все более широким, а она сама казалась все более материальной, все более реальной.

Хума задумался. Затем неожиданно снял с пояса посох Магнуса и отдал его Беннету.

— Его надо вернуть Конклаву. Правящие маги знают, как следует с ним поступить. Посох принадлежал Магнусу, и мне он, думаю, больше не понадобится.

Кэз и Беннет переглянулись. Хума пристально посмотрел в глаза одному и другому по очереди, а затем произнес:

— Я забыл вам сказать, что Дракоса на этом свете больше не существует. Беннет, я прошу вас создать новый отряд рыцарей и раздать им Копья Дракона. Беннет, вы — сын одного Великого Магистра и племянник другого. Вы рождены для великих свершений... Я попытаюсь сдерживать гнев Такхизис, пока у меня хватит сил, но мне будет не по силам победить ее. Необходим отряд, по крайней мере в сотню копий. Тогда мы сможем рассчитывать на успех.

Беннет с сомнением покачал головой:

— Хума, она — богиня, мы для нее не более чем песчинки.

— Но мы — рыцари Соламнии, — воскликнул Хума. — Рыцарство создано Триумвиратом во главе с Паладайном. Наша главная задача — защищать справедливость и не допускать, чтобы Кринном овладело зло. Сражение с Такхизис будет решающим. И оно подвергнет испытанию нашу верность уставу и духу рыцарства.

Беннет слегка покраснел и не смог ничего возразить.

— У нас слишком мало времени, Беннет. Возвращайтесь в Вингаардскую Башню. Кэз, и вы полетите вместе с ним! — повелительно сказал Хума.

Минотавр посмотрел сначала на своего дракона, затем на Хуму:

— Нет сомнения, что один из нас должен вернуться, и, несомненно, это должен быть Беннет. Но я — что столь же несомненно — оста-

нусь здесь. Я поклялся, что буду с вами до конца жизни!.. Стремительный, он тоже остается здесь.

Хума вздохнул:

— Кээ, я не могу вас переупрямить. Ну что же... Ну а вам, Беннет, придется выполнить мой приказ.

Беннет, сжав зубы, кивнул. Дракон, на котором улетел Беннет, кивнул на прощание Гвинес. Они что-то сказали друг другу. Хума вспомнил: этот дракон — родственник Гвинес. Расставаться драконам было не легче, чем людям.

Когда Беннет улетел, Хума сказал минотавру:

— Пора!

Серебристая драконесса и Стремительный стали подниматься все выше и выше.

Над ними простиралась огромная тень пятиглавого чудовища.

Внизу, в горах, и в самом небе зияла огромная дыра — тоннель, по которому Такхизис пришла в этот мир, портал, через который с помощью Дракоса она принесла сюда свое сверхмогущество. Ее всесилие — словно шлейф — оказалось, однако, отрезанным от нее, ибо Хума взорвал изумрудный шар. Но пока шар был цел, мощь Такхизис здесь стремительно росла. Никогда прежде во время своих вторжений в мир смертных Такхизис не была столь могущественной. *«Очаровательно. Это гораздо приятнее, чем ваша постоянная потребность идти до конца в безнадежных делах»*, — неожиданно чьи-то чужие мысли ворвались в мозг Хумы, словно кто-то холодным и жестким голосом диктовал их ему.

«Мне следовало бы выбрать несколько человек, таких, как вы, и досконально изучить ту удивительную вещь, которая у вас называется любовью. Любовь, она кажется такой... расточительной».

А Хума с усмешкой подумал о том, что Такхизис никогда не удастся в действительности пережить те чувства, которые испытывает он. Любовь навсегда останется тайной для таких, как она. В этом она бессильней любого смертного.

«Научи меня!»

Хотя Хума помнил, что Такхизис в образе пятиглавого дракона сидит на вершине горы, он увидел перед собой грациозную, соблазнительную, черноволосую красавицу, одетую в шелка. Она обворожительно улыбнулась.

«Я смогу быть такой, какой вам захочется меня видеть. Вы могли бы научить меня этой самой любви, о которой вы так много думаете. О, можете не сомневаться, я буду очень старательной ученицей».

Обольстительная красавица повернулась к нему в профиль, искоса лукаво взглянула на рыцаря. Голова Хумы пошла кругом.

Соблазнительница была несравненно прекрасна, и она хотела стать смертной женщиной, хотела узнать, что такое любовь. Если он научит ее любви, то Кринн никогда более не узнает зла и страданий. О, научить ее любви — это было бы так чудесно! Разве можно устоять перед таким соблазном?!

Она улыбнулась Хуме и протянула ему навстречу тонкую, изящную руку.

Вдруг Хума почувствовал, что грудь его что-то обожгло. Инстинктивно он коснулся груди. Медальон!

— Нет! — закричал рыцарь. — Я не поддамся вашим чарам! Вы никогда не сможете познать, что такое любовь. Я не хочу стать вашим рабом. Моя любовь принадлежит другой!

Он почувствовал, как дракоңесса вздрогнула, — может быть, Гвинес стало холодно? Но он не успел на нее и взглянуть — Такхизис снова овладела его мыслями.

«Вы могли бы познать наслаждение, которого не испытывал ни один мужчина на свете. Вы встали бы во главе моих армий. Вы — смелее, решительней и удачливей любого рыцаря. Ваша власть была бы безграничной. Я одарила бы вас всем, что бы только вы ни пожелали».

Поднялся сильный ветер, серебристая дракоңесса рванулась к склону вершины. Кэз и Стремительный были сейчас далеко позади.

Хума крепко сжал Копье Дракона одной рукой, другой он прижимал к груди медальон. Только это могло укрепить его веру. *«Ну что же, прекрасно. Вы отвергаете меня. Вы сами погубили себя. И погубили ту, которую любите».*

Такхизис не знала, что такое любовь, но она слишком хорошо знала, что такое ненависть.

— Ху-у-ум-ма-а-а!

Рыцарь быстро обернулся и увидел, что Стремительный пытается приземлиться на скалистый выступ, но его все время относит ветром в сторону. Кэз обеими руками вцепился в седло.

«Мы остались с вами один на один, о смертный рыцарь Соламнии! Вы будете молить меня, чтобы я только простила вас. Вы будете молить меня, чтобы закончилась ваша агония, но пройдет целая вечность, прежде чем я соглашусь хотя бы подумать о ваших словах!»

Хума вспомнил о Галане Дракосе: он предпочел полное забвение милости Такхизис. Тот, кто не знал сострадания, кто жестоко мучил Магиуса, кто погубил тысячи людей, — выбрал забвение. Дракоса страшило, что он будет жить по милости своей госпожи.

«Ваше тело превратится в студнеобразную массу, но вы не умрете. Я выну ваш мозг и покажу ему все зло своей власти. Безумие не спасет вас. Я не пощажу вас ни в чем. Я возьму вашу любовь и брошу ее всем на забаву, и вы ничего не сможете сделать, а будете только беспомощно взирать и страдать».

Хума содрогнулся, но истинная вера в Паладайну, справедливость и добро, которое бог нес с собой, хранила его. Хуме было предназначено самой судьбой любить Кринн и Паладайну, и ради этой любви он готов был пожертвовать всем, чем угодно.

Он велел Гвинес лететь вперед, и драконесса повиновалась ему. Она его никогда не оставит! *«Вы безумцы. Вы большие безумцы, даже чем Дракос, который верил, что может стать богом. Он предпочел забвение моей милости. А что спасет вас?»*

Вдруг словно раздвинулся гигантский занавес: перед ними стояла Такхизис. У Хумы перехватило дыхание.

Каждая голова огромного дракона смеялась над ним. Пять разноцветных голов. Пять разных, не похожих один на другого гигантов. Хитрый и жестокий зеленый. Крепкий, толстокожий белый. Могучий, все разрушающий красный. Непредсказуемый черный. Властный голубой. Пять шей непрерывно извивались. Глаза Такхизис неотступно следили за Хумой.

Гигантский дракон был более шестидесяти футов. Но каждое движение Такхизис поражало изяществом.

Невозможно было предугадать, что она сделает в следующее мгновение.

«Теперь ты меня видишь. И ты все знаешь».

Самая маленькая белая голова вдруг с силой выдохнула. Хума увидел: на него устремился морозный конус. Но Гвинес вовремя отлетела в сторону, и ледяная струя не задела их.

Многоцветный дракон издевательски захохотал. Это было не более чем игрой. Кошка решила позабавиться с мышкой — прежде чем съесть ее.

Ветер бушевал с неистовой силой, но серебристая драконесса все-таки сумела еще ближе подлететь к горе.

Издевательский смех Такхизис сменился удивлением. Движения ее стали нерешительными. Каждая пара глаз пятиголового дракона внимательно всматривалась в Хуму. Такхизис подняла одно крыло. У обычного дракона это означало бы, что он озадачен...

Хума велел Гвинес приготовиться к атаке и что есть сил сжал Копье.

Пять голов в недоумении застыли.

Рыцарь был готов к бою.

Буря, поднятая Такхизис, усилилась десятикратно и вынудила Кэза и Стремительного спрятаться за скалой. Они лишь увидели, что серебристая драконесса и рыцарь подлетают к самой вершине горы. Кэз шептал молитвы всем богам из храма Паладайна, которых он только смог вспомнить. Последняя и самая страстная его молитва была обращена к Платиновому дракону — богу, известному среди людей по имени Паладайн.

Пронизывающий холод. Вспышки молний. Шипящие струи ядовитого газа. Яркие языки пламени. Брызги кислоты.

Каждая голова Такхизис извергала на рыцаря и серебристую драконессу всю свою мощь. Гвинес маневрировала умело, но все же брызги кислоты прожгли ей крылья, спину обожгло языком пламени. Хума не выпускал светящееся Копье из рук.

Однако им не удалось нанести Такхизис ни одного удара. Но ведь и Такхизис не удалось уничтожить их! А значит, Владычица Тьмы не всесильна.

Гвинес выпустила струю холода на зеленую голову Такхизис, и голова затрепетала, как лист на осеннем ветру. Возле самого лица Хумы щелкнули челюсти красной головы. Гвинес едва успела отскочить в сторону.

Когда она снова развернулась лицом к Владычице тьмы, Хума понял: Такхизис покинула гору. Значит, она уже не была так уверена в своей победе, как прежде.

Поднявшаяся в небо Такхизис была по крайней мере в десять раз больше серебристой драконессы. Хума был потрясен. Одной своей лапой она могла бы без труда расплющить голову драконессы.

«Мне надоели эти игры. Вы порхаете, как бабочка». — Снова мысли Королевы Драконов проникли в мозг Хумы, но сейчас Такхизис впервые говорила о Гвинес.

Черная голова Владычицы Тьмы прокричала какие-то магические заклинания. Тотчас же рыцаря и его драконессу окутала густая тьма. Хума услышал рев и почувствовал, что лапы Такхизис — над самой его головой. Она уже выпустила когти, но драконесса все же успела увернуться от ее когтей.

Копье в руках рыцаря продолжало светиться — это был единственный огонек в окружающей кромешной тьме.

«Свет? Откуда?»

Копье светилось все ярче и ярче. Тьма стала ослабевать, и вскоре снова стало светло.

Взбешенная тем, что светоносное Копье не подвластно ей, Такхизис металась из стороны в сторону.

«Паладайн не сможет защищать вас вечно!»

— Хума, — сказала серебристая драконесса, — я не смогу долго продержаться.

Она часто и неровно дышала.

Рыцарь прижал к груди медальон, подаренный Эйвандейлом, и кивнул серебристой драконессе.

— Пришло время встретиться с ней один на один, — решительно сказал он.

«Тогда иди же ко мне. Мои обаятия ждут тебя».

— Владычица Тьмы, я предлагаю вам то же, что предлагал и Дракосу. Я предлагаю вам сдаться.

«В час своей гибели ты, смертный, еще и шутишь?! Я нахожу твою шутку удачной и буду вспоминать ее в веках».

Хума нацелил Копье прямо в голову Такхизис.

— Вы скоро поймете, что я не шучу. В этом Копье — мощь Паладайна. Да, никаким оружием вас нельзя уничтожить. Только это Копье способно поразить вас.

«Но меня не может убить простой смертный. А ты, рыцарь Соламнии, смертный!»

Хума, соглашаясь, кивнул:

— Я — рыцарь Соламнии, я — слуга Паладайна, Кириолиса и Хаббакука в этом мире. А вы, Владычица Тьмы, сейчас в нашем смертном мире.

Он слегка сжал бока драконессы, и она с новой силой ринулась в атаку. Копье Дракона заискрилось еще ярче. Хуме почудилось: происходит что-то необычное. Его доспехи тоже стали светиться. Сейчас они казались сделанными из платины. Сделанными только что. Рукавицы светились тоже.

В его памяти необычайно ярко ожило все то, что он видел в пещере, где хранились Копья Дракона.

Гвинес тоже преобразилась. Она осветилась и превратилась в платинового дракона. Рыцарь залюбовался великолепным зрелищем.

Может быть, это было только его видение? Видела ли то же самое Такхизис? Хума в этом вовсе не был уверен.

Но он увидел, что пятиглавое чудовище застыло в нерешительности.

Копье Дракона вонзилось в щеку средней головы Такхизис. Владычица Тьмы содрогнулась от боли, и ее крик, потрясая горы, пронёсся над землей.

Четыре головы тотчас обернулись на крик. Пятая — Голубая — голова беспомощно болталась. Такхизис неистово дергалась и скребла когтями, она тщетно пыталась вытащить из шеи Копье.

Все четыре головы Такхизис молниеносно вонзились зубами в серебристую драконессу. Из ее ран обильно потекла кровь. Драконесса, изо всех сил пытаясь не рухнуть на землю, медленно-медленно взмахивала изодранными в клочья крыльями, дыхание ее стало прерывистым.

Такхизис продолжала кричать от боли и судорожно била крыльями.

Подставка, на которой крепилось Копье Дракона, погнулась. Хума отчаянно пытался удержать в руках Копье, но не смог. Копье, вырвавшись из рук, ударило рыцаря по голове. Он упал на спину, обливаясь кровью и почти ничего не видя.

С трудом приподнявшись, Хума увидел, что от подставки, на которой держалось Копье, ничего не осталось. Такхизис лишила его Копья!

Он наклонился вперед:

— Гвинес!

Драконесса дышала неровно, из ее пасти капала кровь.

— Она... Я...

Крылья серебристой драконессы беспомощно повисли. Она стала падать вниз, на горный склон. Перед тем как они ударились о камни, Хума успел крикнуть: «Гвинес!»

Его выбросило из седла, и все для него исчезло во мраке.

Придя в сознание, Хума обнаружил, что весь мир стал красным. Кровь! Кровь и боль. Глаза болели нестерпимо.

Ветер продолжал завывать. Все тело пронизывала сильнейшая боль. Раненая нога онемела — он ее совсем не чувствовал. С большим трудом Хуме удалось сесть. Попытавшись встать, он упал и ударился лицом о камни. Сознание снова помутилось. Тогда он решил ползти. Медленно, дюйм за дюймом, он пополз по склону. Гвинес нигде не было видно. Кажется, не было нигде и Такхизис. Вдруг вверху, на небольшом выступе, он заметил чью-то руку. Человеческую руку.

Рыцарь пополз к лежащему на выступе телу:

— Гвинес!

Она вновь приняла человеческий облик. Одна рука была вывернута. Лицо — белое, почти такого же цвета, как и волосы. Она хрипло и неровно дышала. Время от времени Гвинес судорожно дергалась, и с ее растрескавшихся и окровавленных губ срывался слабый стон. Все тело — в глубоких кровоточащих порезах и синяках. Удивительно, что она еще была жива.

Рот Хумы раскрылся в беззвучном крике. Он склонился над Гвинес, не обращая внимание на свои ободранные, мокрые от крови руки и на боль, сотрясающую все его тело. Хума увидел: здоровой рукой Гвинес сжимает Копье Дракона — держится за него так, словно держится за жизнь. Она спасла Копье — единственное оружие борьбы с Владычицей Тьмы. То Копье, что было привязано на боку серебристой драконессы.

Он снова позвал ее.

Она прохрипела что-то и, открыв глаза, посмотрела на рыцаря:

— Хума?!

— Лежите. Кэз или кто-нибудь другой сейчас прилетит на помощь.

— Поздно! — Ее глаза наполнились слезами. — А Такхизис?! Вы не должны отпускать ее на свободу, как бы она ни умоляла вас об этом!

Рыцарь огляделся, прислушался.

За скалой кто-то метался словно в бреду.

— Она... — Гвинес закашлялась и выплюнула кровавый сгусток. — Рано или поздно она сумеет вытащить из своего тела Копье. Вы должны сделать... помешать ей избавиться от Копья. А иначе...

— Что я должен сделать?

Преодолевая боль, Хума попытался сесть.

— Возьмите его. — Гвинес показала на свое Копье. — Я... я сохранила его в целости.

Она вдруг протянула к рыцарю руку:

— Вы ранены? Дайте я помогу вам избавиться от боли.

— Забудьте обо мне. Забудьте о Такхизис. Что с вами? Почему теперь вы снова человек? Вы можете сами себя исцелить?

— Нет... я не смогу себя вылечить... Нет... Я только благодарю Паладайну, что вы живы.

— Молчите! Берегите себя!

«Нет, нет, она не должна умереть!» — мысленно закричал Хума.

«Я... Только я могу спасти ее, смертный!»

Ветер стал ледяным. Слова Такхизис впились в мозг рыцаря иглами.

«Как?» — подумал он.

«Освободи меня от моей боли, и я спасу вас обоих! Я клянусь тебе... загробным миром! Клянусь высшим богом!»

Хума посмотрел на Гвинес. Ее дыхание стало совсем слабым.

— Что, Хума?

— Она предлагает нам... вам жизнь.

— В обмен на что?

Он ответил не сразу.

— На ее освобождение.

— Хума... — Гвинес закашлялась.

Закрыла глаза. На мгновение рыцарю почудилось: она умерла. Но Гвинес, хотя и с трудом, вновь открыла глаза и взглянула на рыцаря:

— Вы не можете убить ее, это не в ваших силах. Но вы не должны освобождать ее. От нее снова будет страдать весь Кринн. Моя жизнь не... стоит этого.

Она замолчала. Слова давались ей с огромным трудом, рыцарь видел: сил у нее почти не осталось.

Чтобы защитить Гвинес от ветра, Хума прикрыл ее своим телом.

— Я не хочу, чтобы вы умирали.

— Смерть... Иного нам, смертным, не дано. — Она слабо улыбнулась.

— Вы не можете... — Хума запнулся, а затем произнес слова, которые уже давно хотел сказать: — Я люблю вас. Мне стыдно, что я не сказал этого прежде. Но верьте мне: я не станусь с вами и на том свете.

Ее лицо просияло.

— Я хочу... хочу... чтобы вы помнили меня в человеческом облике, ибо это действительно я. Я была человеком изначально. — Она глубоко вздохнула. — Я любила вас человеческой любовью.

Ее рука бессильно упала.

— Я умру человеком, зная, что вы... — Гвинес закрыла глаза от боли, ее всю затрясло. — Вы...

Гвинес затихла. Она лежала с закрытыми глазами, на ее смертельно бледном лице появилось необычное спокойствие.

— Гвинес!

«Смертный, ее еще можно спасти!»

Хума огляделся. За скалой он увидел хвост Такхизис.

Небо снова окутывала тьма. Тоннель, связывающий Такхизис с адской бездной, стал подобен жалкой тени той тьмы, что исходила из прежней зловещей дыры в земле, но все-таки еще существовал.

Сжав Копье, Хума пополз к вершине скалы. Он полз почти бессознательно. В его мозгу

мелькали только смутные образы будущего; он больше не существовал в настоящем.

Рыцарь осознал, что добрался до вершины скалы только тогда, когда увидел Такхизис.

Она лежала в воронке, что образовалась от ее падения.

Хума долго приходил в себя. Дышать было трудно, «Должно быть, ребра сломаны», — подумал он.

Все время держа Копье перед собой, рыцарь перелез через гребень скалы. Холодный ветер больше не выстуживал его душу.

«Что ты хочешь сделать?» — Слова Такхизис вновь вонзились в его мозг. Это случилось для Хумы столь неожиданно, что он чуть не выронил Копье. Сжав Копье крепче, он решил встать, опираясь на него. И это ему удалось. Он стоял, пошатываясь, с Копьем в руке и смотрел вниз, на Такхизис.

Она лежала на спине, крылья ее беспомощно повисли. Четыре головы неистово щелкали зубами и тянулись к пятой, шея которой была пронзена большим Копьем. Из Копья вылетали искры всякий раз, когда головы приближались к нему, и всякий раз они отодвигались от Копья, кривясь от боли.

— Послушайте меня, — сказал Хума.

Ее тело дернулось, и послышался душераздирающий крик боли.

— Выслушайте меня, — повторил он.

«Смертный... что ты хочешь сказать?»

Она попыталась встать, но безуспешно.

— Вы потерпели поражение, вы, Такхизис, Владычица Тьмы.

«Нет! Такое невозможно!»

— Ваши армии разгромлены. Ваши ренегаты или убиты, или разбежались. Время их власти кончилось. Больше никогда не будет на земле второго Галана Дракоса.

Такхизис молчала. Она, видимо, хотела оттянуть время, для того чтобы выдернуть из своего тела искрящееся Копье.

«Чего ты хочешь, смертный?»

— Равновесие между добром и злом должно быть восстановлено. Без добра зло не может существовать. Добро без зла тоже... Конечно, я знаю, что не могу убить вас.

«Тогда освободи меня!» — прозвучал приказ в его мозгу.

Хума вздрогнул, Копье чуть не выпало из его рук.

— Но сначала вы должны признать свое поражение.

Ветер прекратился. Небо стало необычайно ясным. Солнечные лучи ласково согревали Хуму.

Тоннель почти совсем исчез. Такхизис лежала неподвижно. Казалось, что она умерла.

Хума попытался подойти к ней поближе.

Зеленая голова Такхизис выстрелила в него струей. Хума не успел увернуться. Густой, шипящий поток ядовитого зеленого газа окутал его с ног до головы, и он выронил Копье. Оно покатилося вниз. Рыцарь упал и тоже покатился вниз по склону. От нестерпимой боли он невольно вскрикивал. Что такое боль — он знал и раньше, теперь он узнал, что такое агония. Он стонал не переставая, но не умирал.

«Ты еще жив! Разве можешь ты убить меня? Ты ведь смертный!»

Несмотря на боль, он засмеялся:

— Я принадлежу Паладайну... Я принадлежу Гвинес... И никогда не буду принадлежать вам.

Хума попытался встать. Не смог. И закашлялся — так, что его всего затрясло, ведь он наглотался ядовитого газа. Он не смог даже сесть. Голова кружилась. Он знал: время его жизни кончается.

— Они приближаются, Такхизис.

«Кто?»

— Другие рыцари с Копьями Дракона. Их больше сотни. Ваша боль возрастет стократно. Вы не сможете уйти от них. А они вас не пощадят. Вы это знаете.

«Они тоже не могут меня убить!»

— Они могут оставить вас корчиться в вечных муках от боли.

«Не могут! А равновесие между добром и злом?! Вы сами говорили об этом».

— Равновесие? Для людей это пустой звук. Они хотят жить в мире. Так они скажут вам.

Наступила долгая пауза.

Глаза Хумы закрывались сами собой. Всякий раз он открывал их уже с огромным-огромным трудом.

— Вы не успеете освободиться от Копья до их прихода. Я умру, но они возьмут вас в плен. Богиня в плену у простых смертных!..

«Что ты хочешь?»

Кажется, она уже готова была признать свое поражение. Только одна голова все еще при-

стально смотрела на Хуму. Три другие просто дергались.

— Уйдите из Кринна.

«Я...»

— Вы уйдете немедленно!

«Да, я согласна».

— Вы заберете с собой всех своих драконов. Они никогда не должны больше появляться в Кринне. Поклянитесь в этом!

Она колебалась. И наконец — «Я клянусь».

— Поклянитесь самым для вас святым.

Оба увидели, что в небе появился бронзовый дракон, слышали голос всадника — этот голос Хуме был хорошо знаком.

Кэз!

— Хума-а-а!

Голос минотавра дрожал от усталости, и дракон, видимо, был измотан. Но еще минута — и они приземлятся.

— У вас почти не остается времени, Такхизис.

«Я клянусь, что я... уйду... — она корчилась от боли, в какое-то мгновение Хуме показалось: сейчас она рухнет на него, — ...уйду из Кринна вместе со всеми драконами. Я клянусь загробным царством, именем высшего бога».

Бронзовый дракон опустился на вершину. Кэз, даже не взглянув на Такхизис, подбежал к Хуме:

— Вы победили! Вы одолели ее! — Взглянув на рыцаря, Кэз вдруг запнулся. — Хума! Я... Я буду помнить о вашей победе всю жизнь, как я помню своих предков.

Хума взглянул ему прямо в глаза:

— Кэз, вы должны вынуть Копье из ее тела. Прошу вас...

— Что? — Кэз стоял и смотрел на рыцаря словно на безумца. — Освободить ее? Чтобы она снова уничтожала и разрушала все вокруг?! Чтобы мы все погибли?!

Рыцарь покачал головой:

— Нет. Она поклялась. Я могу... обещать вам, что она... — глаза его закрывались, — ...она уйдет из Кринна.

— Нет. Я не стану вытаскивать Копье!

— Кэз, — Хума поморщился от боли, — я обещал ей. Это вопрос чести. Ведь вы знаете, что такое честь?! Есть старинное выражение: «Est Sularis Oth Mithas», оно значит «Моя честь — моя жизнь».

Минотавр молча, в отчаянии переводил взгляд с Хумы на Такхизис.

— Скорее. Копье. Моя честь. Когда придут рыцари — будет поздно, они не позволят вам это сделать.

Кэз с большой неохотой подошел к Владычице Тьмы.

— Моя честь — моя жизнь, — прошептал он чуть слышно.

Он смотрел на Копье. Головы Такхизис отодвинулись от минотавра подальше и глядели в сторону. Только вероломная Зеленая не сводила с него глаз.

Копье глубоко впилось в шею Голубой головы. С отвращением Кэз взобрался на Такхизис, Владычицу Тьмы. Зеленая голова внимательно следила за каждым его движением. Минотавр с раздражением фыркал. Зеленая голова, казалось,

была готова сожрать его. Но вскоре она отвернулась от Кэза и уставилась на Копье, которое причиняло богине столько боли.

— О, боги! — прошептал Кэз, но вспомнил о долге чести.

Он ухватился за Копье и с силой дернул на себя. Но Копье неожиданно легко, словно само, вышло из тела Такхизис. Кэз потерял равновесие и, сжимая руками Копье, кубарем скатился с шеи чудовища.

Ужасный, леденящий душу хохот разнесся над землей. Кэз повернулся к Такхизис. Владычица Тьмы стояла над ним, во всем своем дьявольском величии. Закрывая все небо, она уже расправила крылья. Пять голов смотрели в небеса и хохотали. Боль? Ее словно не было и в помине.

Затем пять голов посмотрели вниз — на умирающего рыцаря и негодующего минотавра. На каждой драконьей морде сияла злоедающая улыбка.

Неожиданно в небе вспыхнули языки столь яркого пламени, что Кэз был вынужден закрыть глаза.

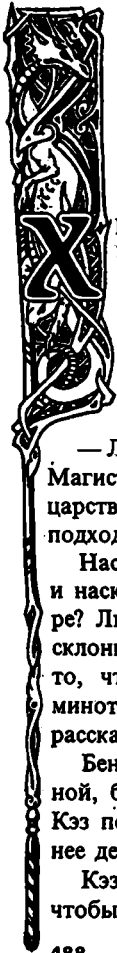
Когда он открыл их, небо было безоблачным, солнце, давно забытое солнце сверкало победно и величественно.

Хума больше не чувствовал холода, но он не чувствовал уже и тепла. Он чувствовал только, что засыпает.

Солнце ярко светило ему в глаза. Рыцарь взял медальон, подаренный Эйвандейлом. Изображенный на нем лик Паладайны в лучах солнца ослепительно засверкал!

Рыцарь смежил глаза. Рука его разжалась, медальон выпал. Ну что же. Когда солнце пойдёт на закат и не будет светить так ярко, он взглянет на медальон снова.

Хума подумал о Гвинес и о том, что теперь им предстоит сделать... теперь, когда война уже закончилась...

Глава 32

рам! Они строят для вас целый храм! А ведь все, чего вы хотели, — это чтобы на вашей могиле было только простое надгробие.

Кэз отвернулся от величественного надгробного памятника.

Государь Освал был, конечно, согласен с минотавром, но...

— Людям нужен герой, — говорил Великий Магистр, словно убеждал самого себя. — Рыцарству нужен образец для подражания. Хума подходит для этого как никто другой.

Насколько долго сохранится память о Хуме и насколько правдивы будут рассказы о рыцаре? Люди, гномы, кендеры и эльфы — все они склонны либо забывать, либо приукрашивать то, что случилось в действительности. Даже минотавр любил иной раз приукрасить свои рассказы.

Беннет уверял, что раны, нанесенные войной, будут излечены лет через пять-шесть. Но Кэз полагал, что для этого потребуется не менее десяти.

Кэз мчался во весь опор. Ему хотелось, чтобы столица рыцарей как можно быстрее

исчезла из вида. Впереди его ждали новые приключения. Он хотел побывать у эльфов Квали-нести. Попытаться выведать их тайны.

День был яркий и теплый — от такой погоды все давно отвыкли.

Вокруг лежали поля... еще совсем недавно это были поля сражений.

С собой в дорогу Кэз захватил несколько бурдюков с водой. Путь ему предстоял весьма неблизкий.

Сильный боевой конь, которого ему подарил государь Освал, летел как стрела. Вдоль дороги валялись ржавые доспехи и брошенное оружие.

Походная сумка то и дело ударяла Кэза в бок, и это скоро стало раздражать минотавра. Он решил перевесить ее.

Внутри сумки что-то звякнуло. Кэз остановил коня и сунул руку в сумку. Сначала он вынул латунную пластинку с эмблемой рыцарства, на обратной стороне пластинки было высечено его имя и стояла метка, удостоверяющая, что минотавр находится под защитой рыцарей Соламнии. Кэз поначалу не хотел брать эту пластинку, но Великий Магистр убедил его обязательно взять, ибо о добрых делах минотавра знают далеко не все. В легендах о Хуме, которые уже ходили в народе, о Кэзе почти никогда не упоминалось. Многие рыцари не желали смириться с тем, что близким другом легендарного героя был минотавр... Кэз аккуратно положил пластинку на прежнее место и вынул из сумки медальон Паладайна. Этот медальон выпал из рук умершего Хумы. Минотавр тогда же, чтобы не

потерять, сунул его к себе в сумку и вот — забыл о нем. Медальон ярко засверкал на солнце.

Кэз посмотрел в небо.

Теперь все стало по-иному — и на земле, и в небе.

Драконы тьмы покинули Кринн.

Стремительный, прилетев в соламнийскую столицу с Кэзом и мертвым Хумой, вскоре вернулся к сородичам, и минотавр его больше никогда не видел.

Человекобык пришпорил коня. Медальон он крепко сжимал в руке. Он решил сперва сохранить его как память о Хуме. Но имеет ли он право взять медальон себе?

И тут Кэз увидел на обочине дороги одинокое дерево. Деревья вокруг были выворочены с корнем. Только это дерево осталось живым, на нём было уже несколько молодых зеленых веток. Кэз подъехал к дереву и повесил медальон на ветку — так, чтобы его было хорошо видно с дороги.

— Моя честь — моя жизнь, — прошептал минотавр и, пришпорив коня, во весь опор снова помчался вперед.

Он замедлил бег коня только тогда, когда дерево с висящим на нем медальоном скрылось из вида.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	82
Глава 7	97
Глава 8	117
Глава 9	131
Глава 10	146
Глава 11	160
Глава 12	175
Глава 13	190
Глава 14	206
Глава 15	220
Глава 16	234
Глава 17	248
Глава 18	264
Глава 19	278
Глава 20	296
Глава 21	310
Глава 22	326
Глава 23	340
Глава 24	354

Глава 25	369
Глава 26	386
Глава 27	401
Глава 28	421
Глава 29	435
Глава 30	448
Глава 31	466
Глава 32	488

DragonLance

Уважаемые дамы и господа!

Санкт-Петербургская Гильдия Ролевых Игр "Остров" проводит при содействии издательства "Азбука" и при поддержке Партии Зеленых в первой половине августа 1996 г. театрализованную ролевую игру по мотивам сериала "Dragon Lance" – "Мир Кринна III". Игра будет проводиться в живописном месте Карельского перешейка.

Приглашаются все желающие!

Лучших игроков ждут призы – книги издательства "Азбука".

Свяжитесь с организаторами заблаговременно!

Звоните в Петербург:

понедельник, четверг с 20.00 до 22.00, 259-51-60 (Антон Эрикович)
или пишите по электронной почте: FIDO mc1 2:5030/419 (Yang Elves).

DRAGONLANCE ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн
КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ

На истерзанные войной земли Кринна
пришел долгожданный мир.

Уставшие от странствий и
кровопролитных битв, Герои Копья
смогли наконец-то вздохнуть
спокойно и заняться каждый своим
любимым делом.

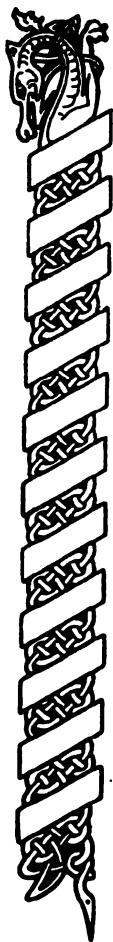
Но вот однажды в небе над Ансалоном
пронеслась тень Синего Дракона...

Любитель отчаянных авантур,
проныра Тассельхоф столкнулся
с отрядом диковинного вида
гоблинов... Волна отвратительных
убийств прокатилась по городам и
селениям...

Теперь на защиту Кринна поднимаются
дети Героев Копья. Они унаследовали от
родителей извечные качества истинных
воителей: благородство души
и нестигаемую волю.

Попутный ветер вновь наполнил паруса
боевых кораблей, заскользили в умелых
руках мореходов канаты. Впереди —
невероятные приключения, тяжкие
испытания и удивительные тайны.
Новое поколение Героев крепко держит
рукояти мечей и древки разноцветных
стягов, отважные искатели
приключений знают, что УДАЧА —
НАГРАДА ДЛЯ СМЕЛЫХ.

Читайте книгу о Втором Поколении
воителей Кринна
КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ.

ВРАТА МИРОВ ОТКРЫТЫ ДЛЯ ВАС!

В 1996 году в издательстве „Азбука„ вышли в свет следующие книги о Героях Копья:

- „Трилогия Легенд„
Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн
1. ЧАС БЛИЗНЕЦОВ
 2. БИТВА БЛИЗНЕЦОВ
 3. ИСПЫТАНИЕ БЛИЗНЕЦОВ

- „Трилогия Героев„
4. Ричард Кнэйк. ХОЗЯИН КОПЬЯ

- Готовятся к выходу:
5. Нэнси Верайн. МЕЧ БУРИ
 6. Майкл Уильямс. КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн
ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ

7. Том первый
 8. Том второй
- Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн
9. КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ

Второе Поколение
Девять книг, девять
замечательных историй о подвигах
бесстрашных Героев, девять
заветных врат в сказочный край
по имени Кринн, девять дорог,
пройти по которым
ДОЛЖЕН КАЖДЫЙ!

*Литературно-художественное
издание*

Р. Кнэйк
ХОЗЯИН КОПЬЯ
ТРИЛОГИЯ ГЕРОЕВ
Том 1

Перевод с английского

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Татьяна Виноградова
Татьяна Андрианова

Верстка
Александр Балабанов

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 12.06.96.

Формат издания 84×108¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура Таймс. Тираж 40 000 экз. Усл. печ. л. 26,04.

Изд. № 75. Заказ № 359.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Всесокрушающим смерчем
прогнелась над Кринном
великая Война за Копье.
Сотни могучих витязей пали в кровавых сечах,
защищая зеленые равнины и цветущие сады
от нашествия Армии Тьмы.
Об этих беспримерных подвигах потомки
сложат легенды, будут петь песни
возле походных костров.
И чаще других имен станут вспоминать
о бесстрашном Хуме.
Воин, властитель, чародей...
Он был первым воителем Кринна,
бросившим вызов неумолимой Владычице...
Он первым постиг сокровенные
тайны Драконов.
Эта книга расскажет всем любителям
знаменитой Саги, кто же он такой,
легендарный

ХОЗЯИН КОПЬЯ

TM

